ВЕСТНИК АРХИВИСТА

VESTNIK ARHIVISTA / HERALD OF AN ARCHIVIST

ISSN 2073-0101

2019

№ 4

ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ
OCTOBER–DECEMBER

Основан в 1991 г.
Founded in 1991

В ближайших номерах

Таможенная книга Великого Новгорода 1677–1778 гг. как исторический источник

К истории взаимоотношений Джунгарского и Калмыцкого ханств в первой четверти XVIII в.

Новые сведения к истории XV Российской духовной миссии в Пекине. Из переписки главы миссии архимандрита Палладия и посланника Российской империи в Китае Е. К. Бюцова

К истории внеплановых расходов Главного управления по делам вероисповеданий Российского правительства адмирала А. В. Колчака на содержание религиозных организаций

Обзор фотодокументов из собрания Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД) о боевых действиях в 1939 г. на реке Халхин-Гол

Coming soon

Revenue Book of Veliky Novgorod (1677–1778) as a Historical Source

Revisiting the History of Relations of the Dzungar Khanate and the Kalmyk Khanate in the First Quarter of the 18th Century

New Data on the History of the XV Russian Orthodox Mission in Beijing: From the Correspondence of the Head the Mission Archimandrite Palladius and Embassador of the Russian Empire in China E. K. Bützow

On the History of Unforseen Expenses of the Main Directorate for Religious Confessions of the All-Russian Government of General Kolchak on Maintenance of Religious Organizations

Review of Photo Documents from the Collection of the Russian State Documentary Film and Photo Archive (RGAKFD) on Battle of Khalkhin Gol in 1939

Вестник архивиста.ru: www.vestarchive.ru
Вестник архивиста.com: www.herald-of-an-archivist.com
Вестник архивиста.TV: www.vestarchive.tv

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ» (РОИА)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И. А. Анфертьев, кандидат исторических наук, доцент, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Н. Артизов, доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства, г. Москва, Российская Федерация

В. Ю. Афиани, кандидат исторических наук, руководитель учебно-научного центра «Археография» Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

А. Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

З. П. Иноземцева, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора, г. Москва, Российская Федерация

М. С. Исакова, доктор исторических наук, доцент Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Ш. Кечкемети, доктор филологии, профессор Школы хартий (Сорбонна), г. Париж, Франция

В. П. Козлов, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), г. Москва, Российская Федерация

В. В. Коровин, доктор исторических наук, профессор Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Российская Федерация

Г. Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, декан факультета документоведения и технотронных архивов Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

М. В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой автоматизированных систем документационного обеспечения управления Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Л. Н. Мазур, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

С. В. Мироненко, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, научный руководитель Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), г. Москва, Российская Федерация

Е. И. Пивовар, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, президент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Ю. С. Пивоваров, академик Российской академии наук, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ), г. Москва, Российская Федерация

Е. А. Тюрина, кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива экономики (РГАЭ), г. Москва, Российская Федерация

Т. И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация

А. О. Чубарьян, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

FOUNDER AND PUBLISHER

ALL-RUSSIAN PUBLIC ORGANIZATION
"THE RUSSIAN SOCIETY OF HISTORIANS AND ARCHIVISTS" (ROIA)

EDITOR-IN-CHIEF

I. A. Anfertiev, PhD in History, associate professor, professor of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

A. N. Artizov, PhD in History, director of the Russian State Archival Agency, Moscow, Russian Federation

V. Yu. Afiani, PhD in History, head of the research and training center "Archeography" of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. B. Bezborodov, PhD in History, professor, rector of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Z. P. Inozemtseva, PhD in History, deputy editor-in-chief, Moscow, Russian Federation

M. S. Isakova, PhD in History, associate professor at the Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Ch. Kecskeméti, PhD in Philology, professor at the École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V. P. Kozlov, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, professor, leading researcher of the All-Russian Archival Science and Records Management Research Institute (VNIIDAD), Moscow, Russian Federation

V. V. Korovin, PhD in History, professor at the South-West State University, Kursk, Russian Federation

G. N. Lanskoy, PhD in History, associate professor, professor, dean of the Faculty of Document Science and Electronic Archives of the History and Archives Institute of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

M. V. Larin, PhD in History, professor, head of the department of automated systems of document support of management of the History and Archives Institute of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L. N. Mazur, PhD in History, associate professor, head of the department at the Ural Federal University, named after the first President of Russian B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

S. V. Mironenko, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, scientific director of the State Archive of the Russian Federation (GARF), Moscow, Russian Federation

E. I. Pivovar, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, professor, president of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu. S. Pivovarov, member of the Russian Academy of Sciences, PhD in Political Sciences, professor at the Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russian Federation

E. A. Tyurina, PhD in History, director of the Russian State Archive of Economy (RGAE), Moscow, Russian Federation

T. I. Khorkhordina, PhD in History, professor, head of the department of history and structure of archives administration of the History and Archives Institute of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. A. Chernobaev, PhD in History, professor at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

A. O. Chubaryan, member of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, professor, scientific director of the World History Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

Рафикова, Г. Э., Пазина, Н. Б., Галимова, Р. У. «Казанский» архив дипломата В. Н. Чичерина (1829–1882): история, характеристика, состав фонда // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 971–984. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-971-984 971

Раскин, Д. И. Из истории централизации архивов Министерства внутренних дел Российской империи. 1865–1918 гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 985–994. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-985-994 985

Ходяков, М. В. Попытки рабочей колонизации восточных окраин империи в начале XX в. По документам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 995–1006. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-995-1006 995

Цыбикова, Б-Х. Б., Жамсуева, Д. С. Этапы формирования фольклорной коллекции Общего архивного фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1007–1019. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1007-1019 1007

Богданов, С. В., Остапюк, В. Г., Асеев, А. А., Маслов, В. А. Курск в период немецкой оккупации: начало утверждения германского «нового порядка». На материалах агентурных донесений 4-го отдела УНКВД по Курской области // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1020–1029. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1020-1029 1020

Дорохов, В. Ж., Синиченко, В. В. Подготовка органов внутренних дел СССР к действиям в условиях «военного времени» в 1967 г.: источниковедческий аспект // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1030–1045. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1030-1045 1030

Зотова, А. В., Полторак, С. Н. Фотографии как специфический архивный источник в изучении биографии писателя Д. А. Гранина // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1046–1058. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1046-1058 1046

Исторические исследования

Ипполитов, С. С. Маргинализация как гуманитарная проблема Русского зарубежья. 1920–1930-е гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1059–1073. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1059-1073 1059

Демидова, Е. И., Захаров, А. В., Ефимова, Е. А. Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1920-е гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1074–1088. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1074-1088 1074

Суверов, Е. В. Режим содержания, трудовая деятельность, бытовые условия спецпереселенцев в Омской области. 1930–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1089–1101. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1089-1101 1089

Ковалев, В. И. Особенности вербовки и угона жителей Старооскольского района в период германской оккупации // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1102–1114. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1102-1114 1102

Гордин, А. А., Гордина, Е. Д. Переход к производству товаров широкого потребления на предприятиях Горьковской области во второй половине 1945 – 1946 гг.// Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1115–1127. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1115-1127 1115

Научная публикация архивных документов

Софьин, Д. М., Софьина, М. В. Мир детства и юности великих князей Сергея и Павла Александровичей. Ливадия – Петербург. Дневник великого князя Павла Александровича. 1870–1873 гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1128–1149. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1128-1149 1128

Стрекалов, И. Н. «Спасти его жизнь, помня его прошлую деятельность». Письмо петербургским рабочим о поддержке председателя Петербургского совета 1905 г. Г. С. Хрусталёва-Носаря // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1150–1160. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1150-1160 1150

Люди. События. Факты

Поправко, Е. А. Взаимоотношения органов советской власти Петрограда в период ее становления. По архивным документам и материалам биографии А. В. Хрулёва // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1161–1172. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1161-1172 1161

Иллерицкая, Н. В., Логунов, А. П. В. Е. Иллерицкий: когда исторической науке посвящена жизнь (1912–1980) // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1173–1185. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1173-1185 1173

Музейные и архивные коллекции

Сенасингхе, Ранджана Девамитра. Образ Цейлона в деловых и научных кругах Российской империи на рубеже XIX – начала XX в. По материалам донесений российских вице-консулов // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1186–1194. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1186-1194 1186

Оседах, А. Г. Источники по истории научной школы профессора А. А. Чернова // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1195–1204. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1195-1204 1195

Генеалогия: отечественный и зарубежный опыт

Ларионова, М. Б. «Я имею намерение пересоставить и дополнить все до сих пор изданные родословные книги...»: из письма В. В. Руммеля к В. В. Голубцову // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1205–1216. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1205-1216 1205

Обзоры архивных фондов и коллекций

Маркова, М. А. Оспопрививание в России в первой четверти XIX в. По документам Санкт-Петербургской и Московской губерний // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1217–1227. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1217-1227 1217

Воробьев, Е. П. Советский скульптор-монументалист Е. В. Вучетич: обзор источников // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1228–1238. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1228-1238 1228

Критика и библиография

Иноземцева, З. П. Издана монография о святых XX в. и их роли в истории России // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1239–1245. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1239-1245 1239

Карнишина, Н. Г., Карнишин, В. Ю. Вожди революции 1917 г. в восприятии современников и архетипах массового сознания: к изданию монографии М. В. Брянцева // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1246–1256. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1246-1256 1246

Косован, Е. А., Ханова, И. Е. Издан сборник архивных документов «Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.», посвященный истории сталинских высылок // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1257–1264. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1257-1264 1257

Мазур, Л. Н. Информация & управление в современном обществе: от теории к практике // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1265–1279. doi 10.28995/2073-0101-2019-3-1265-1279 1265

Contents

Archive Science, Source Studies, Document Science and Archaeography Issues

RAFIKOVA, G. E., PAZINA, N. B., GALIMOVA, R. U. *"Kazanskii" arkhiv diplomata V. N.Chicherina (1829–1882): istoriya, kharakteristika, sostav fonda* [The Kazan Archive of Diplomat V.N. Chicherin (1829–1882): History, Characteristics, Composition of the Fond. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 971–984. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-971-984 971

RASKIN, D. I. *Iz istorii tsentralizatsii arkhivov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi imperii. 1865–1918 gg.* [Revisiting the History of Centralization of the Archives of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire: 1865–1918. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 985–994. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-985-994 985

KHODJAKOV, M. V. *Popytki rabochei kolonizatsii vostochnykh okrain imperii v nachale XX v. Po dokumentam Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka* [Attempted Worker Colonization of the Eastern Outskirts of the Empire in the Early 20th Century: Documents from the Russian State Historical Archive of the Far East. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 995–1006. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-995-1006 995

TSYBIKOVA, B-Kh. B., ZHAMSUEVA, D. S. *Etapy formirovaniya fol'klornoi kollektsii Obshchego arkhivnogo fonda Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN* [Stages of Formation of the Folklore Collection in the General Archive of the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1007–1019. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1007-1019 1007

BOGDANOV, S. V., OSTAPYUK, V. G., ASEEV, A. A., MASLOV, V. A. *Kursk v period nemetskoi okkupatsii: nachalo utverzhdeniya germanskogo "novogo poryadka". Na materialakh agenturnykh donesenii 4-go otdela UNKVD po Kurskoi oblasti* [Kursk during the Nazi Occupation: Early Days of the German "New Order": Materials of the Intelligence Reports of the 4th Department of the NKVD Directorate for the Kursk Region. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1020–1029. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1020-1029 1020

DOROKHOV, V. Zh., SINICHENKO, V. V. *Podgotovka organov vnutrennikh del SSSR k deistviyam v usloviyakh "voennogo vremeni" v 1967 g.: istochnikovedcheskii aspekt* [Preparation of the Internal Affairs Agencies of the USSR to Action under Wartime Conditions in 1967: A Source Study Aspect. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1030–1045. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1030-1045 1030

ZOTOVA, A. V., POLTORAK, S. N. *Fotografii kak spetsificheskii arkhivnyi istochnik v izuchenii biografii pisatelya D. A. Granina* [Photography as a Peculiar Archival Source for Studying the Biography of the Writer D. A. Granin. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1046–1058. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1046-1058 1046

Historical Research

IPPOLITOV, S. S. *Marginalizatsiya kak gumanitarnaya problema Russkogo zarubezh'ya. 1920–1930-e gg.* [Marginalization as Humanitarian Problem of the Russian Abroad: The 1920s–1930s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1059–1073. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1059-1073 1059

DEMIDOVA, E. I., ZAKHAROV, A. V., EFIMOVA, E. A. *Formirovanie "sovetskogo chelovecheskogo kapitala" v vysshei shkole v 1920-e gg.* [The Formation of the "Soviet Human Capital" in Higher Education in the 1920s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1074–1088. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1074-1088 1074

SUVEROV, E. V. *Rezhim soderzhaniya, trudovaya deyatel'nost', bytovye usloviya spetspereselentsev v Omskoi oblasti. 1930–1945 gg.* [Regime of Detention and Labor and Living Conditions of Special Settlers in the Omsk Region in 1930–1945. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1089–1101. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1089-1101 1089

KOVALEV, V. I. *Osobennosti verbovki i ugona zhitelei Starooskol'skogo raiona v period germanskoi okkupatsii* [Patterns of Recruitment and Deportation of the Stary Oskol District Inhabitants during German Occupation. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1102–1114. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1102-1114 1102

GORDIN, A. A., GORDINA, E. D. *Perekhod k proizvodstvu tovarov shirokogo potrebleniya na predpriyatiyakh Gor'kovskoi oblasti vo vtoroi polovine 1945–1946 gg.* [Transition to Production of Consumer Goods at the Enterprises of the Gorky Region in the Second Half of 1945–1946. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1115–1127. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1115-1127 1115

Scientific Publication of Archival Documents

SOFJIN, D. M., SOFJINA, M. V. *Mir detstva i yunosti velikikh knyazei Sergeya i Pavla Aleksandrovichei. Livadiya – Peterburg. Dnevnik velikogo knyazya Pavla Aleksandrovicha. 1870–1873 gg.* [Childhood and Youth of the Grand Dukes Sergey Alexandrovich and Paul Alexandrovich of Russia, Livadiya – Petersburg: Diary of the Grand Duke Paul Alexandrovich, 1870–1873. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1128–1149. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1128-1149 1128

STREKALOV, I. N. *"Spasti ego zhizn', pomnya ego proshluyu deyatel'nost'". Pis'mo peterburgskim rabochim o podderzhke predsedatelya Peterburgskogo soveta 1905 g. G. S. Khrustaleva-Nosarya* ["Bearing in Mind His Past Activities, Save His Life": Letter to St. Petersburg Workers in Support of G. S. Khrustalev-Nosar, Ex-Head of the Petersburg Soviet: 1905. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1150–1160. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1150-1160 1150

People. Events. Facts

POPRAVKO, E. A. *Vzaimootnosheniya organov sovetskoi vlasti Petrograda v period ee stanovleniya. Po arkhivnym dokumentam i materialam biografii A. V. Khruleva* [Relations between Soviet Agencies in Petrograd in the Period of Their Formation: Based on Archival Documents and Biography of A. V. Khrulev. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1161–1172. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1161-1172 1161

ILLERITSKAYA, N. V., LOGUNOV, A. P. V. E. Illeritskii: kogda istoricheskoi nauke posvyashchena zhizn' (1912–1980) [V. E. Illeritsky: Living for Historical Science (1912–1980). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1173–1185. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1173-1185 1173

Museum and Archival Collections

SENASINGKHE, Ranjana Devamitra. *Obraz Tseilona v delovykh i nauchnykh krugakh Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX – nachala XX v. Po materialam donesenii rossiiskikh vitse-konsulov* [The Image of Ceylon at the Turn of the 20th Century: Reports of the Russian Vice-Consuls. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1186–1194. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1186-1194 1186

OSEDAKH, A. G. *Istochniki po istorii nauchnoi shkoly professora A. A. Chernova* [Sources on the History of Scientific School of Professor A. A. Chernov. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1195–1204. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1195-1204 1195

Genealogy: National and Foreign Practices

LARIONOVA, M. B. *"Ya imeyu namerenie peresostavit' i dopolnit' vse do sikh por izdannye rodoslovnye knigi...": iz pis'ma V. V. Rummelya k V. V. Golubtsovu* ["I Intend to Rewrite and Supplement All Published Genealogical Books...": A Letter of V. V. Rummel to V. V. Golubtsov. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1205–1216. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1205-1216 1205

Archival Fonds and Collections Synopsis

MARKOVA, M. A. *Ospoprivivanie v Rossii v pervoi chetverti XIX v. Po dokumentam Sankt-Peterburgskoi i Moskovskoi gubernii* [The Vaccination against Smallpox in Russia in the First Quarter of the 19th Century: Documents from the St. Petersburg and Moscow Gubernias. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1217–1227. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1217-1227 1217

VOROBIEV, E. P. *Sovetskii skul'ptor-monumentalist E. V. Vuchetich: obzor istochnikov* [Soviet Monumentalist Ye. V. Vuchetich: The Sources Review. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2019, no. 4, pp. 1228–1238. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1228-1238 1228

Criticizm and Bibliography

INOZEMTSEVA, Z. P. *Izdana monografiya o svyatykh XX v. i ikh roli v istorii Rossii* [A Monograph on the 20th Century Saints and Their Role in Russian History Has Been Published. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1239–1245. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1239-1245 1239

KARNISHINA, N. G., KARNISHIN, V. Yu. *Vozhdi revolyutsii 1917 g. v vospriyatii sovremennikov i arkhetipakh massovogo soznaniya: k izdaniyu monografii M. V. Bryantseva* [Leaders of the 1917 Revolution in the Perception of Contemporaries and Archetypes of Mass Consciousness: Concerning the Publication of M. V. Bryantsev's Monograph. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1246–1256. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1246-1256 1246

KOSOVAN, E. A., KHANOVA, I. E. *Izdan sbornik arkhivnykh dokumentov "Iz istorii deportatsii. Kazakhstan. 1939–1945 gg.", posvyashchennyi istorii stalinskikh vysylok* [Recently Published Anthology of Archival Documents: "From the History of Deportations: Kazakhstan: 1939–1945" on the History of Stalin's Ethnic Deportations. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1257–1264. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1257-1264 1257

MAZUR, L. N. *Informatsiya & upravlenie v sovremennom obshchestve: ot teorii k praktike* [Information & Management in Modern Society: From Theory to Practice. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1265–1279. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1265-1279 1265

УДК 94(470)«18»
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-971-984

Г. Э. Рафикова
Академия наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация

Н. Б. Пазина, Р. У. Галимова
Казанский федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация

«Казанский» архив дипломата В. Н. Чичерина (1829–1882): история, характеристика, состав фонда

Gulnara E. Rafikova
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Nadezhda B. Pazina, Roza U. Galimova
Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

The Kazan Archive of Diplomat V.N. Chicherin (1829-1882): History, Characteristics, Composition of the Fond

Аннотация
Введение в оборот таких исторических источников по истории Российской империи, как дипломатическая переписка, является актуальной проблемой научных исследований внешнеполитической

истории, в частности истории дипломатии. С одной стороны, тема внешней политики дореволюционной России изучена достаточно хорошо, с другой – выявляемые вновь документы позволяют пересмотреть уже сложившиеся постулаты и выдвинуть новые гипотезы тех или иных международных событий. Обнаруженный в научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета личный архив дипломата Василия Николаевича Чичерина вобрал в себя все возможные сложности обработки и описания подобного рода документов. В связи с этим перед авторами встала задача составить опись фонда для введения обнаруженных исторических документов в научное поле. Основная работа была связана с трудностями составления заголовков документов (60% из которых на французском языке), исходящими из определения их содержания, авторов и датировки. Для осуществления поставленной задачи был применен в первую очередь метод атрибуции (установление авторства, условий создания в общеисторическом контексте и во взаимосвязи с известными биографиями), а также описательный, историко-сравнительный и иные исторические методы. В результате проведенной работы фонд получил наименование «Архив Василия Николаевича и Жоржины Егоровны Чичериных», был описан 331 документ с 1958 по 1882 г., 118 из которых относятся к периоду дипломатической работы В. Н. Чичерина в Италии (1856–1862 гг.) и во Франции (1862–1867 гг.). Часть фонда представляет личную переписку Ж. Мейендорф и документы личного характера. Сложно переоценить значимость подобного исследования. Благодаря проделанной авторами публикации работе, кроме того, что в научный оборот вводится новый комплекс документов, связанных с личностью В. Н. Чичерина, исследователям становятся доступны новые документы по истории внешней политики России второй половины XIX в. Источники личного происхождения позволят определить личное отношение сотрудников дипломатических миссий и посольств к проводимой имперской политике, а также уточнить некоторые исторические факты и события, их датировку и последовательность.

Abstract

Introduction into scientific use of historical sources on the history of the foreign policy of the Russian Empire, such as diplomatic correspondence, is a significant problem of studying Russian foreign policy and history of diplomacy in particular. On the one hand, the foreign policy of pre-revolutionary Russia has been studied well enough, on the other hand, the newly revealed documents allow to revise the established notions

and to put forward new hypotheses. The personal provenance archive of the diplomat Vasily Nikolaevich Chicherin, which has been discovered in the Lobachevsky Scientific Library of the Kazan Federal University, offers various difficulties of processing and describing. Thus, the authors have been faced with a task of compiling an inventory of the fond in order to introduce the discovered historical documents into scientific use. The difficulties have arose, when defining their content, authorship, and date, while compiling headings of documents (60% are in French). To accomplish the task, attribution method (establishment of authorship, conditions of creation in the general historical context and in conjunction with known biographies), as well as descriptive, historical and comparative, and other historical methods have been used. The fond has been named "The Archive of Vasily Nikolayevich and Zhorzhina Egorovna Chicherins." 331 documents have been described dating 1958 to 1882; 118 of these are from the period of V.N. Chicherin's stay in Italy (1856–1862) and France (1862–1867). The fond includes personal correspondence of J. Meyendorff and personal documents. The authors' efforts are to introduce into scientific use a new document complex pertaining to V. N. Chicherin, as well as new documents on the history of Russian foreign policy in the second half of the 19th century. Personal provenance sources allow to determine personal attitude the diplomatic missions and embassies employees to imperial thepolicy they pursued, as well as to clarify some historical facts and events, their dating and consistency.

Ключевые слова
Исторические источники, история российской дипломатии XIX в., дипломатическая переписка, Василий Николаевич Чичерин, биография, личный архив.

Keywords
Historical sources, history of Russian diplomacy of the 19th century, diplomatic correspondence, Vasily Nikolaevich Chicherin, biography, personal provenance archive.

В последние три десятилетия периода «новой» России архивы стали достаточно популярны не только среди ученых, но и исследователей разных профилей: от журналистов до простых обывателей, заинтересовавшихся дореволюционным прошлым. За этот период в научный оборот были введены огромные пласты документов. Однако архивы России столь богаты, что до сих пор выявляются новые источники,

даже, казалось бы, по довольно хорошо изученным темам. Таким стал фонд, а именно личный архив, дипломата Василия Николаевича Чичерина (1829–1882), отца первого советского дипломата Георгия Васильевича (1872–1936), выявленный в отделе рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета.

Многоплановость личности наркома иностранных Г. В. Чичерина и сейчас привлекает к себе внимание. Из семьи Чичериных наиболее известен Борис Николаевич (1828–1904), философ, общественный деятель, родной брат Василия Николаевича. Необычность личности Г. В. Чичерина определяется в первую очередь его семейным окружением и кругом общения. Но об отце наркома известно немногое, упоминания о нем сводятся только к его характеристике как дипломата, при этом его деятельность на профессиональном поприще остается неизученной. В связи с этим тема актуальна для дальнейших исследований.

В большей части опубликованных работ о семье Чичериных отсутствует сколько бы то ни было полная биография В. Н. Чичерина. В той или иной степени он упоминается в некоторых изданиях, посвященных Чичерину-младшему. Наиболее интересными в биографическом плане являются работы В. А. Попова, И. М. Горохова, Л. М. Замятиной, И. Н. Земскова, Н. Бассехеса[1]. Документы семьи Чичериных, в том числе и Василия Николаевича, отложились и в некоторых архивных фондах, в частности в фондах отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации[2].

В. Н. Чичерин родился в 1829 г. в Тамбове, окончил в 1849 г. юридический факультет Московского университета. С 1850 г. трудился в Главном архиве Министерства иностранных дел, затем – в качестве секретаря русского посольства в Бразилии, был сотрудником дипломатических миссий в Германии, Италии, во Франции. В 1859 г. женился на внучке посла Э. Г. Штакельберга Георгине (Жоржине) Мейендорф (1836–1897). В 1869 г. вышел в отставку в связи со скандалом, связанным со сменой вероисповедания на лютеранское, настроившим против

него высших чиновников из аппарата Министерства иностранных дел. Оставшуюся жизнь провел в имениях с. Покровского и с. Караул Тамбовской губернии, занимаясь общественной и благотворительной деятельностью.

Наиболее слабо изученной является именно та часть его биографии, которая касается дипломатической службы. Кроме упоминаний о том, что он служил в дипломатических миссиях Бразилии (1850–1853 гг.), Германии (1855 г.), Италии (1856–1862 гг.) и Франции (1862–1867 гг.), другой информации нет. А ведь годы его службы в Турине, например, приходятся на одни из самых значимых в истории Апеннинского полуострова событий: революционное движение 1850-х гг. и создание в 1861 г. Итальянского королевства.

Обнаруженный в отделе рукописей библиотеки личный архив В. Н. Чичерина около ста лет хранения не был аннотирован и числился как «Переписка на французском и русском языках разных лиц за 1857–1873, 1875–1882 гг.». Ныне единица хранения 4250 благодаря нашей совместной работе аннотирована как «Архив Василия Николаевича и Жоржины Егоровны Чичериных».

Относительно того, как архив оказался в фондах библиотеки Казанского университета, точных сведений не сохранилось. Нами было рассмотрено несколько гипотез. Выделим лишь две из них. Первая была связана с семьей Боратынских, имевших усадьбу в Казани и владевших поместьем в Тамбовской губернии. Боратынские состояли с Чичериными в родстве и являлись их соседями по тамбовскому имению. Но наиболее достоверным является предположение, связанное с дочерью В. Н. Чичерина – Софьей Васильевной (1867–1918), которая была замужем за преподавателем Казанского университета Н. А. Бобровниковым (1854–1921). Однако история последних лет преподавания Бобровникова в Казанском университете не дает основания предполагать, что архив попал в библиотеку через него. Скорее всего он оказался в бумагах Н. М. Петровского (1875–1921), зятя Н. А. Бобровникова, также преподавателя университета. Дело в том, что Н. М. Петровский скончался скоропостижно, простудившись зимой 1921 г. Вероятнее всего, архив В. Н. Чичерина

находился среди его бумаг в кабинете университета, так как, по воспоминаниям дочери, он все время проводил на работе, имея весьма скромные бытовые условия[3]. Логично предположить, что именно со стола Петровского архив перекочевал в библиотеку, а вследствие отсутствия аннотации и невозможности уточнить сведения у кого бы то ни было он хранился под заголовком «Переписка на французском и русском языках разных лиц».

Письма рассортированы по годам и на некоторых из них имеются пометы (как правило, карандашом на первом листе) относительно их содержания. Возможно, сортировка явилась результатом библиотечной инвентаризации, а пометы принадлежат, судя по почерку, самому В. Н. Чичерину. Большая сложность в работе с архивом была связана с тем, что в подавляющем большинстве корреспонденция написана на французском языке (60%), при этом большая часть «французских» писем приходится на период дипломатической работы В. Н. Чичерина (из 118 писем лишь 14 на русском языке). Необходимо также учесть, что это середина XIX в., а корреспонденты имеют индивидуальные особенности почерка. Но наибольшую трудность в работе составило установление адресатов и авторов документов, большая часть из которых подписана инициалами либо имеет неразборчивую подпись.

Работа облегчалась в том случае, если автор использовал гербовую бумагу или же имелся адрес автора документа. Это позволило вычислить некоторых адресатов, особенно сотрудников дипломатических миссий, путем сопоставления адреса или родового герба на писчей бумаге и известной биографии этих лиц. Кропотливая работа позволила описать большинство документов, но некоторые авторы все же остались под вопросом.

Всего архив содержит 331 документ. Подавляющее большинство – это личная переписка супругов В. Н. Чичерина и Ж. Е. Мейендорф-Чичериной, причем писем, адресованных Ж. Е. Чичериной, хоть и значительное количество, но почти все они принадлежат руке княгини М. А. Голицыной (1837–1903, урожденная графиня фон дер Борх) – 89 писем с 1857 по 1879 г. и три, значащихся как недатированные, в числе которых есть письмо 1882 г.

Письма, адресованные В. Н. Чичерину, условно можно разделить на две части: период дипломатической деятельности В. Н. Чичерина (до 1869 г.) и тамбовский период после отставки. Общий охват по времени – с 1858 по 1882 г., то есть до конца жизни. Часть писем до 1869 г. и некоторые письма последующего периода в полной мере можно отнести к частной дипломатической переписке, среди адресатов которой: Э. Г. Штакельберг (8 ед., 1860–1866 гг.), П. А. Сабуров (3 ед., 1862–1863 гг.), А. Ф. Гамбургер (4 ед., 1863–1867 гг.), А. Г. Жомини (3 ед., 1863–1864 гг.), «Н.П.» (Н. П. Николаи?) (3 ед., 1859 г.), «Н.В.» (Н. Васильчиков?) (5 ед., 1859–1863 гг., и одно недатированное), Г. Н. Окунев (9 ед., 1868–1869 гг.), также имеются отдельные письма Е. К. Мейендорфа (1859 г.), Н. А. Орлова (1863 г.), (Г. И.?) Гагарина (1860 г.), Н. Д. Киселёва (1865 г.), Р. Р. Остен-Сакена (1867 г.) и других.

Ко второму, «тамбовскому» периоду относятся письма от родственников и близких знакомых, связанные с жизнью в имении (в том числе счета, квитанции) и общественной деятельностью, среди адресатов: Э. Д. Нарышкин (10 ед., 1878–1881 гг., и одно недатированное), М. А. Капнист (2 ед., 1878 г.), Б. Н. Чичерин (15 ед., 1878–1882 гг.), Вл. Н. Чичерин (28 ед., 1878–1882 гг.), А. А. Щербатов (3 ед., 1880 г.), Э. Ф. Раден (8 ед., 1880 г.) и др. Среди прочих документов, не имеющих отношение к переписке В. Н. Чичерина, следует отметить биографию Э. Г. Штакельберга (2 л.), составленную графиней А. Гуттен-Чапской (сестрой Ж. Е. Мейендорф-Чичериной)[4], автограф стихотворения Э. Г. Штакельберга, посвященного 16-летию сестры Элеоноры (1843 г.), а также список статьи Б. Н. Чичерина «О деле Засулич» (1878 г.).

Благодаря идентификации архива В. Н. Чичерина удалось описать и выявленные в личном архиве историка М. Д. Бушмакина (ед. хр. 8068) письма М. А. Голицыной в количестве 21 ед. (1852–1856 гг.). Без сомнения, это часть личной переписки Ж. Е. Чичериной-Мейендорф, причем именно та ее часть, которая относилась к периоду до брака с В. Н. Чичериным, точнее до замужества обеих: письма на почтовой бумаге с вензелем «МБ» (Мария Борх) адресованы «à Mademoiselle La

Baronne Georgine de Meyendorff». Выяснить, каким образом письма оказались в архиве М. Д. Бушмакина, не удалось, но известно, что супруга историка Ж. Н. Папп была француженкой и преподавала французский язык[5].

Архив В. Н. Чичерина, без сомнения, является интересным и многоплановым источником, который будет интересен широкому кругу исследователей. Введение документов в научный оборот – задача сложная и трудоемкая. Документы требуют расшифровки и перевода, а извлечение информации, скажем, дипломатического характера, – еще и грамотной интерпретации документов и событий, в них изложенных. В этом ключе хотелось бы остановиться на одном из писем, адресованных В. Н. Чичерину. Оно привлекло внимание благодаря упоминавшимся в нем событиям и фамилиям. Речь идет о письме 1860 г., перевод которого с французского языка мы приводим ниже[6]. Автора письма, подписавшегося «Гагарин», установить не удалось. О. В. Серова в монографии, описывая события 1860-х гг., обозначает Г. И. Гагарина первым секретарем русской миссии в Турине[7]. Однако иных сведений о нем, в том числе биографического характера, равно как и полного имени, найти не удалось.

№ 1

Турин, 7/9 июля [18]60 г.

Мой дорогой Чичерин.

Посланники Неаполя здесь, они знакомятся с людьми и делами. Первый визит у Кавура представлял просто обычную беседу в очень вежливой форме. На следующий день г-н Манна отправился один, чтобы подробно обсудить стратегическую базу предстоящих соглашений. И посланник Неаполя мне передаст содержание переговоров, когда они достигнут определенной степени понимания того, что обеим сторонам предстоит сделать. Он посетил [дипломатическую] миссию и рассчитывает на поддержку России, слава Богу, через меня [посредством г-на Кнорринга, с которым я работаю, содействуя продвижению дел][8]. Г-н Манна понимает и сказал мне, прежде всего хочет, чтобы Кавур оставался у власти: «Только

он может организовать соглашение между двумя странами, которые имеют 36.000 веских причин, чтобы бросить вызов друг другу».

Ратаззи и его компания делают все возможное, чтобы дискредитировать Кавура, чтобы сделать его непопулярным, г-н Манна уже понял, что только он способен решить текущие вопросы. Пресса не за Неаполь, там опасаются, что при подписании договора Кавур не падёт и не будет заменен Красными, например, Ратаззи (он на хорошем счету у главы государства), который будет способствовать нападению на Неаполь и Папскую область, а затем выступят австрийцы, и потерпит крах весь этот мир, если только Франция не придет снова на помощь.

Поэтому неаполитанцы очень добрые и сговорчивые, их интересует то же, что и меня, и они хорошо понимают Пьемонт, разделяя с ним трудности. Об этом я говорил в своем первом письме князю. Талейран много работает над успешным проведением переговоров. Пожалуй, нам придется также воздействовать на Председателя Совета, во избежание любого провала! Даже если обратятся с просьбой неаполитанцы.

В самом деле, до вашего отъезда все стремились к неаполитанскому союзу, в настоящее время общее мнение отравлено из-за легкого успеха Гарибальди, деморализации неаполитанских войск, безопасность не смущает ни Англию и ни тех, кто ел савойский пирог[9], мечта объединить Италию стала нереальной, но будет довольно глупым и безрассудным свергнуть единственного человека в государстве, способного устранить сложившиеся трудности.

Многие в Ницце не очень довольны сменой режима. Я не знаю, чему обязан [шум] вокруг галльского прозелитизма в Генуе. Но, говорят, на Сицилии есть несколько сотен французов, офицеров, сержантов, главным образом, для артиллерии. В Марселе, как и в Генуе, повсюду начинают уезжать. Как бороться в таких условиях, когда в Неаполе бунтуют, а в Генуе уезжают! Я прибыл сюда под покровительством очень грустного предзнаменования! Без каких-либо инструкций из Петербурга, ни от графа, сильно смущенного, – я считал, что не должен противоречить себе, чтобы дать время

Министерству по достоинству оценить смелые взгляды графа Штакельберга (письмо отправлено под № 22), к тому же официальные визиты и текущие дела занимали все мое время. На первых порах мой коллега не особо был рад видеть меня и редко вводил меня в курс происходящих событий в стране, но быстро изменился по отношению ко мне, и мы сейчас прекрасно ладим друг с другом.

Он хорошо знает страну и людей, но моя точка зрения менее клерикальная, чем его, и я ничего не испытываю [ни к реакционерам, ни к аббатам][10]. Мы знаем, чем они занимаются, когда они у власти! И так как [слава Богу наша Матушка Россия не находится под влиянием римского духовенства – нам и здесь нечего с ними возиться][11]. Они могут встряхнуть порядок нынешних уже скомпрометированных вещей, но у них нет ни сил, ни способности воссоздать что-либо. Лишь от воспоминаний и вздохов о прошлом они оживают, без какой-либо теории в стране, побежденной всеми самыми передовыми идеями – настолько, что чувство справедливости и правды больше не встречается ни на юге, ни на севере итальянского полуострова.

[Прибытие Кнорринга может иметь хороший эффект на ускорение договора с Неаполем, показывая, насколько Россия хочет соглашения между двумя итальянскими государствами. Лишь бы его пребывание в Вене не повлияло на него, лишь бы он не стал черно-желтым, поскольку он также является очень ревностным римским католиком! По этой причине он может пойти по ложному пути, утратив чувство осторожности][12].

Мы рискуем перепутать карты, форсируя игру, – и потом домой! И сможет ли нас это вывести из игры. Отсутствие министра доказывает, что мы не можем одобрить некоторые дела, которые здесь происходят, и мы не можем им помешать.

Местные жители невыносимо нудные, ни шага при них не сделаешь и ничего от этих чурбанов не получить. Говорят, в делах понятливее женщины, [но никто [этого] не видел][13]. В семьях и учреждениях все замкнуты, нет никакой дипломатичности. У них нет ничего итальянского, в этом их сила, и удача на их стороне, пока они не покидают границы, владение которыми еще не подтверждено дипломатической санк-

цией. Армия понесла большой урон с момента ее увеличения, Пьемонт, вероятно, в тосканском сокрушительном поражении погибнет[14]. Проводятся учения, постоянно меняются гарнизоны, они занимают опустошенные места, оставленные отступлением савояров. Их артиллерия сейчас сильна с 80 батареями, третья часть которых пушки с нарезными стволами, партия лошадей и обоз мулов, артиллерия и кавалерия достигают 33.820.

Жара раздражает, часто приходится работать весь день и весь вечер, чтобы быть в курсе дел, и делать покупки, необходимые по службе, и при всех трудностях жизни в Тюрине 2000 руб. в год незначительны на такое тяжелое и изнурительное пребывание (приходится вести счет каждому су). [М.Д.?] Жеребцова смерть графини [Штакельберг] потрясла. Когда у него плохое настроение, он начинает хандрить, как только сплин его отпускает, он снова становится славным малым, но более сдержанным, он себе на уме.

Княжна Голицына еще не появлялась, но каждый день я узнаю о новых долгах!

Поздравьте себя, что вас сейчас здесь нет! Я еще никогда так не мечтал о моих дорогих Афинах, и уже не верю, что когда-нибудь вернусь туда. Мое почтение мадам и слова благодарности за ее открытку. Сердечно жму вашу руку, Гагарин.

Примечания

[1] *Бассехес, Н.* Исчезнувшие советские дипломаты // Русские записки. Ежемесячный журнал. – 1939. – Июль. – С. 121–138. BASSEKHES, N. *Ischeznuvshie sovetskie diplomaty* [The vanished Soviet diplomats. In Russ.]. IN: *Russkie zapiski. Ezhemesyachnyi zhurnal*, July 1939, pp. 121–138; *Горохов, И. М., Замятин, Л. М., Земсков, И. Н.* Г. В. Чичерин – дипломат ленинской школы. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 224. GOROKHOV, I. M., ZAMYATIN, L. M., ZEMSKOV, I. N. *G. V. Chicherin – diplomat leninskoi shkoly* [Chicherin: Diplomat of the Lenin school. In Russ.]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury publ., 1974, p. 224; *Попов, В. А.* Василий и Георгина Чичерины // Тамбовский альманах. – 2009. – № 8. – С. 224–253. POPOV, V. A. *Vasilii i Georgina Chicheriny* [Vasily and Georgina Chicherin. In Russ.]. IN: *Tambovskio al'manakh*, 2009, no. 8, pp. 224–253; *Попов, В. А.* Чичерин Василий Николаевич // Тамбовская энциклопедия. – Тамбов: Юлис,

2004. – 707 с. POPOV, V. A. *Chicherin Vasilii Nikolaevich* [Chicherin Vasily Nikolaevich. In Russ.]. IN: *Tambovskaya entsiklopediya* [Tambov encyclopedia]. Tambov, "YUlis" publ., 2004, 707 p.

[2] Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 334. Чичерины. *Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Research Division of Manuscripts of the Russian State Library] (NIOR RGB), fond 334: Chicherin; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159. Чичерин Георгий Васильевич. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI), fond 159: Chicherin Georgy Vasilyevich; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1154. Чичерины. Капнисты. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 1154: Chicherins. Kapnists.

[3] Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ). Ед. хр. 10007. Л. 292. *Otdel rukopisei i redkikh knig Nauchnoi biblioteki im. N. I. Lobachevskogo Kazanskogo federalnogo universiteta* [Department of Manuscripts and Rare Books of the Lobachevsky Scientific Library of the Kazan Federal University] (ORRK NBL KFU), item 10007, p. 292.

[4] Там же. Ед. хр. 4250, недатированные письма. Л. 19–20. Ibid., item 4250, undated letters, pp. 19–20.

[5] *Тыринов, В. В.* М. Д. Бушмакин – педагог и ученый // Проблемы всеобщей истории. – 2005. – № 5. – С. 160, 167. TYRINOV, V. V. *M. D. Bushmakin – pedagog i uchenyi* [M.D. Bushmakin: Teacher and scholar. In Russ.]. IN: *Problemy vseobshchei istorii,* 2005, no. 5, pp. 160, 167.

[6] ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4250, 1860 г. Л. 7–10. ORRK NBL KFU, item 4250, 1860, pp. 7–10. Перевод с французского языка Р. У. Галимовой.

[7] *Серова, О. В.* Горчаков, Кавур и объединение Италии. – М.: Наука, 1997. – С. 235. SEROVA, O. V. *Gorchakov, Kavur i ob"edinenie Italii* [Gorchakov, Cavour and Italian unification. In Russ.]. Moscow, Nauka, 1997, p. 235.

[8] Зачеркнуто.

[9] Участвовал при дележе.

[10] Фраза на итальянском языке.

[11] Фраза на русском языке.

[12] Абзац перечеркнут несколькими диагональными линиями.

[13] Фраза на итальянском языке.

[14] Дословно: «пьемонтцы рискуют утонуть в плохом тосканском вине и прочее».

Список литературы

Бассехес, Н. Исчезнувшие советские дипломаты // Русские записки. Ежемесячный журнал. – 1939. – Июль. – С. 121–138.

Горохов, И. М., Замятин, Л. М., Земсков, И. Н. Г. В. Чичерин – дипломат ленинской школы. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 224.

Попов, В. А. Василий и Георгина Чичерины // Тамбовский альманах. – 2009. – № 8. – С. 224–253.

Попов, В. А. Чичерин Василий Николаевич // Тамбовская энциклопедия. – Тамбов: Юлис, 2004. – 707 с.

Серова, О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. – М.: Наука, 1997. – 350 с.

Тыринов, В. В. М. Д. Бушмакин – педагог и ученый // Проблемы всеобщей истории. – 2005. – № 5. – С. 133–172.

References

BASSEKHES, N. *Ischeznuvshie sovetskie diplomaty* [The vanished Soviet diplomats. In Russ.]. IN: *Russkie zapiski. Ezhemesyachnyi zhurnal*, July 1939, pp. 121–138.

GOROKHOV, I. M., ZAMYATIN, L. M., ZEMSKOV, I. N. *G. V. Chicherin – diplomat leninskoi shkoly* [Chicherin: Diplomat of the Lenin school. In Russ.]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury publ., 1974, 224 p.

POPOV, V. A. *Vasilii i Georgina Chicheriny* [Vasily and Georgina Chicherin. In Russ.]. IN: *Tambovskio al'manakh*, 2009, no. 8, pp. 224–253.

POPOV, V. A. *Chicherin Vasilii Nikolaevich* [Chicherin Vasily Nikolaevich. In Russ.]. IN: *Tambovskaya entsiklopediya* [Tambov encyclopedia]. Tambov, "YUlis" publ., 2004, 707 p.

SEROVA, O. V. *Gorchakov, Kavur i ob"edinenie Italii* [Gorchakov, Cavour and Italian unification. In Russ.]. Moscow, Nauka, 1997, 350 p.

TYRINOV, V. V. *M. D. Bushmakin – pedagog i uchenyi* [M. D. Bushmakin: Teacher and scholar. In Russ.]. IN: *Problemy vseobshchei istorii,* 2005, no. 5, pp. 133–172.

Сведения об авторах

Рафикова Гульнара Эрнстовна, кандидат исторических наук, Академия наук Республики Татарстан, Институт татарской энциклопедии и регионоведения, ведущий научный сотрудник, г. Казань, Российская Федерация, 8-843-264-26-89, grafikova@mail.ru

Пазина Надежда Борисовна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, научная библиотека им. Н. И. Лобачевского, отдел рукописей и редких книг, главный библиотекарь, г. Казань, Российская Федерация, 8-843-233- 77-38, nadezhda.pazina@kpfu.ru

Галимова Роза Усмановна, кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, высшая школа иностранных языков и перевода, кафедра европейских языков и культур, доцент, г. Казань, Российская Федерация, 8-843-221-34-24, rgalimova80@mail.ru

About authors

Rafikova Gulnara Ernstovna, PhD in History, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Advanced Research Fellow, Kazan, Russian Federation, +7-843-264-26-89, grafikova@mail.ru

Pazina Nadezhda Borisovna, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan University, Lobachevsky Scientific Library, Department of Manuscripts and Rare Books, chief librarian, Kazan, Russian Federation, +7-843-233-77-38, nadezhda.pazina@kpfu.ru

Galimova Roza Usmanovna, PhD in Philology, assistant professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan University, Institute of International Relations, Division of Translation Studies and World Cultural Heritage, assistant professor, Kazan, Russian Federation, +7-843-221-34-24, rgalimova80@mail.ru

В редакцию статья поступила 20.02.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Рафикова, Г. Э., Пазина, Н. Б., Галимова, Р. У. «Казанский» архив дипломата В. Н. Чичерина (1829–1882): история, характеристика, состав фонда // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 971–984. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-971-984

Submitted 20.02.2019, published (for citation):

RAFIKOVA, G. E., PAZINA, N. B., GALIMOVA, R. U. *"Kazanskii" arkhiv diplomata V. N.Chicherina (1829–1882): istoriya, kharakteristika, sostav fonda* [The Kazan Archive of Diplomat V. N. Chicherin (1829–1882): History, Characteristics, Composition of the Fond. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 971–984. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-971-984

УДК 930.25+94(470)
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-985-994

Д. И. Раскин
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Из истории централизации архивов Министерства внутренних дел Российской империи. 1865–1918 гг.

David I. Raskin
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

Revisiting the History of Centralization of the Archives of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire: 1865–1918

Аннотация
В статье рассматривается история Общего архива Министерства внутренних дел (МВД) Российской империи. Его история до сих пор недостаточно изучена. Архив был создан в 1865 г. в результате объединения отдельных архивов центральных учреждений МВД. Эта попытка централизации архивов МВД не была последовательной. Сохранялись текущие архивы Департамента духовных дел иностранных исповеданий и Земского отдела, хотя их материалы за «старые годы» и поступали в Общий архив МВД. Отдельно существовал архив Департамента полиции. В начале XIX в. директор этого департамента предлагал передать свой архив в Общий архив МВД, но эта передача не состоялась по причине отсутствия помещения. Главным препятствием для успешной централизации архивов МВД был недостаток финансирования и помещений. Постройка специального здания для архива не улучшила дела. В XX в. штат архива состоял всего из трех человек. Общий архив МВД осуществлял прием дел на хранение, их экспертизу, описание, выдавал справки. Но никакой научной или публикационной работы архив вести не мог. Архив так и не получил статуса самостоятельного учреждения в составе МВД. Такое положение сохранялось до 1917 г.

Но, несмотря на все трудности, Общий архив МВД успешно осуществлял работу по хранению архивных документов, а также справочную работу в интересах ведомства внутренних дел. Принятый в архиве порядок приема, систематизации и хранения дел соответствовал принципу происхождения и способствовал закреплению этого принципа в российских архивах в дальнейшем. Благодаря труду сотрудников архива документы Министерства внутренних дел Российской империи были сохранены и в 1918 г. вошли в состав Единого государственного архивного фонда РСФСР.

Abstract
The article reviews the history of the General Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. Its history remains little-studied. The archive was created in 1865 as a result of consolidation of the archives of the Ministry of Internal Affairs central agencies. It was created as a part of the General Affairs Department. The attempt to centralize the archives of the Ministry of Internal Affairs was inconsistent. The current archives of the Department for Spiritual Affairs of Foreign Confessions and the Zemstvo Department were preserved, although their "old years" materials were transferred to the General Archive of the Ministry of Internal Affairs. The archive of the Police Department also remained separate. In the early 19th century, the director of this department offered to transfer its archives to the General Archive of the Ministry of Internal Affairs, but it was called off due to lack of space. The main obstacle to successful centralization of the archives of the Ministry of Internal Affairs was insufficient funding and space. Construction of a building to house the archives did not help. In the early 20th century the staff of the archive consisted of three people. The General Archive of the Ministry of Internal Affairs deposited files for storage, provided their expertise and description, as well as reference files. There was no research or publication. The archive did not gain status of an independent institution within the Ministry of Internal Affairs. This situation persisted until 1917. But despite all the difficulties, the General Archive of the Ministry of Internal Affairs successfully carried out its work on the storage of archival documents, as well as reference work in the interests of the Ministry of Internal Affairs. The procedure adopted for receiving, organizing, and storing files in the archive complied with the principle of provenance and promoted later adoption of this principle in the Russian archives. The efforts of archival staff preserved documents of the Ministry of the Interior of the Russian Empire until in 1918 they were included of the Unified State Archival Fond of the RSFSR.

Ключевые слова
Общий архив МВД, Министерство внутренних дел Российской империи, Департамент общих дел, архивы Департамента духовных дел иностранных исповеданий, Земского отдела, Департамента полиции, централизация архивов.

Keywords
General Archive of the Ministry of Internal Affairs, Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, General Affairs Department, archive of the Department for Spiritual Affairs of Foreign Confessions, archive of the Zemstvo Department, archive of the Police Department, centralization of archives.

История централизации ведомственных архивов дореволюционной России привлекала внимание историков[1]. Попытка централизации архивов МВД считается незавершенной и в целом мало успешной[2]. Но конкретная история Общего (Центрального) архива МВД до сих пор почти не изучена.

7 января 1865 г. П. А. Валуев в записке о сокращении расходов на центральный аппарат МВД указывал, что существование при каждом департаменте особых архивов «не только не соответствует... сокращению по возможности издержек казны, но даже и не достигает самой цели учреждения сих особых архивов – скорейшего доставления требуемых из них в департаменты дел», и предлагал создать Центральный архив МВД, состоящий из начальника архива, двух старших и двух младших помощников[3].

В результате к предметам ведения Департамента общих дел было отнесено заведование архивной частью всего министерства[4]. Так, «чрез соединение в одно управление отдельных архивов центральных частей» министерства в этом департаменте был (на правах отделения) учрежден Центральный архив МВД[5]. В него были переданы архивы всех структурных подразделений МВД (кроме не входивших тогда в его состав[6]), предоставивших архиву часть штатных средств[7].

Главной причиной отдельного существования архивов Департамента полиции, Департамента духовных дел иностранных исповеданий и Земского отдела (хотя старые дела двух последних передавались в объединенный архив МВД[8])

был недостаток помещений, а не сепаратистские устремления. В 1906 г. директор Департамента полиции М. И. Трусевич возбуждал вопрос о присоединении архива департамента к Общему архиву МВД, но оно не состоялось ввиду отсутствия помещений. Общий архив играл по отношению к другим архивам МВД роль исторического архива.

Наименование «Центральный архив» надолго не закрепилось. С конца XIX в. в делопроизводстве[9], а с 1903 г. и в «адрес-календарях» стало применяться название «Общий архив МВД».

Во главе архива стояли старые чиновники МВД, далекие и от архивного дела, и от исторической науки. Это были П. И. Андреев (1865–1868), С. Е. Леонтьев (1868–1880), О. И. Курнанд (1881–1902), П. А. Смирнов (1902–1917).

Часть архива находилась в здании МВД, дела за старые годы – в доме МВД на Аптекарском острове. В архиве имелись алфавиты за 1820–1865 гг. – главный поисковый инструмент дореволюционных ведомственных архивов. Все дела хранились отдельно по департаментам, отделениям, столам и годам, с особыми номерами по каждому столу, соответствующими номерам в описи[10].

Составление отсутствующих описей и алфавитов надолго стало основной задачей архива.

Архив выполнял запросы государственных учреждений, а также общественных организаций и ученых учреждений[11], выдавал справки частным лицам (до нескольких десятков в год).

С 1867 г. стали выдаваться разрешения отдельным лицам на пользование материалами архива[12]. За 1903–1913 гг. в архиве вели изыскания 85 человек[13]. Допускались и зарубежные исследователи; выполнялись также их запросы[14].

В 1908 г. архив занимался выявлением документов, связанных с А. С. Пушкиным[15]. В 1911 г. было проведено выявление всех хранящихся в архивах МВД документов об А. С. Пушкине и составлен список как сохранившихся, так и утраченных материалов. Часть из них была передана в Пушкинский Дом[16].

Первоначально архив руководствовался инструкцией архива Хозяйственного департамента от 1828 г.[17] 4 февраля

1897 г. были утверждены правила сдачи дел в архив. Как и в других ведомственных архивах, все дела разделялись на три разряда: постоянного, временного хранения и подлежащие уничтожению. При сдаче дел на них прикреплялись ярлыки: 1-й разряд – красного цвета, 2-й – зеленого, 3-й – белого[18].

Утвержденные 2 апреля 1911 г. новые правила закрепляли порядок хранения и учета дел по структурным частям. В новых правилах указывалось, что дела в Общий архив МВД «поступают из центральных учреждений» министерства, т. е. самостоятельное существование других архивов в МВД не мыслилось постоянным[19].

В 1901 г. архив был переведен в новое здание, построенное на Песочной ул., д. 3 по проекту архитектора Р. Р. Марфельда[20]. Здание было кирпичное, магазинного типа[21], спроектировано без учета перспектив будущего комплектования, к тому же министр внутренних дел И. Л. Горемыкин сократил его размеры[22].

Поэтому и после переезда в новое здание часть архива осталась в помещении Департамента общих дел[23].

В 1914 г. начальник архива П. А. Смирнов сообщал, что после 1903 г. в архиве осталось всего три штатных сотрудника. Если в 1865 г. архив хранил 450 тыс. дел, то к началу XX в. – более 1 млн. После уничтожения около 250 тыс. дел в архиве оставалось до 800 тыс. дел[24]. Несмотря на постоянное уничтожение части поступающих дел, 800 тыс. оставалось и к 1917 г.[25]

Поэтому начальник архива вынужден был наряду с сотрудниками нести «черный архивный труд» (поиск дел, составление алфавитов и т. п.), что лишало его «возможности заняться научными архивными работами». П. А. Смирнов указывал, что «столь значительное количество находящихся в Общем архиве министерства дел, содержащих в себе документы первостепенного исторического и государственного значения, могло бы дать достаточные основания к выделению его в особое самостоятельное учреждение, подобно тому, как это сделано в Морском ведомстве, Министерстве иностранных дел, Святейшем Синоде и др.». Он просил добавить в штат архива хотя бы одну должность архивариуса «младшего оклада»[26].

Но из-за войны вопрос так и не был разрешен до 1917 г.

Слишком малое число сотрудников дополнялось прикомандированным к архиву чиновником, двумя канцелярскими служащими и четырьмя сторожами[27]. Последние, по словам П. А. Смирнова, «подают дела с места, возвращают, нумеруют, подсчитывают», то есть выполняли часть технической работы[28].

Ежегодный бюджет архива составлял 8 280 руб.[29]

В 1917 г., отвечая на анкету Союза российских архивных деятелей, П. А. Смирнов указывал, что деятельность архива «заключается главным образом в хранении в порядке архивных дел и имеет чисто справочный характер. Каких-либо учреждений, преследующих научные цели, при архиве не существует» и что «никаких изданий не было»[30].

В соответствии с декретом от 1 июня 1918 г. Общий архив МВД вошел в состав ЕГАФ (в VI секцию).

Централизация ведомственных архивов была объективной тенденцией развития архивного дела в дореволюционной России. Но успех этой централизации зависел и от ее материального обеспечения (помещениями, штатами), и от руководящего состава архивов высших и центральных учреждений.

Там, где во главе архивов оказывались историки или профессиональные архивисты (архивы министерств Императорского двора, Земледелия, Народного просвещения, Синода, Сената, Государственного совета), успешно шли описание документов, их публикация, подготовка справочных изданий. В Общем архиве МВД, возглавлявшемся чиновниками, этого не случилось.

В течение своего существования Общий архив МВД постоянно страдал от недостатка штатной численности и помещений. Из-за этого не удалось довести централизацию архивов центральных учреждений МВД до конца. Но справочная работа, бывшая основной задачей архива, постепенно была налажена и вполне удовлетворяла руководство ведомства.

В начале XX в. удалось существенно улучшить и условия хранения документов в архиве. Но постройка нового здания архива не решила эту задачу до конца в силу изначальной недостаточности размеров здания и отсутствия резервных площадей для дальнейшего комплектования архива.

Уничтожение «ненужных» дел в Общем архиве МВД соответствовало нормам, принятым в дореволюционных архивах. Общий архив МВД смог сохранить значительную часть документального наследия центральных учреждений МВД. А принятый в нем порядок приема и хранения дел соответствовал принципу происхождения и закрепил фондовую организацию его документов в дальнейшем.

Примечания

[1] *Самошенко, В. Н.* История архивов дореволюционной России: учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1989. – 215 с. SAMOSHENKO, V. N. *Istoriya arkhivov dorevolyutsionnoi Rossii: ucheb. posobie dlya vuzov* [History of archives in pre-revolutionary Russia: A study guide. In Russ.]. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1989, 215 p.; *Китлова, Е. А.* История Общего архива Министерства императорского двора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 185 с. KITLOVA, E. A. *Istoriya Obshchego arkhiva Ministerstva imperatorskogo dvora: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [History of the General Archive of the Ministry of the Imperial Court. Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moscow, 2005, 185 p.; *Раскин, Д. И.* Архив Министерства народного просвещения (1803–1918) от придатка канцелярии к ученому учреждению // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. – 2016. – № 4 (6). – С. 17–27. RASKIN, D. I. *Arkhiv Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (1803–1918) ot pridatka kantselyarii k uchenomu uchrezhdeniyu* [Archive of the Ministry of Education (1803–1918) from appendage of the office to academic institution. In Russ.]. IN: *Vestnik RGGU. Seriya "Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost'"* [Bulletin of the RSUH. Series: Document and archival science. Informatics. Information security], 2016, no. 4 (6), pp. 17–27; *Раскин Д. [И.].* Архив Российской империи: Судьба документального наследия высших и центральных учреждений Российской империи. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015. – 665 с. RASKIN, D. [I.]. *Arkhiv Rossiiskoi imperii: Sud'ba dokumental'nogo naslediya vysshih i tsentral'nyh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii* [Archive of the Russian Empire: The Fate of the Documentary Heritage of Higher and Central Institutions of the Russian Empire. In Russ.]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing, 2015, 665 p.

[2] *Самошенко, В. Н.* Указ. соч. – С. 110–111. SAMOSHENKO V. N. 1989, pp. 110–11.

[3] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1152 (Департамент государственной экономии). Оп. 6. 1865 г. Д. 208. Л. 22–22 об., 30–30 об. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State

Historical Archive] (RGIA), fond 1152 "Departament gosudarstvennoi ekonomii" [Department of State Economy], series 6: 1865, file 208, pp. 22–22 verso, 30–30 verso.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 40. № 42232. 20.06.1865. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1867. – 972 с. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire. In Russ.]. Collection 2. Vol. 40. No. 42232. St. Petersburg, Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kantselyarii publ., 1867, 972 p.

[5] РГИА. Ф. 1284. Оп. 240. Д. 7. Л. 4. RGIA, fond 1284, series 240, file 7, p. 4.

[6] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В 4 т. Т. 2. Центральные государственные учреждения / Отв. ред. и отв. сост. Д. И. Раскин. – СПб.: Наука, 2001. – С. 19–20, 50, 63. *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917* [RASKIN, D. I. (ed.). Higher and central government institutions of Russia: 1801–1917. In Russ.]. In 4 vols. Vol. 2: *Tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya* [Central government institutions]. St. Petersburg, Nauka publ., 2001, pp. 19–20, 50, 63.

[7] Там же. Л. 4 об.–5 об. Ibid., pp. 4 verso–5 verso.

[8] РГИА. Ф. 1284. Оп. 240. Д. 75. Л. 245–245 об. RGIA, fond 1284, series 240, file 75, pp. 245–245 verso.

[9] Там же. Д. 60. Л. 67. Ibid., file 60, p. 67.

[10] Там же. Д. 1. Л. 1–10; Д. 87. Л. 108–116 об. Ibid., file 1, pp. 1–10; file 87, pp. 108–116 verso.

[11] Там же. Д. 59. Л. 46–46 об.; Д. 71. Д. 204 и др. Ibid., file 59, pp. 46–46 verso; file 204, etc.

[12] Там же. Д. 7. Л. 33. Ibid., file 7, p. 33.

[13] Там же. Д. 75. Л. 240–244 об. Ibid., file 75, pp. 240–244 verso.

[14] Там же. Д. 72. Л. 236–237. Ibid., file 72, pp. 236–237.

[15] Там же. Д. 69. Л. 69. Ibid., file 69, p. 69.

[16] Там же. Д. 72. Л. 106–110, 131–136. Ibid., file 72, pp. 106–110, 131–136.

[17] Там же. Д. 70. Л. 72. Ibid., file 70, p. 72.

[18] Там же. Д. 56. Л. 26–26 об. Ibid., file 56, pp. 26–26 verso.

[19] Там же. Д. 70. Л. 89 б–89 г. Ibid., file 70, pp. 89 b–89 g.

[20] Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века: Справочник / Под общ. ред. Б. М. Кирикова. – СПб.: Пилигрим, 1996. – С. 209. *Arkhitektory-stroiteli Sankt-Peterburga serediny XIX – nachala XX veka: Spravochnik* [KIRIKOV, B. M. (ed.). Architects and builders of St. Petersburg of the mid-19th – early 20th century: A guide. In Russ.]. St. Petersburg, Piligrim publ., 1996, p. 209.

[21] *Маяковский, И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1960. – С. 331. MAYAKOVSKII I. L. *Ocherki po istorii arkhivnogo dela v SSSR* [Essays on the history of archiving in the USSR. In Russ.]. 2nd ed. rev. & enlarged, Moscow, 1960, p. 331.

[22] РГИА. Ф. 1284. Оп. 240. Д. 64. Л. 75–76 об. RGIA, fond 1284, series 240, file 64, pp. 75–75 verso.

[23] Там же. Д. 78. Л. 98. Ibid., file 78, p. 98.
[24] Там же. Д. 75. Л. 240–244 об. Ibid., file 75, pp. 240–240 verso.
[25] Там же. Д. 78. Л. 98. Ibid., file 78, p. 98.
[26] Там же. Д. 75. Л. 240–244 об.; Д. 76. Л. 103–104. Ibid., file 75, pp. 240–244; file 76, pp. 103–104.
[27] Там же. Д. 74. Л. 58. Ibid., file 74, p. 58.
[28] Там же. Д. 76. Л. 307–308. Ibid., file 76, pp. 307–308.
[29] Там же. Д. 78. Л. 142. Ibid., file 78, p. 142.
[30] Там же. Л. 98–99 об. Ibid., pp. 98–99 verso.

Список литературы

Китлова, Е. А. История Общего архива Министерства императорского двора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 185 с.

Маяковский, И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1960. – 215 с.

Раскин, Д. И. Архив Министерства народного просвещения (1803–1918) от придатка канцелярии к ученому учреждению // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. – 2016. – № 4 (6). – С. 17–27.

Раскин, Д. [И.]. Архив Российской империи: Судьба документального наследия высших и центральных учреждений Российской империи. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015. – 665 с.

Самошенко, В. Н. История архивов дореволюционной России: учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1989. – 215 с.

References

KITLOVA, E. A. *Istoriya Obshchego arkhiva Ministerstva imperatorskogo dvora: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [History of the General Archive of the Ministry of the Imperial Court. Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moscow, 2005, 185 p.

MAYAKOVSKII, I. L. Ocherki po istorii arhivnogo dela v SSSR. Izd. 2-e, ispr. i dop. [Essays on the history of archiving in the USSR. 2nd ed., revis. and enlarge. In Russ.]. – Moscow, 1960. – 215 p.

RASKIN, D. I. *Arkhiv Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (1803–1918) ot pridatka kantselyarii k uchenomu uchrezhdeniyu* [Archive of the Ministry of Education (1803–1918) from appendage of the office to academic institution. In Russ.]. IN: *Vestnik RGGU. Seriya "Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost'"* [Bulletin of the RSUH. Series: Document and archival science. Informatics. Information security], 2016, no. 4 (6), pp. 17–27.

RASKIN, D. [I.]. *Arkhiv Rossiiskoi imperii: Sud'ba dokumental'nogo naslediya vysshih i tsentral'nyh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii* [Archive of the Russian Empire: The Fate of the Documentary Heritage of Higher and Central

Institutions of the Russian Empire. In Russ.]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing, 2015, 665 p.

SAMOSHENKO, V. N. *Istoriya arkhivov dorevolyutsionnoi Rossii: ucheb. posobie dlya vuzov* [History of archives in pre-revolutionary Russia: A study guide. In Russ.]. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1989, 215 p.

Сведения об авторах

Раскин Давид Иосифович, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8–911-121-36-78, d.raskin@mail.ru

About authors

Raskin David Iosifovich, PhD in History, St. Petersburg State University, professor, St. Petersburg, Russian Federation, +7–911-121-36-78, d.raskin@mail.ru

В редакцию статья поступила 13.02.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Раскин, Д. И. Из истории централизации архивов Министерства внутренних дел Российской империи. 1865–1918 гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 985–994. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-985-994

Submitted 13.02.2019, published (for citation):

RASKIN, D. I. *Iz istorii tsentralizatsii arkhivov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi imperii. 1865–1918 gg.* [Revisiting the History of Centralization of the Archives of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire: 1865–1918. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 985–994. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-985-994

УДК 94(47)+94(571.6)
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-995-1006

М. В. Ходяков
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Попытки рабочей колонизации восточных окраин империи в начале XX в. По документам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока

Mikhail V. Khodjakov
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia Federation

Attempted Worker Colonization of the Eastern Outskirts of the Empire in the Early 20th Century: Documents from the Russian State Historical Archive of the Far East

Аннотация
В статье показано, что в Российской империи наиболее активный этап освоения Дальнего Востока пришелся на начало XX столетия. Русско-японская война лишь на время приостановила процесс миграции, но с 1906 г. он развернулся с новой силой. Автор обращает внимание на то, что проблемы рабочей колонизации восточных окраин России изучены в гораздо меньшей степени, нежели земледельческая колонизация края. В этой связи большое значение для историков имеют материалы ряда фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Открывающиеся перед исследователями новые информационные возможности позволяют оценить потребности в рабочих руках для нужд колонизации края, увидеть проблему не только глазами столичных чиновников, но и дальневосточных администраторов. Российское правительство в центре и чиновники высокого ранга на местах предпринимали попытки, направленные на то, чтобы стимулировать рост количества русских рабочих на Дальнем Востоке. Им предоставлялся льготный проезд по железной дороге, создавались широкие возможности для развития разнообразных промыслов. Одновременно с этим автор показывает, что попытки

властных структур использовать для выполнения казенных заказов труд исключительно русских рабочих наталкивались на серьезные трудности. Катастрофическую нехватку русских рабочих рук на Дальнем Востоке наглядно демонстрирует череда телеграмм Приамурского генерал-губернатора, направлявшихся в Совет министров в 1911 г. В ряде случаев без привлечения иностранных рабочих (прежде всего китайцев и корейцев) экономике края было не обойтись. Тем более что их труд обходился предпринимателям гораздо дешевле труда русских рабочих. По мнению автора статьи, новые архивные материалы позволяют осветить широкий комплекс проблем, имеющих непосредственное отношение к рабочей колонизации Дальнего Востока. Одним из важнейших при этом является вопрос о выработке и принятии управленческих решений, отражающих направленность экономической политики центра в отношении окраин Российской империи.

Abstract

The article shows that the most active stage of the Far East development in the Russian Empire fell at the early 20th century. The Russo-Japanese war put migration on hold, however from 1906 on it renewed. The author points out that worker colonization of Russian eastern outskirts have been studied less deeply than agricultural colonization of the whole region. Thus, materials from the Russian State Historical Archive of the Far East are of great interest for historians. They offer new information and opportunities to estimate labour requirements for the needs of the region's colonization, while providing a different perspective: not that capital officials but that of Far East administrators. Russian government along with high-ranking local officials endeavored to increase the number of Russian workers in the Far East. They were offered preferential travel by railway, wide opportunities for various handcrafts. At the same time, as the author proves, the authorities' attempts to use solely Russian workers to work on government orders encountered difficulties. A catastrophic shortage of Russian workers in the Far East is vividly demonstrated by a series of telegrams sent by the Amur Governor General to the Council of Ministers in 1911. In some cases, it was impossible to avoid recruiting foreign workers (mostly, Chinese and Koreans), especially as their labor was cheaper. According to the author, new archival materials allow to highlight a wide range of problems related directly to the worker colonization of the Far East. One of the most important issues was that of framing and adopting management decisions to reflect the economic policy set for imperial outskirts in the center.

Ключевые слова
Переселенческая политика России начала XX в., Дальний Восток, рабочая колонизация, экономическая политика, Н. Л. Гондатти, архивные материалы.

Keywords
Russian resettlement policy of the early 20th century, Far East, worker colonization, economic policy, N. L. Gondatti, archival materials.

В процессе хозяйственного освоения Россией Дальнего Востока современные исследователи склонны выделять несколько этапов. Мнения относительно их точных хронологических границ разнятся. Очевидно лишь то, что государственный курс на заселение отдаленных регионов империи привел в начале XX в. к значительному увеличению расходов на освоение российского Дальнего Востока по сметам Министерства внутренних дел, Министерства путей сообщения, Главного управления землеустройства и земледелия[1].

Недостатка в исследованиях, освещающих специфику переселенческой политики России начала XX в., нет[2]. При этом авторы замечают, что неземледельческие колонизационные потоки фиксировались недостаточно качественно и по этой причине сегодня сложно поддаются анализу[3]. Данное наблюдение крупного специалиста в области исторической демографии В. М. Кабузана разделяют многие ученые[4], справедливо указывая на то, что ремесленники, купцы, предприниматели, рабочие-отходники, участвовавшие в неземледельческой колонизации края, не были охвачены точным учетом, несмотря на то что их численность постоянно увеличивалась.

Большое значение для анализа и осмысления проблем рабочей колонизации Дальнего Востока имеют документы, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ): Канцелярии Приамурского генерал-губернатора (Ф. 702), Заведующих переселенческим делом в Приморском (Ф. 19) и Амурском (Ф. 810) районах. Анализ данных материалов позволяет оценить потребности в рабочих руках для нужд колонизации края,

увидеть проблему не только глазами петербургских чиновников, но и дальневосточных администраторов.

Уже в начале XX в. в правительственных кругах разрабатывались предложения по ограничению «наплыва желтых в Приамурье». Предполагалось «предоставление льготного, по переселенческому билету, права проезда на Дальний Восток русским ремесленникам и мастеровым», которых на Дальнем Востоке «нет совершенно»[5]. Таким образом, деятельность правительства планировалось направить «не на разрежение плотно населенных мест в Центральной России», а на закрепощение окраин «путем насаждения там русской государственности...»[6].

С целью ускорить рабочую колонизацию Дальнего Востока 21 июня 1910 г. был Высочайше утвержден закон о введении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства «некоторых ограничений» для лиц, состоящих в иностранном подданстве[7]. Однако жизнь показала, что выполнить срочные заказы, в том числе во Владивостокской крепости, силами только русских рабочих было невозможно. Об этом свидетельствуют доклады военного губернатора Приморской области в канцелярию Приамурского генерал-губернатора и секретный доклад командования Приамурского военного округа о необходимости привлечения к работам иностранцев. Так, 10 января 1911 г. военный губернатор сообщал, что приток рабочих из Европейской России на Дальний Восток невелик, поскольку часть из них оседает на строительстве Амурской железной дороги. Его предложение сводилось к привлечению иностранных рабочих «без ограничения их числа, в размерах действительной потребности»[8].

Рабочих не хватало и для нужд военного ведомства. Не случайно, что командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант П. А. Лечицкий 21 апреля 1911 г. направил генерал-губернатору доклад «О допуске иностранных рабочих в числе 24 тысяч человек для надобностей войсковых строительных комиссий» на текущий строительный сезон[9].

Очевидно, что в полной мере контролировать процесс найма рабочих-иностранцев на Дальнем Востоке местные власти не могли. Подтверждением тому служит переписка между Приамурским генерал-губернатором Н. Л. Гондатти и военным губернатором Амурской области. 3 июля 1911 г. генерал-губернатор в своем письме просил сообщить: действительно ли на строительных работах военного ведомства «занято много китайцев, не имеющих права быть допущенными на означенные работы»[10]. В представленном ему докладе говорилось о том, что четыре Войсковые строительные комиссии во Владивостоке «несмотря на неоднократные требования и настояния» не представили исчерпывающих сведений об иностранных рабочих, ограничившись общими данными. Из них следовало, что в ходе строительного сезона 1911 г. одним только военным ведомством на Дальнем Востоке использовался труд 8 949 человек: 227 русских рабочих, 8 392 – китайских и 330 – корейских[11].

О катастрофической нехватке русских рабочих свидетельствует череда телеграмм Приамурского генерал-губернатора, направленных в Совет министров весной 1911 г. В одной из них он, ссылаясь на донесение заведующего переселенческим делом в Амурском районе, сетовал на то, что подрядчики при условии выполнения дорожных работ исключительно силами русских рабочих требуют увеличения финансирования – «добавки от 30 до 50%». В другой – сообщал, что осуществить на Камчатке прокладку телеграфной линии возможно лишь руками корейских рабочих[12]. В итоге решение о допущении корейцев к работам на Камчатке было зафиксировано Особым журналом Совета министров от 21 апреля и 5 мая 1911 г.[13]

Представление об остроте проблемы можно получить из докладов Приморского областного статистического комитета, содержащих сведения о количестве рабочих, требовавшихся для очередного строительного сезона. Так, в декабре 1911 г. в канцелярию Приамурского генерал-губернатора поступили сведения о том, что, согласно требованию Комитета по заселению Дальнего Востока, на 1912 г. «для производства казенных работ гражданских ведомств по Приморской области»

потребуется 25 844 рабочих. При этом на документе рукой генерал-губернатора были сделаны пометы: «Придется исправить», «Конечно, не верно», «Надо сообщать более точные сведения», «Что за дикие цифры» (напротив данных о том, что только Приамурскому управлению государственных имуществ потребуется в будущем году 9 782 рабочих: плотников, пильщиков, печников, каменщиков, столяров и т. д.[14]).

Материалы, отложившиеся в фонде Заведующего переселенческим делом в Приморском районе, дают понимание динамики движения рабочих по годам[15], а также того, какие меры принимались правительством «для привлечения русских рабочих на Дальний Восток». В частности, междуведомственное совещание по рабочему вопросу в ходе своих заседаний 15 и 16 декабря 1911 г. констатировало необходимость доставить для одних только казенных предприятий 113 тыс. «пришлых русских рабочих», сведя до минимума найм китайцев и корейцев. Это было значительно больше тех 52 тыс. рабочих, которые прибыли на Дальний Восток в 1911 г. при потребности в 97 тыс. человек, определенной строительными ведомствами[16].

Вместе с тем документы фонда свидетельствуют о том, что инициативу в вопросах освоения края пытались проявлять и сами рабочие. Так, 14 октября 1911 г. в адрес управляющего государственным имуществом в Приморской области было направлено прошение «Первого Дальневосточного Экономического Рабочего Союза», насчитывавшего свыше 1 тыс. членов, о выделении 15 тыс. десятин земли близ Владивостока для заселения их «русскими рабочими разных категорий и специальностей». Указывая на интересы «общегосударственного дела», авторы документа отмечали, что при решении этого вопроса военное ведомство и казенные учреждения Владивостока будут обеспечены «настоящими постоянными русскими рабочими и навсегда освободятся от тяжелой и в смысле национальной гордости унизительной зависимости желтой расы – от этого страшного кошмара на Дальнем Востоке»[17].

В 1914 г. уполномоченный Министерства земледелия в Амурской области представил Переселенческому управле-

нию проект «планомерной колонизации» Амурской области в течение последующих 15 лет. В документе говорилось о планах переселения на Дальний Восток 1 088 760 душ земледельцев и 163 300 душ городского рабочего и промышленного населения обоего пола, а также о необходимости развития золотодобычи – «этой главнейшей отрасли добывающей промышленности»[18]. Одобренный Главноуправляющим землеустройством и земледелием А. В. Кривошеиным проект колонизации ввиду начавшихся военных действий был отложен «до более благоприятного времени».

Дополнительный импульс рабочей колонизации края могло придать развитие лесного промысла в Амурской области. Однако начавшаяся Первая мировая война хоть и не прервала полностью этот процесс, но привела к серьезной корректировке намеченных планов. В 1915 г. при содействии Переселенческого управления на Дальний Восток прибыло 6 116 рабочих. Они направлялись в Приморскую область для сооружения Владивостокской крепости, в войсковые строительные комиссии и на рыбные промыслы[19]. Но уже в 1916 г. вектор миграции резко изменил свое направление. Мобилизации на фронт привели к нехватке рабочих рук в промышленности основных производящих районов России. В результате в центральные регионы страны направились рабочие не только с Дальнего Востока, но и с территории Китая[20].

Таким образом, материалы РГИА ДВ, доступные сегодня исследователям, позволяют осуществить анализ широкого круга вопросов, касающихся хода не только крестьянской, но и рабочей колонизации Дальнего Востока. При этом историки получают возможность обратить более пристальное внимание на процесс выработки и принятия управленческих решений, являющихся отражением целого комплекса факторов, характеризующих экономическую политику центра в отношении окраин Российской империи.

Примечания

[1] *Янченко, Д. Г., Старовойтова, Е. О.* Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 3. – С. 583–597. YANCHENKO, D. G., STAROVOITOVA, E. O. *Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi posle Russko-yaponskoi voiny: regional'nyi aspekt i peterburgskaya politika* [Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: Regional dimension and St. Petersburg policy. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii,* 2018, vol. 8, no. 3, pp. 583–597.

[2] См., например: *Лукоянов, И. В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 668 с. LUKOYANOV, I. V. *"Ne otstat' ot derzhav..." Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* ["Not to fall behind the great powers ...": Russia in the Far East at the turn of the 20th century. In Russ.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2008, 668 p.; *Ремнев, А. В., Суворова, Н. Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. – Омск: Наука, 2013. – 248 с. REMNEV, A. V., SUVOROVA N. G. *Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: Imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th century. In Russ.]. Omsk, Nauka publ., 2013, 248 p.; *Заколодная, А. С.* Основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России: Монография / Под ред. Л. И. Галлямовой. – Владивосток: Рея, 2015. – С. 99–119. ZAKOLODNAYA, A. S. *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti Pereselencheskogo Upravleniya na Dal'nem Vostoke Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1916)* [The main activities of the Resettlement Directorate in the Far East of Russia during the First World War (1914–1916). In Russ.]. IN: *Vglyadyvayas' v proshloe: Mirovye voiny XX veka v istorii Dal'nego Vostoka Rossii* [GALLYAMOVA L. I. (ed.). Looking into the past: World wars of the 20th century in the history of the Russian Far East]. Vladivostok, Reya publ., 2015, p. 99–119.

[3] *Кабузан, В. М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. – М.: ИРИ РАН, 1998. – С. 170. KABUZAN, V. M. *Emigratsiya i reemigratsiya v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [Emigration and remigration in Russia in the 18th – early 20th century. In Russ.]. Moscow, IRI RAN publ., 1998, 270 p.

[4] *Ващук, А. С., Чернолуцкая, Е. Н., Королева, В. А., Дудченко, Г. Б., Герасимова, Л. А.* Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 11. VASHCHUK, A. S., CHERNOLUTSKAYA, E. N., KOROLEVA, V. A., DUDCHENKO, G. B.,

GERASIMOVA, L.A. *Etnomigratsionnye protsessy v Primor'e v XX veke* [Ethnic migration processes in the Primorye in the 20th century. In Russ.]. Vladivostok, DVO RAN publ., 2002, 228 p.; *Галлямова, Л. И.* Социально-экономическое развитие Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – 2000. – Вып. 3. – С. 210–215. GALLYAMOVA, L. I. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Socio-economic development of the Far East (the second half of the 19th – early 20th century). In Russ.]. IN: *Istoricheskii opyt osvoeniya Dal'nego Vostoka*, 2000, issue 3, pp. 210–215.

[5] «По поводу мероприятий, направленных к ограничению наплыва желтых в Приамурье». Записка товарища министра иностранных дел Н. В. Чарыкова – П. А. Столыпину от 22 февраля 1909 г. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 6–10 об. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dalnego Vostoka* [Russian State Historical Archive of the Far East] (RGIA DV), fond 702, series 5, file 726, pp. 6–10 verso.

[6] *Ходяков, М. В.* Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 880–897. KHODJAKOV, M. V. *Zheltorossiya kontsa XIX – nachala XX veka v geopoliticheskikh planakh russkoi voennoi elity* ["Yellow Russia" of the turn of the 20th century in geopolitical plans of the Russian military elite. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii,* 2018, vol. 8, no. 4, pp. 880–897.

[7] Дальний Восток России в материалах законодательства. 1910–1911 гг. – Владивосток: РГИА ДВ, 2011. – С. 52–53. *Dal'nii Vostok Rossii v materialakh zakonodatel'stva. 1910–1911 gg.* [The Far East of Russia in the legislation materials: 1910–1911. In Russ.]. Vladivostok, RGIA DV publ., pp. 52–53.

[8] Письмо военного губернатора Приморской области в канцелярию Приамурского генерал-губернатора от 10 января 1911 г. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 74–74 об. RGIA DV, fond 702, series 5, file 726, pp. 74–74 verso.

[9] Секретный доклад Штаба Приамурского военного округа Приамурскому генерал-губернатору от 21 апреля 1911 г. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 93–94. RGIA DV, fond 702, series 5, file 726, pp. 93–94.

[10] Письмо Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти военному губернатору Амурской области от 3 июля 1911 г. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 133. RGIA DV, fond 702, series 5, file 726, p. 133.

[11] Доклад военного губернатора Амурской области Приамурскому генерал-губернатору от 13 октября 1911 г. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 135–137 об. RGIA DV, fond 702, series 5, file 726, pp. 135–137 verso.

[12] Телеграммы Н. Л. Гондатти председателю Совета министров от 20 марта и 7 апреля 1911 г. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 192, 207. RGIA DV, fond 702, series 5, file 726, pp. 192, 207.

[13] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1911 год / Отв. сост. Б. Д. Гальперина. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 171. *Osobye zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. 1911 god* [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire: 1909–1917: Year 1911. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2002, p. 171.

[14] Представление Приморского областного статистического комитета военному губернатору Приморской области от 15 декабря 1910 г. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 44–45 об. RGIA DV, fond 702, series 5, file 726, pp. 44–45 verso.

[15] РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15, 58, 67, 97, 1048. RGIA DV, fond 19, series 1, files 15, 58, 67, 97, 1048.

[16] Журнал совещания по вопросу о доставке русских рабочих на Дальний Восток от 15 и 16 декабря 1911 г. РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 46. Л. 126, 131 об.–132. RGIA DV, fond 19, series 1, file 46, pp. 126, 131 verso–132.

[17] Прошение Первого Дальневосточного Экономического Рабочего Союза управляющему государственным имуществом в Приморской области от 14 октября 1911 г. РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 46. Л. 80–80 об. RGIA DV, fond 19, series 1, file 46, pp. 80–80 verso.

[18] Записка уполномоченного министерства земледелия в Амурской области по заселению области. 1916 г. РГИА ДВ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 361. Л. 2–6 об. RGIA DV, fond 810, series 1, file 361, pp. 2–6 verso.

[19] *Заколодная, А. С.* Указ. соч. – С. 107. ZAKOLODNAYA, A. S., 2015, p. 107.

[20] *Ходяков, М. В., Чжао, Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. – 2017. – № 1 (18). – С. 7–30. KHODJAKOV, M. V., CHZHAO, Ch. *Trudovaya migratsiya kitaitsev v Rossiyu v gody Pervoi mirovoi voiny* [Chinese Labor Migration to Russia during the First World War. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii,* 2017, no. 1 (18), pp. 7–30.

Список литературы

Ващук, А. С., Чернолуцкая, Е. Н., Королева, В. А., Дудченко, Г. Б., Герасимова, Л. А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – 228 с.

Галлямова, Л. И. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Благовещенск, 2000. – Вып. 3. – С. 210–215.

Заколодная, А. С. Основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России: Монография / Под ред. Л. И. Галлямовой. – Владивосток: Рея, 2015. – С. 99–119.

Кабузан, В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 270 с.

Лукоянов, И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. – СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.

Ремнев, А. В., Суворова, Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. – Омск: Наука, 2013. – 248 с.

Ходяков, М. В. Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 880–897.

Ходяков, М. В., Чжао, Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. – 2017. – № 1 (18). – С. 7–30.

Янченко, Д. Г., Старовойтова, Е. О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 3. – С. 583–597.

References

VASHCHUK, A. S., CHERNOLUTSKAYA, E. N., KOROLEVA, V. A., DUDCHENKO, G. B., GERASIMOVA, L. A. *Etnomigratsionnye protsessy v Primor'e v XX veke* [Ethnic migration processes in the Primorye in the 20th century. In Russ.]. Vladivostok, DVO RAN publ., 2002, 228 p.

GALLYAMOVA, L. I. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Socio-economic development of the Far East (the second half of the 19th – early 20th century). In Russ.]. IN: *Istoricheskii opyt osvoeniya Dal'nego Vostoka*, 2000, issue 3, pp. 210–215.

ZAKOLODNAYA, A. S. *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti Pereselencheskogo Upravleniya na Dal'nem Vostoke Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1916)* [The main activities of the Resettlement Directorate in the Far East of Russia during the First World War (1914–1916). In Russ.]. IN: *Vglyadyvayas' v proshloe: Mirovye voiny XX veka v istorii Dal'nego Vostoka Rossii* [GALLYAMOVA, L. I. (ed.). Looking into the past: World wars of the 20th century in the history of Russian Far East]. Vladivostok, Reya publ., 2015, pp. 99–119.

KABUZAN, V. M. *Emigratsiya i reemigratsiya v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [Emigration and remigration in Russia in the 18th – early 20th century. In Russ.]. Moscow, IRI RAN publ., 1998, 270 p.

LUKOYANOV, I. V. *"Ne otstat' ot derzhav...": Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* ["Not to fall behind the great powers ...": Russia in the Far East at the turn of the 20th century. In Russ.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2008, 668 p.

REMNEV, A. V., SUVOROVA, N. G. *Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: Imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th century. In Russ.]. Omsk, Nauka publ., 2013, 248 p.

KHODYAKOV, M. V. *Zheltorossiya kontsa XIX – nachala XX veka v geopoliticheskikh planakh russkoi voennoi elity* ["Yellow Russia" of the turn of the

20th century in geopolitical plans of the Russian military elite. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii,* 2018, vol. 8, no. 4, pp. 880–897.

KHODJAKOV, M. V, CHZHAO, Ch. *Trudovaya migratsiya kitaitsev v Rossiyu v gody Pervoi mirovoi voiny* [Chinese Labor Migration to Russia during the First World War. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii,* 2017, no. 1 (18), pp. 7–30.

YANCHENKO, D. G., STAROVOITOVA, E. O. *Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi posle Russko-yaponskoi voiny: regional'nyi aspekt i peterburgskaya politika* [Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: Regional dimension and St. Petersburg policy. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii,* 2018, vol. 8, no. 3, pp. 583–597.

Сведения об авторах

Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, кафедра новейшей истории России, профессор, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 8-921-563-44-07; m.khodyakov@spbu.ru

About authors

Khodjakov Mikhail Viktorovich, PhD in History, professor, St. Petersburg State University, Institute of History, department of modern history of Russia, professor, St. Petersburg, Russia Federation, +7-921-563-44-07; m.khodyakov@spbu.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)».

Grant information

This research was supported by the Russian Science Foundation. Project no. 18-18-00142 "The center and the regions: State economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)."

В редакцию статья поступила 9.04.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Ходяков, М. В. Попытки рабочей колонизации восточных окраин империи в начале XX в. По документам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 995–1006. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-995-1006

Submitted 9.04.2019, published (for citation):

KHODJAKOV, M. V. *Popytki rabochei kolonizatsii vostochnykh okrain imperii v nachale XX v. Po dokumentam Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka* [Attempted Worker Colonization of the Eastern Outskirts of the Empire in the Early 20th Century: Documents from the Russian State Historical Archive of the Far East. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 995–1006. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-995-1006

УДК 930.253+94(470)
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1007-1019

Б-Х. Б. Цыбикова, Д. С. Жамсуева
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

Этапы формирования фольклорной коллекции Общего архивного фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Badma-Khanda B. Tsybikova, Darima S. Zhamsueva
Ulan-Ude, Russian Federation

Stages of Formation of the Folklore Collection in the General Archive of the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

Аннотация
Для определения и характеристики этапов формирования фольклорной коллекции Общего архивного фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в статье рассматриваются результаты собирательской деятельности нескольких поколений исследователей, интеллигенции, краеведов, энтузиастов, любителей устного творчества бурят. Актуальность анализа фольклорной коллекции продиктована уникальностью документов и записей по всем жанрам устного творчества, включая эпические произведения, сказки, несказочную прозу, малые жанры, произведенных в своей основной массе в советский период, когда живы были традиции исполнения местного фольклора. Формирование фольклорной коллекции ЦВРК ИМБТ СО РАН характеризуется начальным этапом – 1920–1940-х гг. XX в., когда были скомплектованы отдельные дела по персоналиям известных, выдающихся исполнителей

устных произведений и собирателей фольклора. Следующий этап, наиболее плодотворный, насыщенный и продолжительный, охватывает период с 1950-х до 1980-х гг., когда институтом организовывались планомерные, целенаправленные экспедиции по сбору фольклорного и языкового материала на территории всей этнической Бурятии и в северные аймаки Монголии с бурятским населением. Новый этап развития фонда связан с результатами экспедиционных исследований в Китае, когда собранный у бурят Внутренней Монголии КНР полевой материал пополнил состав фольклорной коллекции Центра восточных рукописей и ксилографов. Выявлено, что собранные полевые материалы нескольких поколений ученых, собирателей, сконцентрированные в одном месте, хронологически систематизированные, являясь фундаментом теоретических исследований, представляют широкое поле для будущих научных изысканий специалистов, являются репрезентативным источником для выявления конкретных форм и механизмов сохранения фольклорной традиции, этнической культуры народов Байкальского региона.

Abstract

The article analyzes results of collecting activities carried out by several generations of researchers, intellectuals, local historians, enthusiasts, fans of Buryat oral folk art in order to identify and characterize the formation periods of folklore collection in the general archive of the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan studies. Analysis of this folklore collection is of great significance as it contains unique documents and records of all genres of oral art, including epic literature, fairy tales, fiction, minor genres. They were acquired during the Soviet era, while traditional folklore was kept alive. The Centre's folklore collection was begun in the 1920–1940s, when personal files on outstanding performers of oral works and folklore collectors were formed. The next period, the most fruitful, rich, and prolonged, lasted from the 1950s to the 1980s. The Institute regularly organized systematic and well-targeted expeditions to collect folklore and language material throughout ethnic Buryatia and Northern regions of Mongolia populated by the Buryats. The following period is connected with success of field research in China. Collected field material from the Buryats of Inner Mongolia of China supplemented the folklore collection of the Centre of Oriental Manuscripts, and Xylographs. All materials are accumulated in one place. Chronologically systematic and based on theoretical research, they represent a wide field for future scientific

research. These are a representative source for identification of specific forms and mechanisms of preserving folk traditions and ethnic culture of the peoples of the Baikal region.

Ключевые слова
Источники, фондохранилище, экспедиции, исследователи, собиратели, фольклорные тексты, фольклорные традиции, этническая культура Байкальского региона.

Keywords
Sources, repository, expeditions, researchers, collectors, folklore texts, folk traditions, ethnic culture of the peoples of Baikal region.

Прежде чем дать обзорную характеристику фольклорным материалам, хранящимся в фондах Центра восточных рукописей Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН), и этапам формирования коллекции по этой тематике, необходимо привести сведения о Центре как об «одном из крупнейших фондохранилищ Российской академии наук на востоке страны. Коллекции ЦВРК начали формироваться с первых дней организации академической науки в Бурятии, с создания Бурят-Монгольского ученого комитета в 1922 г. Перед сотрудниками стояла задача по собиранию, сохранению и изучению материальной и духовной культуры народов региона, в том числе и письменной традиции монголоязычных народов, был начат сбор этнографического, фольклорного материала, организованы экспедиции с целью сбора экспонатов, имеющих научную, историческую ценность. Более половины общего архивного фонда ЦВРК содержат материалы – результаты собирательской деятельности, фундаментальных и полевых академических исследований ученых. На протяжении всей истории развития научной организации были проведены более сотни экспедиций, материалы которых сдавались в Рукописный отдел, ныне Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ежегодные фольклорные, диалектологические, историко-этнографические, искусствоведческие экспедиции позволили накопить ценный материал по истории, культуре,

языку народов Южной Сибири и послужили значительной базой для развития гуманитарных исследований в Бурятском институте общественных наук»[1], ныне Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

С целью характеристики этапов сбора, систематизации и постановки на учет полевых исследований ученых в фондах института проанализировано содержание фондового материала по устному творчеству бурят, собранного несколькими поколениями исследователей, краеведов, любителей старины. Условно назовем его фольклорной коллекцией общего архивного фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Актуальность рассмотрения данного блока документов продиктована уникальностью записей по всем жанрам устного творчества, включая эпические произведения, сказки, несказочную прозу, малые жанры, произведенные в своей основной массе в советский период, когда живы были традиции исполнения местного фольклора. По истечении времени ценность, научная значимость их еще более возрастает. Как показала непосредственная работа с архивными делами, в них содержится достаточное количество текстов, записей по богатейшему устному творчеству бурят, не введенных в научный оборот и требующих дальнейшего тщательного исследования, в связи с чем также актуализируется задача их описания и широкой презентации.

Важно подчеркнуть, что наиболее яркие и полноценные в художественном плане произведения устной прозы бурят были отобраны для публикации в академических двуязычных изданиях в Улан-Удэ и Новосибирске, составили основу для составления сборников мифологических рассказов, легенд и преданий на бурятском языке. Вместе с тем имеющиеся в фондах ЦВРК ИМБТ СО РАН полевые материалы ждут глубокой проработки и научной интерпретации. Характеристика культурного наследия наших предков, сконцентрированного в данном фондохранилище, с позиций современных взглядов на функционирование, значение и роль традиционного фольклора составляет одну из задач, на решение которой направлена статья, она же определяет и ее новизну.

Общий архивный фонд в составе уникального хранилища печатных и рукописных коллекций ЦВРК ИМБТ СО РАН насчитывает, по состоянию на 2018 г., более 2 900 ед. хр. На начальном этапе формирования фондов фольклорные материалы комплектовались по персоналиям. В постоянном архивном хранении появились документы, обозначенные по именам известных исполнителей или собирателей бурятского фольклора. Самыми ранними рукописными материалами являются фольклорные записи А. Тороева, П. Дамбинова, А. Хаманова, К. Хадаханэ, Е. Болдонова, А. Дурхисанова, И. Веселова, относящиеся к концу 1920-х гг.; К. Черемисова, Д. Алексеева, А. Хамгашалова, П. Малакшинова, П. Хаптаева, А. Бальбурова, И. Кондакова периода 1930–1940-х гг. Не исключая ценность записей, содержащихся в документах тех лет, являющихся добротными фактическими сведениями для сравнительно-сопоставительных исследований по сюжетно-мотивному аспекту произведений устного творчества, отмечаем, что они имели определенные в научном плане недостатки: отсутствовали паспортные данные, сведения об исполнителе. К примеру, известный ученый-лингвист К. М. Черемисов указывает, что не помнит, где и когда сделаны записи[2]. Кроме того, в отдельных случаях основное содержание устной прозы, описание этнографических деталей передавались собирателями на русском языке. Нередки характерные для того времени факты, когда оригинальные сюжеты сказок, трансформированных эпических произведений подвергались литературной обработке, как это зафиксировано в материалах 1942 г.: «Бытующие в среде пожилых людей улигеры записала в обработанном виде 4–8 января 1942 г. Цыбекдашиева Антонина из Темника сомона Селендума Селенгинского района» «Үбгэд, хүгшэдэй дунда хэлсэдэг үльгэрые найруулан бэшэгшэ Сэлэнгын районой Селендумын сомоной Темник гэжэ нютагай басаган Цыбекдашиева Антонина, 1942 оной январиин 4–8»[3]. Тем не менее подобные эпизоды в практике фиксации произведений устного творчества не умаляют научной значимости таких записей, свидетельствующих о сюжетно-тематическом разнообразии и богатстве устного наследия бурят, о традиции бытования/сказывания/

пересказывания эпических полотен, трансформации и передачи их во времени.

Самый большой массив фольклорной коллекции ЦВРК ИМБТ СО РАН составляет комплекс источников, собранных в период полевых, изыскательских работ, когда Бурятский научно-исследовательский институт СО АН СССР, единственный на тот период гуманитарный центр Бурятии, стал организовывать начиная с 1950-х гг. целенаправленные экспедиции по сбору диалектологического, этнографического, археологического, исторического, фольклорного материала по районам Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей.

Полевые экспедиции сотрудников имели тематическую направленность в соответствии с целями и задачами плановых тем отделов института – фольклорную, лингвистическую, этнографическую, религиоведческую и т. д. Для анализа состава фольклорной коллекции ЦВРК ИМБТ СО РАН рассмотрены материалы фольклорных и лингвистических экспедиций. Языковедами для обследования говора, диалектов, наречий, лексических особенностей носителей языка, наряду с определенной методикой сбора полевого материала, записывались образцы разных жанров народного творчества бурят, тем самым их записи способствовали пополнению фонда устного наследия этноса. «В первое время изучение бурятских диалектов осуществлялось учеными Г. Д. Санжеевым, Н. Н. Поппе, А. К. Богдановым. С 1929 г. началось экспедиционное изучение бурятских говоров: две экспедиции были направлены к аларским бурятам, в 1930 г. – к агинским, в 1932 г. – к эхиритским и баргузинским бурятам, в 1937 г. предпринята большая экспедиция в районы распространения хоринского диалекта, в 1940-м – к бурятам тункинцам, в годы войны – кабанским и качугским»[4]. Так, количество дел, содержащих отчеты и результаты лингвистических экспедиций отдела языкознания, составляет 281 инвентарный номер общего архивного фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН. Впечатляет и география охвата сел, деревень, улусов, практически обследована вся этническая Бурятия, куда входят современные Республика Бурятия и Иркутская область, Забайкальский край с бурятским населением.

Анализируя фонды Центра восточных рукописей и ксилографов, содержащих устные народные сочинения, отметим, что объектом изучения фольклористов являлась прежде всего фольклорная традиция бурят и русских Байкальского региона. Для всесторонней и объективной научной оценки этой традиции приоритетной задачей выступали полевые изыскания, собирательская деятельность, основной аспект которых направлен на сплошную запись всей палитры устной поэзии народа. Таким образом, «были записаны в живом бытовании из уст талантливых сказителей, больших знатоков словесного творчества бурят улигеры, сказки, песни, легенды, предания, пословицы, поговорки, загадки в Еравнинском, Кижингинском, Хоринском, Агинском, Селенгинском, Тункинском, Окинском районах Республики Бурятия, а также в Ольхонском, Эхирит-Булагатском, Баяндаевском, Боханском, Аларском, Нукутском районах Иркутской области. Из фольклорных собраний этого периода следует отметить ценные материалы, записанные в академической транскрипции К. А. Хадаханэ, А. К. Богданова, Г. Д. Санжеева, Д. А. Алексеева, С. П. Балдаева. Благодаря такой целенаправленной деятельности института был собран уникальный материал, послуживший основой фольклорного фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН. В этом большая заслуга собирателей и научных работников института, еще заставших в 1920–1950-х гг. живую эпическую традицию. Во многом благодаря им, ЦВРК ИМБТ СО РАН ныне располагает богатой коллекцией почти всех жанров бурятского фольклора. Сбором его в эти годы успешно занимались ученые, поэты и писатели А. И. Уланов, Н. О. Шаракшинова, М. П. Хомонов, Т. М. Болдонова, Г. О. Туденов, Е. В. Баранникова, И. Н. Мадасон, Д. Д. Хилтухин, Р. Ф. Тугутов, А. И. Шадаев, Ц. Ж. Жимбиев, Т. А. Бертагаев, Д. А. Абашеев и другие»[5]. Здесь требуется небольшое уточнение: Агинский (как указано в приведенной цитате) район географически не входит в состав Республики Бурятия, является муниципальной единицей Агинского бурятского округа, относящегося административно, территориально к Забайкальскому краю. Более того, ошибочно назван лишь один район обследования; как показывает анализ фондовых материалов, экспедиционными исследованиями было охвачено

большинство бурятских деревень Агинского округа и Читинской области в разные годы, об этом свидетельствуют работы: «Жигмидон Б. Материалы, собранные в Агинском аймаке» (20-е гг. XX в.)[6], «Таров Н. Фольклорный материал в Агинском национальном округе» (1950)[7], «Материалы фольклорной экспедиции в Аге и Тунке» (1956)[8], «Материалы Читинского отряда диалектологической экспедиции» (1960)[9], «Материалы фольклорной экспедиции в Читинскую область» (1961)[10], «Материалы Хилокского отряда диалектологической экспедиции» (1972)[11], «Материалы Борзинского отряда диалектологической экспедиции» (1972)[12], «Материалы Ононской диалектологической экспедиции» (1975)[13], «Материалы фольклорной экспедиции в Читинскую область, Агинский округ» (1981)[14], «Материалы фольклорной экспедиции в Читинскую область, Агинский округ» (1982)[15].

Интерес представляют фонды личного происхождения, где сконцентрированы материалы по фольклору, собранные известными учеными, выдающимися собирателями С. П. Балдаевым, Ц. Жамцарано, И. Н. Мадасоном, М. Н. Хангаловым, М. П. Хомоновым и др. Наряду с образцами фольклора бурят в них «собраны сведения о сложной системе мифологических представлений и развитой культовой практике, которые стали редким явлением в современных условиях функционирования шаманизма или являются безвозвратно утраченными»[16]. Наиболее значительное фольклорное собрание представляет фонд выдающегося собирателя, знатока, исследователя устного творчества бурят С. П. Балдаева, «собравшего с 1910 г. громадный материал, записанный им почти во всех районах этнической Бурятии. Ныне фонд С. П. Балдаева в ЦВРК ИМБТ СО РАН насчитывает более полутора тысяч единиц хранения, включая десятки крупных героико-эпических сказаний, сказок, песен и других жанров бурятского фольклора»[17]. Примечательным событием в собирательской деятельности фольклористов явились впервые осуществленные в 1977[18] и 1983 гг.[19] международные экспедиции в Монгольскую Народную Республику для записей устного словесного творчества у монгольских бурят, эмигрировавших в годы исторических событий

начала XX в., связанных с революционными переменами и Гражданской войной в стране. Были зафиксированы различные тексты, сюжеты общебурятского, общемонгольского характера, дополняющие, обогащающие фольклорный фонд разными жанрами и образцами устного творчества бурят.

В последние годы фольклорная коллекция ЦВРК ИМБТ СО РАН пополнилась материалами экспедиций, организованных в Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ) Китая. Предпринятые в 2010, 2011, 2012, 2014 гг. экспедиции в Эвенкийский хошун АРВМ КНР позволили собрать богатейший материал по песенному творчеству, сказкам, легендам и преданиям бурят, проживающих в иноэтнической среде и сохранивших в первозданном виде фольклорное наследие материнского этноса. Таким образом, состоявшиеся фольклорные экспедиции к китайским бурятам, представленные на хранение отчеты и расшифровки собранного материала в АРВМ КНР открыли очередной этап в пополнении фондохранилища института новыми полевыми записями по фольклору, прерванному с 1990-х гг. Теперь остро назрела необходимость тщательной работы с имеющимися документами для введения в научный оборот образцов устной народной прозы в виде новых монографий и публикаций текстов.

Таким образом, формирование фольклорной коллекции ЦВРК ИМБТ СО РАН характеризуется начальным этапом – 1920–1940-х гг., когда были скомплектованы отдельные дела по персоналиям известных, выдающихся исполнителей устных произведений и собирателей фольклора. Следующий этап, наиболее плодотворный, насыщенный и продолжительный, охватывает период с 1950-х до 1980-х гг., когда институтом организовывались планомерные, целенаправленные экспедиции по сбору фольклорного и языкового материала на территории всей этнической Бурятии и в северные аймаки Монголии с бурятским населением. Новый этап развития фонда связан с результатами полевых исследований в Китае, когда собранный у бурят Внутренней Монголии Китая фольклорный материал пополнил состав фольклорной коллекции Центра восточных рукописей и ксилографов. Собранные полевые материалы нескольких поколений ученых,

сконцентрированные в одном месте, хронологически систематизированные, являясь фундаментом теоретических исследований, представляют широкое поле для будущих научных изысканий специалистов, выступая в роли репрезентативных источников для выявления конкретных форм и механизмов сохранения фольклорной традиции, этнической культуры народов Байкальского региона.

Примечания

[1] *Ванчикова, Ц. П., Аюшеева, М. В.* Опыт выставочной деятельности Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2015. – № 24. – С. 111–112. VANCHIKOVA, Ts. P., AYUSHEEVA, M. V. *Opyt vystavochnoi deyatel'nosti Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN* [The Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and its experience in exhibition activities. In Russ.]. IN: *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Altai State Pedagogical University], 2015, no. 24, pp. 111–112.

[2] Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Инв. № 84. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN* [Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences] (TsVRK IMBT SO RAN), inv. no. 84.

[3] Там же. Инв. № 676, тетрадь 1. Ibid., inv. no. 676, notebook 1.

[4] *Шагдаров, Л. Д.* Основные вехи бурятского языкознания: 20–70-е гг. XX в. // Вестник БНЦ СО РАН. – 2012. – № 3 (7). – С. 168. SHAGDAROV, L. D. *Osnovnye vekhi buryatskogo yazykoznaniya: 20–70-e gg. XX v.* [Major milestones of the Buryat linguistics: The 1920–70s. In Russ.]. IN: *Vestnik BNTs SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2012, no. 3 (7), p. 168.

[5] *Дампилова, Л. С., Дугаров, Б. С., Бурчина, Д. А., Бардаханова, С. С., Матвеева, Р. П.* Филологические исследования в ИМБТ СО РАН: от истоков до современности // Вестник БНЦ СО РАН. – 2012. – № 3 (7). – С. 200. DAMPILOVA, L. S., DUGAROV, B. S., BURCHINA, D. A., BARDAKHANOVA, S. S., MATVEEVA, R. P. *Filologicheskie issledovaniya v IMBT SO RAN: ot istokov do sovremennosti* [Linguistic research at the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Ab initio to present day. In Russ.]. IN: *Vestnik*

BNTs SO RAN [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2012, no. 3 (7), p. 200.

[6] Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Инв. № 311. TsVRK IMBT SO RAN, inv. no. 311.

[7] Там же. Инв. № 1697. Ibid., inv. no. 1697.

[8] Там же. Инв. № 1774. Ibid., inv. no. 1774.

[9] Там же. Инв. № 1936. Ibid., inv. no. 1936.

[10] Там же. Инв. № 1915/а. Ibid., inv. no. 1915/a.

[11] Там же. Инв. № 2151. Ibid., inv. no. 2151.

[12] Там же. Инв. № 2152, 2153. Ibid., inv. no. 2152, 2153.

[13] Там же. Инв. № 2269. Ibid., inv. no. 2269.

[14] Там же. Инв. № 2345. Ibid., inv. no. 2345.

[15] Там же. Инв. № 3498. Ibid., inv. no. 3498.

[16] *Ванчикова, Ц. П., Ринчинов, О. С.* Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН в 2008–2012 гг. // Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (к 90-летию института). – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 114–115. VANCHIKOVA, Ts. P., RINCHINOV, O. S. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN v 2008–2012 gg.* [The Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2008–2012. In Russ.]. IN: *Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN (k 90-letiyu instituta)* [The Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Its 90th anniversary]. Irkutsk, Ottisk publ., 2012, pp. 114–115.

[17] *Дампилова, Л. С., Дугаров, Б. С., Бурчина, Д. А., Бардаханова, С. С., Матвеева, Р. П.* Филологические исследования в ИМБТ СО РАН: от истоков до современности // Вестник БНЦ СО РАН. – 2012. – № 3 (7). – С. 200. DAMPILOVA, L. S., DUGAROV, B. S., BURCHINA, D. A., BARDAKHANOVA, S. S., MATVEEVA, R. P., 2012, p. 200.

[18] Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Инв. № 2295. TsVRK IMBT SO RAN, inv. no. 2295.

[19] Там же. Инв. № 2344. Ibid., inv. no. 2344.

Список литературы

Ванчикова, Ц. П., Аюшеева, М. В. Опыт выставочной деятельности Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2015. – № 24. – С. 111–113.

Ванчикова, Ц. П., Ринчинов, О. С. Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН в 2008–2012 гг. // Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (к 90-летию института). – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 107–133.

Дампилова, Л. С., Дугаров, Б. С., Бурчина, Д. А., Бардаханова, С. С., Матвеева, Р. П. Филологические исследования в ИМБТ СО РАН: от истоков до современности // Вестник БНЦ СО РАН, 2012. – № 3 (7). – С. 195–215.

Шагдаров, Л. Д. Основные вехи бурятского языкознания: 20–70-е гг. XX в. // Вестник БНЦ СО РАН. – 2012. – № 3 (7). – С. 154–172.

References

VANCHIKOVA, Ts. P., AYUSHEEVA, M. V. *Opyt vystavochnoi deyatel'nosti Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN* [The Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and its experience in exhibition activities. In Russ.]. IN: *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Altai State Pedagogical University], 2015, no. 24, pp. 111–112.

VANCHIKOVA, Ts. P., RINCHINOV, O. S. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN v 2008–2012 gg.* [The Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2008–2012. In Russ.]. IN: *Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN (k 90-letiyu instituta)* [The Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Its 90th anniversary]. Irkutsk, Ottisk publ., 2012, pp. 114–115.

DAMPILOVA, L. S., DUGAROV, B. S., BURCHINA, D. A., BARDAKHANOVA, S. S., MATVEEVA, R. P. *Filologicheskie issledovaniya v IMBT SO RAN: ot istokov do sovremennosti* [Linguistic research at the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Ab initio to present day. In Russ.]. IN: *Vestnik BNTs SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2012, no. 3 (7), pp. 195–215.

SHAGDAROV, L. D. *Osnovnye vekhi buryatskogo yazykoznaniya: 20–70-e gg. XX v.* [Major milestones of the Buryat linguistics: The 1920–70s. In Russ.]. IN: *Vestnik BNTs SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2012, no. 3 (7), pp. 154–172.

Сведения об авторах

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна, кандидат филологических наук, доцент, Российская академия наук, Сибирское отделение РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, отдел литературоведения и фольклористики, ведущий научный сотрудник, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, 8-914-981-722-22, bch58@yandex.ru

Жамсуева Дарима Санжиевна, кандидат исторических наук, доцент, Российская академия наук, Сибирское отделение РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, отдел философии, культурологии и религиоведения, старший научный сотрудник, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, 8-983-422-64-99, darisan@rambler.ru

About authors

Tsybikova Badma-Khanda Badmadorzhievna, PhD in Philology, associate professor, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, department of literature and folklore, leading researcher, Russian Federation, +7-914-981-722-22, bch58@yandex.ru

Zhamsueva Darima Sanzhievna, PhD in History, associate professor, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, department of philosophy, culturology, and religion studies, senior researer, Russian Federation, +7-983-422-64-99, darisan@rambler.ru

В редакцию статья поступила 13.02.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Цыбикова, Б-Х. Б., Жамсуева, Д. С. Этапы формирования фольклорной коллекции Общего архивного фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1007–1019. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1007-1019

Submitted 13.02.2019, published (for citation):

TSYBIKOVA, B-Kh. B., ZHAMSUEVA, D. S. *Etapy formirovaniya fol'klornoi kollektsii Obshchego arkhivnogo fonda Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN* [Stages of Formation of the Folklore Collection in the General Archive of the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1007–1019. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1007-1019

УДК 94(47)+930.25
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1020-1029

С. В. Богданов, В. Г. Остапюк, А. А. Асеев, В. А. Маслов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация

Курск в период немецкой оккупации: начало утверждения германского «нового порядка». На материалах агентурных донесений 4-го отдела УНКВД по Курской области

Sergey V. Bogdanov, Vladimir G. Ostapyuk, Artem A. Aseev, Vladimir A. Maslov
Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

Kursk during the Nazi Occupation: Early Days of the German "New Order": Materials of the Intelligence Reports of the 4th Department of the NKVD Directorate for the Kursk Region

Аннотация
В статье рассматривается начальный период оккупации города Курска немецкими войсками осенью 1941 г. Приближение немецких войск и их союзников к территории Курской области ускорило работу территориальных органов государственной безопасности по созданию на подведомственной территории эффективно функционирующей разведывательно-агентурной сети. За июль–сентябрь 1941 г. сотрудниками УНКВД по Курской области была проведена большая работа, что позволило руководству советских органов госбезопасности получать чрезвычайно разнообразную информацию из оккупированного города Курска и районов области. Статья основывается на архивных материалах Управления Федеральной службы безопасности РФ по Курской области, подавляющее большинство из которых вводится

авторами в научный оборот впервые. Использованы рассекреченные материалы 4-го отдела Управления НКВД Курской области, представленные в основном сообщениями советской агентуры, оставшейся в городе Курске для выполнения разведывательно-диверсионных заданий. Основу разведывательной информации, передававшейся руководству советских органов государственной безопасности, составили приказы оккупационных властей, местные коллаборационистские печатные издания, выпуск которых был начат под руководством оккупантов, личные наблюдения агентов, слухи, общественные настроения. Из агентурных сообщений представляется возможным составить относительно целостную картину различных сторон жизни населения Курска на начальном этапе немецкой оккупации: продовольственное обеспечение, организацию коллаборационистских органов гражданского управления, церковную политику, особенности оккупационного режима, террор в отношении советских граждан, подозреваемых в причастности к антифашистскому подполью. Представлена информация по организации быта и досуга немецких военнослужащих: кафе, рестораны, кинотеатр, театр, дом терпимости. Выявляется отношение горожан к немецкому «новому порядку». При этом в сообщениях отмечалось, что среди части курян выявились те, кто с радостью воспринял приход немецких захватчиков и изъявил желание активно сотрудничать с оккупационными властями.

Abstract

The article deals with the initial period of the occupation of the city of Kursk by German troops in the fall of 1941. Approach of the German troops and their allies to the Kursk region added urgency to the territorial state security agencies' efforts to establish an effective intelligence and agent network in the territory. In July–September 1941 the staff of the Department of the NKVD for the Kursk region did a lot in this direction and the Soviet state security leaders received quite diverse information from the occupied city of Kursk and other areas of the Kursk region. The article is based on archival materials of the Directorate the Federal Security Service of the Russian Federation for the Kursk region, the vast majority of which are being introduced into scientific use by the authors. Declassified materials of the 4th Department of the NKVD Directorate for the Kursk Region are used as a source of information. These are primarily messages of Soviet agents remaining in Kursk for reconnaissance and sabotage missions. The bones of intelligence information passed to the Soviet state security leaders were orders of the occupation authorities, local collaborationist publications that were being published under the occupation authorities, personal observations of agents, rumors, and

public moods. Agent messages form a rather comprehensive picture of various aspects of daily life of the Kursk population at the initial stage of the German occupation: subsistence support, organization of collaborative civil administration bodies, church policy, nature of the occupation regime, terror against Soviet citizens suspected of involvement in the anti-Nazi underground. There is also information on everyday life and leisure of German servicemen: cafes, restaurants, cinema, theater, bawdy house. The attitude of the townspeople to the German "New Order" is revealed. At the same time, it was noted that some had gladly accepted the arrival of the German invaders and expressed a desire to cooperate with the occupation authorities.

Ключевые слова
Источники, архивные документы, германский «новый порядок», немецкая оккупация, коллаборационизм, советская агентура, 4-й отдел Управления НКВД Курской области.

Keywords
Sources, archival documents, German "New Order", German occupation, collaborationism, Soviet agents, 4th department of the NKVD directorate for Kursk region.

Сначала 2000-х гг. количество публикаций, посвященных прежде абсолютно закрытым в отечественной исторической науке темам периода Великой Отечественной войны, значительно увеличилось. В то же время целый ряд проблем региональной истории по-прежнему остаются мало исследованными[1]. Одной из них является деятельность советской агентуры на временно оккупированной германскими войсками территории Курской области.

К началу осени 1941 г. неизбежность приближения немецких военных частей к территории Курской области стала уже вполне очевидной. Данное обстоятельство ускорило работу руководства территориального управления НКВД по подготовке всего личного состава к деятельности в условиях возможной германской оккупации. Одним из важнейших направлений деятельности территориального управления госбезопасности явилась подготовка разведывательно-агентурной и диверсионно-террористической сети в тылу врага в случае оккупации области фашистскими захватчиками.

К моменту вторжения немецких захватчиков на территорию Курской области в соответствии с указанием 4-го Управления НКВД СССР УНКВД по Курской области имело в своем составе 2 699 человек специальной агентуры, которые на случай оккупации области должны были остаться в соответствии с полученными указаниями и проводить работу в тылу противника. Всего была создана 501 резидентура, объединившая 1 576 человек. Кроме того, из числа старой агентуры было выделено 979 агентов-одиночек, завербовано 39 связных и организовано 72 конспиративно-явочные квартиры. Около 30% резидентур были снабжены оружием и взрывчатыми веществами, необходимыми для проведения диверсионно-террористической работы. Нелегалам на связь было передано 89 резидентур в составе 318 человек. Каждому нелегалу было выдано в среднем по 50 кг взрывчатых веществ, по 10–15 гранат РГД и по 10 револьверов, которые были зарыты в нескольких местах для использования в последующих диверсионно-террористических актах[2].

Для руководства разведывательной и боевой деятельностью агентуры в тылу немецких войск руководством УНКВД по Курской области были переведены на нелегальное положение работники УНКВД (в основном из негласного состава 3-го спецотдела), которые для прикрытия были устроены на рядовую работу в различные советские организации и соответствующим образом законспирированы. В целом, в самом Курске планировалось оставить 43 резидента, у которых на связи состояли 101 агент, а также 77 агентов-одиночек[3]. Хотя, как показали последующие события, количество советской агентуры в Курске оказалось значительно меньше.

В ночь на 3 ноября 1941 г. под натиском превосходящих сил противника советские войска оставили Курск. Начался период немецкой оккупации города Курска – областного центра Курской области.

Несмотря на установленный жесткий оккупационный режим в отношении советских граждан, оставшихся в захваченном немцами городе, уже в первых числах декабря 1941 г. в 4-й отдел УНКВД по Курской области поступила первая разведывательная сводка о ситуации в городе. Еженедельные

агентурные сводки позволили создать достаточно подробную картину немецкого «нового порядка» в оккупированном городе. Так, начало оккупации немецкими войсками Курска сразу же стало сопровождаться массовыми арестами коммунистов и граждан, подозреваемых в антифашистской деятельности. К концу декабря 1941 г. местная тюрьма оказалась переполненной. В городе был установлен комендантский час, за нарушение которого грозил расстрел.

С 1 января 1942 г. выход жителей Курска из города под угрозой расстрела был запрещен. Это усугубило проблемы продовольственного обеспечения горожан. Фактически за любое нарушение предписаний немецких оккупационных властей объявлялась мера наказания – расстрел. При этом действия немецких солдат и офицеров ничем не были ограничены. В целом, как отмечалось в агентурных донесениях, «население было подавлено произволом»[4].

Уже в конце ноября 1941 г. немецкие оккупационные власти приступили к формированию коллаборационистских органов гражданского управления. Была создана городская управа, во главе которой был назначен бывший заместитель управляющего областной конторы «Союззаготкож» Смялковский. Были открыты отделы: здравоохранения, начальником которого был назначен работник горздравотдела Конов, просвещения, основной задачей которого являлась постановка на учет всех учителей, оставшихся в городе. Также была создана полиция в количестве 300 человек. Отличительным знаком курских полицейских являлась нарукавная белая повязка, в центре которой была изображена свастика. Во главе этого органа был назначен Михайлов. В целом советские агенты передавали довольно подробную информацию в отношении конкретных персоналий, которые активно сотрудничали с немецкими оккупационными властями. В последующем, после освобождения Курской области от немецких захватчиков, эта информация будет использована органами государственной безопасности для розыска и расследования деятельности лиц, сотрудничавших с оккупантами.

В результате боевых действий город подвергся значительным разрушениям: здание Управления НКВД сгорело,

помещения цирка, облисполкома, мединститута, кинотеатра «Октябрь» понесли серьезный ущерб. Немецкий госпиталь разместился в областной больнице, откуда предварительно были выгнаны находившиеся там на излечении больные. Электроэнергия начала подаваться только в те здания, которые были заняты немцами, а также в органы власти.

Оккупационные власти установили нормы запасов продовольственных продуктов на одного члена семьи на 2 месяца до 1 февраля 1942 г. (2 кг хлеба или муки, 100 г крупы, 400 г жиров, 4 кг картофеля, 1 кг соли, 800 г сахара). Все излишки подлежали сдаче в немецкую комендатуру. При этом нужно учитывать, что до этого «население было ограблено немцами подряд и подчистую»[5]. Торговля в городе отсутствовала. К концу декабря 1941 г. в городе был уже фактически голод. Население вынуждено было подбирать трупы павших лошадей. На улицах можно было встретить опухших от голода женщин и детей.

Германские оккупационные власти приступили к практической реализации своей антисемитской политики в отношении еврейского населения Курска. В первые же дни оккупации начались выявление евреев и их казни. Были публично повешены зубной врач и двое мастеров из ремонтных мастерских. Казни следовали практически каждый день. Всех евреев обязали носить на рукаве белые повязки с черной надписью «Иуда». 23 ноября 1941 г. на одну из улиц города немцы вывели группу местных жителей, в т. ч. одного еврея, которому они обвязали голову белым платком и которого заставили нести деревянный крест. Всех присутствующих русских они заставили смеяться и хлопать в ладоши. Всю эту инсценировку немцы фотографировали[6].

К концу 1941 г. в Курске были открыты и начали действовать три церкви: Казацкая, Ахтырская и Богуславская. Характеризуя пробуждение церковной жизни в оккупированном Курске, советская агентура, как правило, это сопровождала комментариями, характерными для предшествующего периода советского безбожия: «церкви посещают одни старики и старухи», «интереса к церковной жизни население не проявляет» и т. п.[7]

На Семеновской улице был открыт дом терпимости, куда для немецких солдат было доставлено из села Рогового Мантуровского района 35 девушек. В начале февраля 1942 г. в городе для офицеров германской армии был открыт театр, а для солдат – кинотеатр, где начали демонстрироваться немецкие кинофильмы и хроника[8].

Оккупационные власти развернули широкомасштабную психологическую войну в отношении местного населения, основной целью которой было подорвать национальное самосознание, воспитать покорность и преданность нацистской Германии. Это нашло выражение в ряде мероприятий немецких захватчиков. Повсеместно были расклеены объявления пропагандистского характера об «освободительной миссии германской армии против большевиков и евреев», «материальном поощрении за сотрудничество с властями по выдаче разведчиков и диверсантов». В центре города – на Красной площади – был установлен репродуктор, который постоянно передавал на русском и немецком языках сообщения о победах немецкой армии, а в перерывах – легкую музыку. В начале декабря 1941 г. по главным улицам города и на центральной площади прошел парад немецкого гарнизона в честь якобы «взятия немецкой армией Москвы». Немцы инициировали повсеместное распространение слухов о том, что «жены Молотова и Гитлера являются родными сестрами, а сын Молотова в настоящее время находится в Германии», «Москва уже давно взята, фронта нет, и немецкие войска свободно продвигаются к Уралу, где пустили газы, от которых там погибли все коммунисты и евреи»[9].

Общественные настроения также становились объектом наблюдений советской агентуры. Вот каким образом отразилось начало утверждения немецкого «нового порядка» в сознании курян, оказавшихся в оккупации: «Среди населения идут разговоры, что “жить так невыносимо”, “скорей бы мир”, “скорее бы прогнали немцев”, “скоро ли откроют базар”, “смогут ли Москва и Ленинград устоять против немцев”?»[10].

Итак, несмотря на большие сложности и опасности, сопряженные с работой советской агентуры в оккупированном немецкими войсками городе Курске, ей удалось добывать

и передавать руководству УНКВД по Курской области ценную разведывательную информацию о перемещении немецких войск, состоянии вооружения, личном составе немецкого гарнизона. Из донесений вырисовывалась страшная картина утверждения и методов поддержания германского «нового порядка»: массового террора в отношении гражданского населения, плохого состояния продовольственного снабжения жителей города, антисемитизма, развязанного оккупантами. Особое место в агентурных сообщениях было отведено проявлениям коллаборационизма среди отдельных жителей города, которые восприняли приход захватчиков как долгожданное и радостное событие, несущее «избавление от власти Советов». Отдельные сообщения свидетельствовали о развязанной оккупационными властями широкомасштабной психологической войне против советских граждан, основной целью которой являлось воспитание преданности гитлеровской Германии. В последующем сообщения агентуры сыграли большую роль в разработке советскими органами государственной безопасности эффективных разведывательных, диверсионных и контрразведывательных операций.

Примечания

[1] *Попов, А. Ю.* Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 2006. – № 10. – С. 86–97. POPOV, A. Yu. *Deyatel'nost' organov gosbezopasnosti SSSR na okkupirovannoi territorii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Activities of the USSR State Security Bodies in the Occupied Territory during the Great Patriotic War. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii*, 2006, no. 10, pp. 86–97; *Коровин, В. В.* Разведывательно-диверсионная деятельность специальных групп и агентуры органов НКВД на оккупированной территории Центрального Черноземья // Военно-исторический архив. – 2012. – № 1 (145). – С. 105–130. KOROVIN, V. V. *Razvedyvatel'no-diversionnaya deyatel'nost' spetsial'nykh grupp i agentury organov NKVD na okkupirovannoi territorii Tsentral'nogo Chernozem'ya* [Intelligence and sabotage activities of special groups and agents of the NKVD agencies in the occupied territory of the Central Black Earth Region. In Russ.]. IN: *Voyenno-istoricheskii arkhiv,* 2012, no. 1 (145), pp. 105–130; *Кулинок, С. В.* О разведывательной деятельности партизанских соединений: агентурные и разведывательные сводки, докладные записки, отчеты, справки // Вестник архивиста. – 2015. – № 4 (132). – С. 113–123. KULINOK, S. V. *O razvedyvatel'noi deyatel'nosti partizanskikh*

soedinenii: agenturnye i razvedyvatel'nye svodki, dokladnye zapiski, otchety, spravki [On the intelligence activity of partisan units: Intelligence reports, memoranda, reports, informations. In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista,* 2015, no. 4 (132), pp. 113–123.

[2] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ по Курск. обл.). Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 19. Л. 8. *Arkhiv Upravleniya Federal'noi sluzhby bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii po Kurskoi oblasti (AUFSB RF po Kursk. obl.)* [Archive of the Directorate of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Kursk Region], fond of the 4th Department of the NKVD KO, file 19, p. 8.

[3] Там же. Д. 19. Л. 136. Ibid., file 19, p. 136.

[4] Там же. Д. 136. Л. 3. Ibid., file 136, p. 3.

[5] Там же. Л. 20. Ibid., p. 20.

[6] Там же. Л. 17. Ibid., p. 17.

[7] Там же. Л. 63. Ibid., p. 63.

[8] Там же. Л. 20, 49. Ibid., pp. 20, 49.

[9] Там же. Л. 19. Ibid., p. 19.

[10] Там же. Л. 2. Ibid., p. 2.

Список литературы

Коровин, В. В. Разведывательно-диверсионная деятельность специальных групп и агентуры органов НКВД на оккупированной территории Центрального Черноземья // Военно-исторический архив. – 2012. – № 1 (145). – С. 105–130.

Кулинок, С. В. О разведывательной деятельности партизанских соединений: агентурные и разведывательные сводки, докладные записки, отчеты, справки // Вестник архивиста. – 2015. – № 4 (132). – С. 113–123.

Попов, А. Ю. Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 2006. – № 10. – С. 86–97.

References

KOROVIN, V. V. *Razvedyvatel'no-diversionnaya deyatel'nost' spetsial'nykh grupp i agentury organov NKVD na okkupirovannoi territorii Tsentral'nogo Chernozem'ya* [Intelligence and sabotage activities of special groups and agents of the NKVD agencies in the occupied territory of the Central Black Earth Region. In Russ.]. IN: *Voyenno-istoricheskii arkhiv,* 2012, no. 1 (145), pp. 105–130.

KULINOK, S. V. *O razvedyvatel'noi deyatel'nosti partizanskikh soyedinenii: agenturnye i razvedyvatel'nye svodki, dokladnye zapiski, otchety, spravki* [On the intelligence activity of partisan units: Intelligence reports, memoranda, reports, informations. In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista*, 2015, no. 4 (132), pp. 113–123.

POPOV, A. Yu. *Deiatel'nost' organov gosbezopasnosti SSSR na okkupirovannoi territorii v godi Velikoi Otechestvennoi voini* [Activities of the USSR State Security Bodies in the Occupied Territory during the Great Patriotic War. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii*, 2006, no. 10, pp. 86–97.

Сведения об авторах

Богданов Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, профессор, г. Белгород, Российская Федерация, 8-472-230-11-57, dr.bogdanov_sv@mail.ru

Остапюк Владимир Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, доцент, г. Белгород, Российская Федерация, 8-472-230-11-57, ostapuk@bsu.edu.ru

Асеев Артем Александрович, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, аспирант, г. Белгород, Российская Федерация, 8-472-230-11-57, aseev@bsu.edu.ru

Маслов Владимир Александрович, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, аспирант, г. Белгород, Российская Федерация, 8-472-230-11-57, maslov@bsu.edu.ru

About authors

Bogdanov Sergey Victorovich, PhD in History, professor, Belgorod State National Research University, professor, +7-472-230-11-57, dr.bogdanov_sv@mail.ru

Ostapyuk Vladimir Grigorievich, PhD in Law, associate professor, Belgorod State National Research University, professor, +7-472-230-11-57, ostapuk@bsu.edu.ru

Aseev Artem Alexandrovich, Belgorod State National Research University, graduate student, +7-472-230-11-57, aseev@bsu.edu.ru

Maslov Vladimir Alexandrovich, Belgorod State National Research University, graduate student, +7-472-230-11-57, maslov@bsu.edu.ru

В редакцию статья поступила 21.09.2018 г.,
опубликована (для цитирования):

Богданов, С. В., Остапюк, В. Г., Асеев, А. А., Маслов, В. А. Курск в период немецкой оккупации: начало утверждения германского «нового порядка». На материалах агентурных донесений 4-го отдела УНКВД по Курской области // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1020–1029. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1020-1029

Submitted 21.09.2018, published (for citation):

BOGDANOV, S. V., OSTAPYUK, V. G., ASEEV, A. A., MASLOV, V. A. *Kursk v period nemetskoi okkupatsii: nachalo utverzhdeniya germanskogo "novogo poryadka". Na materialakh agenturnykh donesenii 4-go otdela UNKVD po Kurskoi oblasti* [Kursk during the Nazi Occupation: Early Days of the German "New Order": Materials of the Intelligence Reports of the 4th Department of the NKVD Directorate for the Kursk Region. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1020–1029. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1020-1029

УДК 94(47) 351/354
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1030-1045

В. Ж. Дорохов
Дальневосточный юридический институт МВД России,
г. Хабаровск, Российская Федерация

В. В. Синиченко
Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, Российская Федерация

Подготовка органов внутренних дел СССР к действиям в условиях «военного времени» в 1967 г.: источниковедческий аспект

Vyacheslav Zh. Dorokhov
Far East Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Khabarovsk, Russian Federation

Vladimir V. Sinichenko
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Preparation of the Internal Affairs Agencies of the USSR to Action under Wartime Conditions in 1967: A Source Study Aspect

Аннотация
Современная Россия, имеющая свои национальные интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стремительно сближается с Китайской Народной Республикой. В истории двух стран подобное тесное сближение происходит не впервые. В середине 1960-х гг. наблюдалось аналогичное дружеское расположение и взаимодействие, однако в сравнительно короткое время оно сменилось противостоянием, выразившимся как в идеологических, экономических, так и в военно-политических конфликтах, надолго испортивших отношения между странами. В марте 2019 г. Россия отмечает полувековой юбилей советско-китайского вооруженного пограничного конфликта

на острове Даманский. За прошедшие годы тщательно изучены проблемы международных отношений, подробно описан ход конфликта, однако по-прежнему открытыми остаются вопросы о состоянии социально-политической обстановки на Дальнем Востоке, о роли и деятельности политических и советских властей, органов внутренних дел в данный период. Сегодня появилась возможность по-новому взглянуть на события 50-летней давности. Авторы статьи первыми попытались описать деятельность органов внутренних дел, разрабатывавших оперативные мероприятия на случай начала военных действий на границе с КНР, которые не исключались осенью 1967 г. Идеологическое противостояние КНР и СССР, обнаружившееся во второй половине XX в. через экономические санкции, дипломатические демарши и пограничные провокации, вело стороны к военному конфликту. К 1967 г. все признаки свидетельствовали о том, что возможен военный конфликт между странами. В этих условиях руководство Министерства охраны общественного порядка (МООП) СССР, а также его территориальных подразделений к сентябрю–ноябрю 1967 г. предприняло ряд упредительных мер по подготовке к действиям в условиях «особого периода» – периода подготовки к возможной войне. Решались вопросы обеспечения приграничных с Китаем подразделений милиции автотранспортом, спецтехникой и спецсредствами, оснащения автоматическим оружием и др. Кроме того, органы внутренних дел активно отслеживали настроения общественности, отрабатывали планы взаимодействия на случай возникновения массовых беспорядков. В какой-то мере дальневосточные подразделения МООП СССР выполняли задачи, попадавшие в сферу деятельности Комитета государственной безопасности. В силу ряда обстоятельств ожидаемый к ноябрю 1967 г. советско-китайский военный конфликт не состоялся. Однако предпринятые со стороны МООП СССР и его территориальных органов экстренные меры по повышению боевой готовности, как отмечают авторы, оказались хорошей тренировкой по налаживанию взаимодействия между различными звеньями государственного механизма. Был тщательно отработан будущий сценарий действий на случай военного конфликта, и в 1969 г. он нашел свое воплощение на практике. Наряду с этим события 1967 г. стимулировали советское руководство к необходимости расширения пропагандистской работы с населением Дальнего Востока, получавшим, благодаря зарубежным радиостанциям, иной взгляд на события, происходившие в стране и в мире.

Abstract
Modern Russia has its national interests in the Asia-Pacific region and progresses towards rapprochement with the People's Republic of China. This close rapprochement is not the first one in the history of two countries. In the mid-1960s, for a relatively short time similar friendly interaction gave way to extreme confrontation, manifested in ideological, economic, and military-political conflicts, which soured relations between Russia and China for a long time. In March 2019 Russia commemorates the half-century anniversary of the Soviet-Chinese armed border conflict on the Damansky island. Over the last years, the problems of international relations have been thoroughly studied, the course of the conflict has been described in detail, and yet the socio-political situation in the Far East, the role and activities of political and Soviet authorities and of internal affairs bodies remains to be assessed. Today, with declassification of the archives, there is a real opportunity to take a fresh look at the events of 50 years ago. The article is the first attempt to describe the activities of the internal affairs agencies that were to formulate operating procedures in case of outbreak of hostilities on the Chinese border in autumn 1967. The ideological confrontation between China and the Soviet Union in the late 50s–mid 60s took the form of economic sanctions, diplomatic demarches, and border provocations and tended to military conflict. By 1967, everything pointed to imminent military conflict. Under these conditions, the Ministry for the Preservation of Public Order (MOOP) of the USSR and its territorial units took preventive actions within the framework of the "special period" to be ready for war by September-November 1967. The Chinese border was to be provided with police vehicles, special equipment and weapons, automatic weapons, etc. In addition, the internal affairs bodies monitored the public mood and worked out plans of interaction in case of riots. To some extent, the Far Eastern units of the Ministry for the Preservation of Public Order of the USSR performed tasks that fell within the province of the Committee for State Security. For a variety of reasons, the Soviet-Chinese military conflict expected by November 1967 did not take place. However, the emergency measures taken by the MOOP and its territorial bodies to improve combat readiness proved a good training for establishing cooperation. A future power projected scenario was carefully worked out to be put into practice in 1969. Along with this, the events of 1967 stimulated the Soviet leadership to expand propaganda work among the population of the Far East, who learned of a different view on what was happening from foreign radio stations.

Ключевые слова
Азиатско-Тихоокеанский регион, источники, Китайская Народная Республика, «особый период», пограничная война, лояльность населения, эвакуация.

Keywords
Asia-Pacific Region, sources, People's Republic of China, "special period," border war, loyalty of the population, evacuation.

Азиатско-Тихоокеанский регион в XX в. неоднократно был театром военно-политического и экономического противостояния главных геополитических игроков планеты. Военные конфликты, социально-экономические реформы, торговые войны, территориальные и пограничные споры являлись фоном, на котором вырастали и крепли новые государственные образования. И сегодня большинство стран региона динамично развиваются, показывая примеры различных управленческих решений как в экономической, так и в социальной сфере. Ведущую роль играет Китайская Народная Республика, превратившаяся в безусловного лидера Тихоокеанского региона.

Современная Россия, имеющая свои национальные интересы в столь перспективном районе планеты, стремительно сближается с КНР. Взаимодействие идет на всех уровнях – военном, политическом, экономическим, научном и др. Однако следует помнить, что подобное тесное сближение двух стран происходит не впервые. И, как показывает история российско-китайских отношений, порой «от любви до ненависти» страны отделял всего один шаг. Наиболее трагичным эпизодом советско-китайских отношений стал вооруженный конфликт на острове Даманский. В марте 2019 г. исполняется 50 лет с момента этого события.

Анализу международной обстановки, сложившейся накануне, в ходе и после «Даманских событий», посвящено множество научных работ отечественных и зарубежных исследователей. Подробному изучению подвергались различные аспекты взаимоотношений двух стран. Детально описывались проблемы урегулирования территориального вопроса, закрепления на местности государственной границы, харак-

тер работы пограничных войск и органов Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР в условиях противостояния двух государств[1]. В публицистических и научных работах основательно и детально разбирались действия органов государственной власти СССР по строительству пограничных войск, усилению охраны дальневосточной границы. Однако ряд аспектов оказался вне поля зрения исследователей. В частности, вопрос о роли органов внутренних дел в обеспечении государственной безопасности на приграничных территориях освещен фрагментарно. Сегодня, когда с документов рассматриваемого периода гриф секретности снят, появляется возможность по-новому взглянуть на советско-китайский конфликт, осветить различные обстоятельства и предшествовавшие события.

Представленный в статье анализ первоисточников позволяет не только оценить готовность силового блока к негативному развитию сценария, но и зафиксировать степень неуверенности советского руководства в отношении поведения населения советского Дальнего Востока, ставшего объектом систематической антисоветской радиопропаганды со стороны Китая, Южной Кореи и США.

Как уже было отмечено, в 1960-е гг. ранее достаточно тесные дружеские советско-китайские отношения резко поменяли свою полярность. Начало событий было положено в январе 1967 г., когда отряды китайской молодежи – так называемых цзаофаней и хунвейбинов – в течение двух недель осаждали здание советского посольства в Пекине. Сжигали на кострах изображения советских лидеров, предпринимали попытки поджога посольства. Советские суда, заходившие в морские порты КНР, подвергались нападению и разграблению, а личный состав команд – издевательствам. На пограничных реках китайские корабли таранили советские сторожевые суда. И все это под сопровождение китайской радиостанции, вещавшей ежедневно на Амурскую область, Приморский и Хабаровский края. В радиопередачах советское руководство обвинялось в ревизионизме, в сговоре с США, в социал-империализме.

Китайское руководство сознательно шло на обострение ситуации на приграничных территориях, заявляя об этом

с самых высоких трибун. В феврале 1967 г. министр иностранных дел Чень И заявил: «Возможен разрыв отношений, возможна война», в марте уже премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай на встрече с представителями буржуазно-демократических партий сообщил о том, что «война пограничная между Китаем и СССР начнется раньше, чем война с США»[2].

КНР активно наращивала военное присутствие в приграничных районах. К 1967 г. численность китайских войск на границе с СССР и Монгольской Народной Республикой (МНР) выросла на 22 дивизии (264 тыс. человек), достигнув 400 тыс. человек[3]. Вдоль границы создавались укрепленные районы, бомбоубежища, военные магистрали, взлетно-посадочные полосы. Советское руководство, ранее пытавшееся уверить китайских товарищей в своих дружеских намерениях, после столь откровенных заявлений и действий осознало опасную близость военного конфликта. Тем более что обеспокоенность военными приготовлениями Китая высказывали и с мест. Так, в январе 1967 г. начальник Управления охраны общественного порядка (УООП) Хабаровского края комиссар милиции III ранга П. В. Никитин направил министру охраны общественного порядка (МООП) СССР генерал-лейтенанту Н. А. Щелокову докладную записку «О некоторых вопросах, связанных с необходимостью укрепления аппаратов органов милиции пограничных районов УООП Хабаровского крайисполкома». В записке Никитин указывал: «...за последнее время резко усложнилась обстановка на советско-китайской границе. Используя близость расположения наших населенных пунктов от границы вдоль р. Амура и Уссури... китайская сторона систематически пытается организовывать насильственный захват как наших, так и нейтральных островов, на которых колхозами и совхозами края годами проводятся сенокосы и выпас скота... организуют лов рыбы в наших водоемах и у наших берегов под охраной своих военных катеров с попыткой выселиться на нашей территории. Свои провокационные вылазки китайцы сопровождают с резкими антисоветскими выпадами и выкриками антисоветских лозунгов... Количество нарушений нашей границы с китайской стороны, в том числе и группами, как

фиксируют пограничные наряды, заметно увеличилось. Все это, безусловно, требует от наших аппаратов милиции, как в целом, так и особенно пограничных районов, повышенной бдительности, боевитости и собранности»[4]. Дав общий обзор ситуации, Никитин перешел к главному – необходимости укрепления приграничного УООП, в котором 45% районов имели статус пограничного: «...мы не можем только за счет своей численности, без помощи МООП СССР, решить всех вопросов укрепления малочисленных аппаратов милиции пограничных районов с их большой территорией и большой разбросанностью населенных пунктов»[5].

Так, в милиции Октябрьского района насчитывалось 12 человек, Смидовичского – 18. Такая же картина наблюдалась и по другим приграничным – Бикинском, Вяземском и Биробиджанском – районным органам милиции (РОМ). А в Пожарском районе Приморского края, на территории которого в 1969 г. и произойдет советско-китайский военный конфликт, численность РОМ составляла всего 10 человек.

Транспорт имел значительный пробег и износ, часто выходил из строя. Надежной и оперативной связи с областными и краевыми управлениями не было, в связи с чем в своей записке начальник краевого УООП просил министра ввести в пограничных органах милиции края штатных дежурных, увеличить численность участковых, обеспечить сотрудников современными средствами радиосвязи, мотоциклами, скоростными катерами и автоматическим оружием[6].

Советское руководство, стремясь адекватно реагировать на возникавшие внешнеполитические угрозы, 4 февраля 1967 г. приняло постановление «Об усилении охраны государственной границы СССР с Китайской Народной Республикой», согласно которому приступили к укреплению имеющихся сил на советско-китайской границе, а также к передислокации армейских подразделений из центральных округов на Дальний Восток и в Забайкалье.

Руководство местных органов правопорядка также активизировало работу. 21 марта 1967 г. приказом начальника УООП Приморского края были определены пункты дислокаций подразделений на случай проведения массовой эвакуа-

ции. Планировалось «эвакуацию в указанные пункты осуществить с объявлением в стране “особого периода”»[7].

К марту 1967 г. был издан приказ МООП СССР «Об укреплении органов милиции в пограничных районах Казахской, Киргизской и Таджикской ССР, Приморского, Хабаровского и Алтайского краев, Читинской и Амурской областей»[8], в котором Н. А. Щелоков всем руководителям подразделений органов охраны порядка, находящихся вдоль советско-китайской границы, требовал «принять меры к повышению бдительности, боеготовности личного состава, резкому улучшению охраны общественного порядка и усилению борьбы с преступностью в пограничных районах», а министерству – обеспечить органы милиции пограничных районов техникой и автоматическим оружием (1,5 тыс. автоматов)[9]. Было приказано: Главному управлению материально-технического и военного снабжения – поставить 250 радиостанций, приборы ночного видения и другую оперативную технику; организовать в 1967–1968 гг. в органах милиции пограничных районов радиосвязь; Главному управлению пожарной охраны – передать новую пожарную технику; доставить в Приморский край – 3, Хабаровский – 7, Амурскую и Читинскую области – по 6 и 4 автомобиля соответственно[10].

Свою долю проблем в части обеспечения безопасности на приграничных территориях добавлял и юбилейный 1967 г., год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, который врагами СССР мог быть использован для проведения диверсий и организации приграничных конфликтов. Стремясь предусмотреть возможные варианты развития событий, Н. А. Щелоков 24 августа 1967 г. подписал распоряжение по созданию формирований гражданской обороны на объектах МООП СССР. Требовалось «реорганизацию и создание команд гражданской обороны объектов завершить к 1 ноября 1967 г.»[11], о чем незамедлительно доложить в МООП СССР.

8 сентября министр подписал приказ «О мерах по дальнейшему повышению боевой готовности внутренних войск, внутренней и конвойной охраны МООП СССР», в котором отмечалось, что «поддержание высокой боевой и мобили-

зационной готовности соединений, частей и подразделений считать неотложной и повседневной обязанностью всех командиров, штабов, политорганов, служб войскового тыла и всего личного состава внутренних войск, внутренней и конвойной охраны»[12]. Во внушительный перечень задач «особого периода» входила и задача по «ведению борьбы с мелкими диверсионно-разведывательными группами и формированиями противника». Отдельного упоминания заслужили специальные моторизированные части милиции, которые должны были быть готовы «к выполнению задач по охране общественного порядка в системе гражданской обороны и поддержанию общественного порядка во взаимодействии с органами МООП–УООП»[13]. Срок исполнения приказа был прежний – к 1 ноября 1967 г. «спланировать все мероприятия по приведению соединений и частей в повышенную и полную боевую готовность»[14].

Подготовительные мероприятия к действиям в «особый период» пришлись весьма кстати. Вдоль границы фиксировались нарушения и провокации со стороны китайских граждан. Характерно, что подобные пограничные проблемы отмечались и вдоль границ других соседствующих с КНР государств. Так, 12 сентября 1967 г. на границах Тибета с Сиккимом китайские войска попытались вновь военным путем решить территориальный спор с Индией.

Складывающаяся обстановка подтолкнула советское правительство к дальнейшим шагам по укреплению обороноспособности страны. Уже 27 сентября МООП СССР направило на Дальний Восток большую министерскую бригаду для проверки деятельности территориальных подразделений, в первую очередь состояния боеготовности. Косвенно это подтверждает и факт присутствия на совещании по итогам проверки во Владивостоке, проходившем 16 октября 1967 г., заместителя начальника Управления КГБ по Приморскому краю В. С. Емелина, а также представителей МООП СССР, УООП, партийных и советских органов края.

Руководитель министерской бригады – первый заместитель начальника ГУМ МООП СССР Б. В. Заботин – в своем докладе акцентировал внимание на необходимости органи-

зации четкого взаимодействия территориальных органов охраны правопорядка с пограничными войсками, заставами и органами КГБ, предусмотрев в планах вопросы укрепления паспортно-пограничного режима и возможные действия на случай массовых беспорядков[15].

Повышая боеготовность страны, Президиум Верховного Совета СССР своим указом от 12 октября 1967 г. принял новый Закон о всеобщей воинской обязанности, заменивший прежний от 1.09.1939 г.[16] Характерным отличием нового закона стало введение более суровых санкций за его неисполнение. Так, в разделе X «О призыве по мобилизации и демобилизации» указывалось, что «военнообязанные, не явившиеся по мобилизации в указанные им пункты и сроки, несут ответственность по законам военного времени»[17].

Несмотря на напряженную ситуацию на границе, советская страна активно готовилась широко отметить 50-летнюю годовщину Великого Октября, в том числе и проведением масштабной амнистии, что для органов внутренних дел Дальнего Востока, территория которого соседствовала с теперь уже недружественным государством и где размещались многочисленные колонии, могло стать серьезной проблемой.

Стремясь максимально предусмотреть любой из сценариев, на местах были предприняты нетривиальные шаги. Так, начальник УООП Приморского края комиссар милиции III ранга О. А. Яковлев 26 октября 1967 г. своим приказом дал команду на вооружение подчиненного личного состава автоматами. Больше всего автоматов планировалось выделить оперативному дивизиону милиции Владивостока (85 шт.), городским Уссурийскому (40 шт.) и Находкинскому (22 шт.) отделам милиции. Согласно приказу автоматы следовало «привести в боевую готовность, закрепить за личным составом... до 1 ноября 1967 г.»[18].

Заместитель начальника УООП Хабаровского крайисполкома В. Г. Семилетко 30 октября 1967 г. утвердил планы мероприятий на случай возникновения массовых беспорядков в Хабаровске. В них был представлен подробный алгоритм действий сотрудников, закреплены ответственные лица, зафиксированы номера телефонов для связи. Так,

«План мероприятий на случай предупреждения и ликвидации массовых беспорядков в Хабаровске на объектах Водного транспорта»[19] включал в себя перечень основных объектов охраны, а также описание действий, сил и средств при объявлении сигнала «Сбор». Как указывалось: «С целью предупреждения и ликвидации массовых беспорядков на объектах Водного транспорта использовать все имеющиеся силы и средства Водного отделения милиции порта Хабаровск, членов добровольных народных дружин, внештатных сотрудников отделения милиции и агентуру, для чего создать 3 оперативных и 1 резервную группу»[20]. В плане предусматривалась и организация взаимодействия с органами КГБ: «...с опергруппами в контакте с работниками КГБ по транспорту устанавливается и поддерживается постоянная связь по телефону, направлением связных из числа резерва и мотопатруля»[21].

Особая задача возлагалась на уголовный розыск, которому поручалось при тесном взаимодействии с местными органами КГБ организовать наблюдение за лицами, склонными к совершению преступлений, взятыми в агентурную разработку, ранее судимыми, находящимися под гласным административным надзором, и иностранными гражданами.

В УООП Приморского края, очевидно, учитывая высказывания маоистов о том, что пролетариат и трудовой народ Советского Союза при поддержке китайских товарищей начнет революцию под знаменем ленинизма и свергнет господство «реакционной ревизионистской клики»[22], пошли еще дальше и приняли решение на время подготовки и проведения празднования 7 ноября усилить охрану зданий партийных и советских органов и контор государственных банков, создав резерв из трех автоматчиков внутри здания управления. На период с 4 до 10 ноября – «создать сводный отряд из работников милиции и двух рот автоматчиков конвойной части и подготовить автомашины для его перевозки», принять меры к организации светомаскировки в подведомственных зданиях, подготовить все наличные средства пожаротушения и закрепить за личным составом автоматы, провести занятия по их изучению и применению[23].

Опасения возможности военных провокаций китайцев на границе на фоне внутренних массовых беспорядков среди советских граждан были настолько велики, что 2 ноября 1967 г. комиссар милиции III ранга О. А. Яковлев приказал срочно создать на базе 176-го отряда Конвойного отдела МООП СССР и Отдела мест заключения УООП Приморского крайисполкома сводный отряд для ликвидации групповых неповиновений и побегов заключенных, массовых беспорядков в крупных населенных пунктах и городах, а также для действий в военное время по организации борьбы с мелкими диверсионно-разведывательными группами, обязав держать личный состав и транспортные средства в десятиминутной боевой готовности[24].

В дополнение к этому 4 ноября 1967 г. О. А. Яковлев приказал вооружить оперативный мотомеханизированный дивизион тремя ручными пулеметами Калашникова и одним станковым пулеметом «максим».

По воспоминаниям ветерана органов внутренних дел Л. С. Примакова, бывшего в рассматриваемый период начальником РОВД центрального района Хабаровска, накануне 7 ноября начальник управления П. В. Никитин, собрав руководителей подразделений, заметил: «Имейте в виду, что китайцы сказали – вы свой праздник будете встречать в окопах». В этот день все руководство осталось ночевать в своих кабинетах.

Однако, несмотря на все свои заявления в печати, по радио и дипломатическим каналам, в 1967 г. китайское руководство оказалось ни морально, ни экономически не готово к открытому военному конфликту с СССР. Юбилейные торжества, посвященные 50-летию Октябрьской революции, не были омрачены ни протестами населения, ни провокациями со стороны Китая.

Тем не менее предпринятые МООП СССР и его территориальных органов экстренные меры по повышению боевой готовности не были напрасными, став хорошей тренировкой по налаживанию взаимодействия между различными звеньями государственного механизма на случай внезапного осложнения обстановки в приграничных с Китаем районах страны.

Фактически в конце 1967 г. на Дальнем Востоке органами внутренних дел был обкатан сценарий грядущего военного конфликта 1969 г.

В ходе анализа архивных материалов удалось раскрыть одну из неизученных сторон деятельности дальневосточных органов правопорядка, не только активно занимавшихся своими прямыми обязанностями, связанными с обеспечением охраны общественного порядка и борьбой с преступностью, но и выполнявших узконаправленные задачи своих смежников по обеспечению государственной безопасности. Среди них – отслеживание состояния дел и настроений в обществе, выявление и задержание нарушителей границы, обеспечение паспортно-пограничного режима, разработка и реализация планов по силовому сопровождению массовых акций, подготовка сил и средств на случай вооруженных провокаций со стороны населения или военного конфликта с КНР с целью ликвидации диверсионных групп и парашютных десантов.

Представленные в статье документальные материалы косвенно свидетельствуют об имевшихся у руководства страны, органов внутренних дел сомнениях в лояльности поведения дальневосточников в случае военной провокации или начала полномасштабной войны.

Примечания

[1] *Мельников, В. Н.* Пограничная политика СССР на советско-китайской границе: 1949–1969 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2009. – 29 с. MELNIKOV, V. N. *Pogranichnaya politika SSSR na sovetsko-kitaiskoi granitse: 1949–1969 gg.*: Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk [Border policy of the USSR on the Soviet-Chinese border: 1949–1969: Cand. hist. sci. diss. abstract. In Russ.]. Ulan-Ude, 2009, 29 p.

[2] Территориальные притязания Пекина: Современность и история: Сборник статей / Под ред. Г. В. Васильева. – М.: Политиздат, 1979. – С. 23. *Territorial'nye prityazaniya Pekina: Sovremennost' i istoriya*: *Sbornik statei* [VASILIEV, G. V. (ed.). Territorial claims of Beijing: Modernity, history: Collected articles. In Russ.]. Moscow, Politizdat publ., 1979, p. 23.

[3] *Окороков, А.* Секретные войны Советского Союза. Китай. 1945–2004 гг. От «братской любви» до конфронтации. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.e-reading.club/book.php?book=95319 (дата обращения

22.01.19). OKOROKOV, A. *Sekretny'e voiny Sovetskogo Soyuza. Kitai. 1945–2004 gg. Ot "bratskoi lyubvi" do konfrontatsii* [The secret wars of the Soviet Union: China: 1945–2004: From "fraternal affection" to confrontation. In Russ.] [on-line]. Available at: http://www.e-reading.club/book.php?book=95319. (accessed 22.01.19).

[4] Архив управления МВД России по Хабаровскому краю (АУМВД России по ХК). Ф. 35. Оп. 24. Д. 8. Л. 21. *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Rossii po Khabarovskomu krayu* [Archive of the Russian Ministry of Internal Affairs Directorate for the Khabarovsk Krai] (AMVD Rossii po KhK), fond 35, series 24, file 8, p. 21.

[5] Там же. Л. 22. Ibid., p. 22.

[6] Там же. Л. 23–24. Ibid., pp. 23–24.

[7] Архив управления МВД России по Приморскому краю (АУМВД России по ПК). Ф. 12. Оп. 2. Д. 40. Л. 1. *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Rossii po Primorskomu krayu* [Archive of the Russian Ministry of Internal Affairs Directorate for the Primorsky Krai] (AMVD Rossii po PK), fond 12, series 2, file 40, p. 1.

[8] АУМВД России по ХК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 437. Л. 137. AMVD Rossii po KhK, fond 39, series 1, file 437, p. 137.

[9] Там же. Ibid.

[10] Там же. Ibid.

[11] Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 446. Л. 242. Ibid., fond 39, series 1, file 446, p. 242.

[12] Там же. Д. 438. Л. 294. Ibid., file 438, p. 294.

[13] Там же. Л. 295 об. Ibid, p. 295 verso.

[14] Там же. Л. 296 об. Ibid., p. 296 verso.

[15] АУМВД России по ПК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 49. Л. 1–75. AMVD Rossii po PK, fond 12, series 2, file 49, pp. 1–75.

[16] Закон о всеобщей воинской обязанности 12.10.1967 г. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1967 г. № 42. Ст. 552. *Zakon o vseobshchei voinskoi obyazannosti 12.10.1967 g.* [Law on Compulsory Military Service of October 12, 1967]. IN: *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR,* 1967, no. 42, art. 552.

[17] Там же. Ibid.

[18] АУМВД России по ПК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 42. Л. 227–229. AMVD Rossii po PK, fond 12, series 2, file 42, pp. 227–229.

[19] АУМВД России по ХК. Ф. 35. Оп. 28. Д. 8. Л. 5. AMVD Rossii po KhK, fond 35, series 28, file 8, p. 5.

[20] Там же. Ibid.

[21] Там же. Ibid.

[22] АУМВД России по ПК Ф. 125. Оп. 2. Д. 42. Л. 231. AMVD Rossii po PK, fond 125, series 2, file 42, p. 231.

[23] Там же. Ibid.

[24] Там же. Д. 43. Л. 23. Ibid., file 43, p. 23.

Список литературы

Мельников, В. Н. Пограничная политика СССР на советско-китайской границе: 1949–1969 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2009. – 29 с.

Окороков, А. Секретные войны Советского Союза. Китай. 1945–2004 гг. От «братской любви» до конфронтации. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.e-reading.club/book.php?book=95319 (дата обращения 22.01.2019).

Территориальные притязания Пекина: Современность и история: Сборник статей / Под ред. Г. В. Васильева. – М.: Политиздат, 1979. – 255 с.

References

MELNIKOV, V. N. *Pogranichnaya politika SSSR na sovetsko-kitajskoj granice: 1949–1969 gg.*: Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk [Border policy of the USSR on the Soviet-Chinese border: 1949–1969: Cand. hist. sci. diss. abstract. In Russ.]. Ulan-Ude, 2009, 29 p.

OKOROKOV, A. *Sekretny'e voiny' Sovetskogo Soyuza. Kitai. 1945–2004 gg. Ot "bratskoi lyubvi" do konfrontatsii.* [The Secret wars of the Soviet Union. China. 1945–2004. From "fraternal affection" to confrontation. In Russ.] [on-line]. Available at: http://www.e-reading.club/book.php?book=95319. (accessed 22.01.2019).

Territorial'ny'e prityazaniya Pekina: Sovremennost' i istoriya: Sbornik statei [VASILIEV, G. V. (ed). Territorial claims of Beijing: Modernity and history: Collected articles. In Russ.]. Moscow, Politizdat publ., 1979, 255 p.

Сведения об авторах

Дорохов Вячеслав Жоржович, кандидат исторических наук, доцент, Дальневосточный юридический институт МВД России, кафедра социально-гуманитарных и экономических дисциплин, заместитель начальника кафедры, г. Хабаровск, Российская Федерация, 8-924-207-64-38, dorohova_elen@mail.ru

Синиченко Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, Восточно-Сибирский институт МВД России, кафедра гражданско-правовых дисциплин, начальник кафедры, г. Иркутск, Российская Федерация, 8-9647334929, v.v.sinichenko@bk.ru

About authors

Dorohov Vyacheslav Zhorzhovich, PhD in History, associate professor, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, deputy head of the department of social and economic studies and humanities, Khabarovsk, Russian Federation, +7-924-207-64-38, dorohova_elen@mail.ru

Sinichenko Vladimir Viktorovich, PhD in History, professor, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, head of the philosophy, psychology, social studies and humanities department, Irkutsk, Russian Federation, +7-964-733-49-29, v.v.sinichenko@bk.ru

В редакцию статья поступила 22.01.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Дорохов, В. Ж., Синиченко, В. В. Подготовка органов внутренних дел СССР к действиям в условиях «военного времени» в 1967 г.: источниковедческий аспект // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1030–1045. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1030-1045

Submitted 22.01.2019, published (for citation):

DOROKHOV, V. Zh., SINICHENKO, V. V. *Podgotovka organov vnutrennikh del SSSR k deistviyam v usloviyakh "voennogo vremeni" v 1967 g.: istochnikovedcheskii aspekt* [Preparation of the Internal Affairs Agencies of the USSR to Action under Wartime Conditions in 1967: A Source Study Aspect. In Russ.]. IN*: Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1030–1045. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1030-1045

УДК 94(47).084.9
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1046-1058

А. В. Зотова
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

С. Н. Полторак
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Фотографии как специфический архивный источник в изучении биографии писателя Д. А. Гранина

Anastasia V. Zotova
St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation

Sergey N. Poltorak
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

Photography as a Peculiar Archival Source for Studying the Biography of the Writer D. A. Granin

Аннотация
В статье анализируются архивные документы и фотографии, свидетельствующие о многосторонней деятельности писателя Даниила Александровича Гранина в 1960–2010-х гг. Уходящий 2019 год прошел под знаком празднования 100-летия со дня его рождения, писатель был не только публицистом и драматургом, но и выдающимся общественным деятелем. Общественная деятельность и творчество писателя до сих пор почти не осмыслены. Парадоксальность ситуации состоит в том, что о широкоизвестном писателе и гуманисте почти ничего не известно с точки зрения исследования его биографии. В связи с этим авторы ставят цель изучить неизвестные стра-

ницы его биографии, сказавшиеся на творчестве и общественной работе. Фотодокументы говорят о многолетнем сотрудничестве Д. А. Гранина с выдающимися деятелями литературы, в том числе Б. Н. Полевым, В. Ф. Пановой, А. А. Прокофьевым, М. А. Дудиным. Фотоматериалы свидетельствуют о редких периодах досуга писателя, в частности о его отдыхе с женой Р. М. Майоровой в Карловых Варах (Чехословакия), о встречах с активистами общества милосердия «Ленинград», а также о встречах с читателями. Особенностью публикуемых фотографий является то, что они представляют полувековой период активного творческого процесса писателя и общественного деятеля. Большая часть снимков характеризует работу писателя в его родном городе – Ленинграде (Санкт-Петербурге), почетным гражданином которого он был с 2005 г. В статье делается вывод о том, что творчество Д. А. Гранина было близким и понятным не только представителям технической интеллигенции, но и самому широкому кругу советских и российских читателей. Подтверждение тому – многочисленные архивные фотографии, на которых Даниил Александрович встречается с поклонниками своего таланта – представителями различных слоев общества.

Abstract

The article analyses archival documents and photographs that bear testimony to varied activities of Daniil Alexandrovich Granin in 1960–2010s. The past year 2019 was marked by the celebration of the 100th anniversary of the birth of Daniil Aleksandrovich, who was not only a writer, publicist, and playwright, but also an outstanding public figure. His public work and creativity is not yet fully understood. Paradoxical as it may seem, biographer knows next to nothing about the well-known writer and humanist. Consequently, the authors aim to study the unknown facts of his biography, as they affected his writing and public work. Photo documents tell of long-term cooperation of D. A. Granin with outstanding literary figures, including B. N. Polevoy, V.F. Panova, A. A. Prokofiev, M. A. Dudin. Photographs bear witness to his rare periods of leisure, his vacationing with his wife R. M. Mayorova in Karlovy Vary (Czechoslovakia), in particular, and to his meeting with activists of the relief society “Leningrad,” as well as his numerous meetings with readers. What is important, the published photos represent a half-century period of his active creative and public work. Most photographs depict the writer at work in his hometown, Leningrad (St. Petersburg), of which he became an honorary citizen in 2005. The article concludes that the work of D. A. Granin was close and understandable not only to the technical

intelligentsia, but to a much wider circle of Soviet (Russian) readers as well. Numerous archival photographs of Daniil Aleksandrovich's meetings with fans from various strata of society prove this.

Ключевые слова
Исторические источники, Д. А. Гранин, Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, ЦГА КФФД СПб., исторический источник, история литературы.

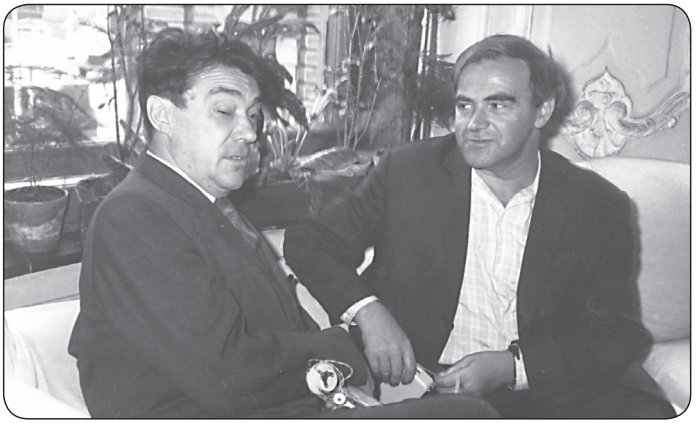
Keywords
Historical sources, D. A. Granin, Central State Film and Photo Archive of St. Petersburg, TsGA KFFD SPb, historical source, history of literature.

Актуальность статьи состоит в том, что Д. А. Гранин в своих произведениях в значительной мере сформировал образ россиянина не только второй половины XX в., но и начала нынешнего столетия[1]. В процессе проведения исследования использовались следующие методы: анализ, обобщение, синтез, сравнение, метод исторической периодизации. Это позволило комплексно подойти к рассмотрению сложной фигуры писателя.

Жизни и творчеству Даниила Александровича Гранина было посвящено немало работ как отечественных[2], так и зарубежных авторов[3]. В первой части публикации, рассказывающей об истории коллекции фотографий, хранящихся в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГА КФФД СПб.), был представлен анализ историографии исследуемой темы. Следует добавить, что Д. А. Гранин проявлял особый интерес к Германии, в которой побывал более 30 раз. В этой стране были опубликованы на немецком языке все труды писателя. Среди них и его знаменитая и значимая работа «Блокадная книга»[4]. Д. А. Гранин был чрезвычайно популярен и в государствах Прибалтики. В частности, в Латвии большое внимание уделено вкладу Д. А. Гранина в развитие латвийской драматургии[5]. Процесс формирования историографии о Данииле Александровиче продолжается, но до сих пор недостаточно работ, в которых используются архивные материалы.

В статье впервые вводятся в научный оборот фотографии Д. А. Гранина из ЦГА КФФД СПб., рассказывающие о деятельности писателя на протяжении 1960–2010-х гг. В архиве сохранились только четыре фотографии, касающиеся деятельности Д. А. Гранина в 1960-е гг. Но каждая из них – важная страница из жизни и деятельности писателя. Как и большинству молодых писателей, Д. А. Гранину в конце 1940-х – начале 1950-х гг. пришлось прокладывать себе дорогу в литературу, конкурируя с писателями, которые уже успели зарекомендовать себя как творческие личности. Этот процесс никогда не был простым. Даже очевидный талант Даниила Александровича не означал, что он будет встречен дружелюбно среди товарищей по литературному цеху. Вероятно, свою роль в писательском самоутверждении Д. А. Гранина сыграло то, что его творчество оценил один из самых известных и авторитетных в то время московских писателей Б. Н. Полевой. Борис Николаевич обладал даром выявления молодых дарований. Он сам еще относительно недавно, будучи девятнадцатилетним юношей, написал «Мемуары вшивого человека», которые не прошли незамеченными мимо М. Горького. С тех пор Алексей Максимович вел по жизни Б. Н. Полевого, защищая его от чиновников, завистников и бездарных коллег. К моменту знакомства с Д. А. Граниным Борис Николаевич был уже советской знаменитостью. По всему Советскому Союзу «гремело» его пронзительное произведение «Повесть о настоящем человеке». Имея большой опыт работы корреспондентом в газете «Правда», Б. Н. Полевой с 1961 г. стал возглавлять ведущий молодежный журнал «Юность», что дало ему еще больше возможностей в продвижении прежде неизвестных талантов.

Сохранилась архивная фотография, на которой Д. А. Гранин пытливым взглядом смотрит на Б. Н. Полевого. Фото отражает колорит своего времени: на нем сочетается несочетаемое – основательные и сделанные с большим вкусом двери одного из бывших петербургских особняков (вероятно, снимок был сделан в здании графа А. Д. Шереметева, ставшем позже помещением Ленинградского отделения Союза писателей СССР) и непрезентабельные комнатные растения



Писатели (слева направо): Б. Н. Полевой и Д. А. Гранин.
Начало 1960-х гг. Автор съемки Н. П. Карасев.
Место съемки: Ленинград. ЦГА КФФД СПб. Ар 119164
Writers (from left to right): B. N. Polevoy and D. A. Granin. Early 1960s.
Photography: N. P. Karasev. Location:
Leningrad. TsGA KFFD SPb, cipher Ar 119164

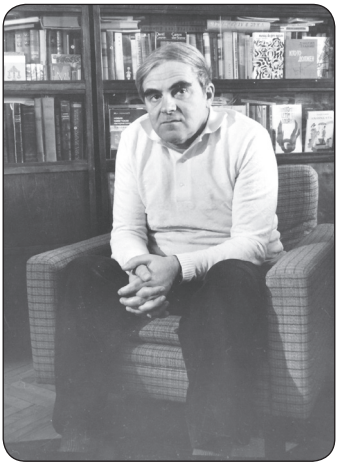
в некрасивых цветочных горшках[6]. Но фотография обладает большой ценностью: она запечатлела встречу талантливых писателей двух поколений. Думается, что эта фотография сделана не случайно. Она свидетельствует о том, что Даниил Александрович к началу 1960-х гг. уже занял прочное место не только в Ленинградской писательской организации, но и среди литературных функционеров, что было своеобразным подтверждением признания его дарования коллегами.

Представляет интерес фотография, на которой глава Ленинградской писательской организации А. А. Прокофьев, ставший делегатом XXII съезда КПСС, общается с другими ленинградскими писателями. Фото было сделано месяц спустя после завершения работы партийного форума. Скорее всего замысел автора снимка состоял в том, чтобы сохранить фотодокумент, рассказывающий о том, как делегат съезда А. А. Прокофьев популяризирует среди коллег решения главного партийного собрания страны[7].

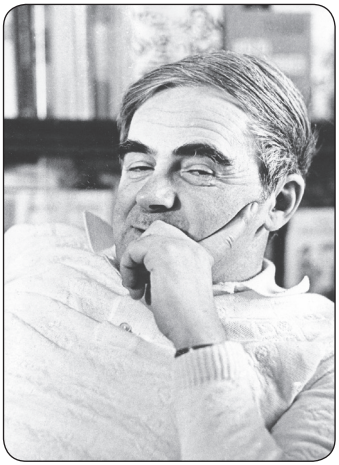
Писатель Д. А. Гранин во время встречи с ленинградцами.
1960-е гг. Автор съемки неизвестен. Место съемки:
Ленинград. ЦГА КФФД СПб. Ар 68188.
Writer D. A. Granin during his meeting with citizens of Leningrad.
1960s. Photography: unknown. Location:
Leningrad. TsGA KFFD SPb, cipher Ar 68188

Еще одним интересным свидетельством писательской атмосферы Ленинграда 1960-х гг. стала фотография, сделанная на творческом вечере писательницы В. Ф. Пановой[8]. Рядом с ней – Д. А. Гранин и поэт М. А. Дудин, с которым Даниил Александрович дружил долгие годы. К творчеству Веры Федоровны Д. А. Гранин относился с большим уважением и интересом.

Д. А. Гранин в 1960-е гг. стал очень популярным среди читателей, особенно представителей технической интеллигенции. Его мыслям, высказанным в ходе многочисленных встреч, внимали инженеры, научные сотрудники, студенты. У Даниила Александровича сложился свой неповторимый стиль общения: он был прост, доступен, доброжелателен. Ему нравилось размышлять вслух, и его мысли всегда отличались смелостью, искренностью, исходившей от самого сердца. У него сложился и прочный стиль одежды. Он никогда не носил галстуки. Носил неброские отечественные костюмы или неяркие



Д. А. Гранин в домашней обстановке. 1974 г. Автор съемки И. А. Наровлянский. Место съемки: Ленинград. ЦГА КФФД СПб. Бр 64692. Signature: D. A. Granin at home. 1974. Photography: I. A. Narovlyansky. Location: Leningrad. TsGA KFFD SPb, cipher Br 64692



Д. А. Гранин в домашней обстановке. 1974 г. Автор съемки И. А. Наровлянский. Место съемки: Ленинград. ЦГА КФФД СПб. Ар 192063. D. A. Granin at home. 1974. Photography: I. A. Narovlyansky. Location: Leningrad. TsGA KFFD SPb, cipher Ar 192063

пиджаки с темными брюками, клетчатые рубашки. Д. А. Гранин всегда говорил четко, неспешно. Его интонации никогда не были поучительными, поэтому в любом коллективе, куда бы он ни приезжал, он быстро становился своим[9].

В архиве хранится более двадцати фотографий, сделанных в 1970-е гг. Не раз писателя снимали в домашней обстановке, иногда – с фотоаппаратом в руках. Особенностью фото того времени было то, что несколько из них сделаны в Чехословакии, где в марте 1979 г. писатель отдыхал вместе с женой Р. М. Майоровой[10].

В середине 1970-х гг. Д. А. Гранин уже занял прочное место в числе корифеев советской литературы. Его книги издавались

на иностранных языках и языках народов СССР. Д. А. Гранин не был тщеславным человеком, но при этом в рабочем кабинете несколько книжных полок было отведено для его собственных опубликованных трудов. Этот факт запечатлен на одной из фотографий[11].

В архиве есть немало постановочных фотографий. На одной из них писатель смотрит в объектив с хитроватым прищуром. При взгляде на это фото возникает ощущение, что этот человек – всегда большая тайна. Но самое удивительное состоит в том, что он большая тайна не только для читателей, но и для себя самого. Всю свою жизнь он пытался разобраться в своем внутреннем мире, и его творческая лаборатория была неиссякаемым источником. Даниил Александрович познавал мир через собственное мировосприятие[12].

Произведения Д. А. Гранина привлекали внимание не только технической интеллигенции, но и широкого круга советских читателей. Это подтверждают архивные фотодокументы. Среди многочисленных фотографий Даниила Александровича в архиве есть та, на которой он запечатлен среди работниц птицефабрики поселка Русско-Высоцкое Пушкинского района Ленинградской области. Ее никак не назовешь постановочной, поскольку видно, с каким воодушевлением и вниманием относятся сотрудницы к писателю. На их лицах нескрываемый интерес к личности этого человека, радость от общения с ним. Надо признать, что радость эта – взаимна. И в этом тоже проявляется человеческая суть Д. А. Гранина[13].

1980-е, как известно, вобрали в себя целую эпоху: завершающие годы периода застоя и год перестройки. На перестроечной волне у Д. А. Гранина возникли идеи создания общества «Милосердие». Идея была столь популярной, что захватила многих жителей СССР. Но зародилась она в Ленинграде, о чем свидетельствуют четыре архивные фотографии. На нескольких из них – руководитель координационного центра будущего общества «Милосердие» Д. А. Гранин. Есть и фотография, на которой писатель, возглавляющий благотворительное общество милосердия «Ленинград» (позже – «Невский ангел»), беседует со слушателями Школы милосердия, располагавшейся по адресу ул. Дзержинского (ныне – Гороховая ул.), дом 5[14].

Писатель Д. А. Гранин среди читателей Русско-Высоцкой птицефабрики. 12 февраля 1976. Автор съемки Б. П. Червяков. Место съемки: Ленинград. ЦГА КФФД СПб. Ар 173883
Writer D. A. Granin among readers from the Russko-Vysotskaya poultry farm. February 12, 1976. Photography: B. P. Chervyakov. Location: Leningrad. TsGA KFFD SPb, cipher Ar 173883

Среди самых задушевных друзей Д. А. Гранина был писатель М. А. Дудин. Их объединяло очень многое: они были удивительно талантливы, добросердечны, оба имели боевой опыт. Но было в них еще одно объединяющее начало: в них обоих до преклонных лет сохранилась какая-то удивительная мальчишеская шкодливость. Она время от времени прорывалась в гранинских романах-воспоминаниях, где Даниил Александрович писал о своем детстве, в «грешных рифмах», которые были по-дудински талантливы не менее, чем лирические стихи Михаила Александровича. В архиве сохранились фотографии «перестроечного времени», на которых Д. А. Гранин и М. А. Дудин рядом[15]. Их взаимная симпатия очевидна. Великое счастье, что эти два выдающихся таланта встретились и до конца дней сохранили теплые воспоминания о своей дружбе.

Фотографии постсоветского периода, как представляется, менее интересны тех, что были сделаны в ранние годы

Поэт М. А. Дудин (справа) и писатель Д. А. Гранин
во дворе дома Д. А. Гранина на улице Братьев Васильевых
(позже – Малая Посадская ул.). Сентябрь 1988 г.
Автор съемки Ю. Г. Белинский. Место съемки: Ленинград.
ЦГА КФФД СПб. Ар 203797
Poet M. A. Dudin (right) and writer D. A. Granin in the yard of D. A. Granin's
house on Vasiliev Brothers Street (later, Malaya Posadskaya Street).
September 1988. Photography: Yu. G. Belinsky.
Location: Leningrad. TsGA KFFD SPb, cipher Ar 203797

творчества Д. А. Гранина и в период расцвета его мастерства. На фото 1990–2010-х гг. маститый писатель в основном запечатлен в момент, когда вручает различные премии и грамоты деятелям культуры, литературы и искусства. Есть снимки, на которых Даниил Александрович сфотографирован с известными людьми: губернатором Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко, министром культуры РФ М. Е. Швыдким, вице-губернатором Санкт-Петербурга А. Ю. Маниловой, генеральным консулом США в Санкт-Петербурге Ш. Гуолтни, председателем Счетной палаты РФ С. В. Степашиным.

Удивительный парадокс: биография знаменитого писателя Д. А. Гранина до сих пор не изучена. Историкам еще предстоит обобщить историографические сведения, а также разыскать архивные документы, свидетельствующие о его жизни

и деятельности. Среди них важную роль играют фотодокументы Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, многие из которых заслуживают пытливого взгляда исследователя.

Примечания

[1] Публикация является продолжением материала в журнале «Вестник архивиста» / Herald of an Archivist, основанного на коллекции фотографий писателя Д. А. Гранина, хранящихся в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГА КФФД СПб.). См.: *Зотова, А. В., Полторак, С. Н.* Архивные фотографии писателя Даниила Гранина как исторический источник // Вестник архивиста. – 2019. – № 3. – С. 738–750. doi 10.28995/2073-0101-2019-3-738-750. ZOTOVA, A. V., POLTORAK, S. N. *Arkhivnye fotografii pisatelya Daniila Granina kak istoricheskii istochnik* [Archival Photographs of the Writer D. A. Granin as a Historical Source. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 3, pp. 738–750. doi 10.28995/2073-0101-2019-3-738-750

[2] *Скопкарева, С. Л.* В поисках идеала: Концепция личности в прозе Д. Гранина 60–80-х гг. – М.: Прометей, 1998. – 147 с. SKOPKAREVA, S. L. *V poiskakh ideala: Kontseptsiya lichnosti v proze D. Granina 60–80-kh gg.* [In Search of the Ideal: The Concept of Personality in D. Granin's Prose of the 60–80s. In Russ.]. Moscow, Prometei publ., 1988, 147 p.

[3] GRANYIN, D. *Korszákov mérnök győzelme*. Budapest, Új M. Könyvkiadó, 1951, 95 p.

[4] GRANIN, D. *Blockadebuch: Leningrad 1941–1944* / Ales Adamowitsch, Daniil Granin. Berlin, Aufbau, 2018, 703 s.

[5] *Teātris un dzīve, 30*. Rīga: Liema, 1986. 216 lpp.

[6] Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГА КФФД СПб.). Ар 119164. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Film and Photo Archive of St. Petersburg] (TsGA KFFD SPb), cipher Ar 119164. Подпись: Писатели (слева направо): Б. Н. Полевой и Д. А. Гранин. Начало 1960-х гг. Автор съемки Н. П. Карасев. Место съемки: Ленинград.

[7] Там же. Ар 78061. Ibid., cipher Ar 78061. Подпись: Делегат XXII съезда КПСС поэт А. А. Прокофьев делится с товарищами впечатлениями о работе съезда. Слева направо: сидят – Д. Гранин, Э. Грин, А. Чепуров, А. Прокофьев, А. Эльяшевич, В. Инфантьев; стоит – А. Минчковский. 23 ноября 1961 г. Автор съемки В. Г. Федосеев. Место съемки: Ленинград.

[8] Там же. Ар 68189. Ibid., cipher Ar 68189. Подпись: Президиум творческого вечера писательницы В. Пановой (сидит справа от микрофона).

У микрофона писатель Д. Гранин, слева от микрофона сидит поэт М. Дудин. 1965 г. Автор съемки неизвестен. Место съемки: Ленинград.

[9] Там же. Ар 68188. Ibid., cipher Ar 68188. Подпись: Писатель Д. А. Гранин во время встречи с ленинградцами. 1960-е гг. Автор съемки неизвестен. Место съемки: Ленинград.

[10] Там же. Ар 184463. Ibid., cipher Ar 184463. Подпись: Писатель Д. А. Гранин с [супругой] в г. Карловы Вары. Март 1979 г. Автор съемки Н. А. Науменков. Место съемки: Чехословакия, г. Карловы Вары.

[11] Там же. Бр 64692. Ibid., cipher Br 64692. Подпись: Д. А. Гранин в домашней обстановке. 1974 г. Автор съемки И. А. Наровлянский. Место съемки: Ленинград.

[12] Там же. Ар 192063. Ibid., cipher Ar 192063. Подпись: Д. А. Гранин в домашней обстановке. 1974 г. Автор съемки И. А. Наровлянский. Место съемки: Ленинград.

[13] Там же. Ар 173883. Ibid., cipher Ar 173883. Подпись: Писатель Д. А. Гранин среди читателей Русско-Высоцкой птицефабрики. 12 февраля 1976. Автор съемки Б. П. Червяков. Место съемки: Ленинград.

[14] Там же. Ар 184466. Ibid., cipher Ar 184466. Подпись: Писатель Д. А. Гранин, руководитель общества милосердия «Ленинград», беседует со слушателями Школы милосердия (ул. Дзержинского, 5). Октябрь 1989 г. Автор съемки Н. А. Беркетов. Место съемки: Ленинград.

[15] Там же. Ар 203797. Ibid., cipher Ar 203797. Подпись: Поэт М. А. Дудин (справа) и писатель Д. А. Гранин во дворе дома Д. А. Гранина на улице Братьев Васильевых (позже – Малая Посадская ул.). сентябрь 1988 г. Автор съемки Ю. Г. Белинский. Место съемки: Ленинград.

Список литературы

Скопкарева, С. Л. В поисках идеала: Концепция личности в прозе Д. Гранина 60–80-х гг. – М.: Прометей, 1998. – 147 с.

GRANIN, D. Blockadebuch: Leningrad 1941–1944 / Ales Adamowitsch, Daniil Granin. Berlin, Aufbau, 2018, 703 s.

GRANYIN, D. Korszákov mérnök győzelme. Budapest, Új M. Könyvkiadó, 1951, 95 p.

Teātris un dzīve, 30. Rīga: Liema, 1986. 216 lpp.

References

GRANIN, D. *Blockadebuch: Leningrad 1941–1944*. Berlin, Aufbau, 2018, 703 s.

GRANYIN, D. *Korszákov mérnök győzelme*. Budapest, Új M. Könyvkiadó, 1951, 95 p.

SKOPKAREVA, S. L. *V poiskakh ideala: Kontseptsiya lichnosti v proze D. Granina 60–80-kh gg.* [In Search of the Ideal: The Concept of Personality in D. Granin's Prose of the 60–80s. In Russ.]. Moscow, Prometei publ., 1988, 147 p.

Teātris un dzīve, 30. Rīga: Liema, 1986, 216 lpp.

Сведения об авторах

Зотова Анастасия Валерьевна, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра международных отношений на постсоветском пространстве, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-931-333-20-09, anastasiyazotova@mail.ru.

Полторак Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-906-268-87-14; poltorak2006@yandex.ru

About authors

Zotova Anastasia Valerievna, PhD in History, associate professor, St. Petersburg State University, assistant professor, St. Petersburg, Russian Federation, +7-931-333-20-09, anastasiyazotova@mail.ru

Poltorak Sergey Nikolaevich, PhD in History, professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Professor, Russian Federation, St. Petersburg, +7-906-268-87-14; poltorak2006@yandex.ru

В редакцию статья поступила 27.05.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Зотова, А. В., Полторак, С. Н. Фотографии как специфический архивный источник в изучении биографии писателя Д. А. Гранина // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1046–1058. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1046-1058

Submitted 27.05.2019, published (for citation):

ZOTOVA, A. V., POLTORAK, S. N. *Fotografii kak spetsificheskii arkhivnyi istochnik v izuchenii biografii pisatelya D. A. Granina* [Photography as a Peculiar Archival Source for Studying the Biography of the Writer D. A. Granin. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1046–1058. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1046-1058

УДК 930.85+94(47)
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1059-1073

С. С. Ипполитов
Московский государственный институт культуры,
г. Москва, Российская Федерация

Маргинализация как гуманитарная проблема Русского зарубежья. 1920–1930-е гг.

Sergey S. Ippolitov
Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russian Federation

Marginalization as Humanitarian Problem of the Russian Abroad: The 1920s–1930s

Аннотация
Психологическое состояние людей, вынужденно покинувших свою родину, в 1920–1930-е гг. оказало сильнейшее влияние на процесс их социальной адаптации в изгнании, став частью общего гуманитарного полотна Русского зарубежья. В настоящей статье на основе неопубликованных источников Государственного архива Российской Федерации и коллекции периодики русского зарубежья, хранящейся в РГБ, изучаются деструктивные тенденции, происходившие в среде российской эмиграции, которые привели некоторую часть беженцев в пограничное – маргинальное – положение. Целью исследования является поиск в исторической ретроспективе ответов на вызовы, стоящие сегодня перед русскими диаспорами в странах ближнего и дальнего зарубежья: рецепта сохранения национальной и культурной идентичности во враждебной среде. Освещаемая в статье проблема продолжает оставаться малоизученной: в отечественной историографии существует лишь несколько исследований, затраги-

вающих эту тему. Исследование основывалось на методе междисциплинарного синтеза: правовые, экономические, психологические, культурные процессы в эмигрантской среде изучались в качестве составных элементов в решении поставленной задачи, значимость которой заключена в схожести тенденций столетней давности и тех явлений, которые наблюдаются сегодня в национальных диаспорах по всему миру. Маргинализация как гуманитарная проблема Русского зарубежья имела своим следствием денационализацию, размывание культурной идентичности, утрату ментального и культурного единства с покинутой родиной. Особенно драматично происходил процесс маргинализации бывших российских военнослужащих, чья социальная адаптация в условиях изгнания сталкивалась с наибольшими трудностями. Российские эмигранты в силу целого ряда причин не только сами опускались на общественное дно, но и пополняли криминальные сообщества стран пребывания, нередко становились жертвами преступлений. Этому процессу пытались противостоять. Сами офицеры, точнее наиболее образованная и культурная часть офицерского сообщества, всеми доступными средствами тормозили процесс нравственного распада. Наиболее ярким эпизодом в этой борьбе являлась деятельность судов чести, создававшихся в местах компактного расселения российских офицеров за границей.

Abstract

Psychological state of the people who had to leave their homeland in the 1920s–1930s greatly influenced their social adaptation in exile and was woven into a common humanitarian fabric of the Russian abroad. The article draws on unpublished sources from the State Archive of the Russian Federation and on the collection of periodical press of the Russian abroad stored in the Russian State Library (RGB) to study destructive trends in the milieu of Russian emigration that brought some refugees into borderland – marginal – situation. The research is to search in the historical retrospective for answers to the challenges facing the today Russian diaspora in the countries of the FSU and beyond, a recipe for maintaining national and cultural identity in the hostile environment. The problem remains poorly studied: in the domestic historiography there are few researches touching upon the subject. The research is based on the method of cross-disciplinary synthesis: legal, economic, psychological, cultural processes in émigré circles are studied as elements of the puzzle, the significance of which lies in the similarity of trends of a century ago and those we observe in the national diasporas worldwide today. Marginalization as humanitarian problem of the Russian abroad resulted in denationalization, washing out of cultural identity, loss of mental and

cultural unity with the homeland left behind. Marginalization was most dramatic for former Russian military servicemen, as their social adaptation in exile encountered most severe difficulties. For a host of reasons, Russian emigrants not just drifted to the underworld, but also joined criminal communities or became the victims of crimes, try to resist to this process as they may. Officers, or more precisely, the most educated part of the officership, by all means strove to slow down the process of moral disintegration. The brightest episode in this struggle was emergence the courts of honor, created by the Russian officers in places of their compact resettlement.

Ключевые слова
Исторические источники, Русское зарубежье, маргинализация, социальная адаптация, культурная идентичность, российская эмиграция.

Keywords
Historical sources, Russian abroad, marginalization, social adaptation, cultural identity, Russian emigration.

Эмиграция – тяжелейшее испытание, породившее душевный кризис у многих тысяч россиян, покинувших родину. Порой неразрешимые психологические, нравственные, этические, интеллектуальные противоречия, тяжелейший социокультурный стресс подводили людей к черте душевной катастрофы, часто провоцируя распад личности, падение на дно социальной жизни, правонарушения, культурную деградацию или самоубийство. На внутренний мир русского человека в эмиграции оказывали влияние самые различные факторы. Изучение процессов дезадаптации, маргинализации, денационализации приобретает сегодня особую актуальность: языковой, политический, культурный прессинг, которому в XXI в. подвергаются русские диаспоры в ближнем и дальнем зарубежье, требует выработки действенных механизмов сохранения национальной и культурной идентичности наших соотечественников в условиях враждебной среды.

Отрыв от родины, резкое снижение социального статуса, профессиональная невостребованность и невозможность самореализации на чужбине, нищета и одиночество, языковой барьер и чуждая культурная среда, тоска по оставленным

в России родным и враждебное влияние окружающей среды – все эти факторы разрушающим образом воздействовали на внутренний мир эмигранта. При этом материальное благополучие вовсе не играло, как это принято считать, решающей роли в мироощущении русского человека в изгнании. Природная предприимчивость и трудолюбие позволяли русским эмигрантам в достаточно короткие сроки обеспечить себе и своим семьям достойный уровень материальной жизни. И тем не менее на протяжении двух межвоенных десятилетий сообщения о тех или иных трагедиях, связанных с выходцами из России, не покидали страницы европейской и американской прессы. Самоубийства, нерациональные и труднообъяснимые на первый взгляд поступки, бросающие вызов «приличному» обществу, рискованные авантюры в бизнесе и показное пренебрежение к собственной жизни в локальных конфликтах по всему миру, в которых принимали участие бывшие российские военнослужащие, – эти и подобные проявления глубокого внутреннего конфликта являлись неотъемлемой частью повседневной жизни русских колоний.

Деструктивные процессы в среде российской эмиграции в 1920–1930-х гг. изучались в диссертации К. В. Львова[1]. Автор исследовал «пограничное состояние», в котором оказывалась значительная часть русских беженцев на определенном этапе своей адаптации в новом обществе. Эта «пограничность» проявлялась в дезадаптации, социальном падении, духовном и ментальном кризисе личности. Человек, подвергавшийся в изгнании многочисленным стрессовым ситуациям, не всегда имел моральные силы противостоять возникающим вызовам, постепенно опускаясь на общественное дно – маргинализируясь. Крайней стадией такой дезадаптации становился суицид, когда достигался предел человеческих возможностей в противостоянии с внешними и внутренними деструктивными факторами.

Изучались эти неприглядные процессы и зарубежными авторами. Несколько лет назад вышла в свет на русском языке монография французской исследовательницы Катрин Гусефф[2]. Автор привлекла к исследованию обширную источниковую базу по французской демографии периода

1920–1930-х гг., сделав любопытные выводы о корреляции и согласованности процессов в среде российской эмиграции и французского общества.

Борьба за жизнь в прямом и переносном смысле ставила перед эмигрантами задачи, решение которых они не всегда находили в правовом поле страны пребывания. Общественные пороки, свойственные любому государству, неизбежно проникали в эмигрантскую среду. Но и эмигрантское сообщество не было однородным. Среди беженцев находилось немало людей, прошедших одну из самых кровавых в истории гражданских войн, людей, чей «нравственный компас» уже не мог показывать правильное направление в жизни. Именно поэтому некоторая часть эмигрантов постепенно оказывалась в пограничном – маргинальном – психологическом, правовом и социальном положении и нередко опускалась на дно общества.

Драматично происходила ломка устоявшихся этических, культурных, нравственных норм в среде российского офицерства. Именно эта категория эмигрантов, долгое время связанная кастовыми узами, в наибольшей степени сохраняла понятия «честь» и «достоинство». Сравнительно долгое время после эмиграции из России, сохраняя воинскую организацию, наименования воинских частей, мундиры, знамена, некоторую дисциплину, российские офицеры каждый день сталкивались с ситуациями, вызывавшими острый конфликт в их устоявшемся годами мировоззрении. Деструктивные процессы в офицерской среде набирали силу постепенно. Сначала один, другой, третий офицер говорили слова или совершали поступки, ранее немыслимые в офицерской среде. Потом к такому поведению привыкали, понижение уровня общения и культуры становилось обыденным, привычным и уже не вызывало острой реакции у бывших сослуживцев.

Сами офицеры, точнее наиболее образованная и культурная часть офицерского сообщества, всеми доступными средствами тормозили процесс нравственного распада. Наиболее ярким эпизодом в этой борьбе являлась деятельность судов чести, создававшихся в местах компактного расселения российских офицеров за границей.

Документов, содержащих подробности дел, которые рассматривались судами чести, сохранилось довольно много. Все они отражают безрадостную картину ассимиляции российского офицерства, его адаптации к окружающим условиям жизни, постепенного перехода на положение беженцев, с их каждодневной борьбой за кусок хлеба насущного. И процесс этой ассимиляции неизбежно сопровождался такими малопривлекательными явлениями, как воровство, бытовое хамство, казнокрадство, пьянство.

Интересным в этой связи представляется дело штабс-капитана Романовского, служившего в Дроздовском стрелковом полку; его дело рассматривалось в суде чести. Дроздовский полк после крымской эвакуации оказался в Болгарии, где, сохраняя черты воинской организации, по сути занимался вольными заработками.

Давая показания суду чести в 1923 г., штабс-капитан Романовский писал о своем конфликте с сослуживцем, капитаном Унковским: «Я считал смешным защищать офицерскую честь, как это сделал капитан Унковский, так как в течение 8 часов работы в складе стоит неумолкаемая матерная брань, и на это никто не обращал внимания. Во время работы каждый офицер должен не придавать значения тому, что он офицер, так как нам, офицерам, неоднократно приходится сталкиваться на работе с болгарами, которые очень часто оскорбляют офицерское достоинство, и тогда каждому офицеру, которого оскорбляют болгары, нужно уходить из части или же покончить жизнь самоубийством, так как защищать на работе честь офицера нет никакой возможности, а, следовательно, в настоящее время уже не было бы офицеров в частях, да и в живых мало бы осталось.

Капитан Унковский говорит об офицерской чести в то время, как этот же капитан Унковский, работая на сахарной фабрике, таскал сахар и мешки к себе домой, как и все другие, работающие вместе с ним»[3].

В этом объяснении офицера Романовского оказались сконцентрированы практически все нравственные и этические переживания, все проблемы межличностного общения, характерные для российской офицерской среды этого периода эмиграции.

Здесь и внутренний конфликт человека, воспитанного в традициях воинской чести, и осознание необходимости адаптироваться и приспосабливаться под внешние, порой враждебные, условия жизни и работы, и межнациональные конфликты, и признаки кризиса того воинского коллектива, к традициям и принципам которого все участники конфликта, без сомнения, были причастны.

Кража сахара и пустых мешков со склада – еще несколько лет назад одна мысль о подобном деянии, совершенном русским офицером, показалась бы участникам событий абсолютно дикой. Но вот прошло несколько эмигрантских лет, и об этом уже рассуждают без одобрения, но и без особого осуждения, как о факте малосимпатичном, но вполне допустимом, на что указывают слова «как и все другие, работающие вместе с ним». Из последних слов можно сделать вывод, что и сам капитан Романовский, дававший объяснения суду чести, вполне мог быть соучастником этих мелких краж сахара и мешков или по крайней мере свидетелем таковых, но ничуть в этом не раскаивается, а упоминает лишь в контексте другого конфликта.

Чем закончилась эта история – неизвестно: рассмотрение дела в суде чести не состоялось, поскольку капитан Унковский к тому моменту убыл во Францию, а штабс-капитан Романовский на суд не явился, написав записку, что «не может оставить свою работу»[4].

Еще более вопиющим представлялось дело полковника Линко, преподавателя фортификации Константиновского военного училища в Болгарии. Это дело также рассматривалось судом чести, но, в отличие от дела штабс-капитана Романовского, при его рассмотрении собирались свидетельские показания, шло дознание и дело имело последствия.

В процессе дознания вскрылись малоприглядные факты. Из показаний полковника Грибановского следовало, что «полковник Линко, пользуясь кредитом в некоторых ресторанах во время работы в районе Петрича при отъезде не уплатил за взятое, что создало нежелательные разговоры о русских офицерах среди болгар вообще, в частности полковника Линко болгары в разговоре с нашими офицерами называют не иначе как “шмекер”, что в переводе на русский означает “бродяга”[5].

Столь нелестное прозвище русского офицера, носящего константиновский мундир, является оскорбительным и позорящим...». И далее полковник Грибановский просил суд чести, «оберегая доброе имя офицера и дорожа честью мундира», лишить полковника Линко права на его ношение[6].

В итоге полковник Генерального штаба Коньков в своем заявлении, представленном в суд чести, отмечал, что за время пребывания в училище полковник Линко зарекомендовал себя с самой худшей стороны: пьянство, заём денег у солдат даже в то время, когда исполнял обязанности начальника училища, уклонение от уплаты долгов скрыванием своего адреса, присвоение чужих вещей и т. п. Перечисленное позволило ходатайствовать о переводе полковника на беженское положение[7].

Но почему человека, совершавшего абсолютно конкретные уголовные преступления, не передавали в руки местной полиции? Почему ему было позволено ездить в отпуск, его не увольняли с высокой должности в училище?

Ответ здесь, вероятно, кроется в сохранении еще на тот момент в офицерской среде корпоративной, кастовой солидарности, которая была так сильна в период службы в России. «Паршивую овцу» не выдавали полиции, не увольняли со службы в стремлении скрыть столь недостойное поведение члена офицерского сообщества, в стремлении «оберегать доброе имя офицера и дорожить честью мундира».

Бытовые зарисовки из эмигрантской жизни того периода дают обильную пищу для размышлений. С одной стороны, попытки ассимилироваться в западном обществе заставляли эмигрантов пытаться «жить как все», вступая в брак, адаптируясь к требованиям окружения, меняя имена и фамилии, постепенно «врастая» в обыденные реалии чужой страны.

Упрощение быта, снижение требований к собственному уровню духовной и бытовой жизни было нередким явлением в эмигрантской среде: «Зачем еще возиться с этой чистотой? – отвечает на укоры соседок в одном ривьерском русском доме некогда богатейшая дама. – Мне время дорого, немного осталось. Что же я, считанные минуты уходящей жизни буду тратить на черную работу? Грязно, не метено, порядку нет? И не нужно: я и внимания на это не обращаю»[8].

Очень может быть, что именно внутренним желанием противостоять падению на дно общественной жизни объяснялись и случаи самоубийств в эмигрантской среде, сообщения о которых часто встречались на страницах иностранной прессы.

Так, «русский морской офицер Борис Панфилов застрелился в номере Отель-де-Петроград, снятом им на одну ночь. В посмертной записке молодой офицер написал, что больше был не в состоянии выносить моральные унижения, и по этой причине покончил с жизнью»[9].

Член Союза русской присяжной адвокатуры М. Л. Гольдштейн принял яд по иным причинам. Состоятельный и уважаемый человек не смог перенести смерть жены от тифа; хрупкое душевное равновесие российского эмигранта было окончательно разрушено потерей последнего близкого человека. Нравственные страдания эмиграции и кончина любимого человека, слившись воедино, превысили возможности психологической адаптации, что привело к решению покончить с жизнью.

Вместе с тем говорить о каких-то особенных негативных чертах или пороках, привнесенных российскими эмигрантами в западное общество, не приходится. Европа и Америка 1920–1940-х гг. были отнюдь не обществами «всеобщего благоденствия», свободными от насилия, корысти и попрания прав ближнего. Маргинальное положение, в силу ряда объективных и субъективных причин, занимала лишь незначительная часть российских беженцев. Подавляющее большинство этих людей были воспитаны в традиционных российских семьях и стремились всеми возможными путями сохранять и в душе, и в повседневной жизни те культурные и духовные устои и традиции, которые были привезены ими со своей родины.

Именно эта, наиболее законопослушная, трудолюбивая и деятельная часть эмигрантского сообщества зачастую становилась объектом посягательств криминальной среды. Эмигранты в полной мере ощутили на себе и тяжесть мирового кризиса, обострившего криминогенную обстановку в европейских странах и Америке, и ксенофобские настроения местного населения, и правовую незащищенность своей собственности, и уязвимость собственного юридического статуса.

Криминальная хроника зарубежной прессы этого периода пестрела подобными сюжетами. Парижские «Последние новости» в 1926 г. так рассказывали на своих страницах об убийстве российского эмигранта: «В Тонэ Шарант зверски убит русский Александр Соколов, работавший на заводе Сен-Гобен. Жил он в деревянных бараках близ завода. По пути на Соколова напали два человека и насильно посадили в грузовик. Соколов оказал сильное сопротивление, но его связали бечевками и влили ему в горло какую-то ядовитую жидкость. Думая, что Соколов умер, неизвестные выбросили его из грузовика и сами уехали. Несмотря на страшные боли, буквально сжигавшие ему внутренности, Соколов перегрыз зубами веревки, встал и пошел искать помощи. Только утром подобрали несчастного крестьяне. Через несколько минут Соколов умер. Нападение, видимо, было заранее обдумано»[10].

В этом жутком сюжете очень живо предстало то положение, в котором находились россияне во Франции. Здесь и работа на заводе «за городом», и жизнь в «деревянных бараках», и небезуспешные попытки ассимилироваться, и полное равнодушие местных жителей к судьбе, по их мнению, безродного бродяги.

Впрочем, с течением времени россияне все лучше осваивали ту среду обитания, где им пришлось поселиться, и все чаще они меняли роль ущемленной категории жителей на роль требовательных и сильных хозяев. Очень часто предприимчивым русским удавалось балансировать на грани, демонстрируя свое физическое превосходство, активность, если не сказать наглость, в то же время не делая рокового шага, отделявшего их от нарушения уголовного законодательства.

Показателен в этом смысле «бизнес», налаженный одним эмигрантом в Париже. Вот как об этом писали «Последние новости»: «Есть русский, занимающийся взысканием безнадежных долгов. Получив доверенность на истребование долга в форме обыкновенного письма, доверенный является к должнику и, проникнув в квартиру, без обиняков сообщает о цели своего визита. Должник видит: парень здоровый, в шею вытолкать нельзя. А тот сидит себе и сидит. Способ

один: что-нибудь заплатить. Из полученного кредитору честно выдается условленная половина»[11].

Драматично складывались судьбы российских эмигрантов в Южной Америке. Заинтересованные в освоении обширных территорий, южноамериканские страны в 1920–1930-х гг. проводили агрессивную рекламную кампанию по привлечению на неосвоенные земли переселенцев со всего мира. Известный русский публицист К. К. Парчевский приводил слова одного, как он его охарактеризовал, из «местных пессимистов», определявшего состояние акклиматизирующихся русских очень кратко: «мужчины пьют, женщины плачут»[12].

Этим душевным смятением, неустроенностью, незащищенностью россиян, их тоской и неудовлетворенностью жизнью очень быстро воспользовались и другие, более страшные силы. Середина 1930-х гг. была отмечена возникновением и ростом популярности, особенно в молодежной среде, фашистской идеологии и организаций, создававшихся на ее основе. Не обошла эта беда и эмигрантов, поселившихся в Южной Америке. Так, в 1934 г. «Русская газета», издававшаяся в Сан-Паулу, поместила на своих страницах такое объявление: «Молодые русские люди! Русские девушки! Встряхните с себя сонливость эмигрантского быта и добровольно вступайте в ряды фашизма»[13].

Положение российских эмигрантов в Северной Америке имело ряд особенностей. С одной стороны, в докризисной Америке 1920-х гг. работу получить было достаточно легко. Экономика страны развивалась высокими темпами, инвестиционный и биржевой бум обеспечивали создание значительного количества новых рабочих мест. Поэтому до начала экономического кризиса и депрессии Америка являлась местом, привлекательным для эмигрантов со всего мира.

Сильны были в Америке и позиции рабочего движения, вдохновленного, как это виделось тогда, победой пролетариата в России. Поэтому российские эмигранты становились объектом пристального внимания со всех сторон: власти видели в них потенциальных участников протестного движения и пропагандистов коммунистической идеологии. Трудящийся люд часто воспринимал эмигрантов из России как «послан-

цев Советской России». При более близком знакомстве возникали и недоразумения, когда американским рабочим становилось понятно, что конкретно эти русские как раз боролись против советской власти, а не за нее. Однако тяжкий, изматывающий труд на промышленных предприятиях Америки либо очень быстро стирал идеологические различия вовсе, либо вовлекал россиян в протестное движение за свои права.

Тяжелый труд и незатейливый досуг иногда способствовали постепенной деградации той части беженцев, которая не смогла адаптироваться к жестким условиям американской жизни: «Пибоды, Массачусец. В этом городе около 20 тыс. жителей. Среди них есть много и русских, которые выполняют самые грязные и тяжелые работы в местных кожевенных заводах. Но не в этом беда... Быстро богатеют торгующие самогоном лавочники, которые еще так недавно еле концы с концами сводили, а теперь вместо прежней захудалой клячи нажили автомобили, обзавелись собственными домами – просто живут по-барски и даже вслух насмехаются над теми, которых они легко дурманят в своих разливочных»[14].

Маргинализация как явление в социально-психологической сфере российской эмиграции, приводившее русских людей в изгнании к личностному кризису, асоциальному поведению, интеллектуальной и культурной деградации и к крайней степени дезадаптации – к самоубийству, в приоритетной степени была следствием гуманитарного кризиса, вызванного культурным шоком и невозможностью интегрироваться в чуждую социокультурную среду. Материальные проблемы играли в процессе маргинализации заметную, но вторичную роль. Подтверждением этому являлись многочисленные случаи падения на социальное дно или добровольный уход из жизни вполне благополучных в материальном плане людей, имевших устойчивый доход и добившихся заметного положения в обществе. Острый духовный кризис, спровоцированный годами Гражданской войны в России и стрессом изгнания, часто приводил к «переполнению чаши терпения», когда человек переставал бороться за жизнь, не находил смысла своего дальнейшего существования, опускаясь на общественное дно, маргинализируясь или сводя счеты с жизнью.

Другим, не менее важным гуманитарным фактором маргинализации определенной части российской эмиграции становилось сопротивление социокультурной среды стран пребывания. Правовая неопределенность или откровенная законодательная дискриминация, поведенческие стереотипы и различия в культуре повседневной жизни, послевоенный шовинизм в обществе и конкуренция за рабочие места, религиозные, языковые, культурные различия – все эти гуманитарные факторы оказывали сильнейшее воздействие на интеграционные процессы. Одновременно действовал и другой психологический фактор: умышленное нежелание некоторой части беженцев идти на культурную ассимиляцию, принимать бытовые и культурные нормы и правила местной повседневности. Этот внутренний конфликт был крайне травматичен для личности; ему неизбежно сопутствовали разочарование, тоска, депрессия, приводившие менее стойкие натуры на грань личностного распада.

Примечания

[1] *Львов, К. В.* Процессы маргинализации в среде российской эмиграции во Франции и Германии: 1920–1939 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. LVOV, K. V. *Protsessy marginalizatsii v srede rossiiskoi emigratsii vo Frantsii i Germanii: 1920–1939 gg.: dis. kand. ist. nauk*. [Processes of marginalization in the millieu of Russian emigration in France and Germany: 1920–1939: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moscow, 2002.

[2] *Гусефф, К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 306–307. GUSEFF, K. *Russkaya emigratsiya vo Frantsii: sotsial'naya istoriya (1920–1939 gody)* [The Russian emigration in France: Social history (1920–1939). In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2014, pp. 306–307.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5928. Оп. 3. Д. 4. Л. 7–7 об. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GA RF), fond 5928, series 3, file 4, pp. 7–7 verso.

[4] Там же. Л. 6. Ibid., p. 6.

[5] Там же. Л. 41. Ibid., p. 41.

[6] Там же. Л. 42. Ibid., p. 42.

[7] Там же. Л. 39. Ibid., p. 39.

[8] Последние новости (Париж). – 1937. – № 5914. *Poslednie novosti* (Paris), 1937, no. 5914.

[9] Цит. по: *Руденцова, Ю. И.* Социальная адаптация российской эмиграции во Франции, 1920–1930 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – С. 59. *Tsit. po:* RUDENTSOVA, Yu. I. *Sotsial'naya adaptatsiya rossiiskoi emigratsii vo Frantsii, 1920–1930 gg.: dis. kand. ist. nauk* [Social adaptation of the Russian émigrés in France: 1920s–1930s. Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moscow, 2000, p. 59.

[10] Последние новости (Париж). – 1926. – № 1747. *Poslednie novosti* (Paris),1926. no. 1747.

[11] Там же. – 1937. – № 5882. Ibid., 1937, no. 5882.

[12] *Парчевский, К. К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки. – Париж: [изд. автора], 1936. – С. 104. PARCHEVSKII, K. K. *V Paragvai i Argentinu. Ocherki Yuzhnoi Ameriki.* [To Paraguay and Argentina. Essays on South America. In Russ.]. Paris, 1936, p. 104.

[13] Русская газета (Сан-Пауло). – 1934. – № 408. *Russkaya gazeta* (San Paulo), 1934, no. 408.

[14] Голос труженика (Чикаго). – 1925. – № 5. – С. 29. *Golos truzhenika* (Chicago), 1925, no. 5, p. 29.

Список литературы

Гусефф, К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

Львов, К. В. Процессы маргинализации в среде российской эмиграции во Франции и Германии: 1920–1939 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 205 с.

Парчевский, К. К. В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки. – Париж: [изд. автора], 1936. – 304 с.

Руденцова, Ю. И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции, 1920–1930 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – 209 с.

References

GUSEFF, K. *Russkaya emigratsiya vo Frantsii: sotsial'naya istoriya (1920–1939 gody)* [The Russian emigration in France: Social history (1920–1939). In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2014, 328 p.

LVOV, K. V. *Protsessy marginalizatsii v srede rossiiskoi emigratsii vo Frantsii i Germanii: 1920–1939 gg.: dis. kand. ist. nauk.* [Processes of marginalization in the millieu of Russian emigration in France and Germany: 1920–1939: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moscow, 2002, 205 p.

PARCHEVSKII, K. K. *V Paragvai i Argentinu. Ocherki Yuzhnoi Ameriki.* [To Paraguay and Argentina. Essays on South America. In Russ.]. Paris, 1936, 304 p.

RUDENTSOVA, Yu. I. *Sotsial'naya adaptatsiya rossiiskoi emigratsii vo Frantsii, 1920–1930 gg.: dis. kand. ist. nauk* [Social adaptation of the Russian émigrés in France: 1920s–1930s. Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moscow, 2000, 209 p.

Сведения об авторах

Ипполитов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, Московский государственный институт культуры, проректор по развитию, декан факультета государственной культурной политики, Государственный научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева, ведущий научный сотрудник, г. Москва, Российская Федерация, 8-985-970-72-63, nivestnik@yandex.ru

About authors

Ippolitov Sergey Sergeevich, PhD in Hisrory, Moscow State Institute of Culture, vice-rector for development, dean of the Faculty of State Cultural Policy; D. S. Likhachev State Research Institute of Natural and Cultural Heritage, leading researcher, Moscow, Russian Federation, +7-985-970-72-63, nivestnik@yandex.ru

В редакцию статья поступила 27.05.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Ипполитов, С. С. Маргинализация как гуманитарная проблема Русского зарубежья. 1920–1930-е гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1059–1073. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1059-1073

Submitted 27.05.2019, published (for citation):

IPPOLITOV, S. S. *Marginalizatsiya kak gumanitarnaya problema Russkogo zarubezh'ya. 1920–1930-e gg.* [Marginalization as Humanitarian Problem of the Russian Abroad: The 1920s–1930s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1059–1073. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1059-1073

УДК 94(47) «1917/1991»
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1074-1088

Е. И. Демидова, А. В. Захаров, Е. А. Ефимова
Саратовский социально-экономический институт –
филиал Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова, г. Саратов, Российская Федерация

Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1920-е гг.

Elena I. Demidova
Aleksandr V. Zakharov, Elena A. Efimova
Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian
University of Economics, Saratov, Russian Federation

The Formation of the "Soviet Human Capital" in Higher Education in the 1920s

Аннотация
В статье анализируется политика Российской коммунистической партии (большевиков) в деле воспитания советского студенчества на идеалах марксизма-ленинизма. На основе архивных источников рассмотрен воспитательный процесс в высших учебных заведениях страны, выявлены образ и содержание «советского студенчества». Авторами применены общенаучные и частные исторические методы анализа и синтеза, с помощью которых были изучены исторические источники; из частных исторических методов применен историко-хронологический, который помог описать события в соответствии с исторической действительностью. РКП(б) в своих политических практиках 1920-х гг. реализовывала мероприятия по радикальному реформированию высшего образования и созданию системы формирования «советского человеческого капитала». В этом процессе упор был сделан на сущностные меры, которые соответствовали целям и задачам советской власти, что и определило качественное содержание образовательных и воспитательных процессов в вузах страны. Выявлено, что высшая школа рассматривалась государством в 1920-е гг. как институт по «производству» не просто «кадров специалистов», а именно человеческого капитала. Термин «человеческий капитал»

появился в 1958 г., его использовал американский экономист Джейкоб Минсер. Затем понятие конкретизировали Теодор Шульц и Гэри Беккер. Первоначально экономисты под человеческим капиталом понимали лишь совокупность инвестиций в человека, повышающих его способность к труду, – образование и профессиональные навыки. В дальнейшем понятие расширилось и углубилось, человеческий капитал в настоящее время рассматривается как главный фактор развития экономики, общества в целом. Именно в таком контексте термин применяется в данной статье. Таким образом, по мнению авторов, в 1920-е гг. происходило разрушение старой системы образования и становление советской высшей школы, шел противоречивый поиск моделей ее дальнейшего развития с учетом социалистических планов государства. В процессе обучения студент должен был стать не только хорошим специалистом, но и социально активным членом общества, посвятить свою жизнь работе на благо государства. Социальный эксперимент по реформированию системы высшего образования, осуществленный в 1920-е гг., привел к противоречивым результатам. Пролетаризация высшей школы, внедрение новаторских подходов в образовательном процессе при полном отказе от традиционных форм преподавания, приоритет общественно-политического дискурса над учебным негативно сказались на качестве подготовки кадров. Как следствие, стало формироваться понимание того, что активное участие студенчества в хозяйственно-политических кампаниях отрывает их от более важного занятия – учебы, а эмоциональная реакция на происходящее приводит к некомпетентности, неспособности разобраться в элементарных проблемах, росту негативных явлений.

Abstract

The article analyses the policies of the Russian Communist Party (Bolsheviks) in formation of Soviet student community. It draws on archival sources to study the educational process in national higher educational establishments and portrays the “Soviet studentship.” The authors use methods of scientific and historical research (analysis and synthesis) to study the historical sources. In its political practices of the 1920s, the RKP(B) implemented measures for a radical reform of higher education and for establishing a system for formation of “Soviet human capital.” The emphasis was placed on essential measures consistent with goals and objectives of the Soviet government, which determined the qualitative content of educational and pedagogical processes in the universities. In the 1920s the state regarded higher education as an institute for “production” of “human capital,” as well as that of specialists. The term “human capital” was coined in 1958 by the

American economist Jacob Mincer. Then the concept was elaborated by Theodore Schultz and Gary Becker. Initially, economists termed human capital as investments in the individual that increase the individual's ability to work, i.e. education and professional skills. Later the concept was expanded and deepened; human capital is now considered the main factor in the development of economy and society as a whole. This is how this term is used in the article. Thus, the 1920s saw a destruction of the old system of education and a formation of the Soviet higher school, accompanied by the contradictory search for development models in view of socialist construction plans. With training, the student was to become not just a good specialist, but a socially active member of the society; they were to devote their life to work for the benefit of the state. Social experiment in reforming the higher education carried out in the 1920s had contradictory results. Proletarization of the higher education and introduction of innovative approaches coincided with complete abandonment of traditional forms of teaching, while the emphasis was put on socio-political discourse, but not on that of education, which negatively affected the quality of training. Finally, there came an understanding that active participation of students in economic and political campaigns distracted them from their studies; emotional reaction led to incompetence, inability to cope with basic problems, and growth of negative phenomena.

Ключевые слова
Российская коммунистическая партия (большевиков), человеческий капитал, источники, студенчество, советская высшая школа, семья, молодежь, социокультурные ценности.

Keywords
Russian Communist Party (Bolsheviks), sources, human capital, students, Soviet higher education, family, youth, socio-cultural values.

Первая мировая война, революционные потрясения 1917 г., Гражданская война, сложный процесс становления советской власти и ее институтов, кардинальное реформирование всех сфер жизни общества в 1920-е гг. – все это уже стало достоянием истории. Система образования, и прежде всего высшего, начинает рассматриваться и использоваться руководством советского государства в 1920-е гг. в качестве важнейшего инструмента революционного реформирования

общества в целом. В основе концепции государственной политики в сфере высшего образования в 1920-е гг. лежала идея мобилизации студенчества с целью постоянного использования его на всех «фронтах социалистического строительства», развития среди студенчества коллективного начала. Отсюда и специфические термины того времени, которые использовались в отношении студенческой молодежи: «единая армия», «единый фронт», «бригадный метод обучения».

В статье ставится цель осуществить содержательный анализ политики правящей большевистской партии по формированию нового советского студенчества. Опираясь на архивные источники, периодическую печать 1920-х гг., выяснить, как был организован воспитательный процесс в высших учебных заведениях страны в годы становления советской системы высшего образования. Понять, как складывались образ и содержание «советского студенчества», каким должен быть «советский человеческий капитал».

В соответствии с поставленной целью за основу взят принцип объективности, позволивший изучить, понять и описать события в соответствии с реальностью. Применены как общенаучные, так и частные исторические методы анализа и синтеза, с помощью которых были изучены исторические источники; из частных исторических методов применен историко-хронологический, который помог описать события в соответствии с исторической действительностью. Хронологические рамки исследования охватывают период 1920-х гг. Территориально проблема рассматривается в рамках как Поволжского региона, так и России в целом. Источниковой основой данного исследования стали документы из фондов Государственного архива новейшей Саратовской области (ГАНИСО), периодическая печать 1920-х гг. В работах отечественных историков представлен анализ событий и процессов, происходивших в годы становления и развития советской высшей школы в конкретных регионах и стране в целом[1]. Реальная картина революционных изменений в высшем образовании после 1917 г., с одной стороны, носит поистине монументальный характер, а с другой – противоречива и непоследовательна.

Каким был формирующийся в 1920-е гг. образ студента и будущего молодого специалиста – строителя социализма в представлениях государства? Высшая школа в процессе обучения должна была подготовить пролетарского специалиста, овладевшего определенной специальностью и активно участвующего в жизни советского общества. Причем последнее было явно в приоритете, что снижало качество подготовки. Частые собрания, большой объем разнообразной общественной работы и неумение сочетать ее с учебой осложняли освоение учебного материала.

В середине 1920-х гг. в ячейке РЛКСМ 1 МГУ академически неуспевающих комсомольцев было 80%, на электромеханическом факультете Ленинградского политехнического института из 68 человек только 41 перешел на второй курс, условно – 10 и осталось на второй год 17 человек[2]. При этом отмечалось, что тенденция роста значимости общественно-политической деятельности над академической была характерна абсолютно для всех вузов страны. Особенно пагубно это отражалось на подготовке медицинских специалистов. Конечно, руководство страны беспокоило состояние здоровья советских людей и, следовательно, подготовке медицинского среднего персонала и врачей уделялось особое внимание. Однако и здесь четкое представление о том, как готовить врачей, как должна развиваться советская медицина, так и не сформировалось. В начале 1920-х гг. развернулась дискуссия о том, специалистов какого уровня квалификации должны готовить медицинские учреждения: врачей общей практики или узкой специализации. При этом обсуждалась мысль, или скорее мечта, о светлом будущем, когда в ближайшей перспективе в СССР не будет сельских врачей по типу земских, которые оказывали пациентам всестороннюю помощь, а территорию страны покроет сеть специализированных клиник с врачами узкой специализации. Считалось, что советский врач должен рассматривать больного в разрезе его трудовой жизни. Он должен не только помочь больному, но и воздействовать на среду, которая его окружает, с целью профилактики заболеваний, рассматривать любую болезнь как социально-биологическое явление. Дискуссии шли очень активно,

обсуждались перспективные планы, а медицинские вузы страны продолжали подготовку скорее врачей-общественников, которые в основном вели активную пропаганду преимуществ советского здравоохранения, чем лечили людей. Об этом свидетельствует письмо одного из выпускников в редакцию журнала «Красная молодежь», в котором автор делится впечатлением о негативных результатах своей учебы, прежде всего академической подготовки: «Врач нашего выпуска (1925 г.) в большинстве случаев врач-культработник, общественник. Какова же наша специальная подготовка? Не отразилась ли вредно бурная общественная стихия на нашем специальном образовании? И да и нет. Да – в том смысле, что часть студенчества в периоды крайней перегруженности общественной работой, обремененная категорийным "бытием", упускала кое-что на фронте академическом. Но зато она обогащалась общественными навыками революционно-марксистского мировоззрения, крайне важными для медицинского работника»[3].

И таких примеров подготовки медиков в середине 1920-х гг. было немало. При подтверждении квалификации в Казанском университете проверяли не профессиональные знания будущих врачей, а в основном политическую грамотность. Медикам задавали вопросы: «Какую общественную работу вы вели, будучи на практике? В чем смысл индивидуального обложения в деревне? В каких формах выражается классовая борьба на селе? Каковы пути развития сельского хозяйства в пятилетке?»[4] Конечно, разбираться в политической ситуации текущего момента для медиков тоже важно, но все-таки куда важнее профессиональные знания, умения и навыки. Ведь лозунгами и призывами болезни и эпидемии не победить, а людей не вылечить. Тем более, в эти годы остро стоял вопрос о развитии системы здравоохранения и санитарии.

Политическая безграмотность и оппозиционность могли стать причиной отчисления из вуза. В 1924–1925 гг. по всей стране происходили чистки университетов и институтов, результатом которых было отчисление до 20–30% студентов. Среди них были как совершенно не способные к обучению, так и те, кто просто не вписывался в формирующийся

образ советского человеческого капитала. Причем этот процесс имел ярко выраженный социально-классовый характер: в первую очередь отчислялись студенты непролетарского происхождения, враждебно настроенные к советской власти, даже несмотря на их академическую успеваемость. И наоборот, студенты – выходцы из трудящихся социальных групп отчислялись только в крайнем случае, когда им вообще не под силу было освоить элементарный объем знаний. Интересно и то, что решение об отчислении принималось не профессорско-преподавательским составом, а специально созданными проверочными комиссиями, членами которых помимо сотрудников вуза были представители местных партийных органов и общественных организаций.

Пролетарский специалист должен был постоянно и активно участвовать в жизни советского общества. Общественные организации были вправе привлекать к своей работе студентов во внеучебное время. Во время каникул многие студенты работали в деревне. Чем они занимались? Например, пропагандировали решения государства о поднятии урожайности на 35% и распространяли простейшие агромероприятия, разъясняли возможности поступления крестьян на рабфаки, а затем в вузы, оказывали хозяйственную помощь бедняцким хозяйствам (починка изгороди, заготовка дров, вспашка пара). Следует отметить, что использование труда студентов во время каникул было вызвано не только практической необходимостью. Власть опасалась, что во время летнего перерыва, будучи вне контроля со стороны вузовской администрации, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, на еще не полностью сформировавшуюся в идеологическом смысле молодежь может оказывать влияние «враждебный буржуазный элемент».

В вузах существовали открытые призывы бороться со студентами-одиночками[5]. Новым трендом конца 1920-х гг. стало движение за создание коммун под девизом «Коллектив – смычка учебы с бытом». Предполагалось, что коммуны должны стать не только бытовыми объединениями, но и формой общественно-политического воспитания студенчества. Руководство большевиков имело перспективные планы, согласно

которым наиболее крепкие коммунары, окончив вуз и уехав на работу за пределы своей коммуны, будут создавать коммуны в более сложных условиях: на заводах и фабриках, в совхозах и колхозах, вообще в деревне. Высказывались суждения, что надо превращать все студенческие общежития в коммуны на принципах полного обобществления средств питания и прочих элементов быта[6].

Студенческая молодежь не всегда понимала конечный смысл всех этих призывов. Отсутствовало четкое понимание коллектива и коллективности, коллективизации. Как правило, студенты в буквальном смысле считали, что коллектив – это и есть коммуна, а значит обобществление денег, инвентаря, книг, белья, всего прочего. Для реализации лозунга создавались общий фонд, совместное питание и комнаты отдыха, даже одежда была общей. Изредка приглашали какого-либо докладчика, пытались проводить коллективные зарядки, посылали отчетные доклады в вышестоящие организации, сообщали о своем существовании комсомольским и партийным органам, которые направляли к ним представителя или уполномоченного для связи. По сути, коммуной становилась группа студентов, которая по утрам просыпалась по звонку, делала совместную зарядку и проводила коллективный завтрак «из общего котла». Так, в Тимирязевской академии в Москве в коммуне, состоявшей из 15 человек, было объединено все – «от носков до учебников, устроено коллективное питание, коллективная проработка академических вопросов»[7]. Некоторые студенческие коммуны быстро прекращали свое существование. По этому поводу даже появлялись саркастические «некрологи»: «Коммуна химиков при первом общежитии трагически и безвременно закончила свое славное и нашумевшее существование. С ликвидацией горячих завтраков и ужинов от нее, как от мыльного пузыря, ничего не осталось, кроме пустого места и неприятных воспоминаний» (Ленинградский политех)[8]. Почему это происходило? Ответ простой: формализм, заорганизованность, ничем не подкрепленное стремление быстро создать некий утопический новый быт, победить индивидуализм и потребительские настроения.

Эксперименты в области повседневной жизни далеко не всегда имели положительные практики и последствия. Негативные явления, которые наблюдались в молодежной среде в 1920-е гг. после разрушения традиционного социокультурного уклада, поднял С. И. Малашкин в повести «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь», опубликованной в 1927 г. Автор, который, по его собственным словам, был народным писателем, которому революция дала все, в достаточно утрированной форме написал о пьянстве, безнравственной любви и половой распущенности, отказе от семейных ценностей. Данное произведение упоминал В. В. Маяковский в одном из своих стихотворений: «Распустив над порнографией слюну, прочитав похабные тома, с правой стороны луну себя устроят по домам». Произведение Малашкина было подвергнуто критике со стороны официальной власти и не переиздавалось после 1929 г. Но повесть все-таки стала поводом для обсуждения нравственно-бытовых проблем в молодежной среде. Хотя вывод был, с одной стороны, логичен для того времени, а с другой – парадоксален: таких плохих, развращенных, декадентски страдающих коммунистов и комсомольцев в Советском Союзе быть не может.

Архивные документы подтверждают тенденцию нарастания нравственного кризиса. Так, в ячейке ВЛКСМ Саратовского губернского суда произошло самоубийство комсомольца – курьера суда. На фоне увеличения зарплаты, получения новой профсоюзной должности секретаря месткома он начал сильно пить. В пьяном виде, с криком «Нюрочка, прощай!» юноша застрелился. После инцидента во время осмотра в его комнате нашли порнографические картинки и предсмертную записку, в которой было сказано, что «мне больше не нужны шантаны и проститутки». Данный случай стал поводом для полноценной проверки деятельности комсомольской ячейки, которая выявила ряд заслуживающих осуждения явлений. В частности, на тематических вечерах, организованных комсомольской ячейкой, тушился свет и молодежь начинала друг друга «лапать, так, в шутку, по-дружески, по-комсомольски»[9]. Это же отмечает Р. В. Рыбаков, утверждая, что в середине 1920-х гг. наблюдался нравственный упадок, охвативший

часть общества и прежде всего молодежь[10]. Низкий уровень образования, особенно студентов первых курсов, сочетался и с определенной культурной маргинальностью: от достижений старой культуры поспешили отказаться, а с новой, пролетарской, народной, революционной, были, на наш взгляд, большие проблемы. При этом в силу своего возраста молодое поколение не всегда адекватно реагировало на происходившие в обществе изменения, вырабатывая различные, в том числе девиантные, формы поведения.

Одним из концептов формирования нового человека, новой культуры являлся отказ от религиозных традиций, а атеистическая деятельность стала одним из направлений общественно-политической работы в высших учебных заведениях. По инициативе профсоюзных, партийных, комсомольских организаций в вузах создавались союзы воинствующих безбожников. Их членами становились студенты, научные работники и преподаватели, административные и технические служащие. Образ нового человека дополнялся важной характеристикой: грамотный специалист должен быть не только общественником, но и воинствующим материалистом-безбожником. Пролетарское студенчество пополняло кадры «легкой безбожной кавалерии» для борьбы с церковью и религиозным мировоззрением на производстве и особенно в деревне.

Однако результат такой политики в среде студенчества был противоречивым. Во-первых, большевикам так и не удалось в 1920-е гг. в полной мере взрастить в душах студенческой молодежи полное отрицание религии. Часть студентов, особенно выходцев из крестьян, ограничилась лишь отказом от участия в религиозных обрядах. Несмотря на активную пропаганду, были случаи, когда студентов не только уличали в проявлении религиозных чувств, но и были раскрыты кружки верующих внутри студенчества. Достоянием общественности стал инцидент со студенткой Пермского университета Зоновой, которая пять лет получала стипендию, благополучно окончила медфак и получила звание «красного специалиста». Но в скором времени была разоблачена в том, что не только была кулацкой дочкой и монашенкой, активно

работающей в религиозных организациях, но и организовала кружок монашек в Перми[11].

Во-вторых, агрессивное насаждение ненависти к церкви и духовным лицам, традиционным культурным практикам приводило к тому, что нередко участие студентов в антирелигиозных кампаниях перетекало в открытое хулиганство и даже в определенный религиозный экстремизм. Периодическая печать того времени приводит много фактов поведения студентов, не только аморального по сути, но и граничащего с уголовными преступлениями. Дело Альтшуллера, доведение до самоубийства комсомолки Николаевой на рабфаке им. Покровского, инцидент с пьяными студентами в Одессе, которые бросали бутылки из окон на улицу и проломили прохожему голову, изнасилование студентки в Институте им. Герцена и т. п.[12] Причем подобные случаи были нередки и среди студентов-комсомольцев. Так, в Технологическом институте действовала комсомольская группа «Люша», которая занималась издевательством над беспартийным пареньком Яшей Раскиным[13].

В годы нэпа весьма распространенными явлениями стали пьянство, увлечение азартными играми, чему во многом способствовал коммунальный быт. Причем в пьянстве были уличены не только обычные студенты, но и активисты и комсомольцы. Вопросы борьбы с негативными явлениями неоднократно поднимались на совещаниях в Наркомпросе, на собраниях вузовской общественности. Причину пьянства руководство страны и высшей школы видело в последствиях самого нэпа, а также в русских традициях и слабой культурно-просветительной работе. Поэтому решать данную проблему рекомендовалось не карательными и административными мерами, а воспитательными[14]. Особенно важной признавалась работа среди девушек, «учитывая их увлечение вечерами, танцульками, которые влекут за собой не только пьянку и хулиганство, но и нередко являются рассадником заболеваний»[15].

Необходимость формирования советского человеческого капитала, сознательных сторонников и проводников коммунистических идеалов корректировала целевые установки вузов. Из научно-образовательных учреждений они в 1920-

е гг. фактически превращались в «фабрики» по производству «новых людей» из числа молодежи. Причем идеологическая трансформация человеческого материала носила всеобъемлющий характер. Этот процесс не замыкался только на получении знаний и умений, необходимых для освоения специальности, шла усиленная обработка личностных ценностных ориентиров не только учащихся, но и преподавателей посредством приобщения к новой культуре, бытовому укладу, новым формам семейных и общественных отношений. Делалась ставка на коллективизм во всех его проявлениях, во-первых, потому, что коллектив проще контролировать, во-вторых, именно индивидуализм партия считала одной из главных причин антисоветских настроений в высшей школе.

Примечания

[1] За железным занавесом: мифы и реальность советской науки / Ред. Э. И. Колчинский и М. Хайнеманн. – СПб.: Буланин, 2002. – 528 с. *Za zheleznym zanavesom: mify i real'nost' sovetskoi nauki* [KOLCHINSKII, E. I., HEINEMANN, M. (eds.). Behind the Iron Curtain: Myths and realities of the Soviet science. In Russ.]. St. Petersburg, Bulanin publ., 2002, 528 p.; *Байгарина, А. Е.* Высшая школа в условиях политической системы 1917–1927 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – 184 с. BAIGARINA, A. E. *Vysshaya shkola v usloviyakh politicheskoi sistemy 1917–1927 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk* [Higher education under the political system of 1917–1927. Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moskow, 1995, 184 p.

[2] *Фролов, И.* О работе ячеек РЛКСМ // Красная молодежь. – 1925. – № 2. – С. – 9. FROLOV, I. *O rabote yacheek RLKSM* [About the RLKSM cells work. In Russ.]. IN: *Krasnaya molodezh',* 1925, no. 2, p. 9.

[3] Письмо в редакцию // Красная молодёжь. – 1925. – № 5. – С. 32. *Pis'mo v redaktsiyu* [Letter to the editor. In Russ.]. IN: *Krasnaya molodezh',* 1925, no. 5, p. 32.

[4] Давно пора // Красное студенчество. – 1929–1930. – № 21. – С. 4. *Davno pora* [It is high time. In Russ.]. IN: *Krasnoe studenchestvo,* 1929–1930, no. 21, p. 4.

[5] За бытовой поход // Красное студенчество. – 1928–1929. – № 14. – С. 26–27. *Za bytovoi pokhod* [For household campaign. In Russ.]. IN: *Krasnoe studenchestvo,* 1928–1929, no. 14, pp. 26–27.

[6] Самое главное о 1-м Всесоюзном совещании студентов-рабфаковцев // Красное студенчество. – 1929–1930. – № 22. – С. 13. *Samoe glavnoe*

o 1-m Vsesoyuznom soveshchanii studentov-rabfakovtsev [The most important thing about the 1st All-Union Conference of Rabfak Students. In Russ.]. IN: *Krasnoe studenchestvo,* 1929–1930, no. 22, p. 13.

[7] За бытовой поход // Красное студенчество. – 1928–1929. – № 14. – С. 27. *Za bytovoy pokhod* [For household campaign. In Russ.]. IN*: Krasnoe studenchestvo,* 1928–1929, no. 14, p. 27.

[8] *Закурдаева, А.* Коллектив – смычка учёбы с бытом // Красное студенчество. – 1929–1930. – № 31. – С. 3. ZAKURDAEVA, A. *Kollektiv – smychka uchoby s bytom* [Collective as a link between study and living. In Russ.]. IN: *Red students,* 1929–1930, no. 31, p. 3; *Александров, Д.* Революция быта // Красное студенчество. – 1929–1930. – № 6. – С. 15. ALEKSANDROV, D. *Revolyutsiya byta* [Revolution in living. In Russ.]. IN: *Krasnoe studenchestvo,* 1929–1930, no. 6, p. 15.

[9] Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 28. Оп. 1. Д. 336. Л. 1–2. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Saratovskoi oblasti* [State Archive of the Contemporary History of the Saratov Region] (GANISO), fond 28, series 1, file 336, pp. 1–2.

[10] *Рыбаков, Р. В.* Социалистической культуре недостает каких-то добродетельных начал: из опыта воспитания советской молодежи в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 (73). – Ч. 1. – С. 122. RYBAKOV, R. *Sotsialisticheskoi kul'ture nedostayet kakikh-to dobrodetel'nykh nachal: iz opyta vospitaniya sovetskoi molodezhi v 1920-ye gg.* [Socialist culture lacks some virtuous principle: Experience of educating Soviet youth in the 1920s. In Russ.]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki,* 2016, no. 11 (73), p. 122.

[11] *Бренко, Н.* Неугомонный враг не дремлет // Красное студенчество. – 1928–1929. – № 13. – С. 4. BRENKO, N. *Neugomonnyi vrag ne dremlet* [Indefatigable enemy does not rest. In Russ.]. IN: *Krasnoe studenchestvo,* 1928–1929, no. 13, p. 4.

[12] За бытовой поход // Красное студенчество. – 1928–1929. – № 14. – С. 26. *Za bytovoy pokhod* [For household trip. In Russ.]. IN*: Red students,* 1928–1929, no. 14, p. 26.

[13] Красные ДОН-жуаны // Красное студенчество. – 1928–1928. – № 10. – С. 5. *Krasnyye DON-zhuany* [Red DON-Juans. In Russ.]. IN*: Krasnoe studenchestvo,* 1928–1929, no. 10, p. 5.

[14] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 339. Л. 132. GANISO, fond 27, series 4, file 339, p. 132.

[15] Там же. Л. 128. Ibid., p. 128.

Список литературы

Байгарина, А. Е. Высшая школа в условиях политической системы 1917–1927 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – 184 с.

За железным занавесом: мифы и реальность советской науки / Ред. Э. И. Колчинский и М. Хайнеманн. – СПб.: Буланин, 2002. – 528 с.

Рыбаков, Р. В. Социалистической культуре недостает каких-то добродетельных начал: из опыта воспитания советской молодежи в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 (73). – Ч. 1. – С. 122–126.

References

BAIGARINA, A. E. *Vysshaya shkola v usloviyakh politicheskoi sistemy 1917–1927 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk* [Higher education under the political system of 1917–1927. Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Moskow, 1995, 184 p.

Za zheleznym zanavesom: mify i real'nost' sovetskoi nauki [KOLCHINSKII, E. I., HEINEMANN, M. (eds.). Behind the Iron Curtain: Myths and realities of the Soviet science. In Russ.]. St. Petersburg, Bulanin publ., 2002, 528 p.

RYBAKOV, R. *Sotsialisticheskoi kul'ture nedostayet kakikh-to dobrodetel'nykh nachal: iz opyta vospitaniya sovetskoi molodezhi v 1920-ye gg.* [Socialist culture lacks some virtuous principle: Experience of educating Soviet youth in the 1920s. In Russ.]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki,* 2016, no. 11 (73), pp. 122–126.

Сведения об авторах

Демидова Елена Игоревна, доктор исторических наук, профессор, Саратовский социально-экономический институт – филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кафедра истории, философии, политологии и социологии, заведующая кафедрой, г. Саратов, Российская Федерация, 8-905-383-56-70, demidova-elena@yandex.ru

Захаров Александр Викторович, доктор исторических наук, доцент, Саратовский социально-экономический институт – филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кафедра истории, философии, политологии и социологии, профессор, г. Саратов, Российская Федерация, 8-927-911-00-73, zaharovav2007@ yandex.ru

Ефимова Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Саратовский социально-экономический институт – филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кафедра истории, философии, политологии и социологии, доцент, г. Саратов, Российская Федерация, 8-909-340-92-29, helenn79@mail.ru

About authors

Demidova Elena Igorevna, PhD in History, professor, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, department of history, philosophy, political science and sociology, head of the department, Saratov, Russian Federation, +7-905-383-56-70, demidova-elena@yandex.ru

Zakharov Aleksandr Victorovich, PhD in History, associate professor, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, professor, Saratov, Russian Federation, +7-927-911-00-73, zaharovav2007@ yandex.ru

Efimova Elena Alexandrovna, PhD in History, associate professor, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, associate professor, Saratov, Russian Federation, +7-909-340-92-29, helenn79@mail.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова».

Grant information

The article has been prepared with financial support from the Plekhanov Russian University of Economics.

В редакцию статья поступила 24.03.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Демидова, Е. И., Захаров, А. В., Ефимова, Е. А. Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1920-е гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1074–1088. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1074-1088

Submitted 24.03.2019, published (for citation):

DEMIDOVA, E. I., ZAKHAROV, A. V., EFIMOVA, E. A. *Formirovanie "sovetskogo chelovecheskogo kapitala" v vysshei shkole v 1920-e gg.* [The Formation of the "Soviet Human Capital" in Higher Education in the 1920s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1074–1088. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1074-1088

УДК 94(47)+94(571.13).343.81
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1089-1101

Е. В. Суверов
Барнаульский юридический институт МВД России,
г. Барнаул, Российская Федерация

Режим содержания, трудовая деятельность, бытовые условия спецпереселенцев в Омской области. 1930–1945 гг.

Evgene V. Suverov
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Barnaul, Russian Federation

Regime of Detention and Labor and Living Conditions of Special Settlers in the Omsk Region in 1930–1945

Аннотация
В настоящее время в современной исторической науке изучение карательной государственной политики, в частности высылки в Сибирь спецпереселенцев с 1930 по 1945 г., имеет большое значение. Переосмысление исторического прошлого нашей страны необходимо для устранения существующих противоречий, в том числе и национальных. Введение в научный оборот ранее не опубликованных документов, находящихся в архиве Управления МВД России по Омской области, дало возможность автору углубленно изучить заявленную проблематику. Отсутствие научных исследований по изучению специфики условий режима содержания, трудовой деятельности и бытовых условий спецпереселенцев в отдельных регионах страны (в частности, в Омской области) доказывает значимость данной работы. Задача статьи – изучение условий содержания и использования труда спецпереселенцев в Омской области в 1930–1940-е гг. в контексте деятельности всей советской пенитенциарной системы. В процессе подготовки статьи применялись принципы научного исследования: объективность, всесторонность, историзм. Системный подход позволил применить общенаучные и специальные методы. Использование проблемно-хронологического

метода позволило изучить деятельность спецпереселенцев в Омской области в различные периоды. В статье рассматриваются специфика режима содержания, бытовые условия и трудовая деятельность спецпереселенцев, а также их взаимоотношения с местным населением Омской области в 1930–1945 гг. Ужесточение карательной политики Советского государства в 1930-е гг. было выражено насильственной депортацией людей в отдаленные районы страны. Первоначально это были семьи кулаков и «врагов народа», стоявших на особом учете в органах НКВД СССР и имевших ограничения в гражданских правах. В начале 1940-х гг. в Омскую область стали прибывать лица, высланные из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии. А в годы Великой Отечественной войны численность спецпереселенцев в области пополняли калмыки, немцы и жители Крыма, обвиненные в пособничестве войскам гитлеровской Германии. Спецпереселенцев размещали в специальных поселках в северных районах области, где они занимались в основном ловлей и переработкой рыбы. Жилищно-бытовые и санитарные условия проживания спецпереселенцев были очень сложными. Не хватало жилых помещений, инвентаря, посуды, одежды, топлива, серьезный дефицит был и в детских учреждениях. Продуктовый паек спецпереселенца был равен продовольственному обеспечению заключенного. Откровенная бедность переселенцев была связана с тяжелейшей социально-экономической ситуацией в стране, с неразвитой логистической системой в регионе, а также с выполнением правоохранительными органами принципа неотвратимости наказания. Непривычные к суровому климату, скудной пище, тяжелому физическому труду, спецпереселенцы часто болели, высока была среди них и смертность. Численность мужской части спецпереселенцев стала значительно сокращаться с 1941 г. в связи с мобилизацией в Красную армию для отправки на фронт. Отношения местного населения со спецпереселенцами были неоднозначные и варьировались от откровенной враждебности до тесной дружбы. Постепенно, после совместного проживания между сибиряками и приезжими налаживалась взаимовыручка, росло доверие. Трудовая деятельность спецпереселенцев внесла свой весомый вклад в экономическое развитие Омской области, способствовала победе советских войск над нацистской Германией.

Abstract

In modern historical science the study of punitive state policy (deportation of special settlers to Siberia from 1930 to 1945, in particular) is gaining importance. Rethinking national past is necessary in order to eliminate the existing contradictions, including national ones. Introduction

of previously unpublished documents from the Archive of the Russian Ministry of Internal Affairs Directorate for the Omsk Region into scientific use has enabled the author to study the issue in depth. It is quite significant due to general lack of research into detention regime, working and living conditions of special settlers in the regions (the Omsk region, in particular). The article is to study detention conditions and use of special settlers' labor in the Omsk region in the 1930s–40s in the context of the entire Soviet penal system. While preparing the article, the methods of scientific research were used: objectivity, comprehensiveness, historicism. The system approach allows to apply general scientific and special methods. The use of the problem-chronological method allows to study special settlers' activities in the Omsk region in different time periods. The article assesses the nature of detention regime, living and working conditions of special settlers, as well as their relationship with the local population of the Omsk region in 1930–1945. Tightening punitive policy of the Soviet state in the 1930s was expressed in forced deportation to remote areas of the country. Initially, the deportees were relatives of kulaks and "enemies of the people" registered in the NKVD of the USSR and restricted in civil rights. In the early 1940s persons expelled from the Baltic States, Western Ukraine, Belarus, and Moldova began to arrive in the Omsk region. In the days of the Great Patriotic War, the special settlers of the region were joined by the Kalmyks, the Germans, and residents of the Crimea accused of aiding the troops of Nazi Germany. Special settlers were placed in special settlements in the North of the region, where they were engaged mostly in fishing and fish processing. Housing and sanitary conditions were very basic. There was a lack of accommodation, equipment, utensils, clothing, fuel and a serious shortage of children's institutions. The food ration of a special settler equaled that of a prisoner. Outright poverty of special settlers was connected with difficult social and economic situation in the country and with underdeveloped logistical system in the region, but also with law enforcement agencies implementing the principle of the inevitability of punishment. Unaccustomed to harsh climate, scarcity of food, and hard physical labor, special settlers were often sick; the mortality rate was high. Number of male special settlers began to decrease significantly since 1941 due to mobilization to the Red Army. Relations between local population and special settlers were ambiguous, ranging from outright hostility to close friendship. Gradually, cohabitation of Siberians and settlers brought mutual assistance and trust. Special settlers' labor made a significant contribution to the economic development of the Omsk region and to the victory of the Soviet troops over Nazi Germany as well.

Ключевые слова
Исторические источники, органы НКВД СССР, государственная политика, спецпереселенцы, трудовая деятельность, «враги народа», немцы, калмыки, режим содержания, бытовые условия.

Keywords
Historical sources, bodies of the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) of the USSR, state policy, special settlers, employment, “enemies of the people,” Germans, Kalmyks, detention regime, living conditions.

Высылка в Сибирь неугодных советскому режиму лиц являлась частью общей государственной карательной политики. Поселения спецпереселенцев входили в состав советской пенитенциарной системы. С помощью прибывавших трудовых ресурсов происходило дальнейшее освоение малозаселенных сибирских просторов. Контроль за трудовой деятельностью и условиями содержания возлагался на сотрудников ОГПУ–НКВД.

Спецпереселенцами начиная с 1930 г. были раскулаченные крестьяне, высланные из мест своего проживания во время проведения коллективизации. Только в 1930–1931 гг. в «кулацкую ссылку» было отправлено более 1,8 млн крестьян[1].

В ссылку направлялись лица на основе приговоров судебных органов и по решению Особых совещаний при НКВД–МВД–МГБ. В 1937–1938 гг. на спецпереселение в Омскую область были отправлены семьи троцкистов, а в 1941 г. из Прибалтики, Украины и Молдавии туда прибыли члены семей националистов[2].

Самый строгий режим и надзор применялись к спецпереселенцам, считавшимся «шпионами», «вредителями», «диверсантами», «троцкистами» и т. д. (с поражением в гражданских правах). Спецпереселенцы формально сохраняли статус полноправных граждан СССР, но без возможности покидать установленное государством место жительства[3].

Спецпереселенцы были обязаны два раза в месяц являться на регистрацию в районный отдел НКВД или к участковому уполномоченному милиционеру[4]. В годы Великой Отечест-

венной войны значительно ужесточился режим содержания спецпереселенцев.

В 1940 г. были проведены три волны депортации поляков (бывших государственных служащих, офицеров, полицейских, торговцев, помещиков). К 1 апреля 1940 г. в Омской области находилось уже 8 538 поляков-спецпереселенцев[5].

В годы Великой Отечественной войны в Омскую область стали прибывать и другие категории спецпереселенцев (немцы, калмыки) из разных районов Советского Союза. Помимо невинно репрессированных в регион прибывали из западных районов страны и лица, сотрудничавшие с гитлеровскими карателями.

28 февраля 1942 г. количество спецпереселенцев в Советском Союзе составляло 936 547 человек[6]. На 1 декабря 1942 г. в Омской области находилось на спецпереселении 7 622 человека, из западных областей Украины и Белоруссии прибыло 5 133 человека, из Молдавии – 2 489 человек[7].

Спецпереселенцы были заняты в различных отраслях народного хозяйства. В Омской области ряд рыболовецких бригад спецпереселенцев Ямало-Ненецкого района производственные задания выполняли на 116–200%. В 1940 г. трудоспособных спецпереселенцев в области насчитывалось 14 475 человек, число занятых на работе составляло 12 728 человек (87,9%). В 1941 г. трудоспособных было 13 680 человек, а занятых на работе – 12 972 человека (94,8%). Норма жилой площади для спецпереселенцев составляла от 3 до 4 кв. м на человека. Снижал выполнение производственных показателей недостаток детских учреждений, так как женщины, имевшие детей, не были задействованы на производстве[8].

В соответствии с постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. и СНК СССР от 24 октября 1942 г. на НКВД было возложено переселение для работы в рыбной промышленности 19,5 тыс. человек спецпереселенцев (вместе с семьями – 60 тыс. человек), в том числе в Омскую область – 3 тыс. человек[9].

Производительность труда спецпереселенцев в большинстве своем была низкая, установленные нормы не вырабаты-

вались. В Сытоминском рыбзаводе (Сургутский район) ряд семей жили в холодных квартирах, с разбитыми окнами, без дверей, не имели дров. Спецпереселенцы, вернувшись с работы домой, вынуждены были заниматься заготовкой топлива и доставлять заготовленные дрова на себе[10].

Спецпереселенцы-калмыки значительно уступали местному населению в производительности труда. Руководители рыболовецких хозяйств, несмотря на нехватку рабочих рук, с неохотой брали их на производство[11].

Множество спецпереселенцев не могли работать в зимнее время из-за отсутствия теплой одежды. Чтобы прокормиться, некоторые из них совершали кражи сельхозпродуктов. Женская часть спецпереселенцев вязала и пряла в домашних условиях. В некоторых квартирах сени были превращены в уборные только потому, что люди не имели обуви и не могли выходить на улицу[12].

Для спецпереселенцев были созданы специальные трудовые поселки, где они находились под постоянным надзором сотрудников органов внутренних дел. Организация таких поселков носила нередко непродуманный, стихийный характер. Само существование данных объектов было временным, связанным с определенными хозяйственными потребностями в рабочей силе. После завершения строительства, вырубки леса в округе поселки ликвидировались[13].

В ноябре 1943 г. в СССР все спецпереселенцы были расселены в 1 692 поселках, обслуживающихся 783 поселковыми и 130 районными комендатурами НКВД[14].

Первоначально на севере Омской области было организовано 102 поселка для спецпереселенцев, из них 40 для добычи рыбы. Но вследствие неготовности жилых домов (из планируемых 1 тыс. домов к маю 1942 г. имелись в наличии лишь 290 однокомнатных и 26 четырехкомнатных домов) пришлось уменьшить численность поселков. К тому же на Крайний Север было необходимо завезти для нужд спецпереселенцев по реке Оби 126 тыс. т груза, но для реализации этого плана имелись один теплоход «Микоян» и 12 барж, которые могли поднять лишь 18 тыс. т груза и сделать в навигацию только один рейс[15].

Переезд в Сибирь был сложным периодом в жизни для спецпереселенцев, адаптации к непривычным, суровым природным условиям при острой нехватке продовольствия и теплых вещей, что приводило к многочисленным заболеваниям и высокой смертности.

В годы Великой Отечественной войны стал практиковаться ограниченный призыв спецпереселенцев в Красную армию. По данным на 1 ноября 1942 г. подлежало призыву в Красную армию из Омской области 2 380 человек. Большинство призванных на службу отнеслись к мобилизации положительно. Мобилизованные в Красную армию, а также члены их семей (жены, дети) с учета трудовой ссылки снимались, им выдавались паспорта и они освобождались от 5%-ного налога с заработной платы[16]. Отношение местного населения к спецпереселенцам было сложным и неоднозначным. Их часто ассоциировали с врагами Родины, чувство ненависти возрастало пропорционально с увеличением количества погибших, пропавших без вести, получивших ранения сибиряков на полях сражений Великой Отечественной войны.

Спецпереселенка, немка по национальности, Г. сетовала: «...нас, немцев, всех считают гитлеровцами, нас скоро на улицу пускать не будут, с квартир гонят на улицу. Куда ни пойдешь, все тебя называют германцы-гитлеровцы»[17].

Директор Сытоминского рыбзавода В. со спецпереселенцами был груб и на все обращения за помощью отвечал: «Время военное, работайте и не выдвигайте никаких требований». Все работы выполнялись из-за страха. Его любимое выражение было: «Всех пересажу». Распространенная мера наказания на заводе – лишение рабочего пайка и обеда в столовой[18].

В свою очередь, часть спецпереселенцев отличалась радикальными националистическими взглядами и агрессивным поведением, открыто симпатизируя успехам германской армии, разделяя нацистскую идеологию, угрожая местным жителям скорой расправой после победы в войне Гитлера.

В августе 1942 г., во время побелки школы в деревне Токарева, немка Ш. публично заявила, что «Советская власть плохая, вот придет Гитлер, власть будет наша и жить тогда будет хорошо»[19]. В Омской области в 1942 г. была выявлена группа

немцев-спецпереселенцев, занимавшихся контрреволюционной деятельностью. В результате расследования 40 человек было осуждено за контрреволюционную деятельность, 13 из них были приговорены к высшей мере наказания[20].

Немцы-спецпереселенцы открыто выражали недовольство своим переездом в Сибирь, говоря, что советская власть их обманула, обещала им предоставить то, что ими было оставлено, а теперь им приходится голодать – нет хлеба. Операция по переселению немцев в Омскую область началась в ноябре 1941 г., было перевезено 85 тыс. человек. Основной контингент – жители сельской местности, горожан-немцев насчитывалось 10–15%. Большинство спецпереселенцев разместили в домах колхозников за счет их уплотнения. В Омской области в Исилькульском районе в поселке Николайполь было размещено 12 семей немцев. По отзывам руководителей колхозов, в целом немцы работали неплохо[21].

В 1944 г. из Крыма были высланы более 3 тыс. женщин, сожительствовавших с немецко-румынскими оккупантами[22].

В годы войны в Омскую область высылались калмыки. Они прибыли в Омскую область в результате проведенной операции под кодовым названием «Улусы» в конце декабря 1943 г. – начале января 1944 г. Всего калмыков-спецпереселенцев насчитывалось в Омской области 27 069 человек[23]. Они в военный период направлялись в северные районы области для ловли и переработки рыбы, работали и на юге региона, в сельскохозяйственной отрасли.

Санитарно-бытовые условия для спецпереселенцев были тяжелыми. В Тевризском районе осенью 1944 г. в деревне Иванов-Мыс 17 семей калмыков были размещены в один большой дом, принадлежавший колхозу «Красный Восток». К зимним условиям жилище было не подготовлено, люди лежали на полу, отсутствовали стол, умывальник, посуда. Ежедневно работающие получали 600 г хлеба, и 200 г хлеба выдавалось иждивенцам, не всем им хватало зимней одежды[24].

Бытовая и климатическая адаптация калмыков проходила особенно тяжело, они с трудом перестраивались на новый рацион питания, включавший в себя картошку и чай на местных травах.

Вследствие суровых климатических условий, нехватки теплой одежды и плохого медицинского обслуживания среди спецпереселенцев был большой уровень смертности. Умирали калмыки и из-за туберкулеза, недостатка питания, обмораживания[25].

По мере знакомства местных жителей с депортированными семьями зачастую отношение к ним менялось в лучшую сторону. Сибиряки делились с голодающими продуктами, помогали в строительстве жилья, были случаи, когда они забирали к себе осиротевших детей спецпереселенцев[26].

Весной 1944 г. было издано постановление СНК СССР о предоставлении калмыкам муки, крупы, мяса, зерна, скота в счет сданного в местах выселения. Для «улучшения бытовых условий спецпереселенцев-калмыков» СНК СССР 19 ноября 1944 г. отдал распоряжение наркопищпрому, наркомзагу и наркомтекстилю СССР выделить регионам, где они были размещены, хозяйственное мыло, плиточный чай, соль, шерсть, хлопчатобумажные ткани. Однако особых усилий по воплощению в жизнь московских решений и ускорению адаптационного процесса, в силу разных причин, на местах не предпринимали[27].

Таким образом, деятельность спецпереселенцев контролировалась сотрудниками ОГПУ–НКВД, являясь частью советской пенитенциарной системы. Режим содержания спецпереселенцев серьезно ограничивал свободу передвижения, им запрещалось покидать места проживания без разрешения надзорных органов. К тому же необходимо было регулярно отмечаться в спецкомендатурах. На особом контроле стояли семьи «врагов народа». Нормы питания для спецпереселенцев были схожи с теми, которые распространялись на заключенных. Выселенные в Омскую область лица в основном трудились в рыбном и аграрном секторах. Однако низкая производительность труда, отсутствие мотивации, высокий порог заболеваемости, дефицит зимней одежды значительно снижали эффект продуктивной деятельности спецпереселенцев. Невозможность организовать массовый завоз продовольственных и промышленных товаров для северных районов области не позволяла расширить сеть рыбацких поселков и увеличить добычу рыбы в годы войны.

Бытовые условия прибывших в область людей были далеки от идеальных. Они проживали в ветхих домах, требующих ремонта, где отсутствовали мебель и элементарные предметы быта. Сказывался и недостаток одежды. Однако нужно учесть, что и местные жители сами находились в очень суровых условиях, значительно ухудшившихся во время Великой Отечественной войны.

Отношения между спецпереселенцами и местными жителями были сложными, нередко основанными на взаимном недоверии и враждебности, но не повсеместно. Большинство руководителей областных организаций были заинтересованы в скорейшей акклиматизации спецпереселенцев, способных своей трудовой деятельностью внести вклад в улучшение экономической ситуации в стране.

Примечания

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205, 216. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 9479, series 1, file 89, pp. 205, 216.

[2] Отдел специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного Центра УМВД России по Омской области (ОСФ РЖПС ИЦ УМВД России по Омской области). Ф. 10 л. Оп. 1. Д. 705. Л. 107–109. *Otdel special'nykh fondov i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii Informatsionnogo Tsentra UMVD Rossii po Omskoi oblasti* [Department of special fonds and rehabilitation of victims of political repression of the Information Center of the Russian Ministry of Internal Affairs Directorate for the Omsk Region] (OSF RZhPS ITs UMVD Rossii po Omskoi oblasti), fond, 10 L, series 1, file 705, pp. 107–109.

[3] *Земсков, В. Н.* Спецпоселенцы в СССР 1930–1960 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2005. – С. 3. ZEMSKOV, V. N. *Spetsposelentsy v SSSR 1930–1960 gg. Avtoref. diss... doktora ist. nauk* [Special settlers in the USSR in 1930–1960: Dr. hist. sci. diss. abstract. In Russ.]. Moscow, 2005, p. 3.

[4] ОСФ РЖПС ИЦ УМВД России по Омской области. Ф. 10 л. Оп. 1. Д. 705. Л. 107–109. OSF RZhPS ITs UMVD Rossii po Omskoi oblasti, fond, 10 L, series 1, file 705, pp. 107–109.

[5] *Бердинских, В. А.* Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 61. BERDINSKIKH, V. A. *Spetsposelentsy. Politicheskaya ssylka narodov Sovetskoi Rossii* [Special settlers: Political exile of the peoples of Soviet Russia. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2005, p. 61.

[6] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 76. Л. 16–27, 216. GARF, fond 9479, series 1, file 76, pp. 16–27.

[7] ОСФ РЖПС ИЦ УМВД России по Омской области. Ф. 10 л. Оп. 1. Д. 673. Л. 10. OSF RZhPS ITs UMVD Rossii po Omskoi oblasti, fond, 10 L, series 1, file. 673, pp. 10.

[8] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 76. Л. 16–27, 216. GARF, fond 9479, series 1, file 76, pp. 16–27.

[9] Там же. Л. 30, 31. Ibid., pp. 30, 31.

[10] ОСФ РЖПС ИЦ УМВД России по Омской области. Ф. 10 л. Оп. 1. Д. 673. Л. 15, 16. OSF RZhPS ITs UMVD Rossii po Omskoi oblasti, fond, 10 L, series 1, file. 673, pp. 15, 16.

[11] *Серазетдинов, Б. У., Иванов, А. С.* Спецпереселенцы-калмыки Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны (1944–1945 гг.). Особенности использования принудительного труда в рыбной промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 41. – С. 72. SERAZETDINOV, B. U., IVANOV, A. S. *Spetspereselentsy-kalmyki Omskoi i Tyumenskoi oblastei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1944–1945 gg.). Osobennosti ispol'zovaniya prinuditel'nogo truda v rybnoi promyshlennosti* [Kalmyk special settlers in the Omsk and Tyumen regions in the days of the Great Patriotic War (1944–1945): Particularities of using forced labor in the fish industry. In Russ.]. IN: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state University]. Chelyabinsk, 2009, no. 41, p. 72.

[12] ОСФ РЖПС ИЦ УМВД России по Омской области. Ф. 10 л. Оп. 1. Д. 673. Л. 15, 16. CSFs RJPS its UMVD of Russia across the Omsk region, fond, 10 L, series 1, file. 673, pp. 15, 16.

[13] *Бердинских, В. А.* Указ. соч. – С. 21. BERDINSKIKH, V. A., 2005, p. 21.

[14] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 130. Л. 32-37. GARF, fond 9479, series 1, file 130, pp. 32–37.

[15] Там же. Л. 112–115. Ibid., pp. 112–115.

[16] Там же. Л. 215–217. Ibid., pp. 215–217.

[17] Там же. Л. 35. Ibid., p. 35.

[18] ОСФ РЖПС ИЦ УМВД России по Омской области. Ф. 10 л. Оп. 1. Д. 673. Л. 15, 16. OSF RZhPS ITs UMVD Rossii po Omskoi oblasti, fond 10 L, series 1, file 673, pp. 15, 16.

[19] Там же. Л. 15, 16. Ibid, pp. 15, 16.

[20] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 76. Л. 16–27. GARF, fond 9479, series 1, file 76, pp.16–27.

[21] Там же. Л. 177-184. Ibid., pp. 177–184.

[22] Там же. Л. 253–270. Ibid., pp. 253–270.

[23] Там же. Л. 1–2. Ibid., pp.1–2.

[24] ОСФ РЖПС ИЦ УМВД России по Омской области. Ф. 10 л. Оп. 1. Д. 674. Л. 67. OSF RZhPS ITs UMVD Rossii po Omskoi oblasti, fond 10 L, series 1, file 674, p. 67.

[25] Там же. Л. 1. Ibid., p. 1.

[26] *Зберовская, Е. Л.* Калмыки-спецпереселенцы в Сибири: проблемы сохранения этнической идентичности в условиях депортации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 3. – С. 48–50. ZBEROVSKAYA, E. L. *Kalmyki-spetspereselentsy v Sibiri: problemy sokhraneniya etnicheskoi identichnosti v usloviyakh deportatsii* [Kalmyk special settlers in Siberia: Problems of ethnic identity preservation under conditions of deportation. In Russ.]. IN: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for humanitarian studies of the Russian Academy of Sciences. In Russ.]. Elista, 2013, no. 3, pp. 48–50.

[27] Там же. – С. 4. Ibid., p. 4.

Список литературы

Бердинских, В. А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 765 с.

Бугай, Н. Ф. Спецпереселенцы СССР в развитии побережья Ледовитого океана (1930–1950-е годы) // Россия в глобальном мире. – 2017. – № 10 (33). – С. 109–120.

Закирова, Е. Н. Спецпереселенцы в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) национальном округе в начале 30-х гг. XX века // Вестник угроведения. – 2015. – № 3 (22). – С. 52–57.

Зберовская, Е. Л. Калмыки-спецпереселенцы в Сибири: проблемы сохранения этнической идентичности в условиях депортации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 3. – С. 48–50.

Серазетдинов, Б. У., Иванов, А. С. Спецпереселенцы-калмыки Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны (1944–1945 гг.). Особенности использования принудительного труда в рыбной промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 41. – С. 68–72.

Суверов, Е. В. Образование и функционирование Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (Сиблага) в 1929–1941 гг. – Барнаул: НИ и РИО БЮИ МВД России, 2016. – 124 с.

References

BERDINSKIKH, V. A. *Spetsposelentsy. Politicheskaya ssylka narodov Sovetskoi Rossii* [Special settlers: Political exile of the peoples of Soviet Russia. In Russ]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2005, 765 p.

BUGAI, N. F. *Spetspereselentsy SSSR v razvitii poberezh'ya Ledovitogo okeana (1930–1950-e gody)* [Special settlers of the USSR in the development of the Arctic ocean coast (1930–1950s). In Russ.]. IN: Rossiya v global'nom mire [Russia in the global world. In Russ.]. St. Petersburg, 2017, no. 10 (33), pp. 109–120.

ZAKIROVFA, E. N. *Spetspereselentsy v Ostyako-Vogul'skom (Khanty-Mansiiskom) natsional'nom okruge v nachale 30-h gg. XX veka* [Special settlers

in the Ostyako-Vogulsky (Khanty-Mansi) national district in the early 1930s. In Russ.]. IN: *Vestnik ugrovedeniya,* 2015, no. 3 (22), pp. 52–57.

ZBEROVSKAYA, E. L. *Kalmyki-spetspereselentsy v Sibiri: problemy sokhraneniya etnicheskoi identichnosti v usloviyakh deportatsii* [Kalmyk special settlers in Siberia: Problems of ethnic identity preservation under conditions of deportation. In Russ.]. IN: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for humanitarian studies of the Russian Academy of Sciences. In Russ.]. Elista, 2013, no. 3, pp. 48–50.

SERAZETDINOV, B. U., IVANOV, A. S. *Spetspereselentsy-kalmyki Omskoi i Tyumenskoi oblastei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1944–1945 gg.). Osobennosti ispol'zovaniya prinuditel'nogo truda v rybnoi promyshlennosti* [Kalmyk special settlers in the Omsk and Tyumen regions in the days of the Great Patriotic War (1944–1945): Particularities of using forced labor in the fish industry. In Russ.]. IN: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state University]. Chelyabinsk, 2009, no. 41, pp. 68–72.

SUVEROV, E. V. *Obrazovanie i funktsionirovanie Sibirskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya NKVD SSSR (Siblaga) v 1929–1941 gg.* [Formation and functioning of the Siberian labor camp of the NKVD of the USSR (Siblag) in 1929–1941. In Russ.]. Barnaul, NI i RIO BYuI MVD Rossii publ., 2016, 124 p.

Сведения об авторах

Суверов Евгений Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Барнаульский юридический институт МВД России, кафедра теории и истории права и государства, профессор, г. Барнаул, Российская Федерация, 8-923-6491489, suverovev69@mail.ru

About authors

Suverov Evgeny Vasililevich, PhD in History, professor, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, department of theory and history of law and state, professor, Barnaul, Russian Federation, +7-923-6491489, suverovev69@mail.ru

В редакцию статья поступила 25.02.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Суверов, Е. В. Режим содержания, трудовая деятельность, бытовые условия спецпереселенцев в Омской области. 1930–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1089–1101. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1089-1101

Submitted 25.02.2019, published (for citation):

SUVEROV, E. V. *Rezhim soderzhaniya, trudovaya deyatel'nost', bytovye usloviya spetspereselentsev v Omskoi oblasti. 1930–1945 gg.* [Regime of Detention and Labor and Living Conditions of Special Settlers in the Omsk Region in 1930–1945. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1089–1101. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1089-1101

УДК 94(47) «1941–1945»
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1102-1114

В. И. Ковалев
Губкинский филиал Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова, г. Губкин, Российская Федерация

Особенности вербовки и угона жителей Старооскольского района в период германской оккупации

Vladimir I. Kovalev
Gubkin Branch of the V. G. Shukhov Belgorod State Technological University, Gubkin, Russian Federation

Patterns of Recruitment and Deportation of the Stary Oskol District Inhabitants during German Occupation

Аннотация
Статья посвящена вопросу взаимоотношения мирного населения Старооскольского района в период германской оккупации с организациями немецкого и венгерского военного командования и местной коллаборационистской администрацией по проблеме подготовки вывоза молодежи на работу в Германию. После срыва плана молниеносной войны нацистская Германия нуждалась в дешевой рабочей силе из оккупированных советских территорий. Автор, анализируя существующий документальный материал, приходит к выводу, что Старооскольскому районному управлению и городской управе с помощью старшин и старост сельских управлений не удалась в полном объеме вербовочная кампания по депортации мирного населения на работу в Германию. Мысль о вербовке и угоне мирных граждан на работу в Германию формулируется автором четко и убедительно. В статье рассматриваются идея и практика сокращения или отмены подушного налога местной коллаборационистской властью для тех старооскольцев, кто добровольно отправится на работу в Германию. В работе убедительно доказывается, что большинство жителей Старооскольского района были насиль-

ственно угнаны на работу в Германию. Автор детально анализирует возрастной ценз депортированных жителей из Старого Оскола, пригородных слобод и деревень. Статья ценна тем, что автор пытается по-новому осмыслить процесс вербовки и угона мирных жителей Старооскольского района в период оккупации. Большим достоинством работы следует считать то, что значительная часть архивных документов вводится в научный оборот впервые. Статья расширяет представления, сложившиеся в отечественной историографии, о деятельности местной коллаборационистской администрации по вербовке и насильственной депортации советских граждан на работу в Германию. Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые изучены особенности вербовки и угона мирных жителей отдельного района на принудительные работы в Германию в период семимесячной оккупации.

Abstract

The article studies relations of the Stary Oskol district civilian population with the German and Hungarian military command organizations and the local collaborationist administration on transfer of young workers to Germany. The blitzkrieg having failed, Nazi Germany needed cheap labor provided by occupied Soviet territories. Having analyzed the existing documentary material, the author concludes that the Stary Oskol district administration and its city council, assisted by foremen and village elders, failed to organize a full scale recruitment campaign and deportation of civilian population to work in Germany. The idea of recruiting and driving civilians to work in Germany is formulated by the author clearly and convincingly. The article discusses the local collaborationist authorities' plan and practice of reducing or abolishing capitation tax for those who went to work in Germany voluntarily. The paper proves that the majority of the Stary Oskol district residents were driven to work in Germany by force. The author analyzes age requirements for deported residents from Stary Oskol, suburban settlements, and villages. The article is valuable because its author tries to rethink the process of recruitment and transfer of civilians from the Stary Oskol district during the occupation. The great advantage of the work is that a significant part of archival documents is introduced into scientific use for the first time. The article expands the notions of national historiography on the activities of local collaborationist administration in recruitment and forced deportation of Soviet citizens to work in Germany. The novelty of the research is that it is the first study of patterns of recruitment and driving civilians of a particular area to work in Germany during 7 months of occupation.

Ключевые слова
Исторические источники, архивный документ, вербовка, депортация, слобода, сельское управление, староста, коллаборационизм, Старооскольский район.

Keywords
Historical sources, archival document, recruitment, deportation, settlement, rural management, elder, collaboration, Stary Oskol district.

В настоящее время интерес исследователей к кругу проблем, связанных с пребыванием миллионов советских граждан в условиях нацистского оккупационного режима, заметно возрос. Во многом это связано с продолжением процесса рассекречивания документов по истории Великой Отечественной войны. Кроме того, появилась возможность изучения тем, закрытых в советский период по причинам идеологического порядка, как, например, темы насильственного угона гражданского населения на каторжную работу в Германию.

Рассекреченные документы региональных архивов содержат материалы, которые характеризуют тяжелые последствия фашистской оккупации для советских граждан. Однако большой массив архивного материала, в том числе по вербовке и насильственной депортации мирных граждан на работу в Германию, еще не введен в научный оборот. Данную проблему можно отнести к числу слабоизученных тем в отечественной историографии.

В 1996 г. была опубликована монография П. Поляна[1], в которой сделана первая попытка обобщения и панорамного исследования советских принудительных работников как некоторого исторического феномена.

В работе Г. Г. Вербицкого[2] на основе огромного количества документов, воспоминаний раскрыты страдания советских граждан. Однако местами материал работы носит тенденциозный, предвзятый характер из-за отрицательного отношения к советской политической системе.

Заслуживает большого внимания работа В. И. Андрианова[3]. Она основана на свидетельствах самих угнанных лиц,

архивных документах. Автор наиболее точно отобразил депортацию советских граждан в Германию, все трудности жизни и подневольного труда в рейхе.

Задачей настоящей статьи стало рассмотрение особенностей вербовки и депортации мирных жителей Старооскольского района в период оккупации. На данной территории оккупационный режим просуществовал со 2 июля 1942 г. по 5 февраля 1943 г. На российских территориях вербовка на принудительные работы в Германию началась в конце лета 1942 г. Методы работы вербовочных комиссий везде были одинаковы: расклеивание плакатов и листовок с приглашением поехать на работу в Германию.

В местных оккупационных газетах и объявлениях людей привлекали «блестящими» перспективами в Германии. Пропагандисты учитывали возможности восприятия населением текста. Считалось, что сжатые и четкие формулировки малопригодны в качестве агитационных материалов, что эффективнее доходят до населения иллюстрированные плакаты. Вначале процесс вербовки российских граждан проходил медленно. По свидетельству старосты Пушкарского сельского управления Старооскольского района Курской области, от районной администрации поступили два распоряжения, от 8 сентября и от 18 сентября 1942 г., в которых требовалось осуществление добровольного выезда советских граждан на работу в Германию. Хотя до настоящего времени заявлений о добровольном выезде в Германию не оказалось[4]. И это не устраивало оккупационные власти. В местные управления стали поступать от немецких учреждений требования: в кратчайший срок завербовать как можно большее количество рабочей силы в Германию.

Несмотря на первоначальную неудачу в процессе вербовки советских граждан для работы в Германии, Старооскольское районное управление продолжало уделять внимание данной проблеме. 5 октября 1942 г. начальник районного управления приказал старшинам сельских управлений немедленно явиться в райуправу для получения инструктивных указаний по вербовке рабочей силы в Германию[5].

Важно отметить и тот факт, что при определенных условиях некоторые завербованные лица для работы в Германии могли быть освобождены от мобилизации по просьбе как отдельных лиц, так и организаций. Так, например, директор стройконторы 12 октября 1942 г. обратился к старшине Ламской слободы с просьбой, на основании приказа венгерского и немецкого командования, освободить от мобилизации в Германию слесаря стройконторы А. М. Елисеева и заменить его другим человеком[6].

Однако вербовка рабочей силы в Германию проходила с определенными трудностями. Поэтому руководство райуправы сообщало руководителям сельских управлений о переносе отправки второго эшелона с завербованными лицами. 14 октября 1942 г. руководитель районного управления поставил в известность старшин сельских управлений, что срок отправки рабочих в Германию изменен: вместо 16 октября 1942 г. надлежит выслать таковых для отправки в Германию 23 октября 1942 г. к 8 часам утра[7].

Местная администрация стремилась строго и точно выполнять требования оккупационного режима. Поэтому она систематически напоминала старостам и старшинам о точном и своевременном проведении вербовки старооскольцев на работу в Германию. Так, например, 19 октября 1942 г. заведующий жилищным отделом Жилин просил старосту Ламского сельского управления Д. Ф. Божинову вручить повестки на 23 октября 1942 г. следующим селянам: Тулиновой Клавдии Михайловне, Скоковой Клавдии Дмитриевне, Эсауловой Евдокии Андреевне, Плешивцевой Наталье Никитичне, Дробышевой Прасковье Павловне, Полегаевой Пелагее Георгиевне, Муромцевой Вере Константиновне, Поддубной Нине Николаевне. При этом он напомнил старосте о строгом соблюдении инструкции по вербовке, т. е. не мобилизовать на работу в Германию детей до 15 лет и женщин, имеющих детей до 15 лет[8].

Видимо, староста проявлял рвение по выполнению вербовки сограждан на работу в Германию и стремился мобилизовать как можно больше селян. Поэтому 20 октября 1942 г. заведующий жилищным отделом Жилин, во-первых, отчитал

старосту за то, что он направлял на сборный пункт в Старый Оскол лиц старше 51 года, во-вторых, просил не беспокоить этих людей вторично[9].

Данное воздействие сработало, и староста Д. Ф. Божинов составил следующий список селян для отправки в Германию 20 октября 1942 г.: Никитина Зоя Михайловна, 1925 г. рождения; Дробышева Елена Михайловна, 1926 г. рождения; Болдырева Лидия Андреевна, 1923 г. рождения; Проскурина Клавдия Дмитриевна, 1925 г. рождения; Проскурин Иван Панкратьевич, 1927 г. рождения; Помельников Николай Дмитриевич, 1927 г. рождения; Лазарева Александра Борисовна, 1918 г. рождения; Ушаков Иван Дмитриевич, 1926 г. рождения[10]. Из восьми человек двое – 15-летние, четверо – 16–17-летние юноши и лишь одна девушка была в возрасте 24 лет.

Кроме того, староста Божинов составил и отправил в райуправу именной список желающих добровольно поехать в Германию в количестве 21 человека[11]. При анализе имеющихся данных можно сделать следующие выводы: во-первых, из 21 человека только трое были юноши 15–18 лет (14%), во-вторых, большинство (57%) добровольцев были молодые люди 1924–1927 гг. рождения.

Поспешность выполнения поручений райуправы приводила к очередным неточностям и ошибкам. В очередной раз Жилин был вынужден 21 октября 1942 г. делать замечания руководству Ламского сельского управления, в частности, в том, что выдаются повестки мобилизованным женщинам, имеющим детей до 15 лет, и они старше 50 лет. Поэтому, чтобы не нарушать инструкцию, необходимо в списках делать отметки: имеет детей до 15 лет и возраст старше 50 лет[12].

23 октября 1942 г. руководитель райуправы, обращаясь к старшинам сельских управлений после отправки двух эшелонов со старооскольцами на работу в Германию, требовал предоставления сведений об отправленных в Германию гражданах с указанием данных о количестве подлежащих отправке и фактически направленных на работу. Также он требовал указать причины невыполнения намеченного количества к отправке граждан. Кроме того, просил предоставить поименный список всех отправленных в Германию граждан[13].

Данные списки не всегда были точными и полными. Так, например, по Ламскому сельскому управлению было указано, что Панина Валентина Петровна – 1923 г., а не 1922 г. рождения, Поваляева Матрена Яковлевна – 1905 г., а не 1898 г. рождения, Дробышева Елена Михайловна, 1924 г. рождения, а не 1926 г. рождения. Кроме того, согласно сведениям по Ламскому земельному обществу, по состоянию на 4 ноября 1942 г. на работу в Германию были угнаны 4 женщины, 55 детей, итого 59 человек[14], что не совпадает не только по количеству, но и по социальному составу. Сводная ведомость по Старооскольскому району, по Ламскому сельскому управлению свидетельствует, что в Германию были угнаны всего лишь 3 лица мужского пола и 33 лица женского пола.

Такие же несовпадения существуют и по общему количеству угнанных старооскольцев на работу в Германию. Согласно сводной ведомости по Старооскольскому району Курской области, всего был угнан 2 701 человек[15], а по акту от 3 марта 1943 г. на каторжные работы из Старооскольского района в Германию были угнаны 2 785 человек[16]. Данные расхождения трудно объяснить.

Местная коллаборационистская власть, опираясь на поддержку немецких и венгерских оккупационных властей, предлагала старооскольцам уменьшение или отмену выплаты подушного налога, выплату денежного пособия тем, кто добровольно поедет на работу в Германию. Пособие выплачивалось на основании обоснованного прошения со стороны местного управления или со стороны общины на имя немецкой администрации. Денежное пособие выдавалось на неработающих иждивенцев в семьях работников, которые были завербованы в Германию, если последние являлись до вербовки единственными кормильцами. Эти пособия выплачивались местными управлениями по составленным ими спискам, проверенным биржей труда.

На основе составленных списков, заверенных сельскими старостами и старшинами, полностью или частично освобождались семьи тех, кто добровольно уехал в Германию на работу.

30 ноября 1942 г. старшина Рождественского сельского управления Каунов направил в финансовый отдел Ста-

рооскольского районного управления следующий список выбывших хозяйств данной территории, за владельцами которых числилась недоимка подушного налога: Амельченко Любовь Тихоновна – 200 руб.; Божкова Мария Дмитриевна – 200 руб.; Гончарова Агафья Васильевна – 200 руб.; Новиков Василий Яковлевич – 160 руб.; Полухина Ольга Кузьминична – 200 руб.; Стародубцева Надежда Стефановна – 200 руб. 10 декабря 1942 г. налоговый инспектор принял решение сложить 1 160 руб. подушного налога согласно списку[17].

Отдельные граждане обращались к районной администрации с просьбой отменить или уменьшить подушный налог в связи с добровольным отъездом одного из членов семьи на работу в Германию. Гражданка села Ново-Кладовое Дуракова Пелагея Григорьевна обратилась в финансовый отдел Старооскольского районного управления с просьбой сложить с нее подушный налог в сумме 360 руб., так как она нетрудоспособная, а дочь добровольно уехала на работу в Германию. 21 ноября 1942 г. налоговый инспектор принял решение сложить с нее подушный налог в сумме 360 руб.[18]

Однако не всегда районная администрация на такие просьбы отвечала положительно. По тем или иным причинам она сокращала на 50% подушный налог или отказывалась это осуществлять с резолюцией, что на это нет оснований.

4 ноября 1942 г. гражданка села Жуково Кутепова Вера Стефановна обратилась в финансовый отдел Старооскольского районного управления с просьбой сложить подушный налог в сумме 440 руб., так как хата сгорела во время бомбежки, а трудоспособный сын уехал добровольно в Германию. По решению налогового инспектора данной гражданке вводилась скидка на подушный налог в размере 50%, т. е. на сумму 220 руб.

Гражданка села Жуково Ананьева Александра Петровна обратилась в финансовый отдел Старооскольского районного управления с просьбой сложить подушный налог в сумме 300 руб., так как ей 67 лет, хозяйства нет, сын и дочь уехали на работу в Германию. 5 ноября 1942 г. налоговый инспектор пришел к заключению, что оснований к сложению подушного налога в сумме 300 руб. нет[19].

Тяжелое социально-экономическое положение старооскольцев на оккупированной территории, возможность семьям получить списание части подушного налога и денежное пособие за счет тех, кто согласился на работу в Германии, и привлекательность хорошей жизни там создавали условия для добровольного переезда в рейх на работу. Проявление данного процесса было незначительным в Старооскольском районе, за исключением двух сельских управлений. По Ямскому сельскому управлению из 137 мобилизованных лиц на работу в Германию добровольно выехали 15 человек, или приблизительно 11% от общего количества угнанных граждан. Важно отметить, что, во-первых, все они были лицами мужского пола, во-вторых, из 15 человек пятеро были в возрасте от 46 до 54, а четверо – от 16 до 18 лет[20]. По Ездоцкому сельскому управлению из 108 мобилизованных лиц 20 человек добровольно уехали в Германию на работу, или 18,5% от общего количества угнанных граждан. С точки зрения составителя этой информации, все они были членами ВЛКСМ. Причем, во-первых, самому младшему было 15 лет, старшему – 30 лет, во-вторых, из 20 молодых человек 12 были лицами женского пола[21].

О возрастном цензе угнанных старооскольцев можно судить на основе имеющегося архивного материала по данным таблицы.

Таблица

Возрастной ценз угнанных из ряда сельских территорий Старооскольского района на работу в Германию[22].

Сельские управления	Годы рождения людей, угнанных на работу в Германию							Всего
	1888–1899	1900–1905	1906–1911	1912–1917	1918–1923	1924–1925	1926–1928	
Пушкарское	2	1	2	5	38	56	23	127
Хорошиловское	–	–	4	8	18	25	12	67

Продолжение табл.

Сельские управления	Годы рождения людей, угнанных на работу в Германию							Всего
	1888–1899	1900–1905	1906–1911	1912–1917	1918–1923	1924–1925	1926–1928	
Федосеевское	1	1	5	7	25	34	9	82
Рождественское	1	2	7	9	34	51	21	124
Казацкое	2	1	8	6	37	46	49	146
Шмарновское	–	–	4	2	19	34	3	63
Ямское	13	3	3	8	36	38	36	137
Ездоцкое	–	4	2	5	30	27	40	108
Тереховское	–	1	–	1	6	4	1	13
Ламское	1	3	1	6	13	12	4	40
Поселок КМА	2	–	2	7	21	13	2	47
ИТОГО	22	16	38	64	277	340	200	954

Из таблицы видно, что люди в возрасте от 43 до 54 лет составили от общего числа угнанных 2,3%, в возрасте от 37 до 42 лет – 1,7%, в возрасте от 31 до 36 лет – 4%, в возрасте от 25 до 30 лет – 6,7%, в возрасте от 19 до 24 лет – 28%, в возрасте от 17 до 18 лет – 35,6%, в возрасте от 14 до 16 лет – 21%. Таким образом, во-первых, почти 57% составляли молодые люди 1924–1928 гг. рождения, во-вторых, нарушались требования инструкции по вербовке советских граждан для работы в Германии, т. е. подверглись угону в Германию лица младше 15 лет и старше 50 лет, хотя и в небольшом количестве.

Кроме того, при анализе сводной ведомости граждан по Старооскольскому району Курской области, угнанных в Германию, автор пришел к следующим выводам: не из всех сельских территорий (Сорокино) происходил угон селян на работу в Германию; вербовка и угон по сельским территориям проходили неравномерно, т. е. наибольшее число угнанных было в Гуменской и Казацкой слободах, наименьшее – в Обуховском, Новиковском и Тереховском сельских управлениях; большинство угнанных старооскольцев (65%) составляли лица женского пола; только из Новиковской сельской территории были угнаны лица мужского пола; с двух сельских территорий (Незнамовское, Рождественское) мужчин было угнано больше, чем женщин; на трех сельских территориях (Архангельское, Обуховское, Тереховское) отправка в Германию женщин и мужчин была почти пропорциональна; на двух территориях (Тёплый Колодезь, Старый Оскол) отправка женщин и мужчин на работу была более непропорциональной.

Советские люди, угнанные на работу в Германию, пережив все тяготы там и выжив в неволе, терпели всяческие преследования на родине. Несмотря на это, зла они ни на кого не держали. Всему виной была война. Близится 75-летие Победы, и, может быть, настало время сказать правду о войне, о людях, которые, несмотря на испытания, сохранили силу духа, душевную чуткость и веру в добро.

Примечания

[1] *Полян, П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. – М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. – 442 с. POLYAN, P. *Zhertvy dvukh diktatur. Ostarbaitery i voennoplennye v Tret'em Reikhe i ikh repatriatsiya* [Victims of two dictatorships: Ostarbeiters and prisoners of war in the Third Reich and their repatriation. In Russ.]. Moscow, Vash Vybor TsIRZ publ., 1996, 442 p.

[2] *Вербицкий, Г. Г.* Остарбайтеры: История россиян, насильственно вывезенных на работу в Германию во время Второй мировой войны. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. – 240 с. VERBITSKII, G. G. *Ostarbaitery: Istoriya rossiyan, nasilstvenno vyvezennykh na rabotu v Germaniyu vo vremya Vtoroi mirovoi voiny* [Ostarbeiters: History of Russians Forcibly Transfered to Work in Germany during the Second World War. In Russ.]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta publ., 2004, 240 p.

[3] *Андриянов, В. И.* Архипелаг OST. Судьба рабов «Третьего рейха» в их свидетельствах, письмах и документах. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 222 с. ANDRIYANOV, V. I. *Arkhipelag OST. Sud'ba rabov "Tret'ego reikha" v ikh svidetelstvakh, pismakh i dokumentakh* [Archipelago OST: The fate of the slaves of the Third Reich in their testimonies, letters and documents. In Russ.]. Moscow, Molodaya gvardiya publ., 2005, 222 p.

[4] Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3570. Оп. 1. Д. 49. Л. 15. *Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti* [State Archive of the Kursk Region] (GAKO), fond P-3570, series 1, file 49, p. 15.

[5] Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-635. Оп. 1. Д. 10. Л. 67. *Gosudarstvennyi arkhiv Belgorodskoi oblasti* [State Archive of the Belgorod Region] (GABO), fond P-635, series 1, file 10, p. 67.

[6] Там же. Д. 31. Л. 90. Ibid., file 31, p. 90.

[7] Там же. Д. 10. Л. 60. Ibid., file 10, p. 60.

[8] Там же. Д. 30. Л. 76, 78. Ibid., file 30, pp. 76, 78.

[9] Там же. Л. 81. Ibid., p. 81.

[10] Там же. Л. 185. Ibid., p. 185.

[11] Там же. Л. 186. Ibid., p. 186.

[12] Там же. Д. 31. Л. 89. Ibid., file 31, p. 89.

[13] Там же. Д. 10. Л. 53. Ibid., file 10, p. 53.

[14] Там же. Д. 30. Л. 16. Ibid., file 30, p. 16.

[15] ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 291. Л. 44. GAKO, fond P-3605, series 1, file 291, p. 44.

[16] Там же. Л. 183. Ibid., p. 183.

[17] ГАБО. Ф. Р-635. Оп. 1. Д. 17. Л. 161. GABO, fond P-635, series 1, file 17, p. 161.

[18] Там же. Л. 192. Ibid., p. 192.

[19] Там же. Л. 204, 205. Ibid., pp. 204, 205.

[20] ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 291. Л. 51–52. GAKO, fond P-3605, series 1, file 291, pp. 51–52.

[21] Там же. Л. 158, 159. Ibid., pp. 158, 159.

[22] Там же. Л. 48, 51–54, 61–68, 150, 151–155, 158, 159. Ibid., pp. 48, 51–54, 61–68, 150–155, 158, 159.

Список литературы

Андриянов, В. И. Архипелаг OST. Судьба рабов «Третьего рейха» в их свидетельствах, письмах и документах. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 222 с.

Вербицкий, Г. Г. Остарбайтеры: История россиян, насильственно вывезенных на работу в Германию во время Второй мировой войны. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. – 240 с.

Полян, П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. – М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. – 442 с.

References

ANDRIYANOV, V. I. *Arkhipelag OST. Sud'ba rabov "Tret'ego reikha" v ikh svidetelstvakh, pismakh i dokumentakh* [Archipelago OST: The fate of the slaves of the Third Reich in their testimonies, letters and documents. In Russ.]. Moscow, Molodaya gvardiya publ., 2005, 222 p.

VERBITSKII, G. G. *Ostarbaitery: Istoriya rossiyan, nasilstvenno vyvezennykh na rabotu v Germaniyu vo vremya Vtoroi mirovoi voiny* [Ostarbeiters: History of Russians Forcibly Transfered to Work in Germany during the Second World War. In Russ.]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta publ., 2004, 240 p.

POLYAN, P. *Zhertvy dvukh diktatur. Ostarbaitery i voennoplennye v Tret'em Reikhe i ikh repatriatsiya* [Victims of two dictatorships: Ostarbeiters and prisoners of war in the Third Reich and their repatriation. In Russ.]. Moscow, Vash Vybor TsIRZ publ., 1996, 442 p.

Сведения об авторах

Ковалев Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Губкинский филиал, доцент, Российская Федерация, г. Губкин, 8-908-789-30-52, pil41@mail.ru

About author

Kovalev Vladimir Ivanovich, PhD in History, associate professor, Gubkin Branch of the V. G. Shukhov Belgorod State Technological University, Russian Federation, +7-908-789-30-52, pil41@mail.ru

В редакцию статья поступила 13.02.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Ковалев, В. И. Особенности вербовки и угона жителей Старооскольского района в период германской оккупации // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1102–1114. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1102–1114

Submitted 13.02.2019, published (for citation):

KOVALEV, V. I. *Osobennosti verbovki i ugona zhitelei Starooskol'skogo raiona v period germanskoi okkupatsii* [Patterns of Recruitment and Deportation of the Stary Oskol District Inhabitants during German Occupation. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, 2019,* no. 4, pp. 1102–1114. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1102–1114

УДК 94(47)+94(470.341)
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1115-1127

А. А. Гордин
Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Е. Д. Гордина
Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Переход к производству товаров широкого потребления на предприятиях Горьковской области во второй половине 1945 – 1946 гг.

Alexey A. Gordin
Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction, Nizhniy Novgorod, Russian Federation

Elena D. Gordina
R. E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Transition to Production of Consumer Goods at the Enterprises of the Gorky Region in the Second Half of 1945–1946

Аннотация
Процесс конверсии советской промышленности после Великой Отечественной войны остается актуальной и перспективной для исследования проблемой. Целями статьи являются рассмотрение на примере Горьковской (ныне Нижегородской) области перехода предприятий к производству товаров народного потребления в 1945–1946 гг., исследование наиболее серьезных проблем, препятствовавших этому процессу. Последние можно разделить на два блока: проблемы ресурсного характера – острая нехватка квалифицированных рабочих кадров, сырья, оборудования и проблемы организационного плана – неэффективная система организации производственных процессов

и трудовых отношений. Попытки решить их быстро и сугубо административными методами успеха не имели. Решение кадрового вопроса на предприятиях, в частности, было тесно взаимосвязано с трудовой мотивацией, социальной инфраструктурой, за что несли прямую ответственность руководители предприятий. В 1946 г. на большинстве предприятий Горьковской области наблюдались недовыполнение плановых показателей производства товаров широкого потребления, нарушение предписанной номенклатуры и выпуск ненужных населению, но более простых в изготовлении товаров, высокая себестоимость товаров, зачастую превышающая плановую себестоимость и установленную отпускную цену на товары. Конкретная «линейка» товаров для каждого предприятия определялась в соответствии с его профилем. На ряде крупных предприятий тяжелой и оборонной промышленности (автозавод им. Молотова, завод «Красное Сормово» и др.) существовали специальные цеха ширпотреба, но при этом в производстве были задействованы и другие цеха. На небольших предприятиях, относящихся к сектору легкой промышленности, товары широкого потребления были основной категорией производства. Представленное исследование является важным вкладом в изучение картины конверсии и реконверсии в СССР во второй половине 1940-х гг. На примере Горьковской области как одного из крупнейших промышленных регионов страны многопланово и наглядно можно реконструировать сложный процесс восстановления мирных функций экономики.

Abstract

The process of conversion of Soviet industry after World War II remains significant and attractive for research. This case-study of the Gorky region reviews the transition of enterprises to production of consumer goods in 1945–46 and identifies the most serious problems that hindered this process. These problems can be divided into two groups: resource problems (acute shortage of skilled workers, raw materials, equipment) and organizational problems (inefficient organization of production processes and labor relations). Attempts to solve them quickly and with purely administrative methods were unsuccessful. Manning of the enterprises, in particular, was closely connected with labor motivation and social infrastructure, for which the directors of the enterprises were directly responsible. In 1946, the majority of the Gorky region enterprises fell short of production targets for consumer goods, produced goods that were simple to manufacture instead of those prescribed by the plan and needed by the population, and often exceeded actual cost price per unit and established selling price. The specific line of products of each

enterprise was determined in accordance with its profile. At a number of large enterprises of heavy and defense industries (the Molotov automobile plant, the Krasnoye Sormovo plant, and others) there were special consumer goods departments, but other departments were also involved in production. In small enterprises of light industry sector, consumer goods were the main category of production. The research is an important contribution to the study of conversion and reconversion in the USSR in the second half of the 1940s. The case-study of the Gorky region, one of the largest industrial regions of the USSR, allows to reconstruct the complex process of restoring peaceful functions of the economy quite vividly.

Ключевые слова
Промышленность, конверсия, реконверсия, Горьковская область, товары широкого потребления, послевоенное общество, исторические источники.

Keywords
Industry, conversion, Gorky region, consumer goods, post-war society, historical sources.

Проблема переходного состояния советской экономики и промышленности после Великой Отечественной войны актуальна и изучалась отечественной историографией. Различные аспекты работы промышленных предприятий Горьковской области в 1945–1953 гг., в том числе процесса конверсии, раскрыты в работах В. Н. Окорокова[1], Г. В. Серебрянской[2], Н. В. Занозина[3] и ряда других авторов[4]. В частности, исследователь М. В. Егошина отмечает краткость периода конверсии в Горьковской области, поскольку с 1948–1949 гг. предприятия снова начали наращивать выпуск военной продукции[5], то есть насущной задачей стала реконверсия. При этом отдельные региональные аспекты проблемы конверсии, к которым относится вопрос об организации на горьковских предприятиях производства товаров народного потребления в первые послевоенные годы, остаются совершенно не исследованными. Источниковой базой статьи являются документы Государственного общественно-политического архива Нижегородской области, в частности материалы обследований работы предприятий партийными и государственными органами, справки о реализации продукции предприятиями.

Всем горьковским предприятиям постановлением СНК СССР от 23.10.1945 г. было предписано после окончания Великой Отечественной войны перейти на выпуск товаров народного потребления («ширпотреба»). В производстве были задействованы предприятия всех отраслей промышленности, от артелей до крупных заводов. Выполнение этой задачи вызвало очень большие трудности, наблюдалось повсеместное недовыполнение предприятиями плана. Так, завод им. Сталина в 1946 г. должен был дать продукции на 9,5 млн руб., а выпустил за пять месяцев на 3 208,0 тыс. руб., или 33%, слесарно-монтажного инструмента из плана 4 000,0 тыс. руб. дал 1 108,5 тыс. руб., или 27,5%, ножниц из 500 тыс. штук изготовил 68,9 тыс. шт., или 13,8%[6]. О работе цеха ширпотреба завода № 397 отмечается: «Недообеспечен рабочей силой. Производственно-техническим обучением кадров никто не занимается. Оборудование не соответствует выпускаемым цехом изделиям. В результате цех выпускает 15% несортной продукции и не выполняет план. План мая выполнен всего на 20,6%»[7]. На Автозаводе им. Молотова цех ширпотреба выпускал трехколесные велосипеды, кровати, чугуны, ручки и петли оконные и дверные[8]; цех № 4 – галоши, боты, сапоги резиновые, текстовинитовые подошвы; арматурный цех и цех покрытия – эмалированную и алюминиевую посуду для нужд столовых, детских учреждений и больниц района. При этом цех ширпотреба находился на расстоянии 5 км от завода, в лесу, добираться туда по бездорожью было тяжело[9].

Легкая промышленность области реализовывала швейные, чулочно-носочные изделия, обувь, кожгалантерею, шорно-седельные изделия, ножи, столовые приборы, посуду, мебель[10], зеркала, портсигары, расчески и др.[11] В документах работа предприятий легкой промышленности подвергается резкой критике. Например, Валяльно-сапожная фабрика № 2 «приведена в полуразрушенное состояние. Паросиловое и производственное оборудование своевременно не ремонтировалось и работало на износ. Помещения пришли в аварийное состояние [...] Качество войлоков низкое. За поставку недоброкачественного войлока предъявлено рекламаций на 141,2 тыс. руб. (вместо 15,2 за 1945 г.). Нормы по расходу

сырья не выдержаны. За пять месяцев 1946 года перерасход сырья составляет 20,9 тонн [...] Выработка на одного рабочего составляет 81,8 к плану, фонд зарплаты перерасходован на 16%, или 116 тыс. руб.»[12]. В качестве выхода из сложившегося тяжелого положения проводится переоснащение предприятий оборудованием, но этот процесс идет медленно: «На эти цели правительством отпущено в 1946 году Промкооперации области 5 млн. руб. и заводам местной промышленности 10 млн. руб. Фактически за полугодие освоено заводами 1 206 тыс. руб. и Промкооперацией области всего только 652 тыс. руб.»[13].

Одной из наиболее острых проблем послевоенного периода был дефицит рабочей силы, особенно кадровых рабочих. «Предприятия при большом недостатке квалифицированных рабочих слабо занимаются подготовкой кадров и созданием материально-бытовых условий рабочим. Завод “Луч” при недостатке рабочей силы до 48% план подготовки кадров в первом полугодии из 80 человек выполнил только на 13,7%. На заводе им. Сталина большая текучесть рабочей силы. За пять месяцев 1946 года принято на работу 132 человека, уволено за это же время 129 человек»[14]. На автозаводе им. Молотова рабочей силой цех ширпотреба укомплектован был наполовину за счет заключенных-уголовников[15]. На завод «Труд» не возвращен после войны ни один из 77 человек. На завод «Луч» из 58 возвращено всего 7 человек[16]. На стеклозаводе им. Горького номенклатура изделий не выдерживается, так как из 40 человек по плану в цехе работало всего 19 (47,5%). «Цех не благоустроен, требует ремонта. Крыша течет. Рабочие часто снимаются на другие работы. Так, 2 июля – на погрузку стекла. Был остановлен весь цех. Качество продукции низкое»[17].

На крупных предприятиях общее количество рабочих в цехах ширпотреба и их квалификация в целом удовлетворительны, но отмечены другие кадровые проблемы. В частности, на заводе «Красное Сормово» (№ 112) в 1946 г. качественный состав рабочих низкий – до 85% составляют рабочие 3-го разряда. В цехе очень большая текучесть кадров (в 1945 г. – до 53%). «Часто рабочих перебрасывают в другие цеха. Только

за 1 полугодие 1946 года было переведено в другие цеха 20% рабочих, а на их место направлены менее квалифицированные кадры, не знакомые с производством товаров ширпотреба. Сейчас в цехе работает только 70% рабочих, т. к. 20% квалифицированных рабочих посланы на заготовку торфа, ловлю рыбы и др. Совершенно не занимаются повышением квалификации кадров, занятых производством ширпотреба. Нет даже плана подготовки кадров. Не интересуются также вопросами труда и зарплаты. Нет поощрительной системы оплаты труда рабочих и ИТР в цехе. В цеху числится 45,9% стахановцев и 97% соревнующихся, но план не выполняется»[18].

На заводе № 21 им. Орджоникидзе цех полностью укомплектован квалифицированными рабочими и ИТР, 94% рабочих цеха работают более 3 лет, но цех работает плохо: «План 1 квартала выполнен на 65%, 2 квартала – на 69%. Плохая организация труда. Простой рабочих в 1 полугодии составил 11% к отработанному времени, 15% рабочих не выполнили нормы выработки. В результате квалифицированные рабочие цеха ширпотреба зарабатывают не более 500 рублей, т. е. значительно меньше, чем в остальных цехах завода. В цеху большая текучесть кадров, доходящая до 21%, главным образом, из-за постоянной переброски рабочих в основные цеха завода. Несмотря на невыполнение норм выработки, руководство не организовало производственно-технического обучения и повышения квалификации рабочих цеха ширпотреба. Слабая трудовая и производственная дисциплина. Партком завода совершенно не уделяет внимания вопросу работы с кадрами в цехе ширпотреба»[19].

На заводе им. Сталина «нет точного учета кадров, занятых в производстве ширпотреба. Цех № 38 систематически не выполняет задания. Из 10 000 топоров в месяц по плану делает только 4 000. Не укомплектован рабочей силой. Не хватает квалифицированных кадров. Руководство не интересуется повышением квалификации рабочих [...] Партком вопрос о кадрах для ширпотреба не обсуждал ни разу»[20].

В отчетных материалах по местной промышленности Горьковской области (включала 74 райпромкомбината[21]) за 1946 г. констатируются «плохая работа с кадрами», нецелевое

их использование. Так, Линдовский промкомбинат закрывается в период сенокоса. В Семенове рабочие направляются на работу в колхозы. «Большинство рабочих – практики, малограмотные, требующие серьезной подготовки. ИТР тоже практики с низшим образованием, только 20 человек имеют высшее образование [...] слабо идет подготовка кадров ведущих профессий, занятых на производстве ширпотреба. Большая сменяемость рабочих кадров»[22].

Решение кадрового вопроса на предприятиях было тесно взаимосвязано с социальным, прежде всего жилищным, обеспечением рабочих. Жесткие обязательства предоставления рабочим жилья диктовали руководителям предприятий необходимость строительства общежитий, но шло оно крайне медленно. «Завод им. Сталина из плана капитальных работ освоил средств всего 11,6% (317 тыс.). Совершенно не приступлено к строительству [...] восьмиквартирного жилого дома, общежития на 100 человек, ремонту заводского клуба и др. объектов. Завод “Труд” освоил из плана капвложений за шесть месяцев всего 307,2 тыс. руб., или 9,3%. Не начаты работы по [...] ремонту общежития для ФЗО второй очереди и достройки заводского клуба [...] Стройконтора вынуждена арендовать квартиры для рабочих у частных лиц»[23].

Пристальное внимание в условиях планового хозяйства уделялось изготовлению предприятиями той номенклатуры продукции, которая была наиболее востребована гражданами, а также целевому использованию сырья и сырьевых отходов. «В погоне за выполнением плана по выпуску валовой продукции отдельные руководители предприятий встали явно на неправильный путь, допуская использование полноценного сырья на изделия, ненужные населению. [...] Промкооперация г. Горького план по выпуску ватных подушек выполнила в июне на 306,6%, которые потребителем по прямому назначению не используются, а перешиваются на другие более необходимые вещи. Швейные фабрики Горлегпрома пренебрежительно относятся к изготовлению детской одежды как невыгодной для выполнения плана по валу»[24].

Серьезной проблемой было снижение себестоимости продукции и приведение в равновесие плановых и фактических

цифр себестоимости: «Промкооперация области должна была внедрить в 1945–46 гг. 33 наименования изделий ширпотреба, но до сего времени по взятым образцам ничего не сделано [...] Себестоимость одноименной продукции, вырабатываемой местной промышленностью по отдельным промкомбинатам, имеет весьма значительную разницу. Себестоимость пары валенок, вырабатываемых Уренским промкомбинатом, определяется в 56 р. 20 к., в Воротынском – 81 р. 63 к., в Чернухинском – 101 р. 56 к. Один литр гончарной посуды по Семеновскому п/к имеет себестоимость 70 к., по Залесному п/к – 2 р. 10 к. [...]»[25]. Таблица 1 иллюстрирует, что фактическая себестоимость изделий в ряде случаев превышала плановую.

Таблица 1

Себестоимость изделий ширпотреба на Автозаводе им. Молотова по отчетной калькуляции в мае 1946 г.

Продукция	Себестоимость (план)	Себестоимость (факт)
Велосипед 3-колесный	151.42	201.60
Кровать детская	122.17	159.04
Кровать взрослая	74.14	84.78
Чугуны 3 л	7.73	15.60
Чугуны 5 л	8.44	20.28

Эта проблема усугублялась на стадии реализации товаров еще и резко отличающимися от фактической себестоимости значениями отпускных цен. Себестоимость зачастую превышала цену товара в 1,5–2 раза и больше (см. табл. 2).

В документах приводится много фактов изготовления на горьковских предприятиях низкокачественной продукции: металлические ложки с плохо обрезанными краями, мебель, сделанная из сырого пиломатериала, которая рассыхалась и разваливалась, некачественные шапки, подушки, глиняная и эмалированная посуда и т. д.[26]

Таблица 2

Справка о товарах, отпускные цены Горторготдела на которые ниже, чем их себестоимость[27]

Организация	Продукция	Отпускная цена	Себестоимость
Завод № 21	Буфет Кровать детская Стул	1300 210 127	2162 334 182
Завод № 469	Керогаз	116	151.59
Завод Красная Этна	Электроплита Электроутюг	65 75	141.48 175
Автозавод им. Молотова	Детский 2-колес. велосипед Койка детская	300 40	450 157
Мотоциклетный завод	Велосипед детский	162	321

Очевидно, что директора предприятий «отмахивались» от производства товаров народного потребления прежде всего в силу острой нехватки необходимых сырьевых и кадровых ресурсов. В 1946 г. директор завода № 178 А. А. Боровиков писал заведующему Облторготдела Горьковской области: «При послевоенной перестройке завод оказался в чрезвычайно тяжелом положении с кадрами, т. к. план не только не снизился в связи с переходом на 8-часовой рабочий день, а даже увеличился. В металлургическом производстве повысить производительность труда на 50% без серьезных капиталовложений оказалось неразрешимой задачей. Потребовалось добавочное [...] количество рабочих в основных цехах, что могло произойти только за счет обескровливания вспомогательных, т. к. прошедшая демобилизация армии двух очередей заводу ничего не дала, если не считать буквально единиц вернувшихся на завод бойцов [...] Завод в основном работает на местном топливе (дрова и торф), добываемом заводом собственными силами [...] Физически здоровых людей завод должен был сконцентрировать в основных металлургических цехах, более или менее способных к труду послать на добычу

топлива и только совсем малолетних и инвалидов оставить в весьма ограниченном количестве в вспомогательных цехах [...] При таких условиях конечно трудно говорить о производстве изделий ширпотреба...»[28].

Процесс восстановления «мирных» функций экономики в послевоенный период протекал в Горьковской области тяжело. Это выразилось в «хроническом» недовыполнении плана производства товаров народного потребления, срыве сроков конверсии, остром дефиците сырьевых и кадровых ресурсов. Попытки решить указанные проблемы быстро и сугубо административными методами успеха не имели. Требовалось время на формирование новых квалифицированных рабочих кадров при помощи наставничества и профессионального обучения молодежи. Многие виды товаров требовали нового специального оборудования. Производственные аспекты дополнялись наличием трудностей социального характера. Важными задачами являлись снижение себестоимости продукции, целевое использование сырья, соблюдение плановой номенклатуры товаров. Дальнейшее исследование проблемы поможет реконструировать картину производства товаров широкого потребления в конце 1940-х – начале 1950-х гг. и существенно дополнить сведения о конверсии и реконверсии в Горьковской области и в стране в целом в послевоенный период.

Примечания

[1] Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. 3. 1941–1972 / И. М. Гурьев, Е. М. Щепетов, В. Н. Окороков и др. – Горький: Кн. изд-во, 1961. *Ocherki istorii Gor'kovskoi organizatsii KPSS* [GURYEV, I. M., SHCHEPETOV, E. M., OKOROKOV, V. N., et al. Essays on the history of the Gorky CPSU organization. In Russ.]. Part 3: 1941–1972. Gorky, Kn. izd-vo publ., 1961.

[2] *Серебрянская, Г. В.* Мобилизация промышленности и труда рабочих // Общество и власть. Российская провинция. Т. 3. Июнь 1941 г. – 1953 г. / Сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. – М.: ИРИ РАН, 2005. SEREBRYANSKAYA, G. V. *Mobilizatsiya promyshlennosti i truda rabochikh* [Mobilization of industry and labor of workers. In Russ.]. IN: *Obshchestvo i vlast'. Rosiiskaya provintsiya. Iyun' 1941 g. – 1953 g.*

[KULAKOV, A. A., SMIRNOV, V. V., KOLODNIKOVA, L. P. (comps.). Society and power. Russian province. June 1941 – 1953. In Russ.]. Vol. 3. Moscow, IRI RAN publ., 2005.

[3] *Занозин, Н. В.* Опыт промышленного и социального развития Горьковской области в 1945–1953 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2002. ZANOZIN, N. V. *Opyt promyshlennogo i sotsial'nogo razvitiya Gor'kovskoi oblasti v 1945–1953 gg.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* [The experience of industrial and social development of the Gorky region in 1945–1953: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Nizhny Novgorod, 2002.

[4] *Кожевник, А. Е.* Промышленность Горьковской области в четвертой пятилетке (1946–1950 гг.) // Исторический сборник ГГУ им. Н. И. Лобачевского. – Горький, 1958; KOZHEVNIK, A. E. *Promyshlennost' Gor'kovskoi oblasti v chetvertoi pyatiletke (1946–1950 gg.)* [Industry of the Gorky Region in the Fourth Five-Year Plan (1946–1950). In Russ.]. IN: *Istoricheskii sbornik GGU im. N. I. Lobachevskogo* [A Historical Collection of the N. I. Lobachevsky Moscow State University]. Gorky, 1958.

[5] *Егошина, М. В.* Тяжелая промышленность и ВПК Горьковской области в первые послевоенные десятилетия: 1946–1965 годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2004. – С. 16. EGOSHINA, M. V. *Tyazhelaya promyshlennost' i VPK Gor'kovskoi oblasti v pervye poslevoennye desyatiletiya: 1946–1965 gody.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Heavy industry and the military industrial sector of the Gorky region in the first post-war decades: 1946–1965: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Nizhny Novgorod, 2004, 16 p.

[6] Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 5613. Л. 13. *Gosudarstvennyi obshchestvenno-politicheskii arkhiv Nizhegorodskoi oblasti* [State Socio-Political Archive of the Nizhny Novgorod Region] (GOPANO), fond 3, series 1, file 5613, p. 13.

[7] Там же. Л. 56–57. Ibid., pp. 56–57.

[8] Там же. Л. 53. Ibid., p. 53.

[9] Речь о цехе ширпотреба. Там же. Л. 54. Ibid., p. 54.

[10] ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5613. Л. 19–19 об. GOPANO, fond 3, series 1, file 5613, pp. 19–19 verso.

[11] Там же. Л. 55. Ibid., p. 55.

[12] Там же. Л. 26–27. Ibid., pp. 26–27.

[13] Там же. Л. 28. Ibid., p. 28.

[14] Там же. Л. 12. Ibid., p. 12.

[15] Там же. Л. 54. Ibid., p. 54.

[16] Там же. Л. 14. Ibid., p. 14.

[17] Там же. Л. 55. Ibid., p. 55.

[18] Там же. Л. 56–57. Ibid., p. 56–57.

[19] Там же. Л. 58. Ibid., p. 58.

[20] Там же. Л. 59. Ibid., p. 59.

[21] Там же. Л. 61. Ibid., p. 61.

[22] Там же. Л. 63. Ibid., p. 63.

[23] Там же. Л. 14. Ibid., p. 14.
[24] Там же. Л. 28. Ibid., p. 28.
[25] Там же. Л. 44–46. Ibid., pp. 44–46.
[26] Там же. Л. 76. Ibid., p. 76.
[27] Там же. Л. 74. Ibid., p. 74.
[28] Там же. Л. 78. Ibid., p. 78.

Список литературы

Егошина, М. В. Тяжелая промышленность и ВПК Горьковской области в первые послевоенные десятилетия: 1946–1965 годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2004. – 21 с.

Занозин, Н. В. Опыт промышленного и социального развития Горьковской области в 1945–1953 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2002. – 25 с.

Кожевник, А. Е. Промышленность Горьковской области в четвертой пятилетке (1946–1950 гг.) // Исторический сборник ГГУ им. Н. И. Лобачевского. – Горький, 1958. – С. 121–127.

Очерки истории Горьковской организации КПСС / Партийный архив Горьковского обкома КПСС. В 3 ч. Ч. 3. 1941–1972 / И. М. Гурьев, Е. М. Щепетов, В. Н. Окороков и др. – Горький: Кн. изд-во, 1974. – 447 с.

Серебрянская, Г. В. Мобилизация промышленности и труда рабочих // Общество и власть. Российская провинция. Т. 3. Июнь 1941 г. – 1953 г. / Сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. – М.: ИРИ РАН, 2005. – С. 391–465.

References

EGOSHINA, M. V. *Tyazhelaya promyshlennost' i VPK Gor'kovskoi oblasti v pervye poslevoennye desyatiletiya: 1946–1965 gody: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Heavy industry and the military industrial sector of the Gorky region in the first post-war decades: 1946–1965: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Nizhny Novgorod, 2004, 21 p.

ZANOZIN, N. V. *Opyt promyshlennogo i sotsial'nogo razvitiya Gor'kovskoi oblasti v 1945–1953 gg.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* [The experience of industrial and social development of the Gorky region in 1945–1953: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Nizhny Novgorod, 2002, 25 p.

KOZHEVNIK, A. E. *Promyshlennost' Gor'kovskoi oblasti v chetvertoi pyatiletke (1946–1950 gg.)* [Industry of the Gorky Region in the Fourth Five-Year Plan (1946–1950). In Russ.]. IN: *Istoricheskii sbornik GGU im. N. I. Lobachevskogo* [A Historical Collection of the N. I. Lobachevsky Moscow State University]. Gorky, 1958, pp. 121–127.

Ocherki istorii Gor'kovskoi organizatsii KPSS [GURYEV, I. M., SHCHEPETOV, E. M., OKOROKOV, V. N., et al. Essays on the history of the Gorky CPSU organization. In Russ.]. Part 3: 1941–1972. Gorky, Kn. izd-vo publ., 1961. 447 p.

SEREBRYANSKAYA, G. V. *Mobilizatsiya promyshlennosti i truda rabochikh* [Mobilization of industry and labor of workers. In Russ.]. IN: *Obshchestvo i vlast'. Rosiiskaya provintsiya. Iyun' 1941 g. – 1953 g.* [KULAKOV, A. A., SMIRNOV, V. V., KOLODNIKOVA, L. P. (comps.). Society and power. Russian province. June 1941 – 1953. In Russ.]. Vol. 3. Moscow, IRI RAN publ., 2005, pp. 391–465.

Сведения об авторах

Гордин Алексей Александрович, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, кафедра истории, философии, педагогики и психологии, заведующий кафедрой, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 8-910-388-17-61, alexei.gordin@yandex.ru

Гордина Елена Дмитриевна, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, кафедра методологии, истории и философии науки, заведующая кафедрой, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 8-910-388-18-27, gordinelena@yandex.ru

About authors

Gordin Alexey Alexandrovich, PhD in History, associate professor, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction, department of history, philosophy, pedagogy and psychology, head of the department Nizhny Novgorod, Russian Federation, +7-910-388-17-61, alexei.gordin@yandex.ru

Gordina Elena Dmitrievna, PhD in History, associate professor, R. E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University, department of methodology, history, and philosophy of science, head of the department, Russian Federation, Nizhny Novgorod, +7-910-388-18-27, gordinelena@yandex.ru

В редакцию статья поступила 28.03.2019 г., опубликована (для цитирования):

Гордин, А. А., Гордина, Е. Д. Переход к производству товаров широкого потребления на предприятиях Горьковской области во второй половине 1945 – 1946 гг.// Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1115–1127. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1115-1127

Submitted 28.03.2019, published (for citation):

GORDIN, A. A., GORDINA, E. D. *Perekhod k proizvodstvu tovarov shirokogo potrebleniya na predpriyatiyakh Gor'kovskoi oblasti vo vtoroi polovine 1945 – 1946 gg.* [Transition to Production of Consumer Goods at the Enterprises of the Gorky Region in the Second Half of 1945–1946. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1115–1127. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1115-1127

НАУЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Scientific Publication of Archival Documents

УДК 94(47)+929.82-94
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1128-1149

Д. М. Софьин
Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация

М. В. Софьина
Пермский государственный институт культуры, Пермский государственный архив социально-политической истории, г. Пермь, Российская Федерация

Мир детства и юности великих князей Сергея и Павла Александровичей. Ливадия – Петербург. Дневник великого князя Павла Александровича. 1870–1873 гг.

Dmitriy M. Sofjin
Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

Marina V. Sofjina
Perm State Institute of Culture, Perm State Archive of Socio-Political History, Perm, Russian Federation

Childhood and Youth of the Grand Dukes Sergey Alexandrovich and Paul Alexandrovich of Russia, Livadiya – Petersburg: Diary of the Grand Duke Paul Alexandrovich, 1870–1873

Аннотация
Впервые публикуется детский дневник великого князя Павла Александровича, младшего сына императора Александра II и императрицы Марии Александровны, будущего генерала, командира Гвардейского корпуса. Документ хранится в Государственном архиве Российской Федерации, в личном фонде великого князя Павла Александровича. Дневник ярко характеризует повседневную жизнь юных представителей Дома Романовых в 1870-е гг. на примере автора документа и его брата, великого князя Сергея Александровича (будущего московского генерал-губернатора), с которым они воспитывались вместе. Записи в дневнике автор вел нерегулярно, преимущественно во время пребывания в Крыму, куда семья Александра II и многие члены Императорской фамилии ездили практически ежегодно. Таким образом, основным содержанием дневника являются крымские записи сентября–ноября 1870 г., августа–ноября 1871 г., апреля и июля–сентября 1872 г. С течением времени, по мере взросления автора, записи становятся более подробными. Но в 1873 г. великий князь Павел Александрович явно охладел к дневнику, сделав за весь год только две записи (одну из них – в Крыму). Автор уделяет внимание эпизодам жизни царских детей в Ливадии, конным прогулкам и поездкам в Ореанду, Массандру, Гурзуф, Мисхор, Алупку, другие места Южного берега Крыма. Великий князь упоминает свое участие в домашнем спектакле на античный сюжет, балы, морские купания, семейные праздники (дни рождения матери и сестры). Изредка упоминается то, что связано с учебным процессом, – у августейших детей каникул, как таковых, не было, но во время пребывания в Крыму занятий было меньше. Немногочисленные петербургские и царскосельские записи (март–апрель 1871 г., январь, июнь и октябрь 1872 г.) посвящены участию великого князя Павла Александровича в церковных службах на Страстной неделе, а также охоте и посещению выставки в Императорской Академии художеств. Одна запись, в июне 1873 г., была сделана во время пребывания царской семьи на германском курорте Эмс. Заканчивается дневник цитатой из стихотворения М. В. Ломоносова.

Abstract
This is the first publication of the child's diary of the Grand Duke Paul Alexandrovich of Russia, youngest son of Emperor Alexander II and Empress Maria Alexandrovna, later general and Commander of the Guards Corps. This document is stored in the State Archive of the Russian Federation in the personal provenance fond of the Grand Duke Paul Alexandrovich. The diary vividly describes everyday life of the young

members of the Russian Imperial House in the 1870s, that is, the life of the author and his brother, the Grand Duke Sergey Alexandrovich (later Moscow Governor-General), as both were brought up together. The author kept his diary irregularly, mostly during his stay in the Crimea, where the family of Alexander II and many members of the Imperial Family went almost every year. Thus, most diary entries date from autumn 1870, August to November 1871, April 1872, July to September 1872. As the author grew older, the entries became more detailed. In 1873 Grand Duke Paul Alexandrovich clearly lost interest in his diary, making only two entries for the whole year (one in the Crimea). The author describes episodes of the life of young Grand Dukes at Livadiya, horse walks and trips to Oreanda, Massandra, Gurzuf, Miskhor, Alupka, and other places of the Southern Coast of the Crimea. The Grand Duke Paul Alexandrovich mentions his participation in private theatricals based on ancient history, balls, sea bathing, family festivities (birthdays of his mother and sister). The diary occasionally mentions details of education, as the Emperor's children did not have vacations as such, only less classes during their stay in the Crimea. Few entries from St. Petersburg and Tsarskoye Selo (spring 1871, January, June, and October 1872) are about the Grand Duke Paul Alexandrovich's participation in church services during the Holy Week, hunting, and taking in the exhibition at the Russian Academy of Arts. One entry, of June 1873, was made while the family stayed in Bad Ems. The diary ends with a quote from a verse by Mikhail Lomonosov.

Ключевые слова
Исторический источник, великий князь Павел Александрович, дневник, великий князь Сергей Александрович, Дом Романовых, Романовы в Крыму.

Keywords
Historical source, Grand Duke Paul Alexandrovich, diary, Grand Duke Sergey Alexandrovich, Russian Imperial House, the Romanovs in the Crimea.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится детский дневник великого князя Павла Александровича, младшего из сыновей императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Ценный документ, ярко, живо и непосредственно характеризующий повседневную жизнь юных представителей царствующей фамилии в 1870-е гг., до сих пор не привлекал внимания исследователей.

Императрица Мария Александровна с младшими сыновьями, великим князем Сергеем Александровичем и великим князем Павлом Александровичем (справа). Фото 1870 г. Из книги: Великий Князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Кн. 1. – М.: Новоспасский монастырь, 2006. Empress Maria Alexandrovna with younger sons, the Grand Duke Sergey Alexandrovich and the Grand Duke Paul Alexandrovich (on the right). Photo, 1870. From: *Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov. Biograficheskie materialy* [Grand Duke Sergey Alexandrovich Romanov: Biographical documents. In Russ.]. Vol. 1. Moscow, Novospasskii monastyr' publ., 2006

Жизнь и деятельность великого князя Павла Александровича (1860–1919) вообще остается практически неизученной. Всем его братьям (рано скончавшемуся наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, императору Александру III, главнокомандующему войсками Гвардии и Петербургского военного округа великому князю Владимиру Александровичу, генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу, московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу) посвящены не только многочисленные статьи, но и отдельные монографические работы. Павел Александрович не занимал столь высокого положения, как остальные его братья, хотя и находился на достаточно крупных постах – в 1902 г. он был уже командиром Гвардейского корпуса, когда его успешная карьера прервалась по причине заключенного в нарушение династического законодательства морганатического брака. Только во время Первой мировой войны он полностью восстановил утраченные позиции. В 1916 г., несмотря на слабое здоровье,

Семья императора Александра II. Сидят (слева направо): император Александр II, великий князь Николай Александрович, цесаревна Мария Федоровна, императрица Мария Александровна. Стоят (слева направо): великий князь Павел Александрович, великий князь Сергей Александрович, великая княжна Мария Александровна, великий князь Алексей Александрович, цесаревич Александр Александрович, великий князь Владимир Александрович. Фото 1870 г. Из книги: Великий Князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Кн. 1. – М.: Новоспасский монастырь, 2006
The family of the Emperor Alexander II. Siting (from left to right): the Emperor Alexander II, the Grand Duke Nicolay Alexandrovich, the Tsesarevna Maria Feodorovna, the Empress Maria Alexandrovna. Standing (from left to right): the Grand Duke Paul Alexandrovich, the Grand Duke Sergey Alexandrovich, the Grand Princess Maria Alexandrovna, the Grand Duke Alexey Alexandrovich, the Tsesarevich Alexander Alexandrovich, the Grand Duke Vladimir Alexandrovich. Photo 1870. From: *Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov. Biograficheskie materialy* [Grand Duke Sergey Alexandrovich Romanov: Biographical documents. In Russ.]. Vol. 1. Moscow, Novospasskii monastyr' publ., 2006

великий князь добился назначения на фронт и несколько месяцев командовал 1-м Гвардейским корпусом. Революционные события Павел Александрович встретил в чине генерала от кавалерии, в свитском звании генерал-адъютанта и в должности генерал-инспектора войск Гвардии. В январе

Слева направо: великая княжна Мария Александровна, великий князь Павел Александрович, великий князь Сергей Александрович. Фото 1872 г. Из книги: Великий Князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Кн. 1. – М.: Новоспасский монастырь, 2006
From left to right: the Grand Princess Maria Alexandrovna, the Grand Duke Paul Alexandrovich, the Grand Duke Sergey Alexandrovich. Photo 1872. From: *Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov. Biograficheskie materialy* [Grand Duke Sergey Alexandrovich Romanov: Biographical documents. In Russ.]. Vol. 1. Moscow, Novospasskii monastyr' publ., 2006

1919 г. вместе с тремя кузенами великий князь Павел Александрович был расстрелян большевиками в Петропавловской крепости и в 1981 г. Русской православной церковью за границей был причислен к лику святых.

За исключением до сих пор не переведенной на русский язык работы, подготовленной французским историком и генеалогом Жаком Ферраном, использовавшим материалы, собранные русскими эмигрантами первой волны[1], отдельных изданий, посвященных великому князю Павлу Александровичу, на сегодняшний день нет. Значительное внимание великому князю уделяется в более общих работах З. И. Беляковой, А. Н. Боханова, В. М. Хрусталева[2], а также в биографическом исследовании Е. В. Хорватовой, посвященном великой княгине Марии Павловне – младшей, дочери Павла Александровича[3].

Великий князь Павел Александрович воспитывался вместе с двумя другими младшими детьми императорской четы – великой княжной Марией Александровной и великим князем Сергеем Александровичем. Воспитателем Сергея и Павла Александровичей, которые были неразлучны, стал морской

офицер Д. С. Арсеньев, будущий адмирал, начальник Николаевской морской академии, генерал-адъютант, член Государственного совета.

Практически каждый год императорская семья на несколько месяцев уезжала в Крым, который стал излюбленным местопребыванием не только для представителей Дома Романовых, но и для многих русских аристократов. Именно в Крыму, в императорском имении Ливадия, великий князь Павел Александрович 23 сентября 1870 г., через два дня после достижения 10-летнего возраста, начал вести дневник, по примеру многих российских и зарубежных родственников и приближенных. Он обращался к дневнику нерегулярно и по большей части во время пребывания в Крыму: из всех 78 записей за 1870–1873 гг. 69 сделано в Ливадии. Публикуемый документ дает яркое, наглядное представление о повседневной жизни и интересах младших детей Александра II. Дневник брата Павла Александровича, великого князя Сергея Александровича, за этот период отсутствует[4].

В 1873 г. ведение дневника перестало быть интересно великому князю Павлу Александровичу, за весь год имеются только две записи. После этого Павел Александрович прекратил вести дневник.

Документ хранится в Государственном архиве Российской Федерации, в личном фонде великого князя Павла Александровича[5]. В дневниковой тетради 1870–1873 гг. заполнены лишь 13 листов, остальные 149 – чистые. Много позже великий князь возобновил практику ведения дневника. Когда именно это произошло, на сегодняшний день не установлено, но в его фонде хранятся дневники за 1912–1915 гг.[6]

При публикации дневника великого князя Павла Александровича 1870–1873 гг. используются современная орфография и пунктуация при сохранении стилистических особенностей текста и оригинального написания строчных букв, передаются авторские подчеркивания. Текст публикуется полностью, в квадратных скобках раскрыты сокращения слов.

Дневник великого князя Павла Александровича издается впервые. Публикация, вступительная статья и комментарии Д. М. Софьина и М. В. Софьиной.

№ 1

Дневник великого князя Павла Александровича, 1870–1873 гг.

1870

Ливадия

23 сентября[7].

Сегодня утром мы[8] гуляли с Мама[9], потом мы пили кофе, потом я пошел наверх и играл с мопсами[10], после я пошел вниз к Мама, оттуда я пошел к Ивану Васильевичу[11], потом я пошел вниз к морю, и оттуда я воротился верхом.

26 сентября.

Вчера мы поехали верхом, моя лошадь сначала тянула, а потом шла хорошо.

1 октября.

Сегодня мы поехали на огород, там очень мило.

7 октября.

Третьего дня мы представляли театр, и я представлял Амура[12].

8 октября.

Сегодня мы были в Кораисе[13], и там было очень весело, и также я начал географию.

9 октября.

Сегодня мы гуляли у нас.

10 октября.

Мы ездили верхом на ферму и там смотрели телят и свиней.

11 октября.

Мы ездили верхом к лесничему и там пили кофе.

12 октября.

Сегодня шел дождь, перед дождем мы гуляли у нас.

13 октября.

Мы ездили верхом на ферму и там пили кофе.

14 октября.

Сегодня хорошая погода, и мы гуляли в Массандре[14].

15 октября.

Сегодня мы ездили верхом, и случилось ужасное несчастие – лошади графини[15] понесли, и она упала.

16 октября.

Сегодня мы были в том доме, где жил Пунятовский[16].

17 октября.

Сегодня мы ездили верхом в Орьянду[17] к берегу моря, и там моя лошадь легла.

18 октября.

Сегодня мы ездили верхом в Барба Кристо[18].

19 октября.

Сегодня мы ездили в Орьянду и там гуляли. Вчера у нас был бал, и я был одет беби[19].

27 октября.

Сегодня мы гуляли по большой дороге, и дошли до дачи княгини Мещерской[20].

30 октября.

Сегодня мы были в Юрсуфе[21], и там мы ездили верхом. Прежде мы завтракали на балконе, потом пили чай и смотрели татар[22].

1 ноября.

Сегодня мы были в Мисхоре[23], и там мы гуляли, там очень мило.

6 ноября.

Сегодня мы были в Алупке[24], и там гуляли. Потом мы завтракали, а потом сидели и пили кофе.

7 ноября.

Сегодня мы ездили верхом в Массандре, и там было[25].

10 ноября.

Сегодня мы были на ферме и там смотрели телят, которые родились на этой неделе, после мы смотрели паровую машину, чтоб пилить дерево.

11 ноября.

Сегодня мы были в Массандре у Воронцовых[26], мы смотрели гроты, это очень интересно[27].

1871

Петербург

Страстная неделя.

24 марта.

Сегодня я в последний раз слушал преждеосвящённую обедню, мне очень жаль.

25 марта.

Сегодня я приобщился, это мне было очень приятно, потом я был в Казанском Соборе, а потом я был в Невской Лавре[28] и Троицком Подворие[29].

4 апреля.

Сегодня я был у обедни, потом я поехал гулять, я проезжал мимо балагана последний раз.

Ливадия.

27 августа[30].

Сегодня утром я гулял с Мама и пил кофе в беседке, в 5 [часов] я ездил верхом с Сергеем[31] и учителями на ферму.

31 августа.

Сегодня я гулял с Мама в Кораисе, там я пил молоко и на дороге встретил татарина.

4 сентября.

Сегодня дождливая погода, и мне очень скучно, но я от моря ехал верхом, это было очень весело.

8 сентября.

Сегодня я был у обедни, а потом делал гимнастику в саду.

10 сентября.

Сегодня мы были в Юрсуфе верхом и ехали очень долго, это было ужасно весело, и мы ездили в море, и нас окачивало.

11 сентября.

Сегодня мне скучно, но мне Мирон сделал чудную персидскую лошадь.

12 сентября.

Сегодня я ездил верхом [в] Джемиет[32] и там пил чай, одна из сестер – Корфы [слово неразборчиво] ужасно уродлива, а утром мне казак сделал две лошади.

13 сентября.

Сегодня серая погода, беби ездил за мной на палке и был очень мил[33].

15 сентября.

Сегодня я ездил в Массандре на террасе Браво[34], потом пил чай, и был ужасный ветер, и Княгиня Воронцова[35] ужасно боялась и кричала «ай, ай!!!!!».

16 сентября.

Сегодня я гулял в саду и искал камни для Мама, чтобы на них рисовать.

17 сентября.

Сегодня я был на ферме и там пил кофе.

27 сентября.

Сегодня я был в Ореанде на кресте[36].

29 сентября.

Сегодня я ездил верхом на огороде и на ферме, и начал идти дождь.

5 октября.

Сегодня утром перед обедней мы все пели Мари[37] куплеты, это было очень весело, и Г[осподин] Лакост[38] пел уморительно после обедни. Я был одет татарином и шел со знаменем ротным. Я поехал на charoky, там моя лошадь выиграла, потом я был на ферме, потом я поехал домой.

6 октября.

Сегодня я ездил верхом в саду с Папа[39], Димитрия Сергеевича[40] лошадь лягалась.

8 октября.

Злонравие. Сегодня я ездил верхом с Папа к лесничему, там сосна мне ушибла руку. 3½ 3½ ужас!!!!...

12 октября.

Сегодня мы хотели ездить с Минни[41], но она не хотела, потому мы поехали верхом одни.

[*Без даты*].

Сегодня я гулял с Папа и с Мама в саду у нас.

15 октября.

Сегодня рождение Георгия Федоровича[42], ему сегодня 39ть, я ему подарю портсигар.

27 октября.

Сегодня я гулял с Мама в Орианде. Мама уехала в [слово зашифровано].

1 ноября.

Сегодня я гулял с Мама, чудная погода [зашифрованное слово][43].

1872

Петербург

15 января.

Сегодня я катался на коньках в Тавриде[44] и скатывался в дилижансе, это было очень весело.

Ливадия

9 апреля[45].

Третьего дня мы приехали благополучно в милую Ливадию после ужасного морского перехода. Я страшно доволен. Мы сегодня ездили верхом, погода хорошая.

10 апреля.

Сегодня началась страстная неделя, я был у преждеосвященной обедни, у нас пять певчих, которые очень хорошо поют. Я и Сергей были сейчас у тети Оли[46], у нее очень миленькая собака.

П[ост] С[криптум]. Мама очень поправилась и совершенно здорова.

12 апреля.

Сегодня чудная погода, в семь часов утра был 31 градус тепла. Мы ездили кататься в коляске в Массандре.

13 апреля.

Сегодня я приобщался святых тайн, мне это было очень приятно. Я вчера первый раз исповедался в церкви.

Погода чудная, утром шел маленький дождь. Я катался с Мама в Мисхоре, было очень приятно.

14 апреля.

Сегодня я был у вечерни и прикладывался к плащанице, она очень хороша. Я катался с Мама в Гаспре[47], а потом в Ореанде, погода чудная[48].

20 апреля.

Очень глупо! Очень глупо! очень, очень, очень! глупо.

Царское Село[49].

4 июня.

Сегодня Троица, чудный праздник. Я был у обедни.

Погода очень хороша, хоть три дня сряду шел дождь.

15 июня.

Сегодня хорошая погода, мы гуляли и катались с Папа, у меня уроки были хороши, но поведение не совсем было хорошо.

Ливадия.

26 июля[50].

Сегодня накануне Мама рождение[51] ей дали чудные подарки, мне очень жаль, что я ей ничего не даю. Кажется, завтра будет фейерверк.

2 августа.

Сегодня утром шел ужасный дождь, но, наконец, он прошел, мы купались с Папа, а после обеда мы катались верхом в Масандре.

3 августа.

Сегодня я был в Джемиет и там пил чай. Когда мы ехали, мы очень боялись, чтоб дождь бы не шел, но мы приехали домой без него.

4 августа.

Сегодня утром мы купались с Папа, было очень хорошо, после обеда мы ездили верхом на Эреклик[52] и там пили чай, после чая мы дошли с Димитрием Сергеевичем пешком до Ливадии.

10 августа.

Сегодня Папа и Мама уехали, мне очень скучно. Утром я и Сергей купались с Папа, я плавал и окунался, это было очень хорошо.

Мы переехали вниз, я очень доволен, хотя и на Ферме было отлично.

11 августа.

Сегодня был очень приятный день, у меня уроки были хороши. Мы купались очень приятно. После обеда мы поехали верхом в Аутку[53], а потом в Дерекой[54] по чудным дорогам, где надо было переезжать много раз через ручьи.

18 августа.

Сегодня я хорошо учился и купался очень хорошо, хоть волны были довольно сильны.

22 августа.

Сегодня я купался, ужасно сильные волны, так что меня свертывало, и мне ссадило шею и ногу. После обеда мы гуляли вчетвером, Костя был с нами[55], мы скакали на наших лошадях.

23 августа.

Сегодня утром я купался, было приятно, хотя вода была свежа. После обеда я ездил верхом в Аутку, а потом Айвасилий[56], мы скакали много, у меня новая лошадь, которая идет очень скоро иноходью.

24 августа.

Сегодня погода хороша, я купался и смотрел, как Николай Сергеевич[57] кидался с боковой площадки. Я ездил с Мама в Масандру, и там мы гуляли. Завтра приезжает жена Димитрия Сергеевича[58].

25 августа.

Сегодня я купался, было отлично, мне около столбов до плеч. Я поеду верхом к лесничему на моем иноходце.

27 августа.

Сегодня я купался, было отлично. Я поеду верхом, Димитрий Сергеевич не поедет, так что мы поедем с Георгием Федоровичем.

31 августа.

Сегодня я не купался и не ездил верхом, потому что у меня было на этих днях довольно сильное расстройство. Я ездил с Мама по Чаиру[59] и пил у дома с ней чай.

3 сентября.

Сегодня я не был у обедни, потому что я не совсем здоров. Я писал Папа письмо. Мы ездили в Массандру, хотя погода не совсем хороша, мне все не позволяют купаться и ездить верхом.

4 сентября.

Сегодня я ездил в Алупку, было очень весело, когда мы назад ехали, то всю дорогу пели.

5 сентября.

Сегодня я катался с Мама на огороде, и мы раздавали детям тамошних сторожей платья.

17 сентября.

Сегодня я в первый раз после моего расстройства ездил верхом. Я теперь еду на бал в Ореанде, там будет фейерверк. Скоро мое рождение[60].

24 сентября.

Сегодня я не купался, как обыкновенно, потому что у меня насморк. Я вместо купанья пускал пароход, подаренный мне на мое рождение, и стрелял из пушек, также подаренных 21го Сентября. Папа поехал на охоту в Алушту[61].

Царское Село.

24 октября.

Третьего дня я был в первый раз на охоте с Владимиром[62], мы затравили пять зайцев. В этот день Гога[63] у нас спал.

26 октября.

Сегодня мы были в Городе[64], там мы ездили в Академию[65] смотреть выставку, мне очень понравилась статуя Петра Великого, сделанная Антокольским[66], потом мы были у Боголюбова[67], у него целый Музей, он нам дал две картинки.

1873

Емс[68].

19 июня.

Я доволен опять увидеть Емс, к несчастью, погода, как нарочно, дождливая. Мы вчера ездили верхом, что было очень весело.

Ливадия.

3 сентября[69].

Опять я в Ливадии, все те же прогулки, купания утром и езда верхом после завтрака. Сегодня я имел один только урок, потому что вчера долго танцевал, он был хорош. Вчера я получил письмо от Франца-Иосифа[70], которое меня тронуло.

***

О ты, что в горести напрасно[71].

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–13. Автограф. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation], fond 644, series 1, file 19, pp. 2–13.

Примечания

[1] FERRAND, J. *Fils d'empereur, frère d'empereur, oncle d'empereur: le Grand-Duc Paul Alexandrovitch de Russie: sa famille, sa descendance: chronique et photographies* [The son of the Emperor, the brother of the Emperor, the uncle of the Emperor: Grand Duke Paul Alexandrovich of Russia: his family, his descendants: chronicle and photographs. In Fr.]. Paris, s. n., 1993, 323 p.

[2] *Белякова, З. И.* Великие князья Алексей и Павел Александровичи: дворцы и судьбы. – СПб.: Белое и черное, 1999. – 142 с. BELYAKOVA, Z. I. *Velikie knyaz'ya Aleksei i Pavel Aleksandrovichi: dvortsy i sud'by* [Grand Dukes Alexey Alexandrovich and Paul Alexandrovich of Russia: Palaces and fates. In Russ.]. St. Petersburg, Beloe i chernoe publ., 1999, 142 p.; *Боханов, А. Н.* Романовы: сердечные тайны. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. – 400 с. BOKHANOV, A. N. *Romanovy: serdechnye tainy* [The Romanovs: Romantic secrets. In Russ.]. Moscow, AST-PRESS KNIGA publ., 2003, 400 p.; *Хрусталев, В. М.* Последний акт трагедии. Петроград: расстрел Великих князей. – М.: Изд. дом ТОНЧУ, 2018. – 108 с. KHRUSTALEV, V. M. *Poslednii akt tragedii. Petrograd: rasstrel Velikikh knyazei* [The final act of tragedy: Petrograd: The execution of the Grand Dukes. In Russ.]. Moscow, TONCHU publ., 2018, 108 p.

[3] *Хорватова, Е. В.* Мария Павловна: драма великой княгини. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 384 с. KHORVATOVA, E. V. *Mariya Pavlovna: drama velikoi knyagini* [Maria Pavlovna: Drama of the Grand Duchess. In Russ.]. Moscow, AST-PRESS KNIGA publ., 2005, 384 p.

[4] Подробнее см.: *Софьин, Д. М., Софьина, М. В.* Загадки исчезнувших дневников Великого князя Сергея Александровича // Кубанские исторические чтения: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2016. – С. 190–194. SOFJIN, D. M., SOFJINA, M. V. *Zagadki ischeznuvshikh dnevnikov Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha* [Secrets of the disappeared diaries of the Grand Duke Sergey Alexandrovich. In Russ.]. IN: *Kubanskie istoricheskie chteniya: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Kuban Historical Readings: Materials of the 7th international research-to-practice conference. In Russ.]. Krasnodar, 2016, pp. 190–194.

[5] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 644, series 1, file 19.

[6] Там же. Д. 22, 24–26. Ibid., files 22, pp. 24–26.

[7] Согласно «Жизнеописанию Великого Князя Сергея Александровича», императрица Мария Александровна с младшими детьми (великой княжной Марией Александровной, великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами) отправилась в Крым 15 сентября 1870 г. Император Александр II не смог сопровождать императрицу, приехал в Крым позже и оставался там недолго. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 60–60 об. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki* [Research Division of Manuscripts of the National Library of Russia] (OR RNB), fond 650, series 2, item 47, pp. 60–60 verso.

[8] Великий князь Павел Александрович и его брат, великий князь Сергей Александрович.

[9] Императрица Мария Александровна, урожденная принцесса Гессенская, супруга императора Александра II.

[10] Придуманная великим князем Алексеем Александровичем игра в царство, в котором собаки (мопсы) живут, как люди. Игра вызывала большой интерес его младших братьев. Пятью годами ранее, 29 мая 1865 г., Алексей Александрович отмечал в своем дневнике: «В 2 ч. расставлял всех мопсов секретного царства, чтобы показать их Сергею, который тоже хочет завести себе коллекцию». ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 83. OR RNB, fond 890, item 83, p. 83.

[11] Протоиерей Иоанн Рождественский, настоятель Малой церкви Зимнего дворца, преподаватель Закона Божия и духовник великих князей Сергея и Павла Александровичей.

[12] Согласно «Запискам» Д. С. Арсеньева, 5 октября 1870 г., в честь дня рождения великой княжны Марии Александровны, была сыграна пьеса «Боги Олимпа» на сюжет из древнегреческой мифологии. Пьеса была написана шталмейстером при великой княжне А. П. Озеровым. Великий князь Сергей Александрович исполнил роль Ганимеда, Павел Александрович – Амура. Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 839. Оп. 1. Д. 7. Л. 107 об –108 об. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The State Historical Archive of Russia] (RGIA), fond 839, series 1, file 7, pp. 107 verso–108 verso.

[13] Кореиз, деревня на Южном берегу Крыма.

[14] Массандра, имение светлейших князей Воронцовых на Южном берегу Крыма, впоследствии приобретено Главным управлением уделов для Императорской семьи.

[15] Графиня А. А. Толстая, фрейлина императрицы Марии Александровны, воспитательница великой княжны Марии Александровны.

[16] Скорее всего имеется в виду один из представителей польского аристократического рода Понятовских.

[17] Ореанда, имение на Южном берегу Крыма, принадлежавшее брату императора Александра II, великому князю Константину Николаевичу.

[18] Барбо-Кристо (Барбо-Кристи), имение на Южном берегу Крыма.

[19] Baby (англ.) – ребенок.

[20] Княгиня А. Б. Мещерская, урожденная княжна Голицына, жена генерала князя С. И. Мещерского, до замужества фрейлина Высочайшего Двора.

[21] Гурзуф, имение на Южном берегу Крыма, принадлежавшее члену Государственного совета И. И. Фундуклею, бывшему киевскому губернатору.

[22] Крымские татары.

[23] Мисхор, имение князей Трубецких на Южном берегу Крыма. На территории имения расположен Мисхорский парк, заложенный в конце XVIII в.

[24] Алупка, имение светлейших князей Воронцовых на Южном берегу Крыма.

[25] Так в тексте.

[26] Генерал-адъютант светлейший князь С. М. Воронцов и его жена, светлейшая княгиня Воронцова Мария Васильевна, урожденная княжна Трубецкая, до замужества фрейлина Высочайшего Двора.

[27] Согласно «Жизнеописанию Великого Князя Сергея Александровича», великие князья Сергей и Павел Александровичи покинули Ливадию 20 ноября 1870 г. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 68. OR RNB, fond 650, series 2, item 47, p. 68.

[28] Свято-Троицкая Александро-Невская лавра.

[29] Подворье Троице-Сергиевой лавры на Фонтанке.

[30] Царская семья выехала в Ливадию 20 августа 1871 г. Императрица Мария Александровна с младшими детьми оставалась там до конца осени. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 79. OR RNB, fond 650, series 2, item 47, p. 79.

[31] Великий князь Сергей Александрович, брат великого князя Павла Александровича.

[32] Имение на Южном берегу Крыма.

[33] Скорее всего имеется в виду великий князь Сергей Михайлович, двухгодовалый сын великого князя Михаила Николаевича, брата императора Александра II.

[34] Скала Браво в Массандре.

[35] Светлейшая княгиня М. В. Воронцова.

[36] Гора Крестовая в Ореанде.

[37] Великая княжна Мария Александровна, сестра великого князя Павла Александровича, впоследствии герцогиня Эдинбургская и Саксен-Кобург-Готская, жена герцога Альфреда Эдинбургского (с 1893 г. герцога Саксен-Кобург-Готского). 5 октября – день ее рождения.

[38] Л. Ф. Лакост, учитель французского языка и помощник воспитателя великих князей Сергея и Павла Александровичей.

[39] Император Александр II.

[40] Д. С. Арсеньев, воспитатель великих князей Сергея и Павла Александровичей.

[41] Цесаревна Мария Федоровна, будущая императрица, урожденная принцесса Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбургская (принцесса Датская), жена цесаревича Александра Александровича (впоследствии императора Александра III), брата великих князей Сергея и Павла Александровичей.

[42] Г. Ф. Вегнер, учитель географии у великих князей Сергея и Павла Александровичей.

[43] Как указано в «Жизнеописании Великого Князя Сергея Александровича», императрица Мария Александровна с младшими детьми вернулась в Санкт-Петербург 29 ноября 1871 г. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 79. OR RNB, fond 650, series 2, item 47, p. 79.

[44] Каток в Таврическом саду (возле Таврического дворца).

[45] В марте 1872 г. императрица Мария Александровна отправилась в Ливадию на лечение. Ее сопровождала королева Вюртембергская Ольга Николаевна, сестра императора Александра II. Великие князья Сергей и Павел Александровичи прибыли в Ливадию 7 апреля, прожив в Крыму до 2 мая. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 81 об.–82 об. OR RNB, fond 650, series 2, item 47, pp. 81 verso–82 verso.

[46] Королева Вюртембергская Ольга Николаевна, сестра императора Александра II, жена короля Вюртембергского Карла I.

[47] Татарская деревня на Южном берегу Крыма.

[48] «На Страстной оба Великих Князя говели и приобщались святых таин в столь любимой ими Ливадской церкви, присутствовали в ней в первый раз при всех службах Страстей Господних, а 15 апреля вместе с Императрицей были у светлой заутрени, после которой в Ливадской столовой все разгавливались». ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 82. OR RNB, fond 650, series 2, item 47, p. 82.

[49] Царское Село, главное местопребывание императорской семьи в окрестностях Санкт-Петербурга.

[50] Великие князья Сергей и Павел Александровичи прибыли в Крым 21 июля 1872 г. и оставались там до 8 октября. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 115 об. OR RNB, fond 650, series 2, item 47, p. 115 verso.

[51] Императрица Мария Александровна родилась 27 июля 1824 г.

[52] Императорское имение на Южном берегу Крыма, куда летом 1872 г. строили подъездную дорогу. В Эреклике было решено обустроить летнее помещение, позднее – дворец для императрицы Марии Александровны, страдавшей слабыми легкими.

[53] Село на Южном берегу Крыма.

[54] Татарская деревня на Южном берегу Крыма.

[55] Великий князь Константин Константинович, кузен великих князей Сергея и Павла Александровичей, будущий известный поэт и переводчик (псевдоним К. Р.), главный начальник военно-учебных заведений, президент Императорской Академии наук.

[56] Айвасилий (Ай-Василь, Айвасиль), татарская деревня на Южном берегу Крыма.

[57] Н. С. Мальцов, друг детства великого князя Сергея Александровича.

[58] В. В. Арсеньева, жена воспитателя великих князей Сергея и Павла Александровичей Д. С. Арсеньева, урожденная Скарятина, до замужества фрейлина императрицы Марии Александровны. Венчание Арсеньевых состоялось летом 1872 г. в церкви Екатерининского дворца в Царском Селе.

[59] Имение на Южном берегу Крыма, ранее бывшее частью имения Барбо Кристо.

[60] Великий князь Павел Александрович родился 21 сентября 1860 г.

[61] Курорт на Южном берегу Крыма.

[62] Великий князь Владимир Александрович 22 октября 1872 г. устроил охоту для младших братьев, подробно описанную в «Жизнеописании Великого Князя Сергея Александровича». ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 123–125 об. OR RNB, fond 650, series 2, item 47, pp. 123–125 verso. Юных великих князей нечасто допускали до охоты. Шестью годами ранее, 14 октября 1864 г., великий князь Алексей Александрович, которому тогда было 14 лет (на два года старше, чем Павел Александрович в 1872 г.), отметил в дневнике: «Нам не позволяют ездить на охоту, потому что ожесточает юные сердца, вечная фраза, которой нам отвечают». ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 35 об. OR RNB, fond 890, item 83, p. 35 verso.

[63] Барон Г. Н. Шиллинг, друг детства великого князя Павла Александровича, впоследствии его адъютант.

[64] Санкт-Петербург.

[65] Императорская Академия художеств.

[66] Скульптор М. М. Антокольский, академик и профессор Императорской Академии художеств. «Петр изображен в ту минуту, когда он увидел местность, где теперь стоит Петербург, и когда у него зародилась мысль на этом месте построить новую столицу». ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 126. OR RNB, fond 650, series 2, item 47, p. 126.

[67] Художник-маринист А. П. Боголюбов, академик и профессор Императорской Академии художеств.

[68] Эмс, город-курорт в Германии, популярный среди россиян в 1870-е гг.

[69] Императорская чета с детьми отправилась из Царского Села в Крым 20 августа 1873 г. Великие князья Сергей и Павел Александровичи вернулись в Санкт-Петербург 13 октября. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 168–169 об. OR RNB, fond 650, series 2, item 47, pp. 168–169 verso.

[70] Император Австрийский.

[71] Начало стихотворения М. В. Ломоносова «Ода, выбранная из Иова, главы 38, 39, 40 и 41»:

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек...

Список литературы

Белякова, З. И. Великие князья Алексей и Павел Александровичи: дворцы и судьбы. – СПб.: Белое и черное, 1999. – 142 с.

Боханов, А. Н. Романовы: сердечные тайны. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. – 400 с.

Софьин, Д. М., Софьина, М. В. Загадки исчезнувших дневников Великого князя Сергея Александровича // Кубанские исторические чтения: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2016. – С. 190-194.

Хорватова, Е. В. Мария Павловна: драма великой княгини. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 384 с.

Хрусталев, В. М. Последний акт трагедии. Петроград: расстрел Великих князей. – М.: Изд. дом ТОНЧУ, 2018. – 108 с.

Ferrand, J. Fils d'empereur, frère d'empereur, oncle d'empereur: le Grand-Duc Paul Alexandrovitch de Russie: sa famille, sa descendance: chronique et photographies. – Paris: S. n., 1993. – 323 p.

References

BELYAKOVA, Z. I. *Velikie knyaz'ya Aleksei i Pavel Aleksandrovichi: dvortsy i sud'by* [The Grand Dukes Alexey Alexandrovich and Paul Alexandrovich of Russia: Palaces and fates. In Russ.]. St. Petersburg, Beloe i chernoe publ., 1999, 142 p.

BOKHANOV, A. N. *Romanovy: serdechnye tainy* [The Romanovs: Romantic secrets. In Russ.]. Moscow, AST-PRESS KNIGA publ., 2003, 400 p.

SOFJIN, D. M., SOFJINA, M. V. *Zagadki ischeznuvshikh dnevnikov Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha* [Secrets of the disappeared diaries of the Grand Duke Sergey Alexandrovich. In Russ.]. IN: *Kubanskie istoricheskie chteniya: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Kuban Historical Readings: materials of the 7th international research-to-practice conference. In Russ.]. Krasnodar, 2016, pp. 190—194.

KHORVATOVA, E. V. *Mariya Pavlovna: drama velikoi knyagini* [Maria Pavlovna: Drama of the Grand Duchess. In Russ.]. Moscow, AST-PRESS KNIGA publ., 2005, 384 p.

KHRUSTALEV, V. M. *Poslednii akt tragedii. Petrograd: rasstrel Velikikh knyazei* [The final act of tragedy: Petrograd: The execution of the Grand Dukes. In Russ.]. Moscow, TONCHU publ., 2018, 108 p.

FERRAND, J. *Fils d'empereur, frère d'empereur, oncle d'empereur: le Grand-Duc Paul Alexandrovitch de Russie: sa famille, sa descendance: chronique et photographies* [The son of the Emperor, the brother of the Emperor, the uncle of the Emperor: The Grand Duke Paul Alexandrovich of Russia: his family, his descendants: chronicle and photographs. In Fr.]. Paris, 1993, 323 p.

Сведения об авторах

Софьин Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, доцент, г. Пермь, Российская Федерация, 8-912-88-45-782, sofjindm@yandex.ru

Софьина Марина Владимировна, кандидат исторических наук, Пермский государственный институт культуры, доцент, Пермский государственный архив социально-политической истории, начальник отдела, г. Пермь, Российская Федерация, 8-982-45-05-789, mar-sofina@mail.ru

About authors

Sofjin Dmitriy Mikhailovich, PhD in History, associate professor, Perm State National Research University, assistant professor, +7-912-88-45-782, sofjindm@yandex.ru

Sofjina Marina Vladimorovna, PhD in History, Perm State Institute of Culture, assistant professor; Perm State Archive of Socio-Political History, head of department, +7-982-45-05-789, mar-sofina@mail.ru

В редакцию статья поступила 28.01.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Софьин, Д. М., Софьина, М. В. Мир детства и юности великих князей Сергея и Павла Александровичей. Ливадия – Петербург. Дневник великого князя Павла Александровича. 1870–1873 гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1128–1149. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1128-1149

Submitted 28.01.2019, published (for citation):

SOFJIN, D. M., SOFJINA, M. V. *Mir detstva i yunosti velikikh knyazei Sergeya i Pavla Aleksandrovichei. Livadiya – Peterburg. Dnevnik velikogo knyazya Pavla Aleksandrovicha. 1870–1873 gg.* [Childhood and Youth of the Grand Dukes Sergey Alexandrovich and Paul Alexandrovich of Russia, Livadiya – Petersburg: Diary of the Grand Duke Paul Alexandrovich, 1870–1873. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1128–1149. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1128-1149

УДК 94(47)
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1150-1160

И. Н. Стрекалов
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

«Спасти его жизнь, помня его прошлую деятельность». Письмо петербургским рабочим о поддержке председателя Петербургского совета 1905 г. Г. С. Хрусталёва-Носаря

Ilya N. Strekalov
M. V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

"Bearing in Mind His Past Activities, Save His Life": Letter to St. Petersburg Workers in Support of G. S. Khrustalev-Nosar, Ex-Head of the Petersburg Soviet: 1905

Аннотация
В статье на основе архивных документов анализируется сюжет с оказанием рабочими г. Санкт-Петербурга коллективной материальной помощи бывшему председателю Петербургского совета рабочих депутатов 1905 г. Г. С. Хрусталёву-Носарю, тяжело заболевшему туберкулезом в эмиграции в Париже. Задачами исследования являются изучение рабочего движения Петербурга в 1912 г., сравнительно-сопоставительный анализ в выявлении отношения петербургских рабочих к бывшему председателю Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г. Наряду с принципом историзма, традиционными методами анализа и синтеза в работе используется сравнительно-сопоставительный метод анализа источников. Проведено сопоставление делопроизводственных документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, прежде всего полицейских и судебных учреждений, а также привлечены материалы периодической печати (журнала «Исторический вестник»), что позволило установить, когда и кем был создан публикуемый документ.

Удалось проверить подлинность сведений, сообщенных автором письма (в частности, факт болезни бывшего председателя Совета, а также факт действительно оказанной рабочими посильной материальной помощи больному). Появилась возможность дополнить существующие оценки роли Г. С. Хрусталёва-Носаря в рабочем движении в России начала XX в. Доказано, что он действительно пользовался уважением в среде петербургских рабочих; установлен факт сохранения в памяти рабочих событий, связанных с деятельностью Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г., показана важность самой идеи Совета для столичного пролетариата. Сюжет статьи актуален в связи с необходимостью выявления имевших место в истории российского общества попыток установления социальных связей между представителями интеллигенции и народа. Автором внесен вклад в изучение проблематики российской истории, что дополняет существующие представления о взаимодействии рабочего и революционного движения в 1905–1917 гг.

Abstract

The article draws on archival documents to analyze the matter of St. Petersburg workers rendering their financial support to G. S. Khrustalev-Nosar, former chairman of the St. Petersburg Soviet of Workers' Deputies (1905), who fell ill with tuberculosis while in emigration in Paris. The article is to consider archival documents on the labor movement in St. Petersburg in 1912 and to provide their comparative analysis in order to assess workers' attitudes towards the former chairman of the St. Petersburg Soviet of Workers' Deputies (1905). Comparison of record keeping documents (primarily, of police and court) from the fonds of the State Archive of the Russian Federation and materials from periodical press (*Istoricheskii Vestnik*) allows to identify who and when wrote the letter and to verify information stated therein (in particular, the fact of the former chairman's illness and that of financial support rendered him by workers). The research gives an opportunity to flesh out the existing notions on G. S. Khrustalev-Nosar's role in the Russian labor movement in the early 20th century: he was respected by St. Petersburg workers, who, as the article proves, remembered him as well as activities of the St. Petersburg Soviet of Workers' Deputies in 1905. This fact proves the importance of the idea of Soviet in the St. Petersburg workers' minds. The article is of significance as it is necessary to establish the fact that social communications between the intelligentsia and the people took place. It supplements the existing views on the role of intellectuals in the revolutionary events and their interactions with the people in the

early 20th century in particular. The author has made his contribution to studying Russian history, as he has added to the knowledge of connections between worker and revolutionary movements in 1905–1917.

Ключевые слова
Исторический источник, Петербургский Совет рабочих депутатов, Хрусталёв-Носарь, пролетариат, Первая русская революция 1905–1907 гг., солидарность рабочих, российское рабочее движение.

Keywords
Historical source, Peterburg Soviet of Workers' Deputies, proletariat, Khrustalev-Nosar, First Russian Revolution of 1905–1907, solidarity of workers, Russian worker movement.

Роль ряда участников Первой русской революции 1905–1907 гг. до наших дней остается малоисследованной. К «забытым» историческим персонам Петербургского Совета относится Георгий Степанович Носарь (1878–1919), который, как известно, на втором заседании Совета был избран его председателем. Г. С. Носарь, получив мандатное удостоверение некоего рабочего Хрусталёва, являвшегося депутатом комиссии сенатора Н. В. Шидловского, которая была создана для выяснения причин недовольства рабочих в связи с событиями Кровавого воскресенья 9 января 1905 г., стал «Хрусталёвым-Носарём» и был известен под этой фамилией как первый председатель Петербургского Совета рабочих депутатов, существовавшего в 1905 г. Имя Хрусталёва-Носаря широко освещалось в прессе в то время, поэтому он запомнился как председатель Петербургского Совета рабочих депутатов, чему способствовал и громкий судебный процесс над руководителями Совета в 1906 г. В эмиграции, в Париже, он заболел тяжелой формой туберкулеза, ему потребовалась материальная и организационная помощь для серьезного лечения, им было сделано обращение в адрес рабочих, впоследствии распространивших информацию и начавших сборы.

Источниками исследования является изучение вещественных доказательств, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), которые были изъяты сотрудниками Департамента полиции МВД при проведении

следствия (Ф. 1741), сведения агентов Петербургского охранного отделения (Ф. 111. Оп. 4), материалы уголовного отделения 1-го департамента Министерства юстиции (Ф. 124). Делопроизводственные документы позволяют выявить установленные полицейскими и судебными учреждениями факты, связанные с поддержкой петербургскими рабочими Г. С. Хрусталёва-Носаря. Также использованы материалы периодической печати, в том числе журнала «Исторический вестник», помогающие выявить публично оглашенные Г. С. Хрусталёвым-Носарём факты его биографии.

Г. С. Хрусталёв-Носарь. 1915 г. Из цифровой коллекции «Материалы “Охранки”» Архива Гуверовского института.
G. S. Khrustalev-Nosar. 1915. From the Digital collection (The “Okhrana” records) of The Hoover Institution Archives

Многие эпизоды из послереволюционной жизни Хрусталёва-Носаря, тесно связавшего себя с рабочим движением в 1905 г., остаются неизученными, в том числе характер его взаимоотношений с петербургскими рабочими после революционных событий 1905 г., Это связано с тем, что, как правило, личность Г. С. Носаря в литературе оценивается негативно, начиная с его современника Л. Д. Троцкого, испытывавшего еще с 1905 г., по работе в исполкоме Петербургского Совета (а позднее, после выхода Носаря в 1909 г. из РСДРП, – еще более серьезным образом), субъективную неприязнь к Носарю. Троцкий в дореволюционный период, в 1913 г., писал, что сознательные рабочие во время событий 1905 г. «чувствовали в нем чужака, пришельца, человека, внутренне не связанного с делом социализма»[1]. Подобная оценка Г. С. Хрусталёва-Носаря устоялась и в советский период. Так, Т. П. Бондаревская и А. Я. Великанова указывали, что он был избран председателем Совета

«при поддержке меньшевиков и эсеров», таким образом, это избрание, в трактовке авторов, не было инициировано и поддержано самими рабочими массами, а его деятельность, как и других меньшевиков в руководстве Совета, привела к поражению Совета в революционных событиях 1905 г.[2] Позднее У. А. Шустер писал о том, что Хрусталёв-Носарь – «случайный в революционном движении человек»[3]. Таким образом, небольшевистская политическая ориентация Хрусталёва-Носаря послужила основанием для отрицания его роли в событиях 1905 г. и сколько-нибудь возможного авторитета в среде рабочих.

Однако в постсоветский период формируется точка зрения, позволяющая более объективно оценить роль Г. С. Хрусталёва-Носаря в рабочем движении, его связь с петербургскими рабочими и причины их поддержки его кандидатуры на пост председателя Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 г. В. А. Савин, публикуя документ, связанный с расстрелом Хрусталёва-Носаря большевиками в 1919 г., отмечал, что он имел авторитет в связи со своими выступлениями в рабочих кварталах Петербурга в 1905 г., что Носарь относился к историческим личностям, которые «руководили социальными процессами, своими действиями формировали облик времени»[4].

Таким образом, имеются две точки зрения на роль бывшего председателя Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г. в революционных событиях того времени и на его возможные связи с петербургским пролетариатом. Представляется, что однозначность любых оценок личности Г. С. Хрусталёва-Носаря не позволяет представить реально сложное, многогранное значение деятельности этого человека в социально-политических процессах истории России начала XX в. Анализ роли его личности в событиях рассматриваемого периода требует дополнительного привлечения источников, в частности архивных документов.

Так, имеется документ, выявленный в Государственном архиве Российской Федерации, который позволяет по-новому взглянуть на личность Г. С. Хрусталёва-Носаря и его роль в рабочем движении. По форме он представляет собой

открытое письмо-воззвание – машинописный текст за подписью «Рабочий». Суть документа в следующем: «Рабочий» утверждал, что получил письмо от Г. С. Хрусталёва-Носаря, где было сказано о его тяжелой болезни, требующей серьезного лечения и немалых финансовых средств, и призывал всех петербургских рабочих провести сбор денег, для чего распространял по заводам и фабрикам тексты писем. Автор текста полагал, что помощь Носарю является «честной и прямой обязанностью» рабочих, если помнить о его прошлой деятельности (имеется в виду, конечно, всемерная поддержка рабочих со стороны Хрусталёва-Носаря и его руководство Петербургским Советом в 1905 г.), что это есть их «священный долг»[5]. В примечании к письму «Рабочий» отметил, что у него есть подлинники писем Хрусталёва-Носаря и с ними можно ознакомиться.

Архивисты в кратком описании к документу датируют его примерно 1912–1914 гг. Исходя из содержания текста и сопоставления его с другими источниками, представляется возможным определить более точную дату письма. Месяц и число определяются на основе самого текста: очевидно, это 1 мая, поскольку автор пишет, что «вчера», 30 апреля, он получил от Г. С. Хрусталёва-Носаря второе письмо о дальнейшем ухудшении здоровья и бесполезности дальнейшей помощи ввиду возможной скорой смерти. Определить точный год письма «Рабочего», равно как и установить личность самого автора, позволяет донесение «Ивановой», агента Петербургского охранного отделения, от 16 мая 1912 г., в котором сказано, что слесарь Зиновьев (согласно разработке – Тихон Зиновьев, крестьянин Тульской губернии, работавший ранее на петербургском заводе Семёнова) собирает пожертвования для Г. С. Хрусталёва-Носаря, а собранные деньги хотят передавать его брату, преподающему в гимназии Гуревича[6]. Таким образом, письмо-воззвание написано петербургским рабочим Тихоном Зиновьевым и может быть датировано 1 мая 1912 г. Выход письма 1 мая неслучаен – видимо, автор хотел, чтобы в День солидарности всех трудящихся как можно больше людей получили его текст и узнали о судьбе бывшего председателя Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г.

Фактические обстоятельства, указанные Тихоном Зиновьевым в письме, могут быть проверены путем сопоставления различных источников. Факт болезни Хрусталёва-Носаря подтверждается его прошением министру юстиции, поданным 19 декабря 1915 г. из стен Дома предварительного заключения, пока шло следствие по его делу о побеге из ссылки в Сибирь за границу в 1907 г. Обстоятельство болезни Носарь хотел использовать в качестве уважительной причины пропуска 1 года действия указа Правительствующего Сената от 21 февраля 1913 г., согласно которому он мог быть освобожден от уголовной ответственности: он говорил о том, что не мог приехать в течение года действия сенатского указа в Россию, потому что страдал «тяжкой формой туберкулеза, требовавшего санаторного лечения»[7].

Обстоятельство, связанное с оказанием материальной помощи бывшему председателю Петербургского Совета, с эффектом, который имело письмо-воззвание впоследствии, также может быть проверено. В донесении агента Петербургского охранного отделения «Ивановой» от 16 мая 1912 г. сказано, что на орудийном заводе было собрано 40 рублей и подобные сборы производятся и на других заводах[8]. В открытом обращении Г. С. Хрусталёва-Носаря к Л. Д. Троцкому (впервые опубликованном в газете «Новое время» в № 13326 за 1913 г.), написанном в связи с уголовным делом о якобы краже часов бывшим председателем Петербургского Совета в Париже в 1913 г., было сказано: «Мне была оказана раз поддержка петербургскими рабочими в размере 200 (двести) франков. Узнав о моей болезни, они собрали двести франков и открыли подписку в мою пользу. Я был тронут такой поддержкой, но предложил товарищам прекратить подписку»[9]. Факт сбора денежных средств рабочими для лечения болезни, таким образом, подтверждается самим Хрусталёвым-Носарем.

Публикуемый документ дает возможность установить, как оценивалась личность Г. С. Хрусталёва-Носаря в среде петербургских рабочих. Они помнили о его деятельности на посту председателя Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 г., очевидно, выделяя тем самым короткий, но

памятный исторический период и в своей жизни, связанный с Первой русской революцией 1905–1907 гг. и серьезным выдвижением требований, в совокупности составлявших нерешенный рабочий вопрос, перед царским правительством и самодержавием. Рабочие хотели помочь и реально, насколько это позволяли им финансовые ресурсы, помогли Г. С. Хрусталёву-Носарю. Письмо-воззвание «Рабочего», таким образом, вносит некоторые коррективы в понимание места личности бывшего председателя Петербургского Совета 1905 г. в рабочем движении. Оно позволяет иначе взглянуть на его роль в событиях рассматриваемого периода и показывает, что Хрусталёв-Носарь был связан с рабочим движением, имел авторитет среди представителей петербургского пролетариата. Кроме того, работа показывает и то, что память о Советах 1905 г. как органах народной, революционной власти сохранилась в среде петербургских рабочих.

Исследование способствует дальнейшему изучению сюжетов, связанных с социальным взаимодействием представителей таких различных слоев населения российского общества, как интеллигенция и рабочий класс. Вклад исследования заключается в том, что оно на примере Г. С. Хрусталёва-Носаря раскрывает роль небольшевистских представителей интеллигенции как значимых личностей в народных массах (в частности, пролетариата) в контексте революционных событий 1905–1917 гг.

№ 1

Товарищи!

Я получил письмо от бывшего председателя Совета рабочих депутатов Хрусталёва-Носаря, в котором он сообщил, что опасно болен туберкулёзом лёгких, грозящим ему смертным исходом. Для спасения его жизни нужно серьёзное лечение, но средств для этого нет. Мы, товарищи, должны считать своей честной и прямой обязанностью спасти его жизнь, помня его прошлую деятельность.

Письмо Хрусталёва-Носаря переходит теперь с завода на завод и скоро дойдёт и до вас. Но вчера, 30 апреля, было полу-

чено второе письмо, в котором говорится следующее (дословно передаю вам, товарищи): «Здоровье моё ухудшается изо дня в день. Поблагодарите товарищей за доброе намерение. Если они не смогут помочь сейчас, то пусть не беспокоятся, ибо дни сочтены». Посему сами видите, товарищи, что надо прийти на помощь в самом ближайшем времени.

Я выпускаю это воззвание для того, чтобы оно сразу обошло всех рабочих и чтобы они немедленно откликнулись на него. Товарищи, сделайте то, что уже сделали на некоторых заводах, а именно: произведите немедленно широкий сбор среди товарищей и сообщите на те заводы, где не знают об этом. Поспешите, товарищи, это – наш священный долг.

Рабочий.

В силу надобности можете получить подлинники писем.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1741. Оп. 1. Д. 26969. Л. 1. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of Russian Federation] (GARF), fond 1741, series 1, file 26969, p. 1.

Примечания

[1] *Троцкий, Л. Д.* Хрусталёв // Перед историческим рубежом. Политические силуэты. Сочинения. Сер. 2. Т. 8. – М.; Л., 1926. – С. 191. TROTSKY, L. D. *Khrustalev* [Khrustalev. In Russ.]. IN: *Pered istoricheskim rubezhom. Politicheskie siluehty. Sochineniya* [Before the historical Rubicon: Political figures: Works. In Russ.]. Series 2. Vol. 8. Moscow-Leningrad, 1926, p. 191.

[2] *Бондаревская, Т. П., Великанова, А. Я.* Петербургский Совет рабочих депутатов в 1905 году // Вопросы истории КПСС. – 1958. – № 1. – С. 57. BONDAREVSKAYA, T. P., VELIKANOVA, A. Ya. *Peterburgskii Sovet rabochikh deputatov v 1905 godu* [The Petersburg Soviet of Workers' Deputies in 1905. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii KPSS*, 1958, no. 1, p. 57.

[3] *Шустер, У. А.* Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. – Л.: Наука, 1976. – С. 105. SHUSTER, U. A. *Peterburgskie rabochie v 1905–1907 gg.* [Petersburg workers in 1905–1907. In Russ.]. Leningrad, Nauka publ., 1976, p. 105.

[4] *Савин, В.* «Комитет решил уничтожить врага диктатуры». Как погиб Хрусталёв-Носарь // Источник. – 1996. – № 4. – С. 93. SAVIN, V. *"Komitet reshil unichtozhit' vraga diktatury". Kak pogib Khrustalev-Nosar'* ["The Committee decided to destroy the enemy of the dictatorship": How Khrustalev-Nosar perished. In Russ.]. IN: *Istochnik,* 1996, no. 4, p. 93.

[5] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1741. Оп. 1. Д. 26969. Л. 1. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of Russian Federation] (GARF), fond 1741, series 1, file 26969, p. 1.

[6] Там же. Ф. 111. Оп. 4. Д. 42. Л. 8. Ibid., fond 111, series 4, file 42, p. 8.

[7] Там же. Ф. 124. Оп. 54. Д. 188. Л. 7. Ibid., fond 124, series 54, file 188, p. 7.

[8] Там же. Ф. 111. Оп. 4. Д. 42. Л. 8. Ibid., fond 111, series 4, file 42, p. 8.

[9] *Глинский, Б. Б.* Развенчанные герои революции 1905 г. Г. С. Хрусталёв-Носарь // Исторический вестник. – 1913. – Т. 132. – С. 991. GLINSKII, B. B. *Razvenchannye geroi revolyutsii 1905 g. G. S. Khrustalev-Nosar'* [The cast-off heroes of the 1905 Revolution. G. S. Khrustalev-Nosar. In Russ.]. IN: *Istorichesky vestnik,* 1913, no. 6, p. 991.

Список литературы

Бондаревская, Т. П., Великанова, А. Я. Петербургский Совет рабочих депутатов в 1905 году // Вопросы истории КПСС. – 1958. – № 1. – С. 55–71.

Савин, В. «Комитет решил уничтожить врага диктатуры». Как погиб Хрусталёв-Носарь // Источник. – 1996. – № 4. – С. 93–96.

Троцкий, Л. Д. Хрусталёв // Перед историческим рубежом. Политические силуэты. Сочинения. Сер. 2. Т. 8. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – С. 190–192.

Шустер, У. А. Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. – Л.: Наука, 1976. – 283 с.

References

BONDAREVSKAYA, T. P., VELIKANOVA, A. Ya. *Peterburgskii Sovet rabochikh deputatov v 1905 godu* [The Petersburg Soviet of Workers' Deputies in 1905. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii KPSS*, 1958, no. 1, pp. 55–71.

SAVIN, V. *"Komitet reshil unichtozhit' vraga diktatury". Kak pogib Khrustalev-Nosar'* ["The Committee decided to destroy the enemy of the dictatorship": How Khrustalev-Nosar perished. In Russ.]. IN: *Istochnik,* 1996, no. 4, pp. 93–96.

TROTSKY, L. D. *Khrustalev* [Khrustalev. In Russ.]. IN: *Pered istoricheskim rubezhom. Politicheskie siluehty. Sochineniya* [Before the historical Rubicon: Political figures: Works. In Russ.]. Series 2. Vol. 8. Moscow-Leningrad, 1926, pp. 190–192.

SHUSTER, U. A. *Peterburgskie rabochie v 1905–1907 gg.* [Petersburg workers in 1905–1907. In Russ.]. Leningrad, Nauka publ., 1976, 283 p.

Сведения об авторах

Стрекалов Илья Николаевич, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра истории России XIX – начала XX века, аспирант, г. Москва, Российская Федерация, 8-968-908-59-12, strekalov4@gmail.com

About the authors

Strekalov Ilya Nikolaevich, M. V. Lomonosov Moscow State University, Faculty of History, department of history of Russia of the 19th – early 20th century, postgraduate student, +7-968-908-59-12, strekalov4@gmail.com

В редакцию статья поступила 9.03.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Стрекалов, И. Н. «Спасти его жизнь, помня его прошлую деятельность». Письмо петербургским рабочим о поддержке председателя Петербургского совета 1905 г. Г. С. Хрусталёва-Носаря // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1150–1160. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1150-1160

Submitted 9.03.2019, published (for citation):

STREKALOV, I. N. *"Spasti ego zhizn', pomnya ego proshluyu deyatel'nost'". Pis'mo peterburgskim rabochim o podderzhke predsedatelya Peterburgskogo soveta 1905 g. G. S. Khrustaleva-Nosarya* ["Bearing in Mind His Past Activities, Save His Life": Letter to St. Petersburg Workers in Support of G. S. Khrustalev-Nosar, Ex-Head of the Petersburg Soviet: 1905. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1150–1160. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1150-1160

УДК 94(47)+94(470.23).930.25
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1161-1172

Е. А. Поправко
Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Взаимоотношения органов советской власти Петрограда в период ее становления. По архивным документам и материалам биографии А. В. Хрулёва

Elena A. Popravko
Army General A. V. Khrulev Military Academy of Logistics, St. Petersburg, Russian Federation

Relations between Soviet Agencies in Petrograd in the Period of Their Formation: Based an Archival Documents and Biography of A. V. Khrulev

Аннотация
В статье анализируется проблема взаимоотношений различных структур советской власти в период ее становления. Некоторые исследователи исходили из того, что борьба в период после Октября 1917 г. носила или классовый (пролетариат против буржуазии; крестьяне против помещиков), или партийный (большевики против меньшевиков; большевики против левых эсеров и т. д.) характер. Вопрос о внутренних властных противоречиях, и даже противостоянии органов советской власти, в историографии не ставился. Автор рассматривает этот вопрос на примере взаимоотношений созданных силовых органов советской власти столичного Пороховского райо-

на как между собой, так и с центральными структурами Петрограда. В статье анализируются противоречия и конфликты районных структур Революционной охраны Петрограда, Исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Военного комиссариата. Автором привлечены материалы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива историко-политических документов, объединенные персоналией Андрея Васильевича Хрулёва, в рассматриваемый период 1917–1919 гг. – районного коменданта Революционной охраны, с 1919 г. – начальника милиции Пороховского района Петрограда. В статье приведены новые данные о времени призыва А. В. Хрулёва в РККА. Архивные документы выявили противоречивую картину взаимоотношений органов советской власти, особенно силовых структур. Автор иллюстрирует конкретными примерами основные типы противоречий и конфликтов районных органов власти с исполкомами советов и структурами РКП(б): с Центральной комендатурой (отсутствие четкости в отстаивании ведомственных интересов; неправильность в ведении дел и т. п.); с Военным комиссариатом по вопросу о разграничении полномочий Революционной охраны и статуса гвардейцев. Автор приходит к выводу, что причины конфликтных ситуаций связаны с рядом факторов: неопределенностью статусов советских силовых структур, дублированием в деятельности местных органов, недостатком опыта управления при наличии оружия и склонности новых представителей советской власти решать проблемы с применением силы.

Abstract

The problem of relations between various structures of Soviet power in the period of its formation is raised in this article for the first time. Until now, researchers have a priori proceeded from the fact that struggles during this period was either of class nature (bourgeoisie against proletariat; landowners against peasants) or of party nature (Bolsheviks against Mensheviks against Left Social Revolutionaries, etc.). The controversy and even opposition between various organs of the Soviet power have not yet been researched in the historiography. The author considers the issue on the example of Soviet law-enforcement agencies of the Porokhovsky district: she studies their interactions among themselves and with the central authorities of Petrograd. The article analyzes contradictions and conflicts within Soviet authorities of the Porokhovsky district: the Revolutionary Guard of Petrograd, the Executive Committee of the Workers' and Soldiers' Deputies Soviets, and the Military Commissariat.

It draws on materials from the Central State Archive of St. Petersburg and the Central State Archive of Historical and Political Documents associated with Andrey Vasilyevich Khrulev. In 1917–1919, he was Commandant of the Revolutionary Guard, from 1919, Head of the Militia of the Porokhovsky district. The article provides new data on A. V. Khrulev's conscription to the Red Army. Archival materials draw a complex picture of relations between organs of Soviet government, especially its power structures. The author provides examples for major types of contradictions and conflicts: the Executive Committees of the Soviets and the structures of the RCP (B) clashed on personnel issue; the Central Commandant's Office complained of lack of clarity in upholding departmental interests, incorrect management of cases, etc.; the Military Commissariat fought for delineation of authority with the Revolutionary Guard and was concerned for the status of guardsmen. The author concludes that the causes of conflicts were associated with a number of factors: uncertainty of the power structures' statuses, overlapping of activities, lack of management experience, all of which was exacerbated by availability of weapons and tendency to solve problems by force.

Ключевые слова
Архив, исторический источник, Революционная охрана, Петроград, Пороховской район, А. В. Хрулев, Военный комиссариат, советская власть, биографическое исследование.

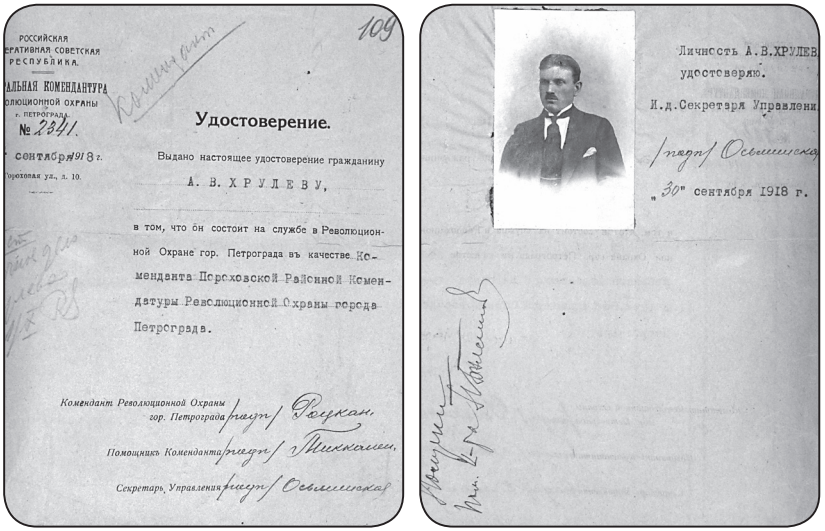
Keywords
Archive, historical source, Revolutionary Guards, Petrograd, Porokhovsky district, A. V. Khrulev, Military Commissariat, Soviet Power, biography.

Результатом Октябрьской революции 1917 г. стало утверждение власти Советов, создание Красной гвардии, Рабоче-крестьянской Красной армии, Рабоче-крестьянской милиции, Всероссийской чрезвычайной комиссии и других силовых структур. Особую роль в формировании различных силовых структур советской власти играли представления о временном характере государства, сложившиеся у вождей социалистических партий, в том числе у большевиков. В. И. Ленин в труде «Государство и революция» весной 1917 г. писал, что хотя «государство – есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий», но сразу отменить его не получится. На смену государству эксплуататорских классов

после революции придет диктатура пролетариата, при которой большинство (трудящиеся) будет осуществлять преобразования в интересах всего общества[1].

После формального перехода власти к Советам 25 октября 1917 г.[2] формирование силовых институтов шло в двух направлениях: ликвидация прежних органов; формирование новых – советских силовых структур: Красной гвардии, Комитета революционной охраны Петрограда и др.[3] Постановлением Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов от 10 ноября 1917 г. с 3 декабря все чины и звания в армии упразднялись, сохранялось лишь звание по занимаемой должности. Наркомом по военным делам Н. И. Подвойским были подписаны декреты СНК «Об уравнении всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии»[4]. В январе 1918 г. был проведен общеармейский съезд по демобилизации прежней русской армии. Сразу же по его завершении, 15 января 1918 г., был издан декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Для рассмотрения заявленной проблемы привлечены материалы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, объединенные одной персоналией – Андрея Васильевича Хрулёва.

Революционная охрана Петрограда формировалась после ликвидации милиции Временного правительства. В 1918–1919 гг. орган менял названия, пока его структурные подразделения не стали управлениями и участками Петроградской рабоче-крестьянской милиции[5]. Орган выполнял ряд задач: наблюдение за порядком; защиту граждан от насилия и самоуправства различных представителей новой власти; борьбу с преступностью; контроль за проведением в жизнь политики СНК РСФСР и Петроградского совета; расстановку постов; распределение надзоров охраны, транспортных средств и оружия; составление протоколов о происшествиях и подачу ежедневных сводок; предварительное дознание; задержание; контроль за исполнением части судебных приговоров (о штрафах, исправительных работах) и т. п.



РОССИЙСКАЯ
ЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА.
АЛЬНАЯ КОМЕНДАНТУРА
ОЛЮЦИОННОЙ ОХРАНЫ
г. ПЕТРОГРАДА.
№ 2341.
сентября 1918 г.
Пороховая ул., д. 10.

109

Мандат

Удостоверение.

Выдано настоящее удостоверение гражданину

А. В. ХРУЛЕВУ,

в том, что он состоит на службе в Революционной Охране гор. Петрограда въ качестве Коменданта Пороховской Районной Комендатуры Революционной Охраны города Петрограда.

Комендант Революционной Охраны гор. Петрограда /подп/ Волкан.

Помощникъ Коменданта /подп/ Тихкомин.

Секретарь, Управления /подп/ Осьмиска

Личность А.В.ХРУЛЕВ удостоверяю.

И.д.Секретаря Управлени

/подп/ Осьмиска

„30" сентября 1918 г.

Удостоверение Коменданта Пороховской районной комендатуры Революционной охраны города Петрограда.
30 сентября 1918 г. Из фондов ЦГА СПб.
Mandate of the Commandant of the Porokhovsky District Commandant's Office of the Revolutionary Guard of the Petrograd City.
September 30, 1918. From the fonds of the TsGA of St. Petersburg

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга документы Революционной охраны выделены в отдельный фонд – Р-73. Здесь отложилось личное дело А. В. Хрулёва – коменданта Революционной охраны Пороховского района. Дата вступления А. В. Хрулёва в Революционную охрану – 8 июня 1918 г., основание – рекомендация «партии коммунистов»[6]. Материалы представляют довольно сложные взаимоотношения местных и вышестоящих органов советской власти. Основные противоречия можно обозначить следующим образом: а) недовольство местных органов исполкомами вышестоящих Советов и вмешательство партийных органов в кадровые решения; упреки в адрес Центральной комендатуры из-за отсутствия четких указаний; недостаточное отстаивание ведомственных интересов; неправильность ведения дел

и текущей документации; б) с Военным комиссариатом шли споры о полномочиях Революционной охраны и статусе ее сотрудников – гвардейцев.

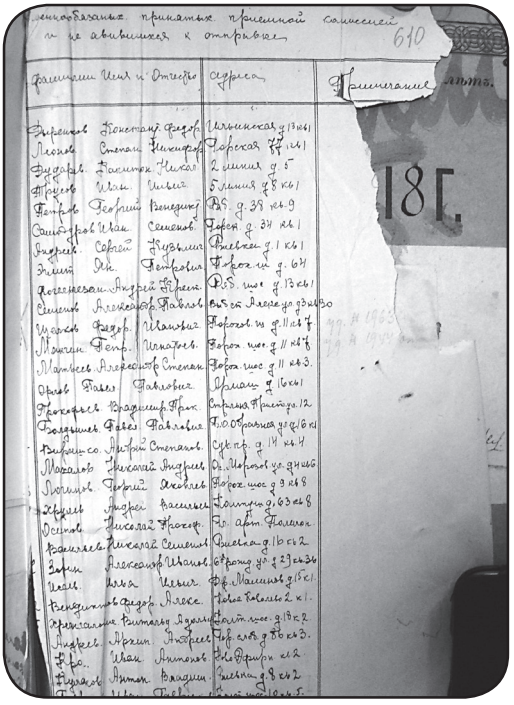
Иллюстрирует указанные проблемы служебная записка коменданта Пороховского района А. В. Хрулёва коменданту Центральной комендатуры от 6 февраля 1919 г., в которой указывается на неудовлетворенность изданным Положением о Революционной охране и звучат упреки, что в документе не защищены ее ведомственные интересы. Главным «камнем преткновения», по мнению автора, является кадровый вопрос: «Всегда порядочных людей стараются от Комендатуры урывать и заменят их кем попало, не считаясь с его знаниями и честностью. Последнее это самое главное, так как в комендатурах всегда бывает масса разных ценностей. Принимая во внимание ту борьбу, которую приходится вести с районными Советами и районными Комитетами Российской Коммунистической партии из-за работников Комендатуры, нахожу самым нужным просить Центральную Комендатуру, просить Исполком Петроградского Совета... чтобы Центральная Комендатура сама распоряжалась теми работниками, которых она приобрела через Совет или сама непосредственно»[7].

Мнение коменданта Пороховского района о профессионализме и о необходимости наведения порядка в вышестоящей инстанции выражено и в письме А. В. Хрулёва в Центральную комендатуру о «принятии мер к тому, чтобы при выдаче денег по требовательным ведомостям сообщалось в письменной форме, какая сумма выдается, так как за последние месяца по требовательным ведомостям выдавались суммы, несовпадающие с требовательной ведомостью, а потому лицо, получающее деньги и не представляющее никаких данных о разнице суммы, попадает под сомнение». Бывший счетовод Охтенского завода взрывчатых веществ А. В. Хрулёв разъясняет, что «когда получается разница по требовательным ведомостям, то таковые следует исправлять красными чернилами с оговоркой, но в Центральной Комендатуре этого не практикуется, что и может запутать денежную отчетность в районах, где нет ответственности, да и при партии работников, хорошо разбирающихся в деле денежной отчетности»[8].

Комендант Пороховского района убежден в том, что «гвардейцы комендатуры, как боевая сила, стоят наравне с красноармейцами... ни в каком случае не могут быть причислены к резервным войскам». На этом основании он просит Военный комиссариат района снять гвардейцев с военного всеобуча и с денежного и продуктового довольствия: «...в обязанности гвардейца Охранника входит обязательное обучение Военному делу, каждые сутки 2 часа»[9].

Достаточно противоречивая и неприглядная картина взаимоотношений различных уровней советской власти отражена в рапорте А. В. Хрулёва в Центральную комендатуру об инциденте в Народном театре в ночь с 29 на 30 сентября 1918 г. Из документа следует, что член исполкома И. Павлов вызвал в театр гвардейцев Охраны, чтобы арестовать буянившего красноармейца. Но гвардейцы (6 человек) и их командир (помощник коменданта Д. И. Зач) не решились произвести арест, так как публика поддержала красноармейца. Когда один из гвардейцев (В. Васильев) все же арестовал буяна, то не смог найти своего командира – Д. И. Зача. Красноармеец был отпущен и ушел домой. Но раздосадованные члены исполкома И. Павлов, П. Ефимов, И. Раковский, встретив другой наряд охраны (но решив, что эти гвардейцы были в театре и виновны в том, что не смогли арестовать красноармейца), угрожая пистолетами, отняли у гвардейцев Охраны винтовки, да еще и избили их. А. В. Хрулёв, докладывая о происшествии вышестоящей инстанции, отметил, что поступок членов исполкома «непристойный для коммунистов», выразил сомнение в возможности «заставить гвардейца кулаком верою служить Советской власти» и настаивал на соблюдении субординации, а действия нижестоящих подразделений предлагал обжаловать или их непосредственным начальникам, или вышестоящим инстанциям. В заключение в документе был сделан вывод: «Конечно, я со своей стороны очень жалею, что гвардейцы не застрелили этих господ, но они это сделали по большей части из трусости и, кроме того, они знают, что они являются ответственными работниками в районе»[10].

Рассмотреть взаимоотношения силовых институтов советской власти можно на примере призыва коменданта Рево-



Список военнообязанных, принятых приемной комиссией Военного комиссариата Пороховского района Петрограда и не явившихся к отправке. Декабрь 1918 г. Из фондов ЦГА СПб.
The list of persons liable for military service accepted by the selection committee of the Military Commissariat of the Porokhovsky District of Petrograd who missed their dispatch. December, 1918.
From the fonds of the TsGA of St. Petersburg

люционной охраны Пороховского района в ряды РККА. Биографы уверяют, что А. В. Хрулёв ушел добровольцем в РККА в августе 1918 г. Но документы ЦГА СПб это опровергают. В фонде Комиссариата по военным делам Пороховского района Петрограда мы выявили «Списки военнобязанных, принятых приемной комиссией и не явившихся к отправке», в которые включен А. В. Хрулёв[11].

Там же отложилась переписка, из которой видно, что неявка была следствием противоречий между силовыми структурами: гвардейцы и служащие Охраны полагали, что имеют право на полное освобождение от службы в рядах РККА («находятся на положении красноармейцев»), а Военный комиссариат доказывал обратное.

9 декабря 1918 г. Учетный отдел Военного комиссариата Пороховского района телефонировал: «На основании приказа Комиссариата Внутренних дел тов. Петровскаго гвардейцы охраны никакими отсрочками и льготами при призыве по мобилизации в ряды Красной Армии не пользуются». На документе отметка: «Принял: Хрулев». Тем же 9 декабря 1918 г. датирована просьба А. В. Хрулёва к Центральной комендатуре «ходатайствовать об оставлении» гвардейцев «на учете при Комендатуре»[12].

13 декабря 1918 г. датировано письмо № 1112 на бланке Комендатуры Революционной охраны Пороховского района за подписью коменданта А. В. Хрулёва, в котором он ссылается на протокол заседания исполкома Петросовета № 9340 от 22 ноября 1918 г. Видимо, гвардейцы и сотрудники Революционной охраны отсрочку получили. Косвенно об этом свидетельствуют подписанные А. В. Хрулёвым удостоверения В. Никитина, И. Сергеева: «... служит в Революционной Охране гор. Петрограда в Комендатуре Пороховского района в качестве гвардейца и находится на положении красноармейца»[13].

В документах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб) указана дата призыва А. В. Хрулёва в ряды РККА – 1 октября 1919 г.: в «Списке коммунистов, находящихся в командировках от Коллектива при Управлении Милиции» под пунктом 7 значится «Хрулёв Андрей. На юж. фр.». О том же свидетельствует удостоверение № 341 от 2 октября 1919 г.[14]

Материалы биографии А. В. Хрулёва свидетельствуют о сложных взаимоотношениях органов советской власти, особенно силовых структур. Неопределенность статусов, совпадение функционалов, недостаток опыта управления, наличие оружия и склонность решать проблемы силой – лишь малая толика поводов в разрешении возникавших противоречий.

Примечания

[1] *Ленин, В. И.* Государство и революция // *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. – С. 4, 7. LENIN, V. I. *Gosudarstvo i revolyutsiya* [The state and revolution. In Russ.]. IN: LENIN, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works. In Russ.]. Vol. 33. 5th ed. Moscow, Politizdat publ., 1969, pp. 4, 7.

[2] Здесь и далее все даты до 1 февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

[3] *Поправко, Е. А.* Ранний этап биографии А. В. Хрулёва по материалам ЦГА СПб и ЦГИА СПб // Выдающийся организатор материально-технического (тылового) обеспечения (к 125-летию со дня рождения генерала армии А. В. Хрулёва) / Под ред. Ю. А. Никитина, Е. А. Поправко. – СПб.: ВАМТО, 2017. – С. 192. POPRAVKO, E. A. *Rannii etap biografii A. V. Khruleva po materialam TsGA SPb i TsGIA SPb* [The early period in A. V. Khrulev's biography from materials of the TsSA of St. Petersburg and of the TsGIA of St. Petersburg. In Russ.]. IN: *Vydayushchiisya organizator material'no-tekhnicheskogo (tylovogo) obespecheniya (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya generala armii A. V. Khruleva)* [NIKITIN, Yu. A., POPRAVKO, E. A. (eds.). Great organizer of logistics and support: To the 125th anniversary of the birth of the Army General A. V. Khrulev. In Russ.]. St. Petersburg, VAMTO publ., 2017, p. 192.

[4] Русская армия 1917–1920. Обмундирование. Знаки различия. Награды и нагрудные знаки / Сост. О. В. Харитонов, В. В. Горшков. – СПб.: Каравелла, 1991. – С. 42. *Russkaya armiya 1917–1920. Obmundirovanie. Znaki razlichiya. Nagrady i nagrudnye znaki* [KHARITONOV O. V., GORSHKOV V. V. (comps.). The Russian army in 1917–1920: Outfit, insignia, awards, and badges. In Russ.].St. Petersburg, Caravella publ., 1991, p. 42.

[5] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 140. Л. 120, 140. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (TsGA SPb), fond R-73, series 1, file 140, pp. 120, 140; Сборник декретов и постановлений по Союзу Коммун Северной Области. Вып. 1. Ч. 2. – Пг., 1919. – С. 125. *Sbornik dekretov i postanovlenii po Soyuzu Kommun Severnoi Oblasti. Pertrograd, 1919* [Digest of Decrees and Resolutions on the Union of Communes of the Northern Region]. Vol. 1. Part 2. Petrograd, 1919, p. 125.

[6] ЦГА СПб. Ф. Р-73. Оп. 3. Д. 267. Л. 108–113; Оп. 2. Д. 183. Л. 316 об.–317, 326. TsGA SPb, fond R-73, series 3, file 267, pp. 108–113.

[7] Там же. Оп. 1. Д. 238. Л. 223–223 об. Ibid., series 1, file 238, pp. 223–223 verso.

[8] Там же. Д. 231. Л. 682–682 об. Ibid., file 231, pp. 672–682 verso.

[9] Там же. Оп. 2. Д. 183. Л. 257–257 об. Ibid., series 2, file 183, pp. 257–257 verso.

[10] Там же. Л. 100–100 об. Ibid., pp. 100–100 verso.

[11] *Шиян, И. С.* Генерал армии Хрулёв. – М.: Воениздат, 1980. – С. 7. SHIYAN, I. S. *General armii Khrulov* [The Army General Khrulev. In Russ.]. Moscow, Voenizdat publ., 1980, p. 7; ЦГА СПб. Ф. Р–5427. Оп. 1. Д. 5. Л. 591–591 об., 610; Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 238. Л. 200, 201. TsGA SPb, fond R–5427, series 1, file 5, pp. 591–591 verso, 610; fond R–73, series 1, file 328, pp. 200, 201.

[12] ЦГА СПб. Ф. Р-5427. Оп. 1. Д. 5. Л. 520; Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 183. Л. 278–283. TsGA SPb, fond R-5427, series 1, file 5, p. 520; fond R-73, series 2, file 183, pp. 278 –278 verso.

[13] Там же. Ф. Р-5427. Оп. 1. Д. 5. Л. 522; Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 190. Л. 105, 106. Ibid., fond R-5427, series 1, file 5, p. 522; fond R-73, series 2, file 190, pp. 105, 106.

[14] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 3. Л. 97; Д. 32. Л. 94. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of S.-Petersburg] (TsGAIPD SPb), fond R-8, series 1, file 3, p. 94.

Список литературы

Поправко, Е. А. Ранний этап биографии А. В. Хрулёва по материалам ЦГА СПб и ЦГИА СПб // Выдающийся организатор материально-технического (тылового) обеспечения (к 125-летию со дня рождения генерала армии А. В. Хрулёва) / Под ред. Ю. А. Никитина, Е. А. Поправко. – СПб.: ВАМТО, 2017. – С. 190–195.

Шиян, И. С. Генерал армии Хрулёв. – М.: Воениздат, 1980. – 112 с.

References

POPRAVKO, E. A. *Rannii etap biografii A. V. Khruleva po materialam TsGA SPb i TsGIA SPb* [The early period in A. V. Khrulev's biography from materials of the TsSA of St. Petersburg and of the TsGIA of St. Petersburg. In Russ.]. IN: *Vydayushchiisya organizator material'no-tekhnicheskogo (tylovogo) obespecheniya (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya generala armii A. V. Khruleva)* [NIKITIN Yu. A., POPRAVKO E. A. (eds.). Great organizer of logistics and support: To the 125th anniversary of the birth of the Army General A. V. Khrulev. In Russ.]. St. Petersburg, VAMTO publ., 2017, pp. 190–195.

SHIYAN, I. S. *General armii Khrulov* [The Army General Khrulev. In Russ.]. Moscow, Voenizdat publ., 1980, 112 p.

Сведения об авторах

Поправко Елена Александровна, доктор исторических наук, доцент, Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-911-153-75-69, elena_popravko@mail.ru.

About the authors

Popravko Elena Alexandrovna, PhD in History, associate professor, Army General A. V. Khrulev Military Academy of Logistics, department of humanitarian, social, and economic disciplines, professor, St. Petersburg, Russian Federation, +7-911-153-75-69, elena_popravko@mail.ru

Сведения о грантах

Исследование выполнено в рамках НИР «Биограф–18–МТО» Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева.

Grant information

The research has been carried within the framework of the science project "Biographer – 18 – Logistics" of the Army General A. V. Khrulev Military Academy of Logistics.

В редакцию статья поступила 12.12.2018 г.,
опубликована (для цитирования):

Поправко, Е. А. Взаимоотношения органов советской власти Петрограда в период ее становления. По архивным документам и материалам биографии А. В. Хрулёва // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1161–1172. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1161-1172

Submitted 12.12.2018, published (for citation):

POPRAVKO, E. A. *Vzaimootnosheniya organov sovetskoi vlasti Petrograda v period ee stanovleniya. Po arkhivnym dokumentam i materialam biografii A. V. Khruleva* [Relations between Soviet Agencies in Petrograd in the Period of Their Formation: Based on Archival Documents and Biography of A. V. Khrulev. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1161–1172. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1161-1172

УДК 930+929
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1173-1185

Н. В. Иллерицкая, А. П. Логунов
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

В. Е. Иллерицкий: когда исторической науке посвящена жизнь (1912–1980)

Natalia V. Illeritskaya, Alexander P. Logunov
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

V. E. Illeritsky: Living for Historical Science (1912–1980)

Аннотация
Статья посвящена проблеме разработки научной биографии одного из известных историографов нашей страны – Владимира Евгеньевича Иллерицкого. Актуальность темы исследования определяется тем, что авторы статьи впервые в отечественной историографии анализируют научное творчество В. Е. Иллерицкого в методологии «новой биографики». Это позволяет одновременно рассматривать творческую деятельность Иллерицкого и как цель исследования, и как средство познания того интеллектуального пространства, в котором он работал и мыслил. Такой теоретико-методологический подход к изучению научного наследия В. Е. Иллерицкого дает возможность исследователям сосредоточиться на микроанализе его монографических текстов как на историографических источниках личного происхождения. Иллерицкий является автором ряда фундаментальных научных трудов. В 1960–1970-х гг. он опубликовал две монографии, которые были первыми обобщающими исследованиями исторических взглядов российских революционеров-демократов, и стал основоположником нового направления в отечественной историографии. Центральной идеей последней прижизненной монографии В. Е. Иллерицкого является тезис о выдающемся месте исторического наследия С. М. Соловьева в русской классической историографии. Соловьев создал философию отечественной истории, которая предопределила практику научного историописания в России. Особый

интерес представляет текст незавершенной монографии В. Е. Иллерицкого, который был опубликован посмертно в 2006 г. Это его итоговый труд, историография советской историографии. Ценность этого текста со временем только возрастает, поскольку это источник личного происхождения, принадлежащий перу известного ученого, погруженного в контекст бытования современной ему исторической науки. В книге моделируется центральная проблематика завершающего этапа научного творчества В. Е. Иллерицкого. Однако главная ценность текста заключается в том, что он формирует адекватное представление об исследовательской культуре и практике историописания советской историографии 1980-х гг.

Abstract

The article is devoted to the problem of developing a scientific biography of one of the famous historiographers of our country – Vladimir Evgenievich Illeritsky. The relevance of the research topic is determined by the fact that the authors of the article for the first time in Russian historiography analyze the scientific work of V. E. Illeritsky within the frameworks of methodology of "new biography." This allows to simultaneously consider Illeritsky's creative activity both as a goal of research, and as an adequate means of knowing the intellectual space in which he worked and thought. Such theoretical and methodological approach to the study of the scientific heritage of Illeritsky allows researchers to focus on microanalysis of his monographic texts as historiographic sources of personal provenance. V. E. Illeritsky is the author of a number of fundamental works. In the 1960s–70s he published two fundamental monographs, which were the first generalizing studies of the historical views of Russian revolutionary democrats, and became the founder of a new direction in Russian historiography. The central idea of the last lifetime monograph of V. E. Illeritsky is the thesis about outstanding role of the historical heritage of S. M. Solovyov in Russian classical historiography. Solovyov created the philosophy of Russian history, which predetermined the practice of scientific historiography in Russia. Of particular interest is the text of the unfinished monograph by V. E. Illeritsky, which was published posthumously in 2006. This is his final work, the historiography of Soviet historiography. The value of this text only grows with time, since it is a source of personal provenance belonging to the pen of a famous scientist immersed in the context of contemporary historical science. The book simulates central problems of the final stage of V. E. Illeritsky's scientific work. However, the main merit of this text lies in fact that it forms an adequate representation of research culture and historiographic practice of Soviet historiography of the 1980s.

Ключевые слова
Историографические источники, В. Е. Иллерицкий, научная биография, отечественная историография, революционно-демократическое направление, историческое наследие С. М. Соловьева, историографические источники личного происхождения.

Keywords
Historiographic sources, V. E. Illeritsky, scientific biography, Russian historiography, revolutionary and democratic direction, historical heritage of S. M. Solovyov, historiographic sources of personal provenance.

Научное творчество Владимира Евгеньевича Иллерицкого уже привлекало внимание специалистов-историографов. Первым заметку о деятельности Иллерицкого опубликовал В. А. Муравьев в 1982 г.: это было краткое перечисление заслуг Иллерицкого перед советской исторической наукой[1]. Ценность данного текста заключалась в том, что он снабжен подробной библиографией трудов Владимира Евгеньевича и в научный оборот вводилось понятие «историографическая школа Иллерицкого». В конце 2000-х гг. проблема места, которое занял Иллерицкий в отечественной историографии, вновь была поставлена в трудах М. П. Мохначевой в серии статей, посвященных процессу становления и развития историографии в МГИАИ–ИАИ РГГУ[2]. В статьях, особенно во второй статье, на обширном источниковом материале анализируется научно-педагогическая деятельность Иллерицкого и его коллег по институту. Тексты статей содержат богатую аналитику, но главное внимание уделено рассмотрению процесса подготовки к изданию учебных пособий и первого учебника по историографии истории СССР, созданного авторским коллективом ученых МГИАИ, который возглавлял В. Е. Иллерицкий. Марина Петровна подчеркивает, что именно в 1950–1960-х гг. складывается «историографическая школа Иллерицкого». Мохначева принадлежала к тем ученикам Иллерицкого, которые составили ядро его «историографической школы», поэтому характеристике вклада своего учителя в историю исторической науки она уделяет особенное внимание[3].

Наиболее приближенной к формату научной биографии стала работа Н. В. Иллерицкой, опубликованная в историографическом ежегоднике «История и историки» в 2006 г. Научная новизна этой статьи заключается в том, что в ней академическая деятельность В. Е. Иллерицкого исследуется в контексте тех теоретических дискуссий, которые составили содержание отечественного историографического процесса в 1960–1970-х гг., активным участником, а иногда и инициатором которых он был[4].

Однако рассматриваемые труды В. А. Муравьева, М. П. Мохначевой и Н. В. Иллерицкой выполнены в методологии классической историографии. Поэтому актуализация проблемы научной биографии В. Е. Иллерицкого в методологии «новой биографики» в современной исторической науке представляется оправданной и научно значимой. Такой подход позволяет уникальность личности ученого раскрывать через особенность его исследовательской культуры, которая зависит от исторического времени. Биографический метод, обновленный микроанализом персональных текстов, оказался наиболее продуктивным, поскольку он максимально приспособлен для практического решения проблем интеллектуальной биографии в современной историографической ситуации. В свете такого понимания исследовательских приоритетов авторы статьи своей задачей считают анализ текстов знаковых монографий Иллерицкого как источников личного происхождения.

Перу В. Е. Иллерицкого принадлежит пять монографий. Самая ранняя из них представляет собой подготовленную для печати версию его кандидатской диссертации. Книга «Исторические взгляды В. Г. Белинского» стала первым историографическим трудом Иллерицкого[5]. Автор видел цель своей работы в целостном освещении исторических воззрений Белинского. Структура книги достаточно рыхлая, а ее содержание свидетельствует о том, что это только первый шаг в научно-исследовательской деятельности Иллерицкого, которому явно недостает зрелости. Однако автору удалось выразить свою главную мысль: Белинский существенно углубил философские основы понимания истории как бесконечного

общественного прогресса[6]. Однако эта первая и несовершенная работа заложила основания для разработки ее автором нового направления в советской историографии.

В начале 1960-х гг. советская историография сделала попытку выйти на новый уровень: исследователи приступили к изучению исторических концепций в широком общественно-политическом контексте. Это соответствовало духу времени и расширяло пространство советской историографии, открывало перед ней новые горизонты исторического знания.

1960–1970-е годы ознаменовались для В. Е. Иллерицкого активной научной работой, в результате чего были опубликованы два крупных труда. Монография «История России в освещении революционеров-демократов»[7] была издана в 1963 г. В ней Иллерицкий впервые в советской историографии рассмотрел революционно-демократическую идеологию как идеологию крестьянских масс. В заключении своего исследования автор пришел к новационному выводу: исторические взгляды первого поколения революционеров-демократов были более глубокими, у второго же поколения сильные стороны исторических воззрений предшественников были обесценены[8].

В 1974 г. вышла в свет новая монография В. Е. Иллерицкого «Революционная историческая мысль в России»[9]. Эта работа заняла особое место в научном творчестве автора. Фундаментальным основанием исследовательской концепции Иллерицкого стала идея о взаимозависимости исторической и общественной мысли, поскольку именно общественная мысль являлась вместилищем исторического опыта[10]. Особенностью русской революционной мысли, по мнению автора, был ее интерес к теории исторического процесса, к изучению исторического опыта. Это позволило идеологам революционной демократии создать новую для их времени систему взглядов, основанную на анализе современной им социально-экономической жизни народа[11].

Работая с историческим наследием революционеров-демократов, Иллерицкий существенно расширил понимание содержания и структуры историографического источника: он считал, что это должны быть не только опубликованные

труды, но и архивные материалы. Комплекс историографических источников должен включать документы личного происхождения: дневники, мемуары, показания на следствии[12]. Таким образом, книга Иллерицкого вводила в научный оборот непривычный для советской историографии источниковый материал, характерный для интеллектуальной истории. Вот так проявилась в монографии прогностическая функция историографии в определении перспектив дальнейших исследований. Данная работа подвела итог предшествующему научному творчеству Иллерицкого и вывела его на уровень специалиста-историографа, признанного академическим сообществом.

Вторая половина 1970-х гг. ознаменовалась дискуссиями историков о содержании исторической науки, о ее теоретических возможностях. Все это укрепляло позиции историографии как самостоятельной научной дисциплины[13].

В 1980-м В. Е. Иллерицкий выпустил в свет свою новую монографию «Сергей Михайлович Соловьёв»[14]. Это наиболее актуальная на сегодняшний день прижизненная работа автора. Ее новизна и оригинальность заключается в выборе объекта исследования и в теоретико-методологическом подходе к конструированию текста. Историческое творчество С. М. Соловьева впервые рассматривалось комплексно, включая и научную лабораторию историка, как центральное интеллектуальное явление российской классической историографии[15]. Подробно анализировалась его историко-философская концепция и делался вывод о том, что именно С. М. Соловьев создал образ научной истории России[16].

Новым был и теоретико-методологический подход автора к исследованию научной биографии: Иллерицкий продемонстрировал возможности микроанализа и метода исторического погружения при работе с разнообразными историографическими источниками, что привело к впечатляющим результатам. Впервые в отечественной историографии появилась биография историка, написанная в жанре интеллектуальной истории[17]. В итоге В. Е. Иллерицкий подчеркивает: «Говоря образно, Соловьев поднимал историческую целину и первый ее обрабатывал. Труд его продолжателей был значительно легче. Они взрыхляли

подготовленную почву, засевали ее новыми культурами, имея в виду разработку частных проблем, и даже “выращивали розы”, как это делал талантливейший из продолжателей Соловьева В. О. Ключевский – несравненный среди русских историков художник слова и замечательный стилист»[18].

К моменту своей смерти В. Е. Иллерицкий находился в процессе завершения работы над очередной монографией «Советская историография отечественной истории: очерки развития историографии истории СССР (1917–1960 гг.)»[19]. Текст книги надо было сдать в издательство «Мысль» в октябре 1980 г., но 2 сентября Иллерицкий скоропостижно скончался. Монография осталась незавершенной. Основная часть работы была выполнена, все три задуманные главы были написаны в окончательном варианте: глава I «Актуальные историографические проблемы в период становления советской исторической науки (1917 – начало 1930-х годов)»[20]; глава II «Актуальные проблемы историографии в советской исторической науке середины 1930 – конца 1950-х годов»[21]; глава III «Превращение отечественной историографии в самостоятельную отрасль научного исследования и ее актуальные проблемы в 1960-х годах»[22]. Однако не было введения и заключения. Такое состояние рукописи не позволяло представить ее в издательство «Мысль» своевременно как полноценную монографию, поэтому текст был подготовлен к изданию в качестве историографического источника на кафедре истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ в 2006 г. и опубликован в издательском центре Российского государственного гуманитарного университета. Ценность этого текста как историографического источника со временем только возрастает, поскольку это текст личного происхождения и принадлежит он перу известного ученого, глубоко погруженного в контекст бытования современной ему исторической науки. В книге моделируется центральная проблематика завершающего периода научного творчества самого В. Е. Иллерицкого, а также формируется представление о теоретическом уровне и практике историописания советской историографии конца 1980-х гг.

Научный замысел последнего труда Иллерицкого можно определить как анализ процесса формирования отечественной историографии в советский период в качестве самостоятельной научной дисциплины. Хронологические рамки работы определены не случайно – это 1917–1960-е гг. Таким образом, В. Е. Иллерицкий подчеркивал, что рассматривает время «оттепели» в качестве высшей точки развития советской историографии.

Круг проблем, которые определили содержание данного труда, привлекает к себе пристальное внимание. Автор намеренно дистанцировался от академического издания «Очерков истории исторической науки в СССР». Научная новизна последней монографии Иллерицкого заключается в том, что он сконцентрировался на анализе тех историографических фактов, которые представлялись ему знаковыми, но не нашли места в «Очерках....». Иллерицкий считал необходимым иначе интерпретировать дискуссионные вопросы советской исторической науки, существенно расширив тем самым исследовательское пространство отечественной историографии. По мнению автора монографии, в 1960-е гг. в советской исторической науке в полной мере проявились процессы, которые свидетельствовали о ее вступлении в новый период своего развития. Иллерицкий стремился дать оценку этим новым явлениям, но, перечисляя их, вольно или невольно, отчетливо прописал те идеологические клише, которые укоренились в советской исторической науке и определяли теперь ее образ.

В. Е. Иллерицкий выделяет выход в свет четвертого тома «Очерков....» как самое важное историографическое явление 1960-х гг. Он подчеркивает, что это был не просто очередной том авторитетного издания, а первый том, посвященный истории советской исторической науки, и в этом его принципиальное значение. Так был обозначен первый догмат советской историографии: явный тематический перекос в сторону описания советского периода отечественной истории, что превращало историю советского общества в ведущий раздел всей российской истории. Далее автор высказывал мысль, что в основании четвертого тома лежит определенная концепция. Смысл этой концепции заключается в том, что марк-

систско-ленинское направление рассматривается в советской историографии как безальтернативное руководство к пониманию исторического процесса. Второй теоретический постулат базируется на утверждении о наличии кризиса буржуазной историографии в России и ее неизбежном крахе после Октября. Через весь текст четвертого тома жестко проводится мысль, что становление и развитие советской историографии связано с ленинским наследием, которое определяет смысл советской исторической науки. Таким образом, получалось, что монометодологизм, который исказил все содержание советской практики историописания, возводился в «Очерках...» в ранг теоретического эталона. Так завершающая глава посмертной монографии В. Е. Иллерицкого способствовала всей книге выполнить миссию историографического источника: она донесла до нас дух времени и тот образ советской исторической науки, который транслировали ее участники в 1980-е гг.

В. Е. Иллерицкий внес существенный вклад в советскую историческую науку. Он разработал новое направление в историографии, находился в авангарде борьбы за превращение историографии в самостоятельную отрасль исторического знания, создал в МГИАИ «историографическую школу Иллерицкого». Это означает, что в науке Владимир Евгеньевич Иллерицкий прожил насыщенную и счастливую жизнь.

Примечания

[1] *Муравьев, В. А.* В. Е. Иллерицкий (1912–1980) // История и историки. 1979: историографический ежегодник / Отв. ред. М. В. Нечкина. – М.: Наука, 1982. – С. 394–395. MURAVYEV, V. A. *V. E. Illeritskii (1912–1980)* [V. E. Illeritsky (1912–1980). In Russ.]. IN: *Istoriya i istoriki. 1979: istoriograficheskii ezhegodnik* [NECHKINA, M. V. (ed.). History and historians: 1979: A historiographic yearbook. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1982, pp. 394–395.

[2] *Мохначева, М. П.* Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ–ИАИ РГГУ. Статья первая // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2009. – № 4. – С. 20–35; MOKHNACHEVA, M. P. *Istochniki po istorii stanovleniya i razvitiya istoriografii v MGIAI – IAI RGGU. Stat'ya pervaya* [Sources on the

history of the formation and development of historiography in MGIAI – IAI RSUH. Article one. In Russ.]. IN: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovelenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies. In Russ.]. Moscow, 2009, no. 4, pp. 20–35.

[3] *Мохначева, М. П.* Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ–ИАИ РГГУ. Статья вторая // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 7. – С. 56–82; MOKHNACHEVA, M. P. *Istochniki po istorii stanovleniya i razvitiya istoriografii v MGIAI – IAI RGGU. Stat'ya vtoraya* [Sources on the history of the formation and development of historiography in MGIAI – IAI RSUH. Article two. In Russ.]. IN: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovelenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies. In Russ.]. Moscow, 2010, no. 7, pp. 56–82.

[4] *Иллерицкая, Н. В.* Владимир Евгеньевич Иллерицкий. Путь в науке // История и историки. 2005. Историографический вестник. – М., 2006. – С. 269–289. ILLERITSKAYA, N. V. *Vladimir Yevgen'evich Illtritskii. Put' v nauke* [Vladimir Evgenievich Illeritsky: His path in science. In Russ.]. IN: *Istoriya i istoriki. 2005. Istoriograficheskiy vestnik* [History and historians. 2005. Historiographic bulletin]. Moscow, 2006, pp. 269–289.

[5] *Иллерицкий, В. Е.* Исторические взгляды В. Г. Белинского. – М.: Госполитиздат, 1953. – 254 с. ILLERITSKII, V. E. *Istoricheskie vzglyady V. G. Belinskogo* [Historical views of V. G. Belinsky. In Russ.]. Moscow, Gospolitizdat publ., 1953, 254 p.

[6] Там же. – С. 250–253. Ibid., pp. 250–253.

[7] *Иллерицкий, В. Е.* История России в освещении революционеров-демократов. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 436 с. ILLERITSKII, V. E. *Istoriya Rossii v osveshchenii revolyutsionerov-demokratov* [The history of Russia in the coverage of the revolutionary democrats. In Russ.]. Moscow, Sotsekgiz publ., 1963, 436 p.

[8] Там же. – С. 430. Ibid., p. 430.

[9] *Иллерицкий, В. Е.* Революционная историческая мысль в России (домарксистский период). – М.: Мысль, 1974. – 350 с. ILLERITSKII, V. E. *Revolyutsionnaya istoricheskaya mysl' v Rossii (domarksistskii period)* [Revolutionary democratic thought in Russia (pre-Marxist period). In Russ.]. Moscow, Mysl' publ., 1974, 350 p.

[10] Там же. – С. 4. Ibid., p. 4.

[11] Там же. – С. 342. Ibid., p. 342.

[12] *Иллерицкий, В. Е.* Революционная историческая мысль в России (домарксистский период). – С. 242–284. ILLERITSKIY, V. E, 1974, pp. 242–284.

[13] *Иллерицкая, Н. В.* Владимир Евгеньевич Иллерицкий. Путь в науке. – С. 287. ILLERITSKAYA, N. V., 2006, p. 287.

[14] *Иллерицкий, В. Е.* Сергей Михайлович Соловьев. – М.: Наука, 1980. – 192 с. ILLERITSKII, V. E. *Sergei Mikhaylovich Solov'yev* [Sergey Mikhailovich Solovyov. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1980, 192 p.

[15] *Иллерицкая, Н. В.* Владимир Евгеньевич Иллерицкий. Путь в науке. – С. 3–10. ILLERITSKIY, V. E., 2006, pp. 3–10.

[16] *Иллерицкий, В. Е.* Сергей Михайлович Соловьев. – С. 171–173. ILLERITSKIY, V. E., 1980, pp. 171–173.

[17] *Иллерицкая, Н. В.* Владимир Евгеньевич Иллерицкий. Путь в науке. – С. 288. ILLERITSKAYA, N. V., 2006, p. 288.

[18] *Иллерицкий, В. Е.* Сергей Михайлович Соловьев. – С. 176. ILLERITSKIY, V. E., 1980, p. 176.

[19] *Иллерицкий, В. Е.* Советская историография отечественной истории: очерки развития историографии истории СССР (1917–1960 гг.). – М.: РГГУ, 2006. – 180 с. ILLERITSKII, V. E. *Sovetskaya istoriografiya otechestvennoi istorii: ocherki razvitiya istoriografii istorii SSSR (1917–1960 gg.)* [Soviet historiography of national history: Essays on the development of historiography of the history of the USSR. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2006, 180 p.

[20] Там же. – С. 7–58. Ibid., pp. 7–58.

[21] Там же. – С. 59–112. Ibid., pp. 59–112.

[22] Там же. – С. 113–180. Ibid., pp. 113–180.

Список литературы

Иллерицкая, Н. В. Владимир Евгеньевич Иллерицкий. Путь в науке // История и историки. 2005. Историографический вестник / Отв. ред. А. Н. Сахаров. – М.: Наука, 2006. – С. 269–289.

Иллерицкий, В. Е. Исторические взгляды В. Г. Белинского. – М.: Госполитиздат, 1953. – 254 с.

Иллерицкий, В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 436 с.

Иллерицкий, В. Е. Революционная историческая мысль в России (домарксистский период). – М.: Мысль, 1974. – 350 с.

Иллерицкий, В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. – М.: Наука, 1980. – 192 с.

Иллерицкий, В. Е. Советская историография отечественной истории: очерки развития историографии истории СССР (1917–1960 гг.). – М.: РГГУ, 2006. – 180 с.

Мохначева, М. П. Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ–ИАИ РГГУ. Статья первая // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2009. – № 4. – С. 20–35.

Мохначева, М. П. Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ–ИАИ РГГУ. Статья вторая // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 7. – С. 56–82.

Муравьев, В. А. В. Е. Иллерицкий (1912–1980) // История и историки. 1979: историографический ежегодник / Отв. ред. М. В. Нечкина. – М.: Наука, 1982. – С. 394–395.

References

ILLERITSKAYA, N. V. *Vladimir Evgen'evich Illtritsky. Put' v nauke* [Vladimir Evgenievich Illeritsky: His path in science. In Russ.]. IN: *Istoriya i istoriki. 2005. Istoriograficheskii vestnik* [History and historians: 2005: Historiographic bulletin. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 2006, pp. 269–289.

ILLERITSKII, V. E. *Istoricheskie vzgliady V. G. Belinskogo* [Historical views of V.G. Belinsky. In Russ.]. Moscow, Gospolitizdat publ., 1953, 254 p.

ILLERITSKII, V. E. *Istoriya Rossii v osveshchenii revolyutsiontrov-demokratov* [The history of Russia in the coverage of the revolutionary democrats. In Russ.]. Moscow, Sotsekgiz publ., 1963, 436 p.

ILLERITSKII, V. E. *Revolyutsionnaya istoricheskaya mysl' v Rossii (domarksistskii period)* [Revolutionary democratic thought in Russia (pre-Marxist period). In Russ.]. Moscow, Mysl' publ., 1974, 350 p.

ILLERITSKII, V. E. *Sergey Mikhaylovich Solov'yev* [Sergey Mikhailovich Solovyov. In Russ.]. Moscow, Science publ., 1980, 192 p.

ILLERITSKII, V. E. *Sovetskaya istoriografiya otechestvennoi istorii: ocherki razvitiya istoriografii istorii SSSR (1917–1960 gg.)* [Soviet historiography of national history: Essays on the development of historiography of the history of the USSR. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2006, 180 p.

MOKHNACHEVA, M. P. *Istochniki po istorii stanovleniya i razvitiya istoriografii v MGIAI – IAI RGGU. Stat'ya pervaya* [Sources on the history of the formation and development of historiography in MGIAI – IAI RSUH. Article One. In Russ.]. IN: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovelenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2009, no. 4, pp. 20–35.

MOKHNACHEVA, M. P. *Istochniki po istorii stanovleniya i razvitiya istoriografii v MGIAI – IAI RGGU. Stat'ya vtoraya* [Sources on the history of the formation and development of historiography in MGIAI – IAI RSUH. Article two. In Russ.]. IN: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovelenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2010, no. 7, pp. 56 –82.

MURAV'YEV, V. A. *V. E. Illeritskii (1912–1980)* [V. E. Illeritsky (1912–1980). In Russ.]. IN: *Istoriya i istoriki. 1979: istoriograficheskii ezhegodnik* [History and historians: 1979: A historiographic yearbook. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1982, pp. 394–395.

Сведения об авторах

Иллерицкая Наталия Владимировна, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра истории и теории исторической науки, профессор, г. Москва, Российская Федерация, 8-919-967-71-76, natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Логунов Александр Петрович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, факультет истории, политологии и права, декан факультета, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-250-69-28, al.logunov@yandex.ru

About authors

Illeritskaya Natalia Vladimirovna, PhD in History, professor, Russian State University for the Humanities, department of history and theory of history, professor, Moscow, Russian Federation, +7-919-967-71-76, natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Logunov Alexander Petrovich, PhD in History, professor, Russian State University for the Humanities, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow, Russian Federation, +7-495-250-69-28, al.logunov@yandex.ru

В редакцию статья поступила 18.01.2019 г., опубликована (для цитирования):

Иллерицкая, Н. В., Логунов, А. П. В. Е. Иллерицкий: когда исторической науке посвящена жизнь (1912–1980) // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1173–1185. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1173-1185

Submitted 18.01.2019, published (for citation):

ILLERITSKAYA, N. V., LOGUNOV, A. P. *V. E. Illeritskii: kogda istoricheskoi nauke posvyashchena zhizn' (1912–1980)* [V. E. Illeritsky: Living for Historical Science (1912–1980). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1173–1185. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1173-1185

УДК 94(470)
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1186-1194

Ранджана Девамитра Сенасингхе
Российский университет дружбы народов, Коломбо, Шри Ланка

Образ Цейлона в деловых и научных кругах Российской империи на рубеже XIX – начала XX в. По материалам донесений российских вице-консулов

Ranjana D. Senasinghe
Peoples' Friendship University of Russia, Colombo, Sri Lanka

The Image of Ceylon at the Turn of the 20th Century: Reports of the Russian Vice-Consuls

Аннотация
В статье рассматривается один из недостаточно изученных аспектов источниковедения истории русско-ланкийских связей на рубеже XIX–XX вв. В представленном обзоре архивных документов, в первую очередь письменных источников из фондов Среднеазиатского стола, II Департамента МИД России и Посольства России в Лондоне из Архива внешней политики Российской империи, раскрыт процесс установления экономических связей России с Цейлоном в период английского господства на территории острова. Автор акцентирует внимание на том, что российские вице-консулы и консульские агенты, работавшие в Коломбо, на месте знакомясь с экономической ситуацией Цейлона, видели его значение как экономического партнера в области торговли колониальными товарами. Тем самым в официальных кругах России создавался образ Цейлона в то время, когда еще не сформировалось в России такое направление в науке, как цейлонистика. В статье анализируются прежде всего неопубликованные источники, не вошедшие в изданные Министерством иностран-

ных дел Российской империи «Сборники консульских донесений» и опубликованный Т. Н. Загородниковой уже в наши дни тематический сборник документов «Русские на Цейлоне в конце XIX – начале XX в.». Важность их анализа связана с тем, что рассмотренный комплекс неопубликованных документов представлен источниками разных видов: официальными донесениями, отчетами, официальной перепиской. Автор приходит к выводу, что документы, отложившиеся в фондах Среднеазиатского стола, Посольства России в Лондоне и II Департамента МИД России, позволяют реконструировать в рассматриваемый период оценку российскими деловыми и научными кругами экономического положения на Цейлоне. В официальных кругах России к началу XX в. зрело понимание значения Цейлона как экономического и торгового партнера, интерес к которому был вызван целым рядом факторов, среди которых выделялись: географическое положение региона, природно-климатические условия, развитие инфраструктуры, экономические и торговые интересы России и Великобритании и др.

Abstract

The article addresses one of the less studied aspects of source studies of the history of the Russo-Lankan relations at the turn of the 20th century. It presents an overview of archival documents, primarily from the fonds of the Central Asian table, the 2nd Department of the Russian Foreign Ministry, the Russian Embassy in London, all stored in the Foreign Policy Archive of the Russian Empire, that reveal the process of establishing economic ties between Russia and Ceylon during the British rule in the island. The author focuses on the facts gathered by Russian vice-consuls and consular agents who worked in Colombo, familiarizing themselves with the economic situation of Ceylon, its importance both for the metropolis and other countries and for Russia itself, primarily in terms of colonial goods trade. Thus the image of Ceylon was formed, while Ceylonese studies were yet incipient in Russia. The article analyzes, above all, unpublished materials that were not included in the "Consular reports" published by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire or in the thematic collection of documents "Russians in Ceylon in the late 19th – early 20th century" published by T. N. Zagorodnikova. The importance of their analysis correlates with the fact that they include sources of different types, such as official information, reports, official correspondence. The author concludes that the said documents, deposited in the fonds of the Central Asian table, the Russian Embassy in London, and the 2nd Department of the Russian Foreign Ministry, allow to reconstruct the perception of economic situation in Ceylon by the Russians of the period.

They show that in the official circles of Tsarist Russia by the early 20th century there was ripening an understanding of Ceylon's significance as an economic and trading partner; to this contributed a number of factors, such as its geographical location, climatic conditions, development of infrastructure, economic and commercial interests of Russia and Great Britain in the region, etc.

Ключевые слова
Исторические источники, II Департамент МИД России, интеграция России в мировую экономику, Цейлон, колония, метрополия, образ страны, международная торговля, мировой рынок чая, инфраструктура.

Keywords
Historical sources, 2nd Department of the Russian Foreign Ministry, integration of Russia into world economy, Ceylon, colony, metropolis, image of a country, international trade, world tea market, infrastructure.

В военно-морских кругах России в XIX в. британская колония Цейлон рассматривалась прежде всего как удобная гавань для военных судов, находившихся в Индийском океане, где можно было заправляться всем необходимым. В этой связи предпринимались попытки открыть в начале 1880-х гг. дипломатическое представительство на Цейлоне[1]. Затем Цейлон начинает привлекать внимание России еще и как страна, производящая целый ряд так называемых колониальных товаров, главным из которых был чай. Всю торговлю этими товарами на тот период контролировал Лондон. Важнейшую роль в торговых операциях играли «стерлинговые компании», о чем говорилось в донесении вице-консула Российской империи В. К. Шнейдера от 31 мая 1901 г., который отмечал, что «в период исключительного существования первых компаний единственным рынком для сбыта цейлонского чая был Лондон»[2]. Во второй половине 1880–1890-х гг. создаются «рупийные» компании, одновременно для иностранцев открывается местный рынок. Крупными покупателями цейлонского чая в Коломбо становятся Австралия и Америка, покупавшие чай, минуя Лондон. В 1898 г. и русские купцы начали устанавливать прямые закупки цейлонского чая в Коломбо, открывая собственные местные фирмы, филиалы торговых компаний, что привело к основанию русской колонии в Коломбо[3].

Чайное дело на Цейлоне развивалось довольно интенсивно, и в начале XX в. чай превратился в главный экспортный товар Цейлона. Расширялось дело за счет вовлечения новых земель под плантации не на высокогорье, где природно-климатические условия наиболее приспособлены для выращивания высококачественных сортов чая, а по большей части на низменных территориях острова, что вызывало ухудшение качества чая, снижение его продаж, падение цен[4]. Описывая состояние чайного дела в России, представитель чаеторговой компании «Щербачов, Чоков и Ко.» Т.К. Чоков, исполнявший одновременно обязанности вице-консула Российской империи на Цейлоне, в своем донесении от 25 декабря 1910 г. в Петербург сообщал, что в России употребляют в год около 110 млн рус. ф.[5] черного листового чая, который закупают в Ханькоу, Коломбо, Калькутте, Батавии, Лондоне, Амстердаме и в малом количестве в Гамбурге[6]. Главными рынками для России были Ханькоу, Коломбо и Калькутта. Однако Ханькоу к тому времени терял свое значение для России как чаепроизводитель, в то время как Калькутта и Коломбо наращивали свои поставки. Хотя в 1910 г. Ханькоу все еще оставался по объему закупок на втором месте (30 млн рус. ф.), опередив Цейлон (объем импорта оттуда составлял 23 млн рус. ф.)[7]. Однако самую высокую цену за чай платили в Коломбо: там один русский фунт чая стоил около 26 копеек, тогда как в Ханькоу – около 20 и в Калькутте – около 25 копеек[8]. 1910 год ознаменовался тем, что Россия вышла на первое место по количеству закупаемого чая на обоих рынках Индии и Цейлона. Великобритания смогла купить около 300 млн рус. ф., и Россия опередила эти цифры[9]. Как отмечалось в донесении Т. К. Чокова, «то значение, которое имел когда-то для России Ханькоусский рынок – ушло безвозвратно»[10]. Закупки чая Россией на Цейлоне неуклонно росли, что было чрезвычайно важно для экономики Цейлона накануне Первой мировой войны. В 1910 г. Россия на обоих рынках Индии и Цейлона была самым крупным импортером[11].

Важно отметить также, что более 12% от всего объема чая с Цейлона в Россию составлял зеленый чай. Кроме того, поставлялись байховый чай (сорта белого чая или вообще доро-

гие сорта чая), хуасян (сырой материал для приготовления кирпичного чая в Ханькоу в Китае). Более того, с Цейлона в Батуми были вывезены 488 ф. чайных семян[12] в связи с опытами, которые проводились по выращиванию чая в России. В конце XIX в. продуктами вывоза с Цейлона были также кофе, хинная корка, какао, корица, кардамон, копра, коричное масло и масло цитронелла, кокосовое масло, кокосовые жмыхи, измельченный и цельный кокосовый орех, о чем сообщал в своем донесении в посольство в Лондоне вице-консул Н. Данилов[13].

Цейлон к началу XX в. стал рынком для реализации российских товаров, главными из которых были керосин, смазочное масло, ящики для упаковки чая и 30 видов разных товаров. В донесении Т. К. Чокова отмечалось: «Русского керосина ввезено на судах под иностранным флагом 1 337 393 галлона на сумму 835 870 руп. 62 ц., что составляло около ¾ всего количества керосина, ввезенного на остров Цейлон в 1897 г. Кроме того, ввезен на судах Добровольного Флота сахар на сумму 6 502 рупий 42 ц., вещи для домашнего обихода на сумму 814 рупий 53 ц.»[14]. Россия занимала в это время пятое место по ввозу своих товаров на Цейлон. Однако импорт русских товаров на Цейлон, за исключением керосина, носил весьма незначительный объем.

В донесениях российских вице-консулов содержались также сведения о состоянии медицинских услуг на острове. В частности, консульский агент Т. К. Чоков сообщал в Среднеазиатский стол и в Департамент личного состава и хозяйственных дел МИД России, что на Цейлоне к 1909 г. было «73 госпиталя с 4 444 кроватями, 2 дома для душевно-больных с 1 000 кроватями, дом для неизлечимых с 200 кроватями, госпиталь для проказных больных с 325 кроватями и, кроме того, бактериологический институт со специалистом европейцем врачом во главе. Европейцев врачей, считая лиц, состоящих на Государственной службе и дантистов, 11 человек. Все остальные врачи – сингалезы и томилы»[15].

В донесении «Цейлон за 1908 г.» приводятся также данные о школьном образовании в стране. Так, к концу 1908 г. правительственных школ было 2 304, где на английском

языке по программе среднего образования обучалось 237 тыс. человек мужского и женского пола. Существовало несколько десятков частных школ, основанных местными, где обучение проходило на сингальском и тамильском языках. Частных школ исключительно для европейских детей было всего три с количеством учащихся 280 обоего пола. Было еще около 30 католических миссионерских школ, в двух из которых была полная гимназическая программа с восьмилетним курсом обучения. Такие школы частично субсидировались государством. При главной больнице в Коломбо действовал медицинский факультет. Хотя для получения степени врача его выпускники должны были сдать экзамены в университете в Англии и там проработать не менее двух лет. Также существовали правительственные Техническая и Земледельческая школы, которые давали специальное образование. В середине 1908 г. был принят закон, обязывавший на территории плантаций общей площадью более 2 тыс. акров на собственные средства владельцев создавать начальные школы для детей рабочих. К концу года таких школ было 162 и в них обучались 10 954 учащихся[16]. Русские дипломаты обращали внимание на то, что существовавшая на острове система образования позволяла колониальным властям готовить, с одной стороны, кадры низшего звена для колониального аппарата, с другой, – воспитывать лояльных к английским властям людей среди местного населения. При этом роль образованных иностранцев в экономике страны не освещается в донесениях вице-консулов России в Коломбо, хотя о ней косвенно говорится при описании организации сельскохозяйственного производства на Цейлоне, в частности кокосовых плантаций, производства чая и его переработки и др.

В конце XIX – начале XX в. замкнутая, самобытная экономика древнего Цейлона уже была окончательно разрушена и новая капиталистическая экономика, которая в условиях Цейлона стала называться экспортно-импортной, стала придатком метрополии и была все больше интегрирована в мировую экономику. В результате значение Цейлона как центра прежде всего производства чая и других колониальных товаров неуклонно росло. В связи с этим укреплялись междуна-

родные торговые отношения острова, в том числе с Российской империей. И благосостояние Цейлона постоянно росло. К началу Первой мировой войны Цейлон представлялся богатой страной, что отражалось в донесении консульского агента Б. П. Кодомцева в Третий политический отдел Министерства иностранных дел Российской империи «Отношение местной печати к европейской войне» от 17 ноября 1914 г. В нем говорилось, что «богатейшая в мире страна – Цейлон еще не дала ни одного цента на покрытие военных расходов метрополии»[17]. Это свидетельствовало о том, что британские колониальные власти обладали некоторой самостоятельностью в решении экономических вопросов на Цейлоне.

Таким образом, рассматриваемый период истории Цейлона ознаменовался тем, что предпринятые социально-экономические преобразования на острове в первой трети XIX в. начали давать результаты, в итоге коронная колония Великобритании была полностью интегрирована в мировую систему хозяйствования, превратившись в место производства разных колониальных товаров, главными из которых были чай, кокосовая пальма и каучук. Интерес к Цейлону был вызван целым рядом факторов, в том числе географическим положением, природно-климатическими условиями страны, ведением торговых и финансовых операций, развитием инфраструктуры и проч.

Изученный материал позволяет сделать вывод о том, что в России сформировался образ Цейлона как страны, преодолевавшей свою отсталость благодаря стране-метрополии. В результате она становилась частью мировой экономической системы. Оперативное хозяйствование англичан помогло региону быстро преодолеть негативные последствия собственной изоляции и переориентироваться на конъюнктуру мирового рынка, в том числе путем замены переставших пользоваться спросом на мировом рынке товаров на более выгодные сельскохозяйственные культуры, для производства которых, в свою очередь, потребовались специалисты. Ими оказались англичане, которые сделали Цейлон «витриной Британской империи» в Азии, идея которой в той или иной степени сохранилась как в российском ланковедении и цейлонистике, так и в общественной мысли современной России.

Примечания

[1] *Загородникова, Т. Н.* Русские на Цейлоне в XIX – начале XX в.: Сборник архивных документов и материалов. – М., 2010. – С. 11. ZAGORODNIKOVA, T. N. *Russkiye na Tseilone v kontse XIX – nachale XX v. Sbornik arkhivnikh dokumentov i materialov* [Russians on Ceylon in the late 19th – early 20th century: Collected archival documents and materials. In Russ.]. Moscow, 2010, p. 11.

[2] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155. Оп. 407. Д. 916. Л. 7. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiskoi imperii* [Foreign Policy Archive of the Russian Empire] (AVPRI), fond 155, Series 407, File 916, p 7.

[3] *Загородникова, Т. Н.* Русские на Цейлоне // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 9. – С. 64–66. ZAGORODNIKOVA, T. N. *Russkiye na Tseilone* [Russians in Ceylon. In Russ.]. IN: *Asia i Africa segodnya*, 2008, no. 9, pp. 64–66.

[4] *Данилов, Н.* Производительность Цейлона // Министерство иностранных дел: Сборник консульских донесений. Выпуск-I, Издание второе. СПб.: Скоропечатня «Надежда», Фонтанка, 68. 1898. Л. 384. DANILOV, N. *Proizvoditelnost' Tseilona* [Production capacity of Ceylon. In Russ.]. IN: *Ministerstvo inostrannikh del. Sbornik konsulskikh donesenii* [Ministry of Foreign Affairs. Collection of consular reports. In Russ.]. Vol. 1. 2nd ed. St. Petersburg, Nadezda publ., 1898, p. 384.

[5] Русский фунт (рус. ф.) равен 0,40951241±0,00000001 кг.

[6] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3379. Л. 325–329. AVPRI, fond 147, series 485, file 3379, pp. 325–329.

[7] Там же. Л. 326. Ibid., p. 326.

[8] Там же. Ibid.

[9] Там же. Л. 328. Ibid., p. 328.

[10] Там же. Л. 325–326. Ibid., pp. 325–326.

[11] Там же. Л. 328. Ibid., p. 328.

[12] Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 914. Л. 12. Ibid., fond 184, series 520, file 914, p. 12.

[13] Там же. Л. 84. Ibid., p. 84.

[14] Там же. Л. 5. Ibid., p. 5.

[15] Там же. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3379. Л. 22. Ibid., fond 147, series 485, file 3379, p. 22.

[16] Там же. Л. 12–14. Ibid., pp. 12–14.

[17] Там же. Д. 3380. Л. 23. Ibid., file 3380, p. 23.

Список литературы

Данилов, Н. Производительность Цейлона // Министерство иностранных дел: Сборник консульских донесений. Выпуск I. Изд. второе. – СПб.: Скоропечатня «Надежда», 1898. – С. 382–401.

Загородникова, Т. Н. Русские на Цейлоне // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 9. – С. 64–66.

Загородникова, Т. Н. Русские на Цейлоне в XIX – начале XX в.: Сборник архивных документов и материалов. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. – 283 с.

References

DANILOV, N. *Proizvoditelnost' Tseilona* [Production capacity of Ceylon. In Russ.]. IN: *Ministerstvo inostrannikh del: Sbornik konsulskikh donesenii* [Ministry of Foreign Affairs. Collection of consular reports. In Russ.]. Vol. 1. 2nd ed. St. Petersburg, Nadezda publ., 1898, pp. 382–401.

ZAGORODNIKOVA, T. N. *Russkiye na Tseilone* [Russians in Ceylon. In Russ.]. IN: *Asia i Africa segodnya,* 2008, no. 9, pp. 64–66.

ZAGORODNIKOVA, T. N. *Russkiye na Tseilone v kontse XIX – nachale XX v.: Sbornik arkhivnikh dokumentov i materialov* [Russians on Ceylon in the late 19th – early 20th century: Collected archival documents and materials. In Russ.]. Moscow, 2010, 283 p.

Сведения об авторах

Сенасингхе, Ранджана Девамитра, аспирант, Российский университет дружбы народов, Коломбо, Шри Ланка, 8-926-500-41-42, roma.lanka@mail.ru

About authors

Senasinghe Ranjana Devamitra, PhD student, Peoples` Friendship University of Russia (RUDN University), Colombo, Sri Lanka, +7-926-500-41-42, roma.lanka@mail.ru

В редакцию статья поступила 15.01.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Сенасингхе, Ранджана Девамитра. Образ Цейлона в деловых и научных кругах Российской империи на рубеже XIX – начала XX в. По материалам донесений российских вице-консулов // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1186–1194. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1186-1194

Submitted 15.01.2019, published (for citation):

SENASINGKHE, Ranjana Devamitra. *Obraz Tseilona v delovykh i nauchnykh krugakh Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX – nachala XX v. Po materialam donesenii rossiiskikh vitse-konsulov* [The Image of Ceylon at the Turn of the 20th Century: Reports of the Russian Vice-Consuls. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1186–1194. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1186-1194

УДК 930.253:001.32:55(470.13)
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1195-1204

А. Г. Оседах
Коми научный центр Уральского отделения РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация

Источники по истории научной школы профессора А. А. Чернова

Anastasia G. Osedakh
Komi Scientific Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar,
Russian Federation

Sources on the History of Scientific School of Professor A. A. Chernov

Аннотация
В статье представлен обзор архивных документов о деятельности советского геолога, палеонтолога, исследователя Европейского Северо-Востока России А. А. Чернова (1877–1963) как руководителя научной школы. Цель работы: выявить источники и оценить их информативность для исследования истории научной школы. Период формирования научной школы А. А. Чернова совпал с началом интенсивного научного освоения территории Европейского Северо-Востока России и институционализации науки. Ее основы были заложены во время преподавания А. А. Чернова в 1910-е гг. в Москве на Высших женских курсах. Окончательно научный коллектив школы оформился в период его работы в Коми филиале АН СССР (1944–1963). Автором статьи выявлены и проанализированы документы из фондов Российского государственного архива экономики, Национального архива Республики Коми и Научного архива Коми НЦ УрО РАН. Изучены личные фонды А. А. Чернова и его учеников. Предложен авторский вариант группировки документов: научно-исследовательские документы; документы о преподавательской деятельности А. А. Чернова; делопроизводственные; эпистолярный комплекс, включающий в себя личную и деловую переписку ученого. Документы содержат информацию о научно-исследовательской, преподавательской, общественной деятельности и творческих

контактах А. А. Чернова. Источники раскрывают отдельные вопросы истории становления и развития научной школы. Дают возможность определить персональный состав школы (В. А. Варсанофьева, Т. А. Добролюбова, А. И. Елисеев, А. И. Першина, Д. М. Раузер-Черноусова, М. В. Фишман, В. И. Чалышев, М. И. Шульга-Нестеренко и др.), тематику исследований, достижения и вклад исследователей в развитие отечественной науки. Результатом деятельности А. А. Чернова и его учеников являются исследования месторождения угля, нефти, газа и других полезных ископаемых, а также создание Института геологии Коми филиала АН СССР, который успешно функционирует с 1958 г. по настоящее время. Выявленные архивные документы в целом позволили представить общую картину источникового поля исследования.

Abstract

The article presents an overview of archival documents on the Soviet geologist, paleontologist, and researcher of the European Northeast of Russia A. A. Chernov (1877–1963) and his activities as leader of a scientific school. It attempts to identify sources and assess their information value for studying history of his scientific school. The formation of Chernov's scientific school coincided with the beginning of intensive scientific development of the European Northeast of Russia and institutionalization of science. Its foundations were laid while A. A. Chernov lectured at the Higher Women's Courses in Moscow in the 1910s. His school of researchers crystallized when he worked in the Komi branch of the USSR Academy of Sciences (1944–1963). The author has identified and analyzed documents from the fonds of the Russian State Archive of Economy, the National Archive of the Komi Republic, and the Scientific Archive of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The personal provenance fond of A. A. Chernov's and those of his students have been studied. The author offers the following grouping of documents: research documents; documents on the teaching activities of A. A. Chernov; record keeping documents; epistolary complex, including personal and business correspondence of the scientist. These documents contain information on research and teaching and social activities of A. A. Chernov, as well as his creative contacts. Sources reveal aspects of formation and development of the scientific school. It is possible to determine the personal composition of the school (V. A. Varsanofieva, T. A. Dobrolyubova, A. I. Eliseev, A. I. Pershina, D. M. Rauzer-Chernousova, M. V. Fishman, V. I. Chalyshev, M. I. Shulga-Nesterenko, and others), its research topics, achievements, and contribution to the national science. Activities of Chernov and his

students resulted in exploration of coal, oil, gas, and other mineral deposits, as well as in creation of the Komi Institute of Geology, a branch of the Academy of Sciences of the USSR, which has been successfully operating since 1958. The revealed archival documents en bloc allow to present an overall picture of the source base of the research.

Ключевые слова
Источники, личный фонд, А. А. Чернов, научная школа, геологические исследования, архив, Коми научный центр УрО РАН, Европейский Север России.

Keywords
Sources, personal provenance fond, A. A. Chernov, scientific school, geological study, archive, Komi Scientific Center, the North of European Russia.

Изучение истории научных школ сегодня является особенно актуальной темой для многих специалистов. Впервые к изучению отечественных школ ученые обратились в 1960–1970-е гг. Внимание исследователей к данной теме активизировалось со второй половины 1990-х гг., когда ведущие научные школы стали получать государственную поддержку[1].

Научная школа возникает вследствие деятельности крупного ученого, вокруг которого формируется круг соратников, учеников, которые поддерживают и развивают заданную им научно-исследовательскую программу. Многие научные школы оформились в периоды становления и развития отраслевых научных направлений, интенсивного процесса институционализации отечественной науки в XX в.

К одной из первых школ в Коми филиале АН СССР относится научный коллектив, образованный известным геологом, палеонтологом, исследователем Европейского Северо-Востока России Александром Александровичем Черновым (1877–1963). В научном мире за А. А. Черновым признают первенство в теоретическом обосновании существования Печорского угольного бассейна. Он разработал основы стратиграфии пермских отложений, обосновал перспективы нефтегазоносности западного склона севера Урала, Предуральского прогиба и Большеземельской тундры. О его жизни

и научной деятельности имеется ряд публикаций, воспоминаний коллег и учеников[2].

Научная школа Чернова частично попала в поле зрения ученых[3]. Основы были заложены в начале научного и педагогического пути ученого. Внимание исследователей было сосредоточено на рассмотрении женской части школы геологов, которая сложилась из слушательниц Московских высших женских курсов, где с 1910 г. он читал курс исторической геологии и привлекал их к участию в экспедиционных исследованиях. Это – В. А. Варсанофьева, Т. А. Добролюбова, Д. М. Раузер-Черноусова, Е. Д. Сошкина, М. И. Шульга-Нестеренко и др. История школы связана с образованием в 1944 г. академического учреждения в Коми АССР (с 1949 – Коми филиала АН СССР). К ученикам и последователям школы относится и первое поколение геологов, работавших в геологическом отделе под руководством А. А. Чернова (А. И. Елисеев, Н. В. Калашников,Н. Н. Кузькокова, А. И. Першина, М. В. Фишман, В. И. Чалышев). Период формирования научной школы совпал с началом интенсивного научного освоения территории Европейского Северо-Востока России. Экспедиционная деятельность на данной территории активизировалась в первые годы советской власти. Перед учеными стояли задачи изучения производительных сил Севера, координация и руководство научно-практическими работами производственных организаций и исследовательских учреждений. Исследования были сосредоточены на поиске полезных ископаемых[4].

В статье на основе документов из Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Национального архива Республики Коми (НАРК), Научного архива Коми НЦ УрО РАН (НА Коми УрО РАН) анализируется документальная информация о деятельности советского геолога А. А. Чернова как руководителя научной школы. Документальные источники разделены на несколько групп. Во-первых, это научно-исследовательская документация (научные работы, статьи, доклады, планы и отчеты научно-исследовательских работ, записные книжки, полевые дневники, рецензии на работы и диссертации коллег и учеников). Вторая группа включает

документы о преподавательской и общественной деятельности (курсы лекций, рабочие тетради для подготовки к лекциям). Группа делопроизводственных документов – протоколы различных учебных и научных заседаний, годовые и промежуточные отчеты. Отдельную группу документов составляет личная и деловая переписка ученого.

В РГАЭ хранится семейный фонд А. А. Чернова и его супруги, геолога М. И. Шульги-Нестеренко. В нем представлены документы по научной и педагогической деятельности А. А. Чернова с 1907 по 1930 г., раскрывающие начальный период формирования ученого, его профессиональные интересы, зарождение научной школы в стенах Московских высших женских курсов. Особый интерес представляют экспедиционные записи 1916–1943 гг. Они содержат информацию о маршрутах ученого в Поволжье, Западном Китае, на Европейском Северо-Востоке России, событиях, обстановке и окружении ученого, описания геологических объектов и бытовых условий.

А. А. Чернов преподавал на Московских высших женских курсах (1910–1918), во 2-м Московском государственном университете (до 1934), в Рижском политехническом институте (1916–1917). Поэтому в фонде сохранились лекционные курсы о полезных ископаемых, протоколы заседаний геологической комиссии университета, программы семинаров по палеонтологии, план программы подготовки аспирантов. О формировании научной школы косвенно свидетельствует такой документ, как отчет естественно-научного кружка при Московских высших женских курсах[5]. Этот кружок был организован в 1912 г. с целью ознакомления слабо подготовленных студенток с основами геологии.

А. А. Чернов вел активную общественную работу в Русском горном обществе, Всероссийском обществе охраны природы, Всесоюзном палеонтологическом обществе и др. Сохранились календарные планы, членский билет, программы, пригласительные билеты, повестки заседаний, отчеты. Творческие контакты ученого иллюстрирует обширная переписка с родными и близкими, сотрудниками, коллегами, друзьями (Н. Н. Боголюбовым, В. А. Варсанофьевой, В. И. Вернадским,

П. К. Козловым, А. П. и М. В. Павловыми), различными организациями.

Документы 1920–1930-х гг. по геологическим исследованиям А. А. Чернова с коллегами и учениками в бассейнах р. Печоры, участию в работах Северной научно-промысловой экспедиции Научно-технического отдела ВСНХ отложились в фондах НАРК. Сохранились черновики, предварительные отчеты, доклады о работе Верхне-Печорского отряда (1921), геологических партий на реках Вычегде и Ижме, в Усинском районе (1922–1930).

В ходе геологоразведочных работ 1923–1924 гг. Чернов выдвинул предположение о наличии в бассейне р. Косью и ее притоках крупного каменноугольного месторождения, контуры которого выступают на Северо-Востоке европейской части СССР. В 1925 г. он установил, что здесь имеется большой угленосный район площадью до 4 тыс. кв. км с углем разного сорта. Дальнейшие изучения подтвердили эти выводы. Печорский угольный бассейн признан промышленно перспективным[6].

Особую ценность для раскрытия темы представляют научно-организационные документы, а также сведения из личных фондов В. А. Варсанофьевой, В. И. Чалышева, В. А. Чермных, А. А. Чернова, М. В. Фишмана и Н. Н. Кузькоковой, сохраненные в НА Коми НЦ УрО РАН. В них зафиксирован институциональный период становления научной школы А. А. Чернова в Коми филиале АН СССР. В 1944 г. возглавляемый им геологический отдел состоял из двух секторов, аналитической лаборатории и шлифовальной мастерской. В качестве научных консультантов А. А. Чернов пригласил докторов наук В. А. Варсанофьеву, И. А Преображенского, Д. М. Раузер-Черноусову, М. И. Шульга-Нестеренко и др.

С окончанием Великой Отечественной войны в отдел пришли молодые сотрудники. Их исследования в 1946–1950-е гг. были связаны с созданием добывающей промышленности в угольной, нефтяной и газовой отраслях. Однако квалифицированных специалистов для выполнения исследовательских задач было недостаточно. Для устранения этого пробела А. А. Чернов предложил обучать поступающих молодых геологов через институт аспирантуры[7].

С 1945 г. при академическом научном учреждении начала функционировать аспирантура. В архивных фондах сохранились диссертационные исследования, научные отчеты, рукописи научных трудов, полевые дневники первых аспирантов школы А. А. Чернова: С. А. Голубева, А. И. Елисеева, Н. Н. Кузькоковой, А. И. Першиной, М. Г. Трущелева, М. В. Фишмана, В. И. Чалышева.

В составе личных фондов НА Коми НЦ УрО РАН сохранилось около 400 писем за 1915–1962 гг., адресованных организациям, коллегам, известным ученым (А. П. Павлову, И. А. Преображенскому, А. И. Толмачеву, А. Е. Ферсману, А. Л. Яншину и др.), родственникам, школьникам, студентам и жителям Коми АССР. Переписка для А. А. Чернова была основным средством коммуникации, поскольку он много времени проводил в отъезде и работал в Москве. Отсутствие современной литературы в Коми филиале АН СССР не давало возможности для полноценной научной работы. На страницах писем отражены обсуждение годовых планов, отчетов, подготовка коллективной монографии «Производительные силы Коми АССР», результаты экспедиционных работ и диссертационных исследований. В письмах коллеги и ученики делились с А. А. Черновым вопросами частного характера, своими переживаниями и успехами. Переписка частично опубликована[8].

Обширный комплекс архивных документов обладает мощным информационным потенциалом для изучения истории становления и развития научной школы профессора А. А. Чернова. Документы сохранили сведения о научно-исследовательской, преподавательской, общественной деятельности, творческих контактах А. А. Чернова как создателя и руководителя школы. Источники дают представление о ее персональном составе, раскрывают тематику исследований, достижения и вклад исследователей в развитие отечественной науки. Анализ документов показал, что научная школа А. А. Чернова внесла существенный вклад в изучение и освоение территории Европейского Северо-Востока России. Результатом деятельности А. А. Чернова и его учеников являются исследования месторождения угля, нефти, газа и других

полезных ископаемых, а также создание новой институции в Коми филиале АН СССР – Института геологии, который успешно функционирует с 1958 г. по настоящее время.

Примечания

[1] Школы в науке. – М.: Наука, 1977. – 523 с. *Shkoly v nauke* [Schools of science. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1977, 523 p.; *Мирская, Е. З.* Научные школы: история, проблемы и перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. – М.: Логос, 2005. – С. 244–265. MIRSKAYA, E. Z. *Nauchnye shkoly: istoriya, problemy i perspektivy* [Scientific schools: History, problems, and prospects. In Russ.]. IN: *Naukovedenie i novye tendentsii v razvitii rossiiskoi nauki* [Science studies and new trends in the development of Russian science. In Russ.]. Moscow, Logos publ., 2005, pp. 244–265.

[2] *Кузькокова, Н. Н.* Старейший исследователь Севера // Бюллетень МОИП. Отдел Геологический. – 1953. – Т. 28. – Вып. 1. – С. 69–75. KUZ'KOKOVA, N. N. *Stareishii issledovatel' Severa* [The oldest researcher of the North. In Russ.]. IN: *Byulleten' MOIP. Otdel Geologicheskii,* 1953, vol. 28, no. 1, pp. 69–75; *Елисеев, А. И.* Профессор Александр Александрович Чернов. – Сыктывкар, 2002. – 60 с. ELISEEV, A. I. *Professor Aleksandr Aleksandrovich Chernov* [Professor Alexander Alexandrovich Chernov. In Russ.]. Syktyvkar, 2002, 60 p.

[3] *Барская, В. Ф.* Роль А. А. Чернова, В. А. Варсанофьевой и их школы в изучении Печорского края // Бюллетень МОИП. Отдел Геологический. – 1980. – Т. 55. – Вып. 4. – С. 114–122. BARSKAYA, V. F. *Rol' A. A. Chernova, V. A. Varsanof'evoi i ikh shkoly v izuchenii Pechorskogo kraya* [Role of A. A. Chernov, V. A. Varsanofieva, and their school in studying of the Pechora region. In Russ.]. IN: *Byulleten' MOIP. Otdel Geologicheskii,* 1980, vol. 55, no. 4, pp. 114–122.

[4] *Бровина, А. А.* Академия наук СССР и индустриальная модернизация страны: исторический опыт освоения приарктических территорий России (1920–1930-е гг.) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 7. С. 57–65. BROVINA, A. A. *Akademiya nauk SSSR i industrial'naya modernizatsiya strany: istoricheskii opyt osvoeniya priarkticheskikh territorii Rossii (1920–1930-e gg.)* [The Academy of Sciences of the USSR and the industrial modernization of the country: Historical experience in the development of the Arctic territories of Russia (1920s–1930s). In Russ.]. IN: *Genesis: istoricheskie issledovaniya,* 2018, no. 7, pp. 57–65. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.7.26605

[5] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 637. Оп. 1. Д. 21. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economy] (RGAE), fond 637, series 1, file 21.

[6] Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. р-139. Оп. 1. Д. 400. Л. 8. *Natsional'nii arkhiv Respubliki Komi* [National Archive of the Republic of Komi] (NARK), fond p-139, series 1, file 400, p. 8.

[7] Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 9. *Nauchnii arkhiv Komi NTs UrO RAN* [Scientific Archive of the Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], fond 1, series 1, file 103, p. 9.

[8] Александр Александрович Чернов. – СПб.: Наука, 1995. – 255 с. *Aleksandr Aleksandrovich Chernov* [Alexander Alexandrovich Chernov. In Russ.]. St. Petersburg, Nauka publ., 1995, 255 p.

Список литературы

Александр Александрович Чернов. – СПб.: Наука, 1995. – 255 с.

Барская, В. Ф. Роль А. А. Чернова, В. А. Варсанофьевой и их школы в изучении Печорского края // Бюллетень МОИП. Отдел Геологический. – 1980. – Т. 55. – Вып. 4. – С. 114–122.

Бровина, А. А. Академия наук СССР и индустриальная модернизация страны: исторический опыт освоения приарктических территорий России (1920–1930-е гг.) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 7. С. 57–65. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.7.26605

Елисеев, А. И. Профессор Александр Александрович Чернов. – Сыктывкар, 2002. – 60 с.

Кузькокова, Н. Н. Старейший исследователь Севера // Бюллетень МОИП. Отдел Геологический. – 1953. – Т. 28. – Вып. 1. – С. 69–75.

Мирская, Е. З. Научные школы: история, проблемы и перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. – М.: Логос, 2005. – С. 244–265.

Школы в науке. – М.: Наука, 1977. – 523 с.

References

Aleksandr Aleksandrovich Chernov [Alexander Alexandrovich Chernov. In Russ.]. St. Petersburg, Nauka publ., 1995, 255 p.

BARSKAYA, V. F. *Rol' A. A. Chernova, V. A. Varsanof'evoi i ikh shkoly v izuchenii Pechorskogo kraya* [Role of A. A. Chernov, V. A. Varsanofyeva, and their school in studying of the Pechora region. In Russ.]. IN: *Byulleten' MOIP. Otdel Geologicheskii,* 1980, vol. 55, no. 4, pp. 114–122.

BROVINA, A. A. *Akademiya nauk SSSR i industrial'naya modernizatsiya strany: istoricheskii opyt osvoeniya priarkticheskikh territorii Rossii (1920–1930-e gg.)* [The Academy of Sciences of the USSR and the industrial modernization of the country: Historical experience in the development of the Arctic territories of Russia (1920s–1930s). In Russ.]. IN: *Genesis: istoricheskie issledovaniya,* 2018, no. 7. pp. 57–65. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.7.26605

ELISEEV, A. I. *Professor Aleksandr Aleksandrovich Chernov* [Professor Alexander Alexandrovich Chernov. In Russ.]. Syktyvkar, 2002, 60 p.

KUZ'KOKOVA, N. N. *Stareishii issledovatel' Severa* [The oldest researcher of the North. In Russ.]. IN: *Byulleten' MOIP. Otdel Geologicheskii,* 1953, vol. 28, no. 1, pp. 69–75.

MIRSKAYA, E. Z. *Nauchnye shkoly: istoriya, problemy i perspektivy* [Scientific schools: History, problems, and prospects. In Russ.]. IN: *Naukovedenie i novye tendentsii v razvitii rossiiskoi nauki* [Science studies and new trends in the development of Russian science. In Russ.]. Moscow, Logos publ., 2005, pp. 244–265.

Shkoly v nauke [Schools of science. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1977, 523 p.

Сведения об авторах

Оседах Анастасия Григорьевна, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», отдел гуманитарных междисциплинарных исследований, младший научный сотрудник, аспирант, Российская Федерация, г. Сыктывкар, 8-912-117-52-60, nastya_osedah@mail.ru

About authors

Osedakh Anastasia Grigorievna, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", department of humanitarian interdisciplinary research, junior researcher, post-graduate student, Russian Federation, +7-912-117-52-60, nastya_osedah@mail.ru

В редакцию статья поступила 29.01.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Оседах, А. Г. Источники по истории научной школы профессора А. А. Чернова // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1195–1204. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1195-1204

Submitted 29.01.2019, published (for citation):

OSEDAKH, A. G. *Istochniki po istorii nauchnoi shkoly professora A. A. Chernova* [Sources on the History of Scientific School of Professor A. A. Chernov. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1195–1204. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1195-1204

ГЕНЕАЛОГИЯ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Genealogy:
National and Foreign Practices

УДК 929.53+94(47)
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1205-1216

М. Б. Ларионова
Российский государственный
профессионально-педагогический университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

«Я имею намерение пересоставить и дополнить все до сих пор изданные родословные книги…»: из письма В. В. Руммеля к В. В. Голубцову

Marina B. Larionova
Russian State Vocational Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russian Federation

"I Intend to Rewrite and Supplement All Published Genealogical Books…": A Letter of V. V. Rummel to V. V. Golubtsov

Аннотация
В статье представлен источниковедческий анализ единственного сохранившегося письма, написанного авторитетным генеалогом, автором двухтомного «Родословного сборника русских дворянских фамилий» Витольдом Владиславовичем Руммелем своему соавтору по сборнику, пермскому помещику, краеведу-любителю, генеалогу Владимиру Владимировичу Голубцову. Письмо, датированное 29 июля 1884 г., послано из петербургского имения Симанский Лог на Урал. Источник хранится в личном фонде пермских помещиков Голубцовых в Государственном архиве Свердловской области. Написанное в ранний период взаимоотношений двух генеалогов, письмо

содержит сведения о том, каким образом два специалиста обменивались специфической генеалогической информацией, дополняя имеющиеся друг у друга данные по истории известных и малоизвестных родословных родов, преимущественно связанных родством с Голубцовыми. Письмо позволяет получить представление о читательских интересах Руммеля и частично восстановить состав книг из библиотеки Витольда Владиславовича, так как содержит перечень из 18 пунктов, которыми пользовался генеалог для составления родословных росписей, тем самым увидеть источники получения Руммелем важных и достоверных данных. Наконец, в письме В. В. Руммель поделился своими планами об издании сборника и предложил Владимиру Владимировичу прислать имеющиеся у него новые данные, дополняющие уже изданные на тот период сведения о дворянских родах. Именно после этого письма пермский исследователь серьезно задумался о возможности публикации своих наработок и предложил Руммелю издать совместный труд, выступив компаньоном и профинансировав издание. Таким образом, данный документ положил начало совместному труду – изданию «Родословного сборника русских дворянских фамилий» – книги, до сих пор считающейся авторитетной при изучении генеалогии дворянских родов, заложившей начало научной методологии и значительно расширившей возможности генеалогических исследований.

Abstract

The article offers a source analysis of the only surviving letter written by the famous genealogist, author of the two-volume “Genealogical collection of Russian noble families,” Witold Vladislavovich Rummel to his co-author on this collection, the Perm landowner, amateur local historian and genealogist Vladimir Vladimirovich Golubtsov, dated July 29, 1884 and sent from Simansky Log, his St. Petersburg estate, to the Urals. It is stored in the personal provenance fond of the Perm landowners Golubtsovs in the State Archive of the Sverdlovsk Region. Written in the early days of the two well-known genealogists acquaintance, it contains information on ways the two specialists exchanged specific genealogical information, complementing each other’s data on the history of well- and little-known genealogic trees, mostly in some way related to the Golubtsov family. The letter allows to gain an impression of Rummel’s literary taste and to partially reconstruct the structure of Witold’s library: it lists 18 books used by the genealogist, when compiling genealogical lists, and thus demonstrates Rummel’s sources. Finally, Rummel shared his plans for the publication of the collection and invited Vladimir Vladimirovich to send

him any new data to complement the published materials on the noble families. It was after this letter that the Perm researcher seriously thought about the possibility of publishing his work and offered Rummel to act as his collaborator and companion and to finance the publication. Thus, this document marks a beginning of their joint work on preparation and publication of the "Genealogical collection of Russian noble families," the book still considered quite authoritative in studying genealogy of noble families, as it provided the scientific methodology and greatly expanded the possibilities of genealogical research.

Ключевые слова
Источник, В. В. Руммель, В. В. Голубцов, генеалогия, родословные росписи, родословный сборник русских дворянских фамилий, Урал, дворянство.

Keywords
Source, V. V. Rummel, V. V. Golubtsov, genealogy, genealogical paintings, genealogical collection of Russian noble families, Ural, nobility.

Имя Витольда Владиславовича Руммеля (Витольда-Якуба-Феликса или Василия Владимировича; 1855–1902) по праву занимает одно из почетных мест в истории развития генеалогии как науки. Главный его труд, изданный им совместно с В. В. Голубцовым (1856–1892) двухтомный «Родословный сборник русских дворянских фамилий», заложил основу научной методологии русской генеалогии, отличается от ранее изданных сборников, до сих пор используется исследователями при составлении родословных росписей. О жизни и деятельности В. В. Руммеля[1] и его непростых взаимоотношениях с соавтором, пермским помещиком В. В. Голубцовым[2], написано немало. Вместе с тем, несмотря на опубликованные работы о В. В. Руммеле, исследователи отмечают, что «ученый остается одной их самых загадочных фигур русской генеалогии», поскольку «не все факты его биографии точно установлены и объяснены»[3]. Отчасти это связано с плохо сохранившимся архивом В. В. Руммеля, зачастую созданные им документы оказались рассеянными и ныне хранятся в архивах различных фондообразователей.

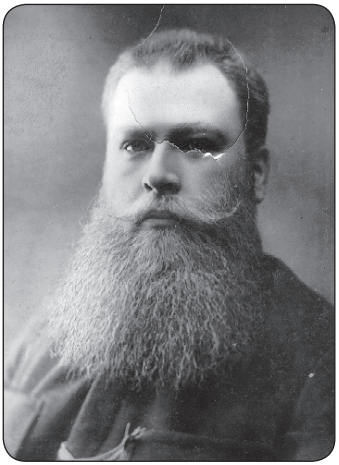
Известно, что между В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым осуществлялась переписка в период подготовки ими сборника. Переписка эта, скорее всего, началась по инициативе В. В. Голубцова, который в своем пермском имении, выйдя в отставку, вплотную занялся изучением истории и составлением родословной росписи своего рода, что привело его к самому авторитетному генеалогу того времени. Переписка их была бурной (писали они друг другу как минимум по два послания в месяц), полезной и интересной для обоих адресатов. Пик ее приходится на 1884–1885 гг. Письма В. В. Голубцова, адресованные В. В. Руммелю, хранятся ныне в фонде Русского генеалогического общества в РГАДА[4]. А вот послания В. В. Руммеля, видимо, все же не сохранились. Удалось найти только одно из них. Оно написано В. В. Руммелем в самый ранний период их знакомства (возможно, только заочного) из петербургского имения Симанский Лог, датировано 29 июля 1884 г., хранится ныне в личном фонде помещиков Голубцовых в Государственном архиве Свердловской области[5].

Письмо это, во-первых, позволяет увидеть, каким образом происходил обмен информацией между двумя генеалогами: как они делились новыми данными, подсказывали друг другу неизвестные ранее сведения, ссылались на проверенные источники, дополняли уже имеющуюся информацию, отвечали на задаваемые в предшествующих посланиях вопросы. В письме очень подробно В. В. Руммелем указаны известные только ему дополнения к роду Татищевых. Интерес Владимира Владимировича к этому роду был не случаен: его родная бабка, Аграфена Федоровна Половцева, происходила из рода Татищевых, ведущих свое родословие от великого князя Новгородского Рюрика. В 1880-е гг. род Татищевых представлен только в «Российской родословной книге» князя П. В. Долгорукова, в которой указаны были два предка В. В. Голубцова – Юрий Степанович (№ 47) и его сын Иван Юрьевич (№ 61), о потомках которых сведения не публиковались. «Крайне Вам обязан за доставление сведений о Татищевых, – писал В. В. Руммель. – Вот кое-какие дополнения. В 1-й ветви № 5 Сергей Васильевич, секунд-майор (при отставке 19 января 1788), помещик С.-Петербургской губернии (1833);

№ 9 Александр Васильевич. Ж[ена] Пелагея Данииловна N. N....»[6]. Из письма видно, что Руммель не скупился на информацию, не утаивал, а действительно писал все, что знал, что свидетельствует о его щедрости, открытости, бескорыстности, впрочем, эти качества уже отмечались биографами генеалога. В конце письма Руммель обещал прислать информацию о роде Толстых, с которыми Голубцовы также были в родстве.

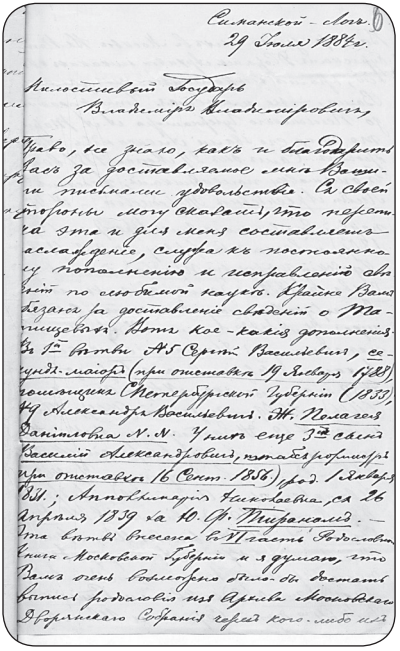
Передавая специфическую информацию, Руммель использовал распространенные среди генеалогов сокращения: «Ж.» – жена, «+» – умер, «N.» – имя неизвестно, год указывал только цифрами, не уточняя, что речь идет о дате, а вот при указании рождения применял два варианта сокращения: «р.» или «род.», ссылался на конкретные номера родословной росписи без указания имен, и, не зная, о чем идет речь, пересылаемая информация остается непонятной и загадочной. Эту манеру передачи информации использовал и В. В. Голубцов. Таким образом, Руммель общался с Владимиром Владимировичем на специфическом генеалогическом языке, понятном только специалистам-генеалогам.

Во-вторых, письмо содержит перечень книг из личной библиотеки В. В. Руммеля. Известно, что его библиотеку и рукописи приобрело Русское генеалогическое общество у вдовы, М. П. Руммель[7]. А вот состав его библиотеки пока точно не исследован. Конечно, зная, что делом всей его жизни являлись генеалогические изыскания, можно предположить, что и библиотеку его составляли книги, связанные с генеалогией. Сохранившееся письмо содержит перечень из 18 пунктов – книг и рукописей, связанных с российскими и иностранными дворянскими родами. Поскольку особое внимание В. В. Руммель уделял достоверности сведений, то становится понятным, что в его библиотеке были книги, которые содержали опубликованные архивные документы, служащие источником для составления родословных росписей. Это прежде всего два тома «Новгородских писцовых книг» (Санкт-Петербург. Т. 1. 1859. 906 стб.; Т. 2. 1862. 890 стб.) и две части «Писцовых книг Московского государства» (Санкт-Петербург. Ч. 1, отд. 1: 1872. 924 с. Ч. 1, отд. 2. 1877. 1598 с.). Писцовые книги относились к делопроизводственной документации

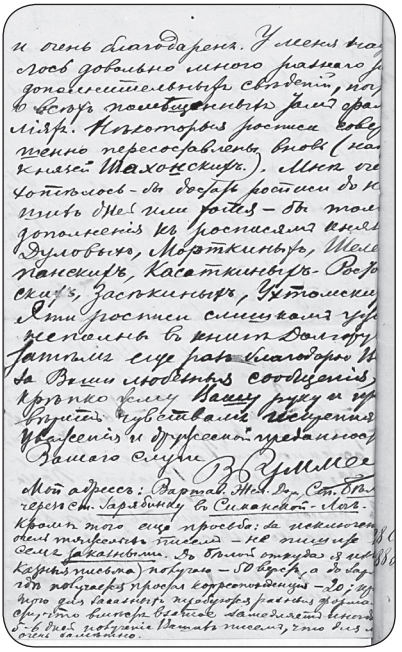


Портрет Владимира Владимировича Голубцова. 1880-е гг. Из личного фонда Голубцовых, хранящегося в Государственном архиве Свердловской области
Portrait Of Vladimir Vladimirovich Golubtsov. 1880s. From the personal provenance fond Golubovich stored in the State Archive of the Sverdlovsk Region

XV–XVII вв. в России, составлялись в ходе писцовых переписей главным образом земельных владений и городской недвижимости, служили основой для взимания налогов, содержали подробные описания недвижимости, а также имена их владельцев. В библиотеке были и «Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной его императорскаго величества канцелярии» (Санкт-Петербург, 1850–1912), представляющие собой извлечения из официальных документов, в которых отмечались назначения служилых людей на военную, гражданскую и придворную службы. Пользовался он и различными адрес-календарями, памятными книжками и придворными календарями, которые публиковались каждый год и содержали список лиц, занимающих определенные должности по всем губерниям Российской империи. Из списка мы узнаем, что Руммель проводил время в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, переписывал интересующие его сведения из хранящихся там рукописей, связанных с его научными интересами, в частности, речь шла о выписках из книг «Сокращенное описание служеб благородных российских дворян» (Ч. 1–2. Москва, 1820) и «Родословной российский словарь» (Москва, 1793), составленных известным русским генеалогом, сенатором М. Г. Спиридовым, еще при жизни автора из-за пожара ставших библиографическими редкостями. Известно, что М. Г. Спиридов обращался к делопроизводственной докумен-



Первая страница письма Витольда Владиславовича Руммеля. 1884 г. Из личного фонда Голубцовых, хранящегося в Государственном архиве Свердловской области
The first page of the letter of Witold Vladislavovich Rummel. 1884. From the personal provenance fond Golubovich stored in the State Archive of the Sverdlovsk Region



Последняя страница письма Витольда Владиславовича Руммеля. 1884 г. Из личного фонда Голубцовых, хранящегося в Государственном архиве Свердловской области
The last page of Vitold Vladislavovich Rummel's letter. 1884. From the personal provenance fond Golubovich stored in the State Archive of the Sverdlovsk Region

тации для составления родословных росписей, а собранную им информацию использовали известные генеалоги князь П. В. Долгоруков, А. Б. Лобанов-Ростовский и... В. В. Руммель с В. В. Голубцовым.

Упоминаемые издания говорят нам о том, что при составлении родословных росписей В. В. Руммель действительно

пользовался делопроизводственной документацией, именно поэтому опубликованные им росписи дворянских родов отличаются большой степенью достоверности.

В. В. Руммель собирал специальную литературу, посвященную истории отдельных родов, в частности родов Голицыных и Стрешневых, составленную представителями этих семейств. Как известно, такие издания выходили на средства их авторов и преимущественно малым тиражом, становясь практически сразу же библиографическими редкостями. Имелись у него и «родословные выписки» еще одного малоизвестного генеалога – Гавриила Ильича Студенкина.

Наконец, им приобретались иностранные специализированные издания на английском, немецком и итальянском языках. Следовательно, мы можем утверждать, что Руммель свободно владел как минимум тремя этими языками. Историк О. Н. Наумов пишет о том, что В. В. Руммель был «знатоком иностранного дворянства», «в первую очередь, польских семей»[8]. Указанный в списке перечень изданий свидетельствует о том, что информацию об иностранном дворянстве он черпал из книг, был знаком с генеалогией не только польской знати, но и немецкой, английской, итальянской. Так, у него имелись отдельные выпуски самых авторитетных справочников по генеалогии европейской аристократии, в частности «Готский альманах» за 1875–1877 гг., ежегодно печатавший родословные росписи правящих домов и наиболее значимых титулованных родов дворянства Европы, издававшийся на немецком и французском языках в городе Гота; «Генеалогический справочник немецких графских домов» (Genealogisches Taschenbuch der deutschen gräflichen Häuser auf das Jahr... Gotha: Perthes, 1828-...) за 1855 и 1877 гг.; периодический немецкий журнал «Готический генеалогический справочник баронских домов...» (Gothaisches genealogisches Taschenbuch der freiherrlichen Häuser. Gotha: Perthes, 1848-...) за 1866, 1877, 1878, 1881 гг.

С генеалогией британских аристократических родов он знакомился по справочнику Бернарда Берка «Генеалогический и геральдический словарь пэров и баронетов Британской империи» (*Sir Bernard Burke*. A Genealogical and Heraldic Dictionary

of the Peerage and Baronetage of the British Empire. 6th edition. London, U.K.: Hurst & Blackett, 1839. 1239 p.), а с генеалогией венецианской знати – через издание Франца Шредера «Генеалогический репертуар подтвержденных семейств дворян и титулованных дворян существовали в провинциях Венеции» (*Francesco Schröder*. Repertorio genealogico delle famiglie confermate nobili e dei titolati nobili essistenti nelle provincie venete, Alvisopoli, 1830). Исследователи ничего не пишут о том, как он занимался изучением истории своего рода. Лишь учредитель Русского генеалогического общества, известный российский генеалог В. Н. Рыхляков, затронул вопрос происхождения В. В. Руммеля, отметив, что в 2004 г. в Германии вышла книга «Genealogien Kürlandischen-ritterschaftlicher Geschlechter die bisher Wender im genealogischen Handbuch der Baltischen Ritterschaften, Teil Kurland, noch im genealogischen Handbuch des Adels erscheinen sind. Bearb. von K. Lackschavitz, A. Prus-Niewiadomski, T. Lenczewski, bar. W. V. Buchholz» (Bad Neuenahr; Ahrwiler, 2004. S. 293–330)[9], в которой представлен был род Руммелей, в том числе и Витольд Владиславович. Заметим, что в библиотеке Руммеля имелся и «Гербовник курлянского дворянства», составленный Э. Д. Шабертом (*Schabert E D*. Vollständiges Wappenbuchdes kurländischen Adels. Митау, 1840–1843). Представляется, что интерес к генеалогии иностранных родов вызван у Витольда Владиславовича прежде всего интересом к истории своего собственного рода.

Отметим, что В. В. Руммель щедро предлагал В. В. Голубцову воспользоваться имеющейся у него в библиотеке информацией: «Позвольте и мне, – писал В. В. Руммель, – также сообщить Вам список книг у меня имеющихся и просить Вас во всякое время обращаться за справками»[10].

Наконец, в-третьих, именно в этом письме В. В. Руммель сообщил В. В. Голубцову о своем намерении выпустить книгу: «Я имею намерение, – писал он, – пересоставить и дополнить все до сих пор изданные родословные книги, особенности книгу кн[язя] Долгорукова, начиная с 1-й части»[11] и просил Владимира Владимировича предоставить ему новые сведения: «Поэтому прошу Вас не отказать мне в помощи и сообщить

мне все, что только известно Вам о помещенных там родах. Как бы были незначительны поправки, – продолжал В. В. Руммель, – и дополнения, которые Вы можете сообщить мне, я буду за все очень и очень благодарен. У меня на[копи]-лось довольно много разного рода дополнительных сведений, почти о всех помещенных там фамилиях. Некоторые росписи совершенно пересоставлены вновь (например, князей Шахонских). Мне очень хотелось бы достать росписи до наших дней или хотя бы только дополнения к росписям князей Дуловых, Морткиных, Шелепанских, Касаткиных, Ростовских, Засекиных, Ухтомских. Эти росписи слишком уж неполны в книге Долгорукова»[12].

Именно после этого письма В. В. Голубцов задумался о возможности публикации составленных им родословных росписей. Ему понадобилось четыре месяца, чтобы обдумать слова В. В. Руммеля, и в декабре 1884 г. он предложил генеалогу принять «половинное участие» во всем, что будет касаться предполагаемого сборника, попросил взять его в соавторы и позволить ему профинансировать издание. Таким образом, сохранившееся письмо В. В. Руммеля положило начало совместному труду, результатом которого стало издание, значительно расширившее возможности генеалогических исследований и до сих пор не потерявшее своей актуальности.

Примечания

1 *Наумов, О. Н.* В. В. Руммель и русская генеалогия // Из истории русского генеалогического общества. – СПб., 2001. – С. 62–74. NAUMOV, O. N. *V. V. Rummel' i russkaya genealogiya* [V. V. Rummel and the Russian genealogy. In Russ.]. IN: *Iz istorii russkogo genealogicheskogo obshchestva* [From the history of the Russian Genealogical Society. In Russ.]. St. Petersburg, 2001, pp. 62–74; *Рыхляков, В. Н.* К биографии и генеалогии В. В. Руммеля // Генеалогический вестник. – 2006. – № 24. – С. 32–40. RYKHLYAKOV, V. N. *K biografii i genealogii V. V. Rummelya* [Revisiting V. V. Rummel's biography and genealogy. In Russ.]. IN: *Genealogicheskii vestnik,* 2006, no. 24, pp. 32–40.

2 *Наумов, О. Н.* В. В. Руммель и «Родословный сборник русских дворянских фамилий». – М., 2004. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://metodich.ru/18130/18130.pdf (дата обращения 15.01.2019). NAUMOV, O. N. *V. V. Rummel' i "Rodoslovnyi sbornik russkikh dvoryanskikh*

familii" [V. V. Rummel and the "Genealogical collection of Russian noble families." In Russ.]. Moscow, 2004 [on-line]. Available at: http://metodich.ru/18130/18130.pdf (accessed 15.01.2019); *Ларионова, М. Б.* В. В. Руммель и В. В. Голубцов: к истории создания «Родословного сборника русских дворянских родов» // Материалы первой уральской родоведческой научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2004. – С. 5–9. LARIONOVA, M. B. *V. V. Rummel' i V. V. Golubtsov: k istorii sozdaniya "Rodoslovnogo sbornika russkikh dvoryanskikh rodov"* [V. V. Rummel and V. V. Golubtsov: On the history of the "Genealogical collection of Russian noble families." In Russ.]. IN: *Materialy pervoi ural'skoi rodovedcheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proceedings of the Ural genealogical research-to-practice conference]. Yekaterinburg, 2004, pp. 5–9.

[3] *Наумов, О. Н.* В. В. Руммель и «Родословный сборник...». – С. 1. NAUMOV, O. N., 2004, p. 1.

[4] Российский государственный архив Древних актов (РГАДА). Ф. 1293. Оп. 1. Д. 4. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. (RGADA), fond 1293, series 1, file 4.

[5] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 204. Л. 6–7, 3–4. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti*. [State Archive of the Sverdlovsk Region]. (GASO), fond 67, series 1, file 204, pp. 6–7, 3–4.

[6] Там же. Л. 6–6 об. Ibid., pp. 6–6 verso.

[7] *Наумов, О. Н.* В. В. Руммель и «Родословный сборник...». – С. 21. NAUMOV, O. N., 2004, p. 21.

[8] Там же. – С. 18. Ibid., p. 18.

[9] *Рыхляков, В. Н.* Указ. соч. – С. 34. RYKHLYAKOV, V. N., 2006, p. 34.

[10] ГАСО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 204. Л. 7 об. GASO, fond 67, series 1, file 204, p. 7 verso.

[11] Там же. Л. 4. Ibid., p. 4.

[12] Там же. Л. 4–4 об. Ibid., pp. 4–4 verso.

Список литературы

Ларионова, М. Б. В. В. Руммель и В. В. Голубцов: к истории создания «Родословного сборника русских дворянских родов» // Материалы первой уральской родоведческой научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2004. – С. 5–9.

Наумов, О. Н. В. В. Руммель и «Родословный сборник русских дворянских фамилий». – М., 2004. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://metodich.ru/18130/18130.pdf (дата обращения 15.01.2019).

Наумов, О. Н. В. В. Руммель и русская генеалогия // Из истории русского генеалогического общества. – СПб., 2001. – С. 62–74.

Рыхляков, В. Н. К биографии и генеалогии В. В. Руммеля // Генеалогический вестник. – 2006. – № 24. – С. 32–40.

References

LARIONOVA, M. B. *V. V. Rummel' i V. V. Golubtsov: k istorii sozdaniya "Rodoslovnogo sbornika russkikh dvoryanskikh rodov"* [V. V. Rummel and V. V. Golubtsov: On the history of the "Genealogical collection of Russian noble families." In Russ.]. IN: *Materialy pervoi ural'skoi rodovedcheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proceedings of the Ural genealogical research-to-practice conference]. Yekaterinburg, 2004, pp. 5–9.

NAUMOV, O. N. *V. V. Rummel' i "Rodoslovnyi sbornik russkikh dvoryanskikh familii"* [V. V. Rummel and the "Genealogical collection of Russian noble families." In Russ.]. Moscow, 2004 [on-line]. Available at: http://metodich.ru/18130/18130.pdf (accessed 15.01.2019).

NAUMOV, O. N. *V. V. Rummel' i russkaya genealogiya* [V. V. Rummel and the Russian genealogy. In Russ.]. IN: *Iz istorii russkogo genealogicheskogo obshchestva* [From the history of the Russian Genealogical Society. In Russ.]. St. Petersburg, 2001, pp. 62–74.

RYKHLYAKOV, V. N. *K biografii i genealogii V. V. Rummelya* [Revisiting V. V. Rummel's biography and genealogy. In Russ.]. IN: *Genealogicheskii vestnik,* 2006, no. 24, pp. 32–40.

Сведения об авторах

Ларионова Марина Бариевна, кандидат исторических наук, Российский государственный профессионально-педагогический университет, доцент, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 8-922-607-12-55, marin.lar@mail.ru

About authors

***Larionova Marina Barievna*,** PhD in History, Russian State Vocational Pedagogical University, assistant professor, Yekaterinburg, Russian Federation, +7-922-607-12-55, marin.lar@mail.ru

В редакцию статья поступила 4.02.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Ларионова, М. Б. «Я имею намерение пересоставить и дополнить все до сих пор изданные родословные книги...»: из письма В. В. Руммеля к В. В. Голубцову // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1205–1216. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1205-1216

Submitted 4.02.2019, published (for citation):

LARIONOVA, M. B. *"Ya imeyu namerenie peresostavit' i dopolnit' vse do sikh por izdannye rodoslovnye knigi...": iz pis'ma V. V. Rummelya k V. V. Golubtsovu* ["I Intend to Rewrite and Supplement All Published Genealogical Books...": A Letter of V. V. Rummel to V. V. Golubtsov. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1205–1216. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1205-1216

УДК 94 (47)
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1217-1227

М. А. Маркова
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Оспопрививание в России в первой четверти XIX в. По документам Санкт-Петербургской и Московской губерний

Maria A. Markova
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

The Vaccination against Smallpox in Russia in the First Quarter of the 19th Century: Documents from the St. Petersburg and Moscow Gubernias

Аннотация
Статья посвящена начальному периоду истории вакцинации от оспы в России. С 1811 г. оспопрививание приобрело общероссийские масштабы, однако эффективность вакцинации имела существенные отличия по губерниям. В современной научной литературе основное внимание уделяется противоэпидемическим мероприятиям, проводившимся во второй половине XIX в., среди малоизученных сюжетов оказались вопросы оспопрививания в Санкт-Петербургской и Московской губерниях в первой четверти столетия. На протяжении длительного времени оспа являлась одним из основных факторов смертности в России. Изучение организации оспопрививания в 1811–

1820-е гг. в Санкт-Петербургской и Московской губерниях, имевших особый статус, представляется весьма важным для всестороннего анализа развития отечественной медицины, выявления причин, повлиявших на постепенное изменение структуры смертности населения. Источниковой базой исследования стали отчеты, присылаемые московским гражданским губернатором и Санкт-Петербургским физикатом в Министерство внутренних дел, а также отчеты уездных врачей. Перечисленные документы впервые вводятся в научный оборот. При подготовке статьи были применены статистические методы обработки массовых источников, созданы реляционные базы данных. В статье рассмотрены абсолютные и относительные показатели, характеризующие успехи вакцинопрофилактики в каждой губернии, выявлены особенности организации оспопрививания (регулярность, равномерность распределения по уездам, состав оспопрививателей).

Abstract

The article is devoted to the initial period in the history of vaccination against smallpox in Russia. Since 1811, vaccination against smallpox became nationwide, however, its effectiveness varied from gubernia to gubernia. Modern scientific literature focuses on the anti-epidemic activities of the second half of the 19th century. One of the little-studied subjects is the vaccination against smallpox in the St. Petersburg and Moscow gubernias in the first quarter of the 19th century. For a long time, smallpox was one of the major factors of mortality in Russia. The study of the organization of vaccination in 1811–1820 in the St. Petersburg and Moscow gubernias, which had a special status, is important for comprehensive analysis of the development of national medicine and identification of major factors in gradual change in mortality rates. The source base is reports sent to the Ministry of Internal Affairs by the Moscow civil governor and St. Petersburg medical board (*Physicut*), as well as reports of the uezd doctors. These documents are being thus introduced into scientific use. Statistical methods for processing mass sources are applied and relational databases created. The article discusses absolute and relative indicators characterizing the success of vaccination in each gubernia and characterizes the organization of the smallpox vaccination: its regularity, equal distribution in the uezds, personnel.

Ключевые слова

Исторические источники, массовые источники, история медицины, историческая демография, оспопрививание, население Санкт-Петербургской губернии, население Московской губернии, реляционные базы данных.

Keywords
Historical sources, mass sources, history of medicine, vaccination, population of the St. Petersburg gubernia, population of the Moscow gubernia, historical demography, relational databases.

На протяжении длительного времени оспа являлась одним из основных факторов смертности в России. Так, по данным метрических книг Санкт-Петербургской губернии[1], во второй половине XVIII в. доля умерших от оспы составляла 19–26% от общего числа смертей. Существенные изменения произошли в 1810-е гг.: доля смертей от оспы значительно сократилась, составив 7–9% (по документам Царскосельского и Ямбургского уездов). Одной из причин подобных изменений была работа по вакцинации населения от натуральной оспы, организованная государственными учреждениями в первой половине XIX в.

С 1811 г. оспопрививание приобрело общероссийские масштабы, однако эффективность вакцинации имела существенные отличия по губерниям. Изучение организации оспопрививания в 1811–1820-е гг. в Санкт-Петербургской и Московской губерниях, имевших особый статус, в связи с этим представляется весьма интересным.

В современной научной литературе основной интерес уделяется противоэпидемическим мероприятиям, проводившимся во второй половине XIX – начале XX в. в России, внимание исследователей сосредоточено, главным образом, на изучении и оценке вклада земских учреждений в борьбу с эпидемическими заболеваниями[2]. Меры, предпринимаемые общественными организациями и государственными учреждениями по профилактике инфекционных заболеваний в более ранний период, изучены фрагментарно. В ряде статей рассматриваются заслуги Вольного экономического общества в распространении оспопрививания в XVIII – первой половине XIX в., организация оспопрививания в некоторых регионах в этот период[3]. В последние годы появились работы, посвященные истории вариоляции, первым опытам вакцинации, предпринятым в Петербурге, организации оспопрививания в Московском воспитательном доме[4], однако до настоя-

щего момента не было исследований, анализирующих успехи вакцинации в масштабах Санкт-Петербургской и Московской губерний в первой четверти столетия.

Основным источником исследования стали отчеты, присылаемые московским гражданским губернатором в Министерство внутренних дел «по части Гражданского генерала-штаб-доктора» о ходе оспопрививания в губернии[5]. Отчеты должны были составляться за каждую половину года отдельно, содержать ведомость о числе сделанных прививок, подготовленную оспенным комитетом. Помимо ведомостей отчеты содержали причины, по которым оспопрививание не проводилось или число привитых было очень незначительным в каких-либо уездах, а также обстоятельства, приведшие к задержкам при оформлении документов. Ведомости за 1811 г. имели следующие графы: «Кто прививал», «Коликому числу детей», «У скольких совершенно принялась и благополучно кончилась», «У скольких оказалась фальшивою», «У скольких совершенно не принялась», «Сколько умерло», «Кто свидетельствовал, что прививание сие действительно сделано». Данные источники содержатся в фонде 1297 Российского государственного исторического архива (РГИА). С 1812 г. формуляр изменился, придя в соответствие с образцом, помещенным в высочайше утвержденном положении Комитета министров от 3 мая 1811 г. По такой форме были составлены все документы за 1812–1820 гг. Ведомости за этот период отложились в фонде 1299 РГИА.

По Санкт-Петербургской губернии в качестве основных источников исследования были приняты отчеты уездных врачей о сделанных прививках[6], отложившиеся в фонде 185 Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, а также отчеты Физиката[7] о ходе оспопрививания в губернии, отложившиеся в фонде 1299 РГИА.

Отчеты уездных врачей Санкт-Петербургской губернии об успехах оспопрививания содержали ведомости о числе привитых детей, составленные отдельно за первую и вторую половину года. В ведомостях могло быть указано как общее число случаев вакцинации по уезду, так и число прививок по каждому населенному пункту отдельно. Графы ведомостей

также соответствовали образцу положения от 3 мая 1811 г. Отчеты Физиката содержали сводную ведомость о числе привитых детей по каждому уезду, а также ведомость о числе привитых по Санкт-Петербургу. Сводная ведомость сопровождалась пояснениями, касающимися отсутствия сведений по какому-либо уезду. Полученная информация была обработана с помощью статистических методов, на основании документов были созданы базы данных.

Всего в рассматриваемый период в Московской губернии было сделано 72 802 прививки. С 1811 по 1820 г. в 8 уездах Санкт-Петербургской губернии было сделано 34 227 прививок. Абсолютные показатели демонстрируют значительный перевес в пользу Московской губернии. Картина окажется иной, если обратиться к анализу относительных показателей. Оспопрививание проводилось в первую очередь среди детского населения, поэтому было рассчитано число прививок, приходившееся на 1 000 детей в возрасте от 0 до 7 лет. Сведения о числе детей по губерниям были получены из исповедных ведомостей[8] за 1811 г. В ведомостях отдельно указывалось число детей, не посещавших исповедь в связи с ранним возрастом (до 7 лет). Следует отметить, что данные о численности населения Москвы и Санкт-Петербурга, представленные в материалах церковного учета, имеют существенные расхождения с данными ревизского учета, поэтому они были исключены из дальнейшего анализа.

Было рассчитано среднегодовое число прививок, сделанных с 1811 по 1820 г. по 12 уездам Московской губернии (исключая Московский уезд с данными по Москве) и по 7 уездам Санкт-Петербургской губернии (без Санкт-Петербургского уезда и столицы): в Московской губернии показатель был равен 7 368, в Санкт-Петербургской – 3 017. Численность детей в возрасте от 0 до 7 лет для этих территорий, по сведениям 1811 г., составила 129 029 и 39 798 человек соответственно. Таким образом, в Московской губернии на 1 000 детей в возрасте до 7 лет приходилось 57 прививок, в Санкт-Петербургской – 76 прививок.

Сравнивая регулярность оспопрививания и распределение числа привитых по уездам, также можно выявить сущест-

венные различия между Московской и Санкт-Петербургской губерниями. Количество привитых по 13 уездам Московской губернии распределилось довольно равномерно: так, доля прививок для 6 уездов колеблется от 8,1 до 12,4% от общего числа, по 7 остальным уездам показатель составляет от 4,6 до 7,6%. В Санкт-Петербургской же губернии различия между уездами были весьма велики. Более половины всех прививок, сделанных с 1811 по 1820 г., приходится на Царскосельский (31%) и Лужский (21%) уезды. При этом доля прививок, сделанных на территории Новоладожского уезда, составила всего 3% от общего числа.

В Санкт-Петербургской губернии оспопрививание носило более регулярный характер. Доля прививок (49,7%), выполненных с 1811 по 1815 г., фактически совпадает с долей за вторую половину десятилетия (50,2%). Наименьшее число прививок – 933 случая (3%) – приходится на 1813 г., когда не проводилось оспопрививание в Царскосельском, Ямбургском, Новоладожском и Гдовском уездах. В некоторых уездах в отдельные годы проводилась массовая вакцинация, до и после которой число прививок было незначительным. Так, в Ямбургском уезде в 1812 г. было сделано 57% от общего числа прививок. В 1817 г. в Шлиссельбургском уезде было сделано 33% прививок, в Гдовском уезде – 45%.

В Московской губернии наибольшее число прививок в рассматриваемое десятилетие было выполнено с 1816 по 1820 г. (73% от общего числа). В 1811–1815 гг. было сделано только 27% прививок, за 1813 г. нет данных об оспопрививании в губернии. Такая картина складывается при работе со сводными данными по всей губернии, но по отдельным уездам распределение оказалось иным. Например, в Клинском уезде почти половина прививок была выполнена в 1811 г. (49,3% от общего числа). Доля прививок, выполненных в 1812 г. в Можайском уезде, составила 38,5% от числа всех прививок, сделанных в этом уезде в рассматриваемое десятилетие. В Бронницком же уезде оспопрививание в первой половине десятилетия не проводилось. В Звенигородском уезде вакцинация не осуществлялась 3 года. В 7 уездах Московской губернии оспопрививание прерывалось на 2 года

(1812, 1813 гг.). Перерыв был связан с тяготами военного времени. Нашествие французов привело к временному закрытию оспенных комитетов в Московской губернии, открывшихся только осенью 1813 г. Другим «несчастным» обстоятельством было распространение эпидемических заболеваний, увеличивших загруженность медицинского персонала, уездным врачам не хватало сил и времени на осуществление вакцинации.

В отчетных ведомостях содержатся данные о лицах, проводивших оспопрививание. Обобщив информацию, представленную в ведомостях с 1811 по 1820 г., можно сказать, что и в Московской, и в Санкт-Петербургской губернии существовала проблема нехватки медицинского персонала (города Санкт-Петербург и Москва не включались в анализ). Так, в Московской губернии лекарь Ободовский обслуживал Бронницкий и Подольский уезды на протяжении 1815–1816 гг., в 1815 г. он не проводил оспопрививание в Бронницком уезде. Во второй половине 1814 г. в ведении лекаря Телпугова находились Серпуховской и Подольский уезды. В Можайском, Верейском, Богородском, Рузском уездах в некоторые годы оспопрививание проводилось без участия профессиональных медиков, на смену уездному врачу приходил дворовый какого-либо крупного землевладельца (Голицына, Сабурова, Разумовского). Число оспопрививателей, занимавшихся вакцинацией в том или ином уезде, колебалось от 0,5 (один человек обслуживал два уезда) до 7 человек. Самый многочисленный персонал работал в Звенигородском уезде, среди оспопрививателей можно встретить московского мещанина, дворовых, приказчика, диакона.

В некоторых уездах Санкт-Петербургской губернии перерывы в оспопрививании были связаны с болезнью или смертью уездного врача. Так, смерть уездного лекаря в Новоладожском уезде привела к тому, что вакцинация не проводилась с 1811 по 1813 г. Ораниенбаумский штаб-лекарь Эк был оштрафован в 1818 г. за то, что не присылал отчетной документации; из документов 1819 г. можно выяснить, что он умер в тот год. Вероятно, состояние здоровья Эка не позволяло ему заниматься оспопрививанием в 1817–1818 гг.

Нехватка специалистов приводила к тому, что в отдельные годы один врач обслуживал несколько уездов. Так, Царскосельский лекарь Сибирцов в 1815 г. занимался оспопрививанием в Царскосельском и Ораниенбаумском уездах, в 1816 г. – в Царскосельском и Гдовском. В 1817 г. он осуществлял вакцинацию во всех трех упомянутых уездах. В Санкт-Петербургской губернии в рассматриваемое десятилетие фактически отсутствовала практика привлечения к оспопрививанию крестьян или дворовых. Исключение представлял Шлиссельбургский уезд, в котором наряду с уездным лекарем, фельдшером, пастором в разные годы вакцинацией занималось от 3 до 8 крестьян. Стоит отметить, что в документах как Московской, так и Петербургской губернии встречаются упоминания об участии женщин в оспопрививании. Так, в Серпуховском уезде Московской губернии наряду со штаб-лекарем оспу прививала коллежская регистраторша. В Санкт-Петербургском уезде среди помощников штаб-лекаря указана жена пастора.

Итак, среди общих проблем, присущих как Московской, так и Санкт-Петербургской губернии, одной из самых острых была нехватка медицинского персонала, что сказывалось на результатах оспопрививания. Несмотря на значительный перевес в пользу Московской губернии по абсолютным показателям, по относительным показателям (число прививок на 1 000 детей в возрасте от 0 до 7 лет) Санкт-Петербургская губерния лидировала. В Московской губернии выходцы из крестьян и дворовых чаще брали на себя обязанности оспопрививателей. Тяготы военного времени оказали более серьезное воздействие на ход оспопрививания в Московской губернии, но с 1816 г. работа по вакцинации населения от оспы здесь стала проводиться регулярно и повсеместно. Неравномерность развития территорий, входивших в состав Санкт-Петербургской губернии, проявилась в существенных расхождениях между уездами по числу привитых от оспы.

Подводя итоги, следует сказать, что в настоящий момент в архивах Санкт-Петербурга содержится значительный объем документов по истории оспопрививания в России в первой половине XIX в. Сохранность источников позволяет существенно расширить географические рамки исследований.

Дальнейшее изучение истории оспопрививания обогатит новыми данными общие исследования по истории отечественной медицины, позволит глубже понять демографические процессы, протекавшие в прошлом.

Примечания

[1] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 124. Д. 387, 402, 572, 585; Оп. 125. Д. 568, 575, 576, 581, 582, 699, 762–765, 780–783. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg] (TsGIA SPb), fond 19, series 124, files 387, 402, 572, 585; series 125, files 568, 575, 576, 581, 582, 699, 762–765, 780–783.

[2] *Морозова, Е. В.* Роль земств в борьбе с основными эпидемическими заболеваниями в Казанской губернии // Казанский медицинский журнал. – 2010. – Т. 91. – № 3. – С. 419–423. MOROZOVA, E. V. *Rol' zemstv v bor'be s osnovnymi epidemicheskimi zabolevaniyami v Kazanskoi gubernii* [The role of zemstvos in the fight against major epidemic diseases in the Kazan gubernia. In Russ.]. IN*: Kazanskii meditsinskii zhurnal*, 2010, v. 91, no 3, pp. 419–423.

[3] *Егорышева, И. В., Гончарова, С. Г.* Вклад Вольного экономического общества в изучение проблем детской смертности // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2013. – № 4. – С. 47–48. EGORYSHEVA, I. V., GONCHAROVA, S. G. *Vklad Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva v izuchenie problem detskoi smertnosti* [The contribution of the Free Economic Society to studying problems of child mortality. In Russ.]. IN: *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny,* 2013, no. 4, pp. 47–48; *Мифтеева, Д. М.* Внедрение практики оспопрививания в Оренбургской губернии в начале XIX в. // Самарский научный вестник. – 2017. – № 1 (18). – С. 117–120. MIFTEEVA, D. M. *Vnedrenie praktiki ospoprivivaniya v Orenburgskoi gubernii v nachale 19 v.* [The introduction of the practice of smallpox vaccinaion in the Orenburg gubernia in the early 19th century. In Russ.]. IN: *Samarskii nauchnyi vestnik,* 2017, no 1 (18), pp. 117–120; *Рогулина, Л. Г.* Вольное экономическое общество и пропаганда оспопрививания в 1-й четверти XIX в. // Герценовские чтения 2013. Актуальные проблемы русской истории. – СПб, 2014. – С. 37–40. ROGULINA, L. G. *Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo i propaganda ospoprivivaniya v 1-i chetverti 19 v.* [The Free Economic Society and the promotion of vactination in the 1st quarter of the 19th century. In Russ.]. IN: *Gertsenovskie chteniya 2013. Aktual'nye problemy russkoi istorii* [Herzen scientific conference 2013: Significant issues of the Russian history. In Russ.]. St. Petersburg, 2014, pp. 37–40.

[4] *Микиртичан, Г. Л.* Из истории вакцинопрофилактики: оспопрививание // Российский педиатрический журнал. – 2016. – Т. 19. – № 1 – С. 55–62. MIKIRTICHAN, G. L. *Iz istorii vaktsinoprofilaktiki: ospoprivivanie*

[From the history of vaccination: Vaccination against smallpox. In Russ.]. IN: *Rossiiskii pediatricheskii zhurnal*, 2016, v. 19, no 1, pp. 55–62; *Шер, С. А.* История оспопрививания в Императорском Московском воспитательном доме // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2011. – № 4. – С. 58–61. SHER, S. A. *Istoriya ospoprivivaniya v Imperatorskom Moskovskom vospitatel'nom dome* [History of vaccination against smallpox in the Imperial Moscow educational house. In Russ.]. IN: *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny,* 2011, no. 4, pp. 58–61.

[5] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1297. Оп. 4. Кн. 264. Д. 27; Ф. 1299. Оп. 1. Д. 307. Оп. 2. Д. 209. Оп. 3. Д. 191. Оп. 4. Д. 343. Оп. 5 Д. 267. Оп. 6. Д. 247. Оп. 7. Д. 199. Оп. 8. Д. 221. Оп. 9. Д. 219. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA), fond 1297, series 4 (264), file 27; fond 1299, series 1, file 307, series 2, file 209, series 3, file 191, series 4, file 343, series 5, file 267, series 6, file 247, series 7, file 199, series 8, file 221, series 9, file 219.

[6] ЦГИА СПб. Ф. 185. Оп. 1. Д. 389, 455, 501, 521, 578, 632, 704. TsGIA SPb, fond 185, series 1, files 389, 455, 501, 578, 632, 704.

[7] РГИА. Ф. 1299. Оп. 7. Д. 181. Оп. 8. Д. 205. Оп. 9. Д. 230. RGIA, fond 1299, series 7, file 181, series 8, file 205, series 9, file 230.

[8] Там же. Ф. 796. Оп. 445. Д. 424, 425. Ibid., fond 796, series 445, file 424, 425.

Список литературы

Егорышева, И. В., Гончарова, С. Г. Вклад Вольного экономического общества в изучение проблем детской смертности // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2013. – № 4. – С. 47–48.

Микиртичан, Г. Л. Из истории вакцинопрофилактики: оспопрививание // Российский педиатрический журнал. – 2016. – Т. 19. – № 1 – С. 55–62.

Мифтеева, Д. М. Внедрение практики оспопрививания в Оренбургской губернии в начале XIX в. // Самарский научный вестник. – 2017. – № 1 (18). – С. 117–120.

Морозова, Е. В. Роль земств в борьбе с основными эпидемическими заболеваниями в Казанской губернии // Казанский медицинский журнал. – 2010. – Т. 91. – № 3. – С. 419–423.

Рогулина, Л. Г. Вольное экономическое общество и пропаганда оспопрививания в 1-й четверти XIX в. // Герценовские чтения 2013. Актуальные проблемы русской истории. – СПб.: «ЭлекСис», 2014. – С. 37–40.

Шер, С. А. История оспопрививания в Императорском Московском воспитательном доме // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2011. – № 4. – С. 58–61.

References

EGORYSHEVA, I. V., GONCHAROVA, S. G. *Vklad Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva v izuchenie problem detskoi smertnosti* [The contribution of the Free Economic Society to studying child mortality. In Russ.]. IN: *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny,* 2013, no 4, pp. 47–48.

MIKIRTICHAN, G. L. *Iz istorii vaktsinoprofilaktiki: ospoprivivanie* [From the history of vaccination: Vaccination against smallpox. In Russ.]. IN: *Rossiiskii pediatricheskii zhurnal*, 2016, v. 19, no. 1, pp. 55–62.

MIFTEEVA, D. M. *Vnedrenie praktiki ospoprivivaniya v Orenburgskoi gubernii v nachale 19 v.* [The introduction of the practice of smallpox vaccination in the Orenburg gubernia in the early 19th century. In Russ.]. IN: *Samarskii nauchnyi vestnik,* 2017, no. 1 (18), pp. 117–120.

MOROZOVA, E. V. *Rol' zemstv v bor'be s osnovnymi epidemicheskimi zabolevaniyami v Kazanskoi gubernii* [The role of zemstvos in the fight against major epidemic diseases in the Kazan gubernia. In Russ.]. IN*: Kazanskii meditsinskii zhurnal*, 2010, v. 91, no. 3, pp. 419–423.

ROGULINA, L. G. *Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo i propaganda ospoprivivaniya v 1-i chetverti 19 v.* [The Free Economic Society and the promotion of vactination in the 1st quarter of the 19th century. In Russ.]. IN: *Gertsenovskie chteniya 2013. Aktual'nye problemy russkoi istorii* [Herzen scientific confrence 2013: Significant issues of the Russian history. In Russ.]. St. Petersburg, "ElekSis" publ., 2014, pp. 37–40.

SHER, S. A. *Istoriya ospoprivivaniya v Imperatorskom Moskovskom vospitatel'nom dome* [History of vaccination against smallpox in the Imperial Moscow educational house. In Russ.]. IN: *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny,* 2011, no. 4, pp. 58–61.

Сведения об авторах

Маркова Мария Александровна, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-905-211-60-83, m.markova@spbu.ru

About authors

Markova Maria Alexandrovna, PhD in History, St. Petersburg State University, assistant professor, St. Petersburg, Russian Federation, +7-905-211-60-83, m.markova@spbu.ru

В редакцию статья поступила 18.11.2018 г.,
опубликована (для цитирования):

Маркова, М. А. Оспопрививание в России в первой четверти XIX в. По документам Санкт-Петербургской и Московской губерний // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1217–1227. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1217-1227

Submitted 18.11.2018, published (for citation):

MARKOVA, M. A. *Ospoprivivanie v Rossii v pervoi chetverti XIX veka. Po dokumentam Sankt-Peterburgskoi i Moskovskoi gubernii* [The Vaccination against Smallpox in Russia in the First Quarter of the 19th Century: Documents from the St. Petersburg and Moscow Gubernias. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1217–1227. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1217-1227

УДК 7.036.1+94(47)+929
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1228-1238

Е. П. Воробьев
Московский государственный технический университет гражданской авиации, г. Москва, Российская Федерация

Советский скульптор-монументалист Е. В. Вучетич: обзор источников

Evgeny P. Vorobiev
Moscow State Technical University of Civil Aviation, Moscow, Russian Federation

Soviet Monumentalist Ye. V. Vuchetich: The Sources Review

Аннотация
В статье рассматривается комплекс исторических источников о жизни и деятельности выдающегося советского скульптора-монументалиста Евгения Викторовича Вучетича. Содержание фондов Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива кинофотодокументов, ранее мало привлекавших внимание исследователей, позволяет дать анализ не только творчества скульптора, но и решения им организационных и хозяйственных вопросов, возникавших при реализации крупных проектов. Документы свидетельствуют, что столь масштабные монументы Е. В. Вучетичу удалось возвести только благодаря огромному таланту, упорству и помощи коллектива единомышленников. Наибольший научный интерес представляют собой исторические источники личного происхождения. Письма Е. В. Вучетича, которые прежде не вводились в научный оборот, раскрывают малоизвестные детали военного периода в жизни скульптора, восприятие им Великой Отечественной войны, ставшей центральной темой его творчества. Сохранившиеся фрагменты выступлений, интервью, заметки подчеркивают сильный характер Е. В. Вучетича, его увлеченное отношение к своему делу. Противоречивый характер взаимодействия Е. В. Вучетича с властными органами отражен в неопубликованных воспоминаниях сына скульптора – Виктора, который собрал уникальные факты о проведении

творческих конкурсов, трудностях в работе мастера по созданию монументальных композиций, сложных отношениях внутри культурной элиты советского времени. Воспоминания показывают, что по мере достижения успеха преодолению бюрократических трудностей стал помогать возросший авторитет Е. В. Вучетича. Особое место среди исторических источников занимают кадры кинохроники и фотографии, которые несмотря на постановочный характер передают бытовые подробности повседневной жизни творческой интеллигенции советского периода. Фотографии моделей памятников, готовых произведений, их частей, копий характеризуют творческий процесс работы над известными всему миру монументами, отражают эволюцию первоначального замысла автора.

Abstract

The article reviews historical sources on life and creative work of the prominent Soviet sculptor-monumentalist Yevgeny Viktorovich Vuchetich. The fonds of the Russian State Archive of Literature and Art and those of the Russian State Archive of Film and Photo Documents, that have so far escaped the attention of researchers, have enabled the author to analyze the sculptor's creative work and also his way of solving organizational problems, when implementing large projects. The documents demonstrate that Ye. V. Vuchetich managed to construct large-scale monuments only through his great talent, hard work, and help of like-minded associates. Such historical source as personal records deserves much scholarly interest. Ye. V. Vuchetich's letters, which have not yet been studied by the researchers, reveal little known facts of the sculptor's wartime life and his perception of the Great Patriotic War, which became the principal topic of his creative work. Surviving fragments of Vuchetich's speeches, interviews, and notes show his strong character and his devotion to his work. Controversy in Vuchetich's relationship with state authorities is mentioned in his son Victor's unpublished memoirs. Victor collected unique facts about running creativity contests, difficulties faced by the great master in his work creating monumental compositions, sensitive relationships within the Soviet cultural elite. The memoirs demonstrate that as he became a high-profile sculptor, Vuchetich was able to overcome bureaucratic obstacles with greater ease. Newsreel footage and photographs are of special interest among other historical sources. Despite their staged nature, they show details of daily life of the Soviet cultural intelligentsia. Photographs of monument models, completed works, their fragments and copies characterize the process of creating his world famous monuments; they also reflect evolution of the original design.

Ключевые слова
Е. В. Вучетич, исторический источник, монументальная скульптура, памятник, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Российский государственный архив литературы и искусства, Российский государственный архив кинофотодокументов.

Keywords
Ye. V. Vuchetich, historical source, monumental sculpture, monument, Great Patriotic War of 1941–1945, Russian State Archive of Literature and Art, Russian State Archive of Film and Photo Documents.

В 2018 г. исполнилось 110 лет со дня рождения выдающегося скульптора-монументалиста Евгения Викторовича Вучетича. Несмотря на масштабы личности и созданных произведений, его биография и деятельность не стали предметом серьезного научного исследования. Отдельные работы обзорного и публицистического характера не дают полного представления об условиях жизни и творчества великого мастера[1]. Акцент в них сделан на рассмотрении истории создания произведений, а не на личности Е. В. Вучетича. Современные авторы повторяют расхожий фактический материал, собранный еще советскими публицистами, когда существовали жесткие идеологические ограничения проведения исторического исследования. Вместе с тем существует широкий круг не использовавшихся ранее источников о Е. В. Вучетиче. Цель настоящей статьи – дать обзор архивных материалов, документов личного происхождения, кинофотодокументов, раскрывающих малоизученные аспекты жизнедеятельности маститого советского скульптора.

Значительный массив источников сосредоточен в фондах Российского государственного архива литературы и искусства. Научный интерес представляют личные дела Е. В. Вучетича из фондов № 2073 (Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР) и № 2916 (Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР). В них содержатся рецензии специалистов на творческие работы, стенограммы их рассмотрения секцией изобразительного искусства

Комитета, материалы докладов и обсуждений на пленуме Комитета, результаты голосования по присуждению премий. В фонде № 2943 (Московская организация Союза художников РСФСР) сохранилось также личное дело выдающегося скульптора-монументалиста объемом в 33 листа[2]. Указанные архивные материалы пока не введены в научный оборот, так как доступ к ним исследователей закрыт, согласно Федеральному закону «Об архивном деле», до истечения 75 лет со дня создания документов.

Делопроизводственная документация представлена в двух частях творческого дела Е. В. Вучетича (фонд № 3154 – Художественный фонд РСФСР), куда вошли договоры на создание скульптурно-художественных произведений, протоколы заседаний художественных советов, фотографии моделей и макетов памятников с пометками об их утверждении или отклонении, переписка с учреждениями об определении авторского гонорара и другие документы[3]. Для исследования деятельности скульптора важно, что содержатся замечания к его проектам со стороны инстанций различного уровня. Характер замечаний показывает всю сложность работы мастера, которому приходилось неоднократно согласовывать варианты творческих работ и доказывать свою правоту невзирая на авторитеты.

Мастерская Е. В. Вучетича являлась по сути небольшой фабрикой, со своей хозяйственной деятельностью, отраженной в сметах, в накладных, в деловой переписке. Обилие вопросов, которые решались и пересматривались в сжатые сроки, приводило к запутанному характеру отношений мастерской Е. В. Вучетича с органами власти, учреждениями и предприятиями. Комплекс документов показывает его как руководителя коллектива единомышленников, опытного организатора.

Творчество Вучетича – это не только чистое искусство, но и постоянные согласования, отписки, отчеты, поиск финансирования. Сотни документов фондов показывают тот огромный объем работы, который помимо самого творчества сопровождал реализацию крупных проектов. Автору с помощниками приходилось вникать в хозяйственные детали, всякого рода мелочи, отнимающие массу сил и времени.

Документация по каждому произведению Е. В. Вучетича отложилась в делах фонда № 2458 (ОАО «ВХПО» – Всесоюзное художественно-производственное объединение). В этих делах представлены чертежи, схемы, фотографии моделей и завершенных памятников В. Г. Белинскому в Пензе, М. В. Ватутину в Киеве, М. Г. Ефремову в Вязьме, И. Д. Папанину в Севастополе, И. Д. Черняховскому в Умани, Л. Н. Гуртьеву в Орле, В. И. Чуйкову в с. Серебряные Пруды Московской области, десятков других работ[4]. Материалы фонда № 2458 позволяют выделить этапы творческого процесса, определить различные варианты реализации проектов, которые рассматривались автором.

Особый научный интерес представляют письма и заключения с оценкой произведений Е. В. Вучетича. Так, главнокомандующий группой советских войск в Германии генерал армии В. И. Чуйков дал следующую характеристику историко-мемориальному ансамблю в Трептов-парке: «Памятник представляет собой произведение советского реалистического искусства, которое с большой убедительностью и глубиной раскрывает великую освободительную миссию советского народа и его армии в борьбе с фашизмом, высокий патриотизм и массовый героизм Советской Армии, одержавших под руководством Великого Сталина всемирно-историческую победу. Памятник представляет собой идейно-насыщенную, объемно-пространственную композицию, в которой архитектура, скульптура и природа слиты в единый ансамбль»[5]. К сожалению, значительная часть критических замечаний по проектам и работам пока не доступны для исследования в силу закрытости личных дел Е. В. Вучетича в архиве.

Вучетич высоко ценил свою команду соавторов и помощников. В исключительно положительных тонах он пишет об авторском коллективе историко-мемориального ансамбля-памятника воинам советской армии, павшим при штурме Берлина[6]. В течение всей жизни прославленный скульптор помогал нуждающимся и заботился о других, искренне переживал за близких и родных людей. Сохранились его открытки и поздравления художнику В. В. Мешкову, писательнице Г. И. Серебряковой, композитору А. Г. Новикову[7], с которыми

он поддерживал дружбу на протяжении многих лет. Любопытно, что одно из поздравлений последнему в апреле 1973 г. написано на открытке с изображением скульптуры воина-освободителя из Трептов-парка в Берлине[8].

Даже краткое поздравление могло содержать важную информацию о чертах личности Е. В. Вучетича. Так, в декабре 1972 г. он отметил в открытке, адресованной А. Г. Новикову: «Боже мой! Сколько пронеслось времени с тех пор... Сколько ушло не только дряни, но хороших людей!.. А мы все еще живы. Будьте живы и дальше, и как можно дольше. Обнимаю. Ваш Е. Вучетич»[9].

Личные письма скульптора представляют несомненный интерес, особенно для восстановления событий военной поры, о которых сохранилось наименьшее число источников. Среди адресатов Е. В. Вучетича художник Е. А. Кацман, Т. Н. и Б. Ф. Гладковы (жена и сын известного советского писателя Ф. В. Гладкова), актер и режиссер А. Д. Дикой, писательница К. С. Львова, художник Ф. Ф. Федоровский, писатель А. К. Лебедев, актер Ю. А. Завадский, актер М. И. Царев, художник А. А. Осмеркин и другие известные деятели советской культуры. Переписка Е. В. Вучетича отражает обширный круг общения и хорошие связи в высших кругах советского общества. Заработанные с годами авторитет и опыт помогали найти нужные контакты и решить необходимые вопросы.

Источники личного происхождения показывают энергию и трудолюбие Е. В. Вучетича. В письме из Харькова искусствоведу М. В. Бабенчикову от 12 апреля 1941 г. скульптор описал свой обычный день: «Я делаю портреты Самокиша, Касьяна и Аверина. Распределение часов у меня следующее: Подъем в 9 ч. утра. Мытье, завтрак. С 11-ти до 2-х леплю Аверина. С 2-х до 3-х сон. Затем обед и с 4-х до 8-ми Самокиш. Вечером приходит Касьян (я живу в его мастерской) мы ужинаем, а затем работаем. Со всеми тремя моими портретируемыми, во время работ – беседы о дорогом искусстве»[10].

Война разрушила творческие планы скульптора, но его тяга к искусству сохранилась. В письме к М. В. Бабенчикову от 15 сентября 1941 г. Е. В. Вучетич просит достать и передать ему инструменты для резьбы по линолеуму, так как в боевой

обстановке у художника не было традиционных материалов и он резал гравюры на линолеуме перочинным ножом[11].

Свои письма и записки Вучетич часто передавал, а не отправлял почтой, поэтому он мог писать откровенно, мало опасаясь цензуры. Приведем фрагмент письма скульптора от 5 апреля 1943 г., в котором отразилось его восприятие войны: «...с середины августа 1941 года (через полтора м-ца после моего ухода из Москвы в народное ополчение) начался фронт. Фронт – передовые позиции или, как у нас говорят, “передний край обороны” – суровое, страшное и величественное понятие, это место, где люди перестают думать о будущем или вспоминать о прошедшем, там живут только данной, конкретной минутой, не дальше!

26-тидневные бои за Ельню, когда прекрасная, протекающая там у города река приняла подлинно буро-красный цвет от крови и разорванных тел человеческих, – вдруг пробудили во мне какие-то новые чувства и желания. Я забыл об искусстве, которому отдавал до того свою жизнь»[12].

Война не случайно стала главной темой в творчестве Вучетича, она заставила его пересмотреть свои взгляды. «Может я стал другим, может быть война оказала свое воздействие(?)...», – пишет скульптор[13].

Важнейшим видом источников для анализа художественного творчества Е. В. Вучетича являются фотографии. Отличительными особенностями этой группы исторических источников являются наглядность, информативность, достоверность и возможность рассмотрения повседневной жизни советского скульптора. Выявленные в архивных фондах фотографии можно условно разбить на несколько групп: 1) портреты Е. В. Вучетича в разном возрасте; 2) фотографии из повседневной жизни – например, скульптор за работой или в окружении коллег и друзей; 3) фотографии авторских макетов, моделей, самих произведений, их фрагментов, уменьшенных копий; 4) фотографии с официальных приемов, конференций, съездов и других торжественных мероприятий. Е. В. Вучетич часто оказывался в центре общественного внимания, рядом с виднейшими деятелями культуры советской эпохи. Указанные источники мало рассматривались иссле-

дователями, хотя непредвзято показывают быт и обстановку в мастерской скульптора, его окружение и участие в общественной жизни.

В Российском государственном архиве кинофотодокументов также сохранились кинодокументы, которые являются дополнительными источниками для анализа жизни и творчества Е. В. Вучетича. Кадры кинохроники открытия скульптурной композиции в Трептов-парке Берлина, запечатленные на кинопленке встречи Е. В. Вучетича с Н. С. Хрущевым, Ф. Кастро показывают манеру поведения, характер, уровень общения скульптора[14].

О прославленном скульпторе были сняты документальные фильмы. В советское время, несмотря на несомненные заслуги Е. В. Вучетича, документальное кино было снято не сразу. Редакторы критиковали дикторский текст сценария, а режиссерские задумки показались руководству слишком сложными и дорогими[15]. Тем не менее фильм был снят режиссером А. Е. Воронцовым и выпущен в 1978 г.[16] Ценной в этом источнике является прямая речь самого скульптора, которому было нелегко выступать из-за последствий контузии. В 2008 г. был выпущен еще один документальный фильм – «Эпоха в камне. Евгений Вучетич» режиссера Г. А. Самойловой[17]. Свидетельства жены, сына, коллег дополняют яркими чертами портрет великого мастера, передают, каким он был в обычной, повседневной жизни.

В архиве радиостанции «Россия-Волгоград» также сохранилась запись интервью Е. В. Вучетича, приуроченного к завершению работы по сооружению памятника-ансамбля на Мамаевом кургане в 1967 г. Характеризуя главную идею своего творчества, скульптор отметил: «...человек, группа людей во имя спасения своей Родины сознательно идут на смерть, благодаря этому они как бы побеждают эту смерть и завоевывают бессмертие. Вот эта тема проходит через памятник Ефремову, через памятник Александру Матросову, и во всех своих работах, в Берлинском ансамбле, то же самое, понимаете»[18].

Обзор источников был бы неполным без упоминания о книге Е. В. Вучетича[19]. Созданное при участии искусствоведа А. Федорова произведение в соответствии с канонами

советской эпохи наполнено идеологическими штампами и цитатами классиков марксизма-ленинизма. Однако автор сумел кратко описать историю создания ряда своих работ: «Воина-освободителя», «Перекуем мечи на орала», некоторых скульптурных портретов.

Ценнейшими источниками являются воспоминания о Е. В. Вучетиче. Уже подготовлена к печати, но не издана из-за нехватки средств рукопись сына скульптора – Виктора Евгеньевича Вучетича, названная им «Боль и гранит». Автор приводит десятки историй из жизни отца, показывает его неординарным, полным творческих замыслов человеком, упорно преодолевающим возникающие трудности. Например, для победы в творческом конкурсе на статую или скульптурную композицию, которая должна быть установлена перед советским павильоном на Всемирной выставке в Брюсселе 1958 г., Е. В. Вучетич подготовил две работы и сумел победить в том числе благодаря тому, что предвзято настроенное по отношению к нему жюри не знало, кто являлся автором вышедшего в финал произведения «Перекуем меча на орала», стоящего сегодня перед зданием ООН в Нью-Йорке. В рукописи «Боль и гранит» приводятся неизвестные ранее свидетельства о встречах скульптора с И. В. Сталиным, К. Е. Ворошиловым, М. А. Шолоховым, Н. С. Хрущевым, Е. А. Фурцевой и другими знаковыми фигурами советской эпохи. Особенностью данного произведения является сочетание несомненных фактов со случаями, достоверность которых невозможно подтвердить, но передающими атмосферу повседневной жизни, отношения личности и власти в СССР.

Разносторонние источники позволяют достоверно раскрыть подробности биографии и творческой деятельности Е. В. Вучетича. Научный анализ архивных материалов открывает перспективу решения таких малоизученных вопросов, как борьба за реализацию проектов, особенности работы над ними, отношения скульптора с властными структурами, хозяйственные стороны творчества, личные оценки Е. В. Вучетичем происходящих событий.

Примечания

[1] *Нехезина, М. Н.* Русский Микеланджело. – Волгоград: Издатель, 2011. – 77 с. NEKHEZINA, M. N. *Russkii Mikelandzhelo* [The Russian Michelangelo. In Russ.]. Volgograd, Izdatel' publ., 2011, 77 p.; *Шахмагонов, Ф. Ф.* Евгений Вучетич: Портрет художника. – М.: Советская Россия, 1970. – 80 с. SHAKHMAGONOV, F. F. *Evgenii Vuchetich: Portret khudozhnika* [Yevgeny Vuchetich: A portrait of the artist. In Russ.]. Moscow, Sovetskaya Rossiya publ., 1970, 80 p.; *Шевцов, И. М.* Евгений Викторович Вучетич. – Ленинград: Художник РСФСР, 1960. – 75 с. SHEVTSOV, I. M. *Evgenii Viktorovich Vuchetich* [Yevgeny Viktorovich Vuchetich. In Russ.]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR publ., 1960, 75 p.

[2] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2943. Оп. 4. Д. 144. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [The Russian State Archive of Literature and Arts] (RGALI), fond 2943, series 4, file 144.

[3] Там же. Ф. 3154. Оп. 4. Д. 310; Д. 311. Ibid., fond 3154, series 4, file 310.

[4] Там же. Ф. 2458. Оп. 1. Д. 4–5, 6, 30–31, 335, 374, 375. Ibid., fond 2458, series 1, files 4–5, 6, 30–31, 335, 374, 375.

[5] Там же. Оп. 2. Д. 1570. Л. 1. Ibid., series 2, file 1570, p. 1.

[6] Там же. Л. 3–6. Ibid., pp. 3–6.

[7] Там же. Ф. 2594. Оп. 1. Д. 166; Ф. 2619. Оп. 1. Д. 45. Ibid., fond 2594, series 1, file 166; fond 2619, series 1, file 45.

[8] Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 142. Л. 5 а. Ibid., fond 2031, series 2, file 142, p. 5 a.

[9] Там же. Л. 4–5. Ibid., pp. 4–5.

[10] Там же. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 232. Л. 5 об.–6. Ibid., fond 2094, series 1, file 232, pp. 5 verso–6.

[11] Там же. Л. 7 об. Ibid., p. 7 verso.

[12] Там же. Л. 8–8 об. Ibid., pp. 8–8 verso.

[13] Там же. Л. 11 об. Ibid., p. 11 verso.

[14] Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). I-7384; I-18415; I-20422. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv kinofotodokumentov* [Russian State Archive of Film and Photo Documents] (RGAKFD), series I-7384; I-18415; I-20422.

[15] РГАЛИ. Ф. 2920. Оп. 1. Д. 434. Л. 66. RGALI, fond 2920, series 1, file 434, p. 66.

[16] РГАКФД. I-26048. RGAKFD, series I-26048.

[17] «Эпоха в камне. Евгений Вучетич» (фильм реж. Г. А. Самойлова, 2008).

[18] Интервью Е. В. Вучетича, 1967 г. Личный архив президента Международного благотворительного фонда «Сталинградская битва» Д. А. Белова.

[19] *Вучетич, Е. В.* Художник и жизнь. – М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1963. – 384 с. VUCHETICH, Ye. V. *Khudozhnik i zhizn'* [The artist and the life. In Russ.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii khudozhestv SSSR publ., 1963, 384 p.

Список литературы

Вучетич, Е. В. Художник и жизнь. – М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1963. – 384 с.

Нехезина, М. Н. Русский Микеланджело. – Волгоград: Издатель, 2011. – 77 с.

Шахмагонов, Ф. Ф. Евгений Вучетич: Портрет художника. – М.: Советская Россия, 1970. – 80 с.

Шевцов, И. М. Евгений Викторович Вучетич. – Ленинград: Художник РСФСР, 1960. – 75 с.

References

VUCHETICH, Ye. V. *Khudozhnik i zhizn'* [The artist and the life. In Russ.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii khudozhestv SSSR publ., 1963, 384 p.

NEKHEZINA, M. N. *Russkii Mikelandzhelo* [The Russian Michelangelo. In Russ.]. Volgograd, Izdatel' publ., 2011, 77 p.

SHAKHMAGONOV, F. F. *Evgenii Vuchetich: Portret khudozhnika* [Yevgeny Vuchetich: A portrait of the artist. In Russ.]. Moscow, Sovetskaya Rossiya publ., 1970, 80 p.

SHEVTSOV, I. M. *Evgenii Viktorovich Vuchetich* [Yevgeny Viktorovich Vuchetich. In Russ.]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR publ., 1960, 75 p.

Сведения об авторах

Воробьев Евгений Петрович, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный технический университет гражданской авиации, доцент, Российская Федерация, 8-999-973-12-88, vorobyev@bk.ru

About authors

Vorobiev Evgeny Petrovich, PhD in History, associate professor, Moscow State Technical University of Civil Aviation, assistant professor, Moscow, Russian Federation, +7-999-973-12-88, vorobyev@bk.ru

В редакцию статья поступила 28.01.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Воробьев, Е. П. Советский скульптор-монументалист Е. В. Вучетич: обзор источников // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1228–1238. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1228-1238

Submitted 28.01.2019, published (for citation):

VOROBIEV, E. P. *Sovetskii skul'ptor-monumentalist E. V. Vuchetich: obzor istochnikov* [Soviet Monumentalist Ye. V. Vuchetich: The Sources Review. In Russ.]. IN: Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, 2019, no. 4, pp. 1228–1238. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1228-1238

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Criticizm and Bibliography

УДК 271+94(47)+27-36+049.32
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1239-1245

З. П. Иноземцева
г. Москва, Российская Федерация
Редакция журнала «Вестник архивиста» /
"Herald of an Archivist", г. Москва, Российская Федерация

Издана монография о святых XX в. и их роли в истории России

Zinaida P. Inozemtseva
Moscow, Russian Federation

Magazine Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, Moscow, Russian Federation

A Monograph on the 20th Century Saints and Their Role in Russian History Has Been Published

Аннотация
В рецензии на монографию доктора исторических наук, архимандрита Дамаскина (Орловского) «Слава и трагедия русской агиографии. Причисление к лику святых в Русской Православной Церкви: история и современность» дана оценка процесса канонизации святых, прослеживается история возрождения канонизации святых в Русской православной церкви после Октябрьского переворота 1917 г. Сделан вывод о том, что автор труда на примерах житий десятков репрессированных священнослужителей осмысливает духовную силу личности, сочетающую гражданские и христианские добродетели, их роль и влияние на исторический процесс, приверженность народа России духовно-нравственным ценностям. Не обходит автор и острых вопросов современности, исследуя проблему в историчес-

кой ретроспективе, обосновывает вывод об опасности политизации процесса канонизации святых XX столетия как основы для ревизии христианской нравственности и отказа от церковных критериев причисления к лику святых. Доказано положение о том, что канонизация святых XX в., основанная на комплексном исследовании архивных документов, сохраняет каноническое понимание святости, а ее специфика, определяющая отличие от практики причисления к лику святых в Древней церкви, обусловлена различиями в государственном устройстве Римской империи и советской России с ее социальными, политическими, идеологическими составляющими. Анализ всей полноты фондового и видового состава архивных первоисточников, содержащих сведения о судьбах репрессированного духовенства и мирян, позволил автору обосновать важный историко-архивоведческий вывод о достаточности сохранившегося в составе Архивного фонда РФ комплекса архивных документов для изучения проблемы канонизации новомучеников в контексте государственной политики, для восстановления исторического контекста эпохи, происходивших изменений в отношении советской власти к духовенству и верующему народу.

Abstract

The reviewed monograph of Doctor of Historical Sciences Archimandrite Damaskin (Orlovsky) “Glory and tragedy of Russian hagiography: Canonization of saints in the Russian Orthodox Church: History and modernity” is dedicated to the history of the canonization of saints; it is devoted to an aspect of national history unknown to the national scholarship, which yet clarifies the consistent patterns in the history of the Soviet state breaking traditional foundations of the national life. Tracing the history of the revival of canonization of saints in the Russian Orthodox Church after the October Revolution of 1917, the author, using the examples of lives of dozens of repressed clergymen, comprehends the spiritual power of a personality that combines civil and Christian virtues, its role and influence on the historical process, and commitment of the Russian people to spiritual and moral values. Not bypassing the “hot” issues of modernity, the author explores the issue in historical perspective and contends the danger of politicization of the canonization process of the 20th century saints as a basis for revision of Christian morality and rejection of Church criteria of canonization. The article argues that the canonization of the 20th century saints, which was based on a comprehensive study of archival documents, preserves the canonical understanding of holiness, while its specificity, which determines its difference from the practice of canonization in the Ancient Church, is due to differences in the state

structure of the Roman Empire and Soviet Russia, as well as their social, political, ideological components. Having analyzed archival sources on the fate of repressed clergy and laity by fond and type, the author substantiates an important historical and archival conclusion about sufficiency of the preserved complex of archival documents from the Archival Fund of the Russian Federation for studying the problem of canonization of new martyrs in the context of state policy and for reconstructing the historical context of the era and the changes occurred in the attitude towards clergy and believers.

Ключевые слова
Архивные документы, исторические источники, Русская православная церковь, канонизация святых, репрессии, духовенство, духовный подвиг.

Keywords
Archival documents, historical sources, Russian Orthodox Church, canonization of saints, repressions, clergy, spiritual feat.

Рецензируемая монография известного современного агиографа архимандрита Дамаскина (Орловского) посвящена истории причисления к лику святых в Русской православной церкви[1]. Проблема, объектом которой выступил «человек», а предметом – «святость», впервые после 1917 г. рассматривается как проблема научная, затрагивающая глубинные пласты русской истории.

Канонизация в 2000 г. святых, пострадавших за веру в период антирелигиозных гонений, вызвала общественный резонанс, пробудив угасший интерес к опыту национальной истории, к духовно-нравственному наследию святых[2]. Тема русской святости обрела научную актуальность в контексте осмысления роли личности и движущих сил истории. Духовный подвиг новомучеников стимулировал возрождение религиозной жизни в России, подтвердив вывод А. Тойнби о том, что «святые производили на мир более сильное воздействие, чем император или командующий войсками», что «духовный процесс индивидуальных душ в этой жизни фактически обеспечивает значительно больший социальный прогресс, чем какой-либо другой процесс»[3].

Обложка монографии
Cover of the monograph

Во вступительном авторском слове и трех главах монографического исследования содержится значительный и малоизвестный отечественной науке пласт национального опыта, проясняющий причины взлетов и падений советского государства в контексте проводимой политики насильственной ломки традиционных основ народной жизни. Являясь итогом тридцатилетнего труда, монография вводит в научный оборот документально удостоверенную информацию о судьбах репрессированного духовенства. В канун празднования 1000-летия Крещения Руси к лику святых были причислены девять подвижников благочестия и образована специальная Синодальная комиссия по канонизации святых, приступившая к целенаправленному исследованию истории Церкви и судеб репрессированного духовенства. Структура и принципы деятельности комиссии представляют значимый интерес для современных институтов гражданского общества в части осуществления демократических принципов принятия решений при условии и на стадии достижения единства во мнениях всех ее членов. Автор показал, что «к концу XX столетия были утрачены... фундаментальные представления о том, как и на каких основаниях в Русской православной церкви совершалось причисление к лику святых, какой была практика канонизации дореволюционных преобразований XX в.»[4]. Собранные им в 1970–1990-е гг. в 36 регионах страны свидетельства устной истории и документы переданы в распоряжение комиссии. Автор не оставляет места для скептиков, полагающих, что документы советских органов, причастных к репрессиям, фальсифицированы, а потому не могут являться источником для исторических исследований.

Исключительно важны методологические выводы автора. На десятках примеров показана недостаточность общенаучных методов для уяснения поведенческой характеристики обвиняемых. Потребовался анализ мотивации и поступков человека под углом зрения христианского вероучения с нравственных, религиозных позиций. Анализируя причины псевдоканонизаций, появившихся в России в первой половине XIX в. и получивших неожиданный «расцвет» в постсоветское время, автор усматривает их в духовном состоянии российского общества, лишенного со времен Петра I национальной элиты, а потому находящегося доныне в стадии вялотекущей гражданской войны, время от времени переходящей в активную фазу. Общественные противоречия коснулись и процесса канонизации. Политически ангажированные лица, исходя из частных мотивов, пытались настоять на признании достаточным основанием для канонизации тех или иных людей факта их насильственной смерти без исследования архивных документов, что означало бы ревизию христианской нравственности, отказ от церковных критериев канонизации. В труде показано, что причисление к лику святых XX в. сохраняет каноническое понимание святости в Русской православной церкви, а различия с древней практикой имеют внешний характер.

Рецензируемый труд – весомый вклад в изучение отечественной истории с учетом религиозного фактора. Автору удалось преодолеть разрыв науки, которая, как отмечает группа известных ученых, «берет мир как замкнутую в себе систему явлений и изучает взаимоотношения между этими явлениями вне отношения мира как целого к его высшему основанию», и религии, которая «познает отношения мира, следовательно, и человека, к этой первооснове бытия – к Богу, и из этого познания черпает уяснение общего смысла бытия, который остается вне поля зрения науки»[5]. Важен историко-архивоведческий вывод автора, основанный на анализе источниковой базы проблемы, о достаточности сохранившегося в составе Архивного фонда РФ комплекса документов для восстановления исторического контекста эпохи, характера изменений в отношении к духовенству и верующему народу.

Примечания

[1] *Дамаскин (Орловский), архим.* Слава и трагедия русской агиографии. Причисление к лику святых в Русской Православной Церкви: история и современность / архим. Дамаскин (Орловский). – М.: Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2018. – 526 с. DAMASKIN (ORLOVSKY), archimandrite. *Slava i tragediya russkoi agiografii. Prichislenie k liku svyatykh v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: istoriya i sovremennost'* [Glory and tragedy of the Russian hagiography: Canonization of Saints in the Russian Orthodox Church: History and modernity. In Russ.]. Moscow, 2018, 526 p.

[2] См.: *Старостин, Е. В.* Архивы Русской Православной Церкви (X–XX вв.): Учебное пособие. – М.: РГГУ, 2011. – 255 с. STAROSTIN, E. V. *Arkhiv Russkoi pravoslavnoi tserkvi (X–XX vv.): Utchebnoe posobie* [The archives of the Russian Orthodox Church (10th–20th centuries): A study guide. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2011, 255 p.

[3] *Тойнби, А. Дж.* Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. 2-е изд. – М.: Айрес-пресс, 2002. – С. 528. TOYNBEE, A. J. A Study of History. London, Oxford University Press, 1960 (Russ. ed. *Postizhenie istorii. Sbornik*. Moscow, Aires-Press publ., 2nd. ed., 2002, p. 528).

[4] *Дамаскин (Орловский), архим.* Указ. соч. – С. 165. DAMASKIN (ORLOVSKIY), archimandrite, 2018, p. 165.

[5] *Баландина, Э. Г., Березовая, Л. Г., Пивовар, Е. И.* Философия науки в гуманитарном пространстве: Учебное пособие. – М.: РГГУ, 2015. – С. 34. BALANDINA, E. G., BEREZOVAYA, L. G., PIVOVAR, E. I. *Filosofiya nauki v gumanitarnom prostranstve: Uchebnoe posobie* [Philosophy of science in the humanitarian space: A study guide. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2015, p. 34.

Список литературы

Баландина, Э. Г., Березовая, Л. Г., Пивовар, Е. И. Философия науки в гуманитарном пространстве: Учебное пособие. – М.: РГГУ, 2015. – 312 с.

Дамаскин (Орловский), архим. Слава и трагедия русской агиографии. Причисление к лику святых в Русской Православной Церкви: история и современность. – М.: Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2018. – 526 с.

Канонизация святых в XX веке. – М.: Комиссия Священного Синода Русской Православной Церкви по канонизации святых, 1999. – 256 с.

Старостин, Е. В. Архивы Русской Православной Церкви (X–XX вв.): Учебное пособие. – М.: РГГУ, 2011. – 255 с.

Тойнби, А. Дж. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. 2-е изд. – М.: Айрес-пресс, 2002. – 640 с.

Referenses

BALANDINA, E. G., BEREZOVAYA, L. G., PIVOVAR, E. I. *Filosofiya nauki v gumanitarnom prostranstve: Uchebnoe posobie* [Philosophy of science in the humanitarian space: A study guide. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2015, 312 p.

DAMASKIN (ORLOVSKY), archimandrite. *Slava i tragediya russkoi agiografii. Prichislenie k liku svyatykh v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: istoriya i sovremennost'* [Glory and tragedy of the Russian hagiography. Canonization of Saints in the Russian Orthodox Church: History and modernity. In Russ.]. Moscow, 2018, 526 p.

Kanonizatsiya svyatykh v XX veke [Canonization of saints in the 20th century. In Russ.]. Moscow, Komissiya Svyashchennogo Sinoda Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi po kanonizatsii svyatykh publ., 1999, 256 p.

STAROSTIN, E. V. *Arkhiv Russkoi pravoslavnoi tserkvi (X–XX vv.): Utchebnoe posobie* [The archives of the Russian Orthodox Church (10th–20th centuries): A study guide. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2011, 255 p.

TOYNBEE, A. J. A Study of History. London, Oxford University Press, 1960 (Russ. ed. *Postizhenie istorii. Sbornik*. Moscow, Aires-Press publ., 2. ed., 2002, 528 p.).

Сведения об авторах

Иноземцева Зинаида Петровна, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Вестник архивиста» / “Herald of an Archivist”, г. Москва, Российская Федерация, 8-958-813-89-44, zinaida33@bk.ru

About authors

Inozemtseva Zinaida Petrovna, PhD in History, magazine Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, deputy editor-in-chief, Moscow Moscow, Russian Federation, +7-958-813-89-44, zinaida@33bk.ru

В редакцию статья поступила 10.02.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Иноземцева, З. П. Издана монография о святых XX в. и их роли в истории России // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1239–1245. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1239-1245

Submitted 10.02.2019, published (for citation):

INOZEMTSEVA, Z. P. *Izdana monografiya o svyatykh XX v. i ikh roli v istorii Rossii* [A Monograph on the 20th Century Saints and Their Role in Russian History Has Been Published. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1239–1245. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1239-1245

УДК 930.1(47)«1920»+94(47)+049.32
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1246-1256

Н. Г. Карнишина, В. Ю. Карнишин
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация

Вожди революции 1917 г. в восприятии современников и архетипах массового сознания: к изданию монографии М. В. Брянцева

N. G. Karnishina, V. Yu. Karnishin
Penza State University, Penza, Russian Federation

Leaders of the 1917 Revolution in the Perception of Contemporaries and Archetypes of Mass Consciousness: Concerning the Publication of M. V. Bryantsev's Monograph

Аннотация
В рецензии на книгу российского историка М. В. Брянцева «В. И. Ленин и наследники: очерки представлений советских людей 1920-х гг.» рассмотрены особенности исследования представлений населения советской провинции о вождях революции 1917 г. Автору монографии удалось ввести в научный оборот солидный массив документов из фондов центральных и региональных архивов России и Республики Беларусь, что позволило выявить взгляды современников событий 1920-х гг. на борьбу за власть, определить значение личностного фактора в политической истории. Отмечены перспективы дальнейших исследований, связанные с выявлением способов и форм воздействия на массовое сознание идеологических структур правящей партии. Высказана точка зрения о необходимости более пристального внимания к изучению региональных особенностей политической среды, в которой формировались идеологические предпочтения различных социальных групп населения. Авторами рецензии сделан вывод о том, что для монографии М. В. Брянцева характерен пристальный интерес к изучению представлений населения советской

провинции посредством тщательного анализа фондов Российского государственного архива экономики, государственных архивов Брянской, Орловской, Смоленской, Калужской областей, а также Государственного архива общественных организаций Гомельской области (Беларусь). Информационный материал региональных архивов, по мнению авторов рецензии, до настоящего времени изучен недостаточно, в то время как автор монографии М. В. Брянцев по достоинству его оценил, подготовив на основе системного изучения фондов государственных учреждений и общественных организаций, а также источников личного происхождения ценный научный труд.

Abstract
The review of the monograph of the Russian historian M. V. Bryantsev "Lenin and his successors: Essays on ideas of the 1920s Soviet people" (Bryansk, Novyi proekt publ., 2018, 120 p.) reviews specific issues of studying the ideas of Soviet periphery on the leaders of the 1917 revolution. The author has introduced into scientific use a wide array of documents from central and regional archives of Russia and the Republic of Belarus in order to study views of contemporaries of the 1920s events on the struggle for power and on the role of the individual in political history. The author points out prospects of further research into the influence of ideological structures of the ruling party over mass consciousness. He argues the need for a closer study of regional features of political environment, in which the political preferences of various social groups were formed. The authors of the review conclude that M. V. Bryantsev's monograph demonstrates close attention to studying ideas of the people from the Russian periphery; it draws on fonds of the Russian State Archive of Economy, as well as state archives of the Bryansk, Orel, Smolensk, Kaluga regions and the State Archive of Public Organizations of the Gomel Region (Belarus). The authors of the review note that, while information potential of regional archives remains mostly untapped, M. V. Bryantsev has seen its value and, having systematically studied the fonds of state agencies and public organizations, as well as personal provenance sources, has prepared an insightful scientific work. They are sure that the monograph shall be eagerly sought by scholars and experts interested in controversial social and political processes that had determined the fate of the country in the 20th century.

Ключевые слова
Советская Россия 1920-х гг., революция, политическая история, партия большевиков, массовое сознание, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин.

Keywords
Soviet Russia of the 1920s, revolution, political history, Bolshevik party, mass consciousness, V. I. Lenin, L. D. Trotsky, J. V. Stalin.

В монографии профессора М. В. Брянцева[1] исследуются представления жителей советского государства о вождях революции 1917 г. – В. И. Ленине, И. В. Сталине, Л. Д. Троцком. Книга написана на основе многочисленных, в том числе архивных, источников. Автор предпочел выбор композиции монографии в формате исторических исследований: «Образ вождей революции в годы гражданской войны» (с. 6–24), «Покушение на Ленина и становление культа» (с. 25–33), «Ленин после смерти» (с. 55–70), «Л. Д. Троцкий» (с. 71–97), «И. В. Сталин» (с. 97–114). Характерно стремление автора вписать динамику изменений в представлениях о власти в модели отношений: «крестьянин – власть», «рабочий – власть», что не могло не вызывать апелляции к вождям революции, воспринимавшимся как защитники от произвола местных партийных и советских функционеров. Архетип «доброго царя» и «злых чиновников», как убедительно показано автором, был перенесен в реалии советской России из позднеимперского недавнего прошлого. Поиск и сотворение новых кумиров проходили в условиях подавления оппонентов и монополизации власти (с. 24).

Обращение к изучению массовых представлений о политиках революционной эпохи позволяет осмыслить ряд проблем, выделенных автором и сохраняющих актуальность, научную и практическую значимость. Речь идет, во-первых, о выявлении стереотипов массового сознания, ценностей и стандартов политического поведения. Во-вторых, важно понять феномен формирования новой идентичности в период 1920-х гг., тесно связанный как с архетипами массового сознания дореволюционной России, так и с конструированием новой социальной реальности, предполагавшей размывание ряда стандартов социального поведения и практик[2]. Уместно отметить в этой связи замечание В. П. Булдакова о том, что в историографии до сих пор не поставлен вопрос о степени, а главное – об особенностях этатизированности российского массового сознания,

возрождающего склонность к историческому мифотворчеству[3]. В-третьих, как справедливо отмечается в монографии, зачастую власть воспринимается посредством образов конкретных людей, тесно связанных с ней (с. 4). Следовательно, выявление особенностей коллективных представлений о власти и политиках приобретает особое значение для уяснения механизмов консолидации общества в кризисные периоды.

Обложка монографии
Cover of the monograph

Акцент на вдумчивое осмысление архивных документов позволил М. В. Брянцеву в рамках рецензируемого исследования и ранее опубликованных статей[4] составить достаточно масштабную картину представлений о советской власти и ее вождях в динамике событий 1920-х гг. Ожесточенность Гражданской войны, масштабы красного террора не могли не влиять на социокультурную среду, в которую проникали и утверждались не только правовой нигилизм, но и эмоциональное возбуждение толпы, нагнетание революционного психоза. Более привычным было стремление представить большевистских вождей как страдальцев за народ, а их противников – как своего рода «исчадия ада» (с. 25). Покушение на Ленина на Брянщине было воспринято как посягательство на жизнь «светильника человечества», «думавшего и жившего только для народа» (с. 31). При этом в местной печати пофамильно указывались имена местных врагов большевиков – правых эсеров и меньшевиков – «ублюдков, уродов, мартовских выродков, зачатков умирающей демократии» (с. 32). Маргинальная среда становилась основой для утверждения образа врага, мешавшего строить светлое будущее, что предопределило одну из особенностей советской политической культуры.

Достаточно неоднозначными представляются мнения современников о смерти Ленина. В свое время В. П. Булдаковым

справедливо отмечалось, что смерть В. И. Ленина усиливала неопределенность в условиях НЭПа, воспринимавшуюся, в свою очередь, как отказ от коммунистической утопии[5].

Палитра суждений о смерти вождя, представленная М. В. Брянцевым, весьма репрезентативна. Фигура Ленина в сознании современников приобрела сакральный характер, а население, мыслившее в традициях религии, относилось к этому событию по-христиански (с. 42). Более того, уместен вопрос о том, возможно ли разграничение символического и физического бессмертия? Решение о сохранении тела Ленина, по мнению Н. Тумаркин, представляет собой сочетание символического и физического восприятия бессмертия[6]. Впрочем, автор приводит многочисленные свидетельства и противоположного отношения населения советской провинции к покойному вождю, связывая это обстоятельство с мизерными результатами предпринятого социалистического строительства, внутрипартийной борьбой и давлением официальной пропаганды, а также с общими неустройствами жизни 1920-х гг. (с. 54).

Тревожные настроения в общественной среде отразились в распространении слухов об отравлении вождя, бытовом антисемитизме (призывы к «избавлению от Троцкого» и к погромам евреев, что позволило бы «зажить счастливо в Советской России» (с. 50)). Правомерно в этой связи обращение М. В. Брянцева к восприятию личностей соратников В. И. Ленина и представлениям о качествах наследника вождя. Главным критерием лидерства являлось следование «ленинским заветам». При этом отторжение у населения вызывали снобизм и тщеславие Л. Д. Троцкого, неспособность найти общий язык между Г. Е. Зиновьевым и И. В. Сталиным. Заметим, что содержание конфликтов в советских верхах осознавалось частью населения в контексте исключительно личных разногласий, что, в сущности, отражало оторванность от реалий жизни большинства населения – крестьянства. Исследователями отмечалось, что подавляющей части населения было сложно разобраться в содержании программных установок участников внутрипартийной борьбы. Незнание специфики и противоречий НЭПа компенсировалось проявлением антисемитизма[7].

Информационный вакуум вокруг содержания аргументов Л. Д. Троцкого и его сторонников дополнялся нарастанием агитационно-пропагандистской активности под эгидой партийной номенклатуры. Своеобразная растерянность людей, которых призвали отвечать на вопрос о выборе между «ленинизмом» и «троцкизмом» без понимания глубины конфликтов внутри правящей партии, фокусировала внимание на фигуре Л. Д. Троцкого недовольных советской властью и тщетно ожидавших развития института частной собственности и снижения налогового пресса на крестьянство (с. 85–86).

М. В. Брянцеву удалось показать далеко не идиллические особенности восприятия И. В. Сталина в реалиях 1920-х гг. Отсутствие доверия к его теоретическим конструкциям по вопросу о возможности построения социализма в одной стране, столь характерное для настроений в советской провинции, наряду с противоречиями его оценок развития страны наслаивалось на растущую уверенность в том, что в партии отсутствует коллективное руководство (с. 108). Небезынтересны суждения слушателей политшколы железнодорожников Брянска, приведенные автором: «В действительности хозяйственной жизнью страны и страной в целом руководят не пролетарские массы во главе с партией, а обюрократившиеся отдельные личности и группы»; «...у нас в партии нет откровенности, много от нас скрывают... не имеем возможности реагировать» (с. 108–109). Как оказалось, эти и более резкие высказывания пока оставались без должного ответа нового вождя – прагматика, предпочитавшего в интересах своих политических выгод, ради сохранения власти постепенно способствовать распространению мифов о собственной прозорливости и гениальности[8].

Монография М. В. Брянцева представляет особый интерес как с точки зрения ввода в научный оборот широкого круга архивных документов, так и с позиции дальнейшего вдумчивого изучения проблем политической истории. Более пристального внимания, на наш взгляд, требуют проблемы способов и методов воздействия на массовое сознание структур агитационно-пропагандистских отделов партийного аппарата. Перспективы углубленного изучения темы связаны,

думается, с выявлением региональных особенностей политической среды, в которой формировались предпочтения различных социальных групп.

Примечания

[1] *Брянцев, М. В.* В. И. Ленин и наследники: Очерки представлений советских людей 1920-х годов. – Брянск: Новый проект, 2018. – 120 с. BRYANTSEV, M. V. *V. I. Lenin i nasledniki: Ocherki predstavlenii sovetskikh lyudei 1920-kh godov* [Lenin and his successors: Essays on ideas of the 1920s Soviet people. In Russ.]. Bryansk, Novyi proekt, 2018, 120 p.

[2] *Шалаева, Н. В.* Формирование идентичности в советском социокультурном пространстве в советском обществе 1920-х гг. // Поволжский регион. Проблемы, поиски, решения. – Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2008. – С. 26–31. SHALAEVA, N. V. *Formirovanie identichnosti v sovetskom sotsiokul'turnom prostranstve v sovetskom obshchestve 1920-kh gg.* [Identity Formation in the Soviet Social and Cultural Space of the Soviet Society of the 1920s. In Russ.]. IN: *Povolzhskii region. Problemy, poiski, resheniya* [The Volga region: Problems, searches, solutions. In Russ.]. Saratov, Izd-vo SGSEU publ., 2008, pp. 26–31.

[3] *Булдаков, В. П.* Революция и мифотворчество: коллизии современного исторического воображения. Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / Под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. – М.: АПР, 2012. – С. 61–62. BULDAKOV, V. P., MARCHENYA, P. P., RAZIN S. Yu. (eds.). *Revolyutsiya i mifotvorchestvo: kollizii sovremennogo istoricheskogo voobrazheniya* [Revolution and Myth-Making: Collisions of the Modern Historical Imagination. In Russ.]. IN: *Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii: sbornik nauchnykh statei (k 95-letiyu Fevralya–Oktyabrya 1917 g.)* [Russia and the Revolution: The Past and the Present of Systematic Crises of Russian History: Collected Scientific Articles (For the 95th Anniversary of February–October 1917). In Russ.]. Moscow: APR publ., 2012, pp. 61–62.

[4] *Брянцев, М. В.* Борьба за власть весной–осенью 1918 г. // Право: история, теория, практика: Сборник статей и материалов. – 2010. – Вып. 14. – С. 202–227. BRYANTSEV, M. V. *Bor'ba za vlast' vesnoi-osen'yu 1918 g.* [The Struggle for Power in the Spring and Autumn of 1918. In Russ.]. IN: *Pravo: istoriya, teoriya, praktika: sbornik statei i materialov* [Law: History, Theory, Practice: Collected Articles and Materials. In Russ.]. Bryansk, 2010, vol. 14, pp. 202–227; *Брянцев, М. В.* Англо-советский конфликт 1927 года в представлении населения советской провинции // Новейшая история России. – 2017. – № 3 (20). – С. 100–114. BRYANTSEV, M. V. *Anglo-sovetskii konflikt 1927 goda v predstavlenii naseleniya sovetskoi provintsii* [The Anglo-Soviet Conflict of 1927 in the Viewpoint of the Population of the Soviet Periphery. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii,* 2017, no. 3 (20), pp. 100–114;

Брянцев, М. В. Ленин после смерти (представления населения советской провинции) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 62–76. BRYANTSEV, M. V. *Lenin posle smerti (predstavleniya naseleniya sovetskoi provintsii)* [Lenin after his death: Viewpoint of the population of the Soviet periphery. In Russ.]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 2017, no. 2 (42), pp. 62–76; *Брянцев, М. В.* Образ Троцкого в информационных материалах государственного архива общественных объединений Гомельской области // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права. – Витебск, 20–21 апреля 2017. Витебск, 2017. – С. 254–256. BRYANTSEV, M. V. *Obraz Trotskogo v informatsionnykh materialakh gosudarstvennogo arkhiva obshchestvennykh ob"edinenii Gomel'skoi oblasti* [The image of Trotsky in the information materials from the State Archive of Public Associations of the Gomel Region. In Russ.]. IN: *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 420-letiyu darovaniya gorodu Vitebsku magdeburgskogo prava. Vitebsk, 20–21 aprelya 2017* [Significant problems of source studies: Proceedings of the IV International research-to-practice conference for the 420th anniversary of granting Magdeburg Law to the city of Vitebsk. Vitebsk, April 20–21, 2017. In Russ.]. Vitebsk, 2017, pp. 254–256.

[5] Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век. Материалы международного коллоквиума. Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 164. *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX – XX vek: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma. Sankt-Peterburg, 7–10 iyunya 2010 g.* [Person and personality in the history of Russia, the late 19th – 20th century: Materials of the international colloquium. St. Petersburg, June 7–10, 2010. In Russ.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2013, p. 164.

[6] TUMARKIN, N. Religion, Bolshevism and the Origins of the Lenin Cult // Russian Review. 40 (January 1981). P. 35–46; *Тумаркин Н.* Ленин жив: культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарев; науч. ред. А. Ф. Белоусов; ред. С. А. Похватилова. – СПб.: Академический проект, 1997. – 285 с. TUMARKIN, N. *Lenin zhiv: kul't Lenina v Sovetskoi Rossii* [Lenin is alive: The cult of Lenin in Soviet Russia. In Russ.]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt publ., 1997, 285 p.

[7] *Митрохин, А. В.* Рязанское крестьянство и вопросы борьбы с оппозицией в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 204–206. MITROKHIN, A. V. *Ryazanskoe krest'yanstvo i voprosy bor'by s oppozitsiei v 1920-e gg.* [Ryazan Peasantry and Issues of Fighting Opposition in the 1920s. In Russ.]. IN: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, no. 4, pp. 204–206.

[8] *Анфертьев, И. А.* Особенности преодоления И. В. Сталиным кризисной ситуации в СССР в начале 1930-х гг. // Российские и славянские исследования: науч. сборник. Вып. 5 / Отв. ред. А. П. Сальков, О. А. Яновский. – Минск: БГУ, 2010. – С. 182. ANFERTIEV, I. A.; *Osobennosti preodoleniya I. V. Stalinym krizisnoi situatsii v SSSR v nachale 1930-kh gg.* [Peculiarity of

J. V. Stalin overcoming of crisis situation in the USSR in the early 1930s. In Russ.]. IN: *Rossiiskie i slavyanskie issledovaniya: nauch. sbornik* [SALKOV, A. P., YANOVSKII, O. A. (eds.). Russian and Slavic studies: Collected articles. In Russ.]. Issue 5. Minsk, BSU publ., 2010, p. 182.

Список литературы

Анфертьев, И. А. Особенности преодоления И. В. Сталиным кризисной ситуации в СССР в начале 1930-х гг. // Российские и славянские исследования: науч. сборник. Вып. 5 / Отв. ред. А. П. Сальков, О. А. Яновский. – Минск: БГУ, 2010. – С. 177–182.

Брянцев, М. В. Англо-советский конфликт 1927 года в представлении населения советской провинции // Новейшая история России. – 2017. – № 3 (20). – С. 100–114.

Брянцев, М. В. Борьбе за власть весной–осенью 1918 г. // Право: история, теория, практика: сборник статей и материалов. – Брянск, 2010. – Вып. 14. – С. 202–227.

Брянцев М. В. В. И. Ленин и наследники: Очерки представлений советских людей 1920-х годов. – Брянск: Новый проект, 2018. – 120 с.

Брянцев, М. В. Ленин после смерти (представления населения советской провинции) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 62–76.

Брянцев, М. В. Образ Троцкого в информационных материалах государственного архива общественных объединений Гомельской области // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права. Витебск, 20–21 апреля 2017. – Витебск, 2017. – С. 254–256.

Булдаков, В. П. Революция и мифотворчество: коллизии современного исторического воображения // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / Под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. – М.: АПР, 2012. – С. 61–62.

Митрохин, А. В. Рязанское крестьянство и вопросы борьбы с оппозицией в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 204–206.

Тумаркин, Н. Ленин жив: культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарев; науч. ред. А. Ф. Белоусов; ред. С. А. Похватилова. – СПб.: Академический проект, 1997. – 285 с.

Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век. Материалы международного коллоквиума. Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 657 с.

Шалаева, Н. В. Формирование идентичности в советском социкультурном пространстве в советском обществе 1920-х гг. // Поволжский регион. Проблемы, поиски, решения. – Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2008. – С. 26–31.

TUMARKIN, N. Religion, Bolshevism and the Origins of the Lenin Cult // Russian Review. – 1981. – Vol. 40. – P. 35–46.

References

ANFERTIEV, I. A. *Osobennosti preodoleniya I. V. Stalinym krizisnoi situatsii v SSSR v nachale 1930-kh gg.* [Peculiarity of J. V. Stalin overcoming of crisis situation in the USSR in the early 1930s. In Russ.]. IN: *Rossiiskie i slavyanskie issledovaniya: nauch. sbornik* [SALKOV, A. P., YANOVSKII, O. A. (eds.). Russian and Slavic studies: Collected articles. In Russ.]. Issue 5. Minsk, BSU publ., 2010, pp. 177–182.

BRYANTSEV, M. V. *Anglo-sovetskii konflikt 1927 goda v predstavlenii naseleniya sovetskoi provintsii* [The Anglo-Soviet Conflict of 1927 in the Viewpoint of the Population of the Soviet Periphery. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii,* 2017, no. 3 (20), pp. 100–114.

BRYANTSEV, M. V. *Bor'ba za vlast' vesnoi-osen'yu 1918 g.* [The Struggle for Power in the Spring and Autumn of 1918. In Russ.]. IN: *Pravo: istoriya, teoriya, praktika: sbornik statei i materialov* [Law: History, Theory, Practice: Collected Articles and Materials. In Russ.]. Bryansk, 2010, vol. 14, pp. 202–227.

BRYANTSEV, M. V. *V. I. Lenin i nasledniki: Ocherki predstavlenii sovetskikh lyudei 1920-kh godov* [Lenin and his successors: Essays on ideas of the 1920s Soviet people. In Russ.]. Bryansk, Novyi proekt, 2018, 120 p.

BRYANTSEV, M. V. *Lenin posle smerti (predstavleniya naseleniya sovetskoi provintsii)* [Lenin after his death: Viewpoint of the population of the Soviet periphery. In Russ.]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 2017, no. 2 (42), pp. 62–76.

BRYANTSEV, M. V. *Obraz Trotskogo v informatsionnykh materialakh gosudarstvennogo arkhiva obshchestvennykh ob"edinenii Gomel'skoi oblasti* [The image of Trotsky in the information materials from the State Archive of Public Associations of the Gomel Region. In Russ.]. IN: *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 420-letiyu darovaniya gorodu Vitebsku magdeburgskogo prava. Vitebsk, 20–21 aprelya 2017* [Significant problems of source studies: Proceedings of the IV International research-to-practice conference for the 420th anniversary of granting Magdeburg Law to the city of Vitebsk. Vitebsk, April 20–21, 2017. In Russ.]. Vitebsk, 2017, pp. 254–256.

BULDAKOV, V. P., MARCHENYA, P. P., RAZIN S. Yu. (eds.). *Revolyutsiya i mifotvorchestvo: kollizii sovremennogo istoricheskogo voobrazheniya* [Revolution and Myth-Making: Collisions of the Modern Historical Imagination. In Russ.]. IN: *Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii: sbornik nauchnykh statei (k 95-letiyu Fevralya–Oktyabrya 1917 g.)* [Russia and the Revolution: The Past and the Present of Systematic Crises of Russian History: Collected Scientific Articles (For the 95th Anniversary of February–October 1917). In Russ.]. Moscow: APR publ., 2012, pp. 61–62.

MITROKHIN, A. V. *Ryazanskoe krest'yanstvo i voprosy bor'by s oppozitsiei v 1920-e gg.* [Ryazan Peasantry and Issues of Fighting Opposition in the 1920s. In Russ.]. IN: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, no. 4, pp. 204–206.

TUMARKIN, N. *Lenin zhiv: kul't Lenina v Sovetskoi Rossii* [Lenin is alive: The cult of Lenin in Soviet Russia. In Russ.]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt publ., 1997, 285 p.

Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX – XX vek: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma. Sankt-Peterburg, 7–10 iyunya 2010 g. [Person and personality in the history of Russia, the late 19th – 20th century: Materials of the international colloquium. St. Petersburg, June 7–10, 2010. In Russ.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2013, 657 p.

SHALAEVA, N. V. *Formirovanie identichnosti v sovetskom sotsiokul'turnom prostranstve v sovetskom obshchestve 1920-kh gg.* [Identity Formation in the Soviet Social and Cultural Space of the Soviet Society of the 1920s. In Russ.]. IN: *Povolzhskii region. Problemy, poiski, resheniya* [The Volga region: Problems, searches, solutions. In Russ.]. Saratov, Izd-vo SGSEU publ., 2008, pp. 26–31.

TUMARKIN, N. Religion, Bolshevism and the Origins of the Lenin Cult. IN: *Russian Review,* 1981, vol. 4, pp. 35–46.

Сведения об авторах

Карнишина Наталья Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет, профессор, г. Пенза, Российская Федерация, 8-987-512-95-02, karnishins@mail.ru

Карнишин Валерий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет, заведующий кафедрой, г. Пенза, Российская Федерация, 8-987-502-27-15, valerikarnishin@mail.ru

About authors

Karnishina Natalia Gennadievna, PhD in History, professor, Penza State University, professor, Penza, Russian Federation, +7-987-512-95-02, karnishins@mail.ru

Karnishin Valery Yur'evich, PhD in History, professor, Penza State University, head of department, Penza, Russian Federation, +7-987-502-27-15, valerikarnishin@mail.ru

В редакцию статья поступила 14.02.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Карнишина, Н. Г., Карнишин, В. Ю. Вожди революции 1917 г. в восприятии современников и архетипах массового сознания: к изданию монографии М. В. Брянцева // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1246–1256. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1246-1256

Submitted 14.02.2019, published (for citation):

KARNISHINA, N. G., KARNISHIN, V. Yu. *Vozhdi revolyutsii 1917 g. v vospriyatii sovremennikov i arkhetipakh massovogo soznaniya: k izdaniyu monografii M. V. Bryantseva* [Leaders of the 1917 Revolution in the Perception of Contemporaries and Archetypes of Mass Consciousness: Concerning the Publication of M. V. Bryantsev's Monograph. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1246–1256. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1246-1256

УДК 930.253+049.32+94(47)
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1257-1264

Е. А. Косован, И. Е. Ханова
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Издан сборник архивных документов «Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.», посвященный истории сталинских высылок

Elena A. Kosovan, Irina E. Khanova
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

Recently Published Anthology of Archival Documents: "From the History of Deportations: Kazakhstan: 1939–1945" on the History of Stalin's Ethnic Deportations

Аннотация
В рецензии на сборник документов «Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.» предприняты анализ и оценка исследовательского потенциала нового корпуса документов и воспоминаний о такой форме советских политических репрессий, как насильственное тотальное или частичное переселение в Казахстан десятков народов СССР. Несмотря на то что «архивная революция» 1990-х гг. открыла историкам доступ к огромному массиву источников о репатриации, проблема депортаций остается одной из наиболее сложных и малоисследованных. Выявление и введение в научный оборот архивных документов, освещающих ранее неизвестные или малоизвестные аспекты депортаций, остается актуальной проблемой современной советологии. В рецензии отмечается, что казахстанские историки, подготовившие сборник «Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.», внесли весомый вклад в развитие отечественной науки о принудительных миграциях. Их работа была реализована в рамках проекта «Из истории депортаций. Казахстан. 1930–1956 гг.», инициированного в 2010 г. Архивом Президента Республики Казахстан (АП РК) и Центральным государственным архивом (ЦГА РК), а также

Ассамблеей народа Казахстана – консультативно-совещательным госорганом, ответственным за выработку и реализацию национальной политики Казахстана. Указывается, что вышедший в 2018 г. сборник является уже третьим документальным трудом, подготовленным участниками проекта. Документальную базу сборника составили 279 текстовых документов разного видового и тематического состава, а также 8 фотографий. Авторы делают вывод о высокой научной значимости рецензируемого сборника «Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.».

Abstract
The review of documents collection “From the history of deportations: Kazakhstan: 1939–1945” analyses and assesses research potential of the new corpus of documents and memoirs on such form of Soviet political repressions as forced total or partial resettlement of dozens of the USSR peoples to Kazakhstan. Although the “archival revolution” of the 1990s has opened access to a huge array of sources on deportations, the issue remains one of the most complex and poorly investigated. Thus, identification and introduction into scientific use of archival documents covering the previously unknown or little-known aspects of deportations remain an urgent problem of Sovietology. Therefore, the review notes that the Kazakh historians who have prepared the anthology “From the history of deportations: Kazakhstan: 1939–1945” have made a significant contribution to the national scholarship on forced migration. The work has been implemented within the frameworks of the project “From the history of deportations: Kazakhstan: 1930–1945” initiated in 2010 by the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK), the Central State Archive (TsGA RK), and the Assembly of the People of Kazakhstan – consultative and advisory state body responsible for development and implementation of national policy in Kazakhstan. This collection published in 2018 is the third documentary work prepared within the frameworks of the project. The authors contend its great scientific significance.

Ключевые слова
Исторический источник, архивный фонд, депортация, национальная политика, Архив Президента Республики Казахстан, Великая Отечественная война, Вторая мировая война.

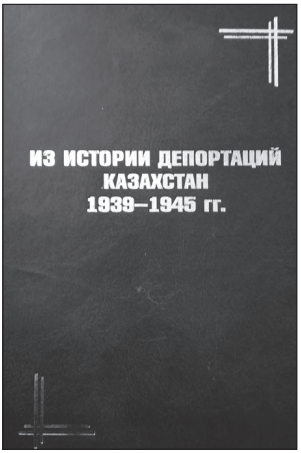
Keywords
Historical source, archival fond, deportation, nationalities policy, Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, Great Patriotic War, Second World War.

В 1993 г. в Республике Казахстан был принят закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», который открыл путь к рассекречиванию архивных документов и научному освоению новых источников по истории вынужденных миграций в СССР. В 2010 г. на Первом (Астанинском) форуме историков стран СНГ президент Казахстана Н. А. Назарбаев отметил важность исследования судьбы народов, несправедливо обвиненных в преступлениях против советской государственности и подвергшихся депортации: «Это нужно нам всем, чтобы восстановить историческую правду и справедливость, предостеречь наших потомков от повторения трагедий, передать им эти уроки истории, заветы дружбы и солидарности»[1].

Тогда же Архив Президента Республики Казахстан (АП РК) совместно с Центральным государственным архивом (ЦГА РК) при участии Ассамблеи народа Казахстана в рамках проекта «Из истории депортаций. Казахстан. 1930–1956 гг.» приступил к подготовке серии документальных работ, посвященных практике насильственных высылок в Казахстан во второй четверти XX в. Уже в 2012 и 2014 гг. были опубликованы первые сборники документов о депортациях в период коллективизации, в том числе – приказы, сводки и справки ОГПУ, отчеты о результатах инспекционных поездок представителей Казкрайкома, ЦИК и СНК Казахстана, рапорты командования частей РККА о подавлении повстанческого движения в Казахстане, сводки и справки о положении репрессированных граждан на местах вселения[2].

Рецензируемое издание – третий сборник, подготовленный в рамках проекта «Из истории депортаций»[3]. Авторы-составители, в числе которых известные историки-архивисты Ж. Т. Байкаш, Е. М. Грибанова, М. Т. Жылгелдинов, Е. В. Чиликова и др., провели кропотливую работу, изучив и систематизировав документальную базу депортаций целого ряда народов – поляков, немцев, итальянцев, калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, турок, курдов, армян (с. 2).

Представленные в сборнике документы извлечены как из фондов Архива Президента Казахстана, так и из фондов госу-



Обложка сборника
Cover of the anthology

дарственных архивов Атырауской, Жамбылской, Кызылординской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской областей. Некоторые рассекреченные документы и постановления по насильственному переселению, которые представлены в рецензируемом сборнике, были опубликованы ранее в издании «Рассекреченная война: “особые папки” ЦК Компартии Казахстана. 1941–1945 гг.», вышедшем в 2010 г. Однако подавляющее большинство материалов публикуется впервые. Предпочтение при отборе источников отдавалось ранее не опубликованным документам и документам с грифом секретности.

Авторы включили в сборник 279 текстовых документов, широкий видовой и тематический состав которых позволил охватить практически все аспекты депортаций. Документы сгруппированы по тематико-хронологическому принципу, в основу формирования разделов взяты основные «кампании» по организации жизни спецпереселенцев, не всегда совпадающие с депортационными кампаниями (с. 53). Сборник состоит из оглавления и основного раздела «Документы», в рамках которого выделены следующие подразделы: «Обустройство и жизнь трудпоселенцев», «Прием и обустройство граждан Польши», «Прием и обустройство немцев и финнов», «Формирование рабочих колонн», «Прием и обустройство калмыков», «Прием и обустройство народов Северного Кавказа: балкарцев, ингушей, карачаевцев, чеченцев», «Прием и обустройство спецпереселенцев из Крымской АССР», «Прием и обустройство народов из пограничной полосы Грузинской ССР: турок, курдов и хемшинов», «Статистические отчеты о национальном составе партийной организации Казахстана», «Депортация в воспоминаниях». Раздел «Научно-справочный аппарат» содержит именной, предметно-тематический и

географический указатели, список использованных архивных фондов, фотографий и ранее опубликованных документов. Интерес представляет впервые составленная авторами таблица депортационных кампаний в Казахстан по публикуемым и опубликованным ранее воспоминаниям (с. 53).

Благодаря публикации данного сборника, в научный оборот был введен значительный объем ранее неизвестных документов, которые позволяют составить максимально точную картину приема, быта и обустройства депортированных граждан в местах спецпоселений, проследить процесс адаптации переселенцев на новых местах, взаимоотношения властей с ними (с. 111, 147).

Безусловным достоинством сборника является наличие документов, проливающих свет на малоизученные проблемы, связанные с этническими депортациями в годы Великой Отечественной войны. Например, в сборник помещены источники, освещающие мобилизацию спецпоселенцев в ряды так называемых временных трудовых коллективов или «трудовых армий». В советском Казахстане «трудармия» – «изуверское изобретение НКВД, позволившее увеличить вдвое бесплатную рабочую силу лагерных заключенных людьми, невинными в полном смысле слова, но низведенными в положение заключенных и содержащимися под стражей»[4], пополнялась в том числе за счет депортированных немцев. Об этом свидетельствуют данные из опубликованных в сборнике документов: постановлений Северо-Казахстанского обкома КП(б) Казахстана: «О мобилизации в рабочие колонны немцев на время войны» от 27 октября 1942 г., «О мерах по улучшению партийной работы в Карагандинском угольном бассейне в связи с задачей увеличения добычи угля от 13 сентября 1942 года», «Директива управляющего трестом Эмбанефтстроя Щербова об учете мобилизованных немцев» и др.

Особое внимание составители уделили и трагическим подробностям депортации итальянской общины из Керчи в феврале 1942 г., размещения итальянцев в Акмолинской области Казахстана. Авторский коллектив указал на сложности, которые возникали при подготовке сборника. Так, например, не удалось выявить в архивах документов о приеме и размеще-

нии в Казахстане греков-спецпереселенцев 1941–1942 гг., что можно объяснить малочисленностью греческого переселенческого контингента и неопределенностью их статуса (с. 35). Не удалось и окончательно разрешить вопрос об общей численности депортированных народов, что связано с разночтениями в источниках, отсутствием некоторых официальных документов, а также с применением различных подходов к учету спецпереселенцев (с. 39).

Объемы разделов разнятся. Особенно бросается в глаза краткость раздела, посвященного воспоминаниям, которую, как представляется, можно объяснить сложностью вычленения новых архивных материалов. Кроме того, скуден набор нетекстовых, в первую очередь визуальных (изобразительно-натуральных), источников. Однако данные замечания не носят принципиального характера. Научное значение рецензируемого сборника трудно переоценить: он дает обильную пищу для размышлений студентам, аспирантам, специалистам, занимающимся историей России и Казахстана, военной историей и исторической демографией, этнографией, социологией и географией принудительных миграций.

Примечания

[1] *Грибанова, Е. М., Зулкашева, А. С.* Из истории депортации в Казахстан // Простор. – 2012. – № 9. – С. 168. GRIBANOVA, E. M., ZULKASHEVA, A. S. *Iz istorii deportatsii v Kazakhstan* [From the history of deportations to Kazakhstan. In Russ.]. IN: *Prostor,* 2012, no. 9, p. 168.

[2] Из истории депортаций. Казахстан 1930–1935 гг.: Сборник документов / Отв. ред. В. Н. Шепель; Отв. сост. Е. М. Грибанова, А. С. Зулкашева. – Алматы: LEM, 2012. – 772 с. *Iz istorii deportatsii. Kazakhstan 1930–1935 gg.: Sbornik dokumentov* [SHEPEL, V. N., GRIBANOVA, E. M., ZULKASHEVA, A. S. (eds.). From the history of deportations: Kazakhstan: 1930–1935: Collected documents]. Almaty, LEM publ., 2012, 772 p.; Из истории депортаций. Казахстан 1935–1939 гг.: Сборник документов. – Алматы: LEM, 2014. – 740 с. *Iz istorii deportatsii. Kazakhstan 1935–1939 gg.: Sbornik dokumentov* [From the history of deportations: Kazakhstan: 1935–1939: Collected documents]. Almaty, LEM publ., 2014, 740 p.

[3] Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.: Сборник документов. – Алматы: КӨМЕК-АСТАНА, 2018. – 712 с. *Iz istorii deportatsii.*

Kazakhstan. 1939–1945 gg.: Sbornik dokumentov [From the history of deportations: Kazakhstan: 1939–1945: Collected documents]. Almaty, KÖMEK-ASTANA publ., 2018, 712 p.

[4] *Жангуттин, Б. О., Калыбекова, М. Ч.* Спецпереселенцы Казахстана: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны. 1941–1945 гг. // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2015. – № 2 (3). – С. 130. ZHANGUTTIN, B. O., KALYBEKOVA, M. Ch. *Spetspereselentsy Kazakhstana: trudovye armii, rabochie kolonny, batal'ony. 1941–1945 gg.* [Special settlers of Kazakhstan: Labour armies, labour columns, batallions: 1941–1945. In Russ.]. IN: *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee,* 2015, no. 2 (3), pp. 126–138.

Список литературы

Грибанова, Е. М., Зулкашева, А. С. Из истории депортации в Казахстан // Простор. – 2012. – № 9. – С. 167–180.

Жангуттин, Б. О., Калыбекова, М. Ч. Спецпереселенцы Казахстана: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны. 1941–1945 гг. // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2015. – № 2 (3). – С. 126–138.

Из истории депортаций. Казахстан 1930–1935 гг.: Сборник документов / Отв. ред. В. Н. Шепель; Отв. составители Е. М. Грибанова, А. С. Зулкашева. – Алматы: LEM, 2012. – 772 с.

Из истории депортаций. Казахстан 1935–1939 гг.: Сборник документов. – Алматы: LEM, 2014. – 740 с.

Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.: Сборник документов. – Алматы: КӨМЕК-АСТАНА, 2018. – 712 с.

References

GRIBANOVA, E. M., ZULKASHEVA, A. S. *Iz istorii deportatsii v Kazakhstan* [From the history of deportations to Kazakhstan. In Russ.]. IN: *Prostor,* 2012, no. 9, pp. 167–180.

ZHANGUTTIN, B. O., KALYBEKOVA, M. Ch. *Spetspereselentsy Kazakhstana: trudovye armii, rabochie kolonny, batal'ony. 1941–1945 gg.* [Special settlers of Kazakhstan: Labour armies, labour columns, batallions: 1941–1945. In Russ.]. IN: *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee,* 2015, no. 2 (3), pp. 126–138.

Iz istorii deportatsii. Kazakhstan 1930–1935 gg.: Sbornik dokumentov [SHEPEL, V. N., GRIBANOVA, E. M., ZULKASHEVA, A. S. (eds.). From the history of deportations: Kazakhstan: 1930–1935: Collected documents]. Almaty, LEM publ., 2012, 772 p.

Iz istorii deportatsii. Kazakhstan 1935–1939 gg.: Sbornik dokumentov [From the history of deportations: Kazakhstan: 1935–1939: Collected documents]. Almaty, LEM publ., 2014, 740 p.

Iz istorii deportatsii. Kazakhstan. 1939–1945 gg.: Sbornik dokumentov [From the history of deportations: Kazakhstan: 1939–1945: Collected documents]. Almaty, KÖMEK-ASTANA publ., 2018, 712 p.

Сведения об авторах

Косован Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, доцент, г. Москва, Российская Федерация, 8-925-991-51-70, ekkade@gmail.com

Ханова Ирина Евгеньевна, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, доцент, г. Москва, Российская Федерация, 8-925-615-76-53, irkh_76@mail.ru

About authors

Kosovan Elena Anatolievna, PhD in History, Russian State University for the Humanities, assistant professor, Russian Federation, +7-925-991-51-70, ekkade@gmail.com

Khanova Irina Evgenievna, PhD in History, Russian State University for the Humanities, assistant professor, Russian Federation, +7-925-615-76-53, irkh_76@mail.ru

В редакцию статья поступила 4.04.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Косован, Е. А., Ханова, И. Е. Издан сборник архивных документов «Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.», посвященный истории сталинских высылок // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1257–1264. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1257-1264

Submitted 4.04.2019, published (for citation):

KOSOVAN, E. A., KHANOVA, I. E. *Izdan sbornik arkhivnykh dokumentov "Iz istorii deportatsii. Kazakhstan. 1939–1945 gg.", posvyashchennyi istorii stalinskikh vysylok* [Recently Published Anthology of Archival Documents: "From the History of Deportations: Kazakhstan: 1939–1945" on the History of Stalin's Ethnic Deportations. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1257–1264. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1257-1264

УДК 007 (075.8)+049.32
DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1265-1279

Л. Н. Мазур
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Информация & управление в современном обществе: от теории к практике

Lyudmila N. Mazur
Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

Information & Management in Modern Society: From Theory to Practice

Аннотация
В рецензии на учебное пособие известного специалиста в области управления документацией М. В. Ларина «Информационное обеспечение управления» (М.: РГГУ, 2018) анализируется авторский вклад в изучение вопросов эволюции документационного обеспечения управления в условиях «цифрового поворота» и формирования информационного общества. По мнению автора рецензии, учебное пособие знаменует новый этап в развитии представлений о роли документоведа в современной управленческой среде, переходе от традиционного восприятия документа и делопроизводства к его трансформации в один из основных ресурсов управления, требующего от специалистов системного отношения к проблемам сбора, хранения и использования управленческой информации, за что, собственно, и отвечает информационно-документационное обеспечение управления (ИДОУ). М. В. Ларин реализует многоуровневый подход к анализу рассматриваемого объекта, раскрывая теоретические, нормативно-правовые, технологические, исторические аспекты организации работы с информацией. Он вписывает информационные бизнес-процессы в контекст особенностей развития информационного общества. Помимо теоретико-методологических проблем ИДОУ автор пособия

останавливается на практических вопросах организации электронного документооборота, формирования информационной инфраструктуры организации, проблемах и перспективах развития электронного правительства и становления информационного менеджмента. По мнению рецензента, данная тема остается малоизученной по сей день, представляя как научный, так и практический интерес. В пособии органичное сочетание теоретического и практического материала сопровождается необходимыми дидактическими элементами – вопросами для обсуждения и контроля, списками источников и литературы, что позволяет эффективно организовать учебный процесс по данной учебной дисциплине.

Abstract

The review of the textbook by a well-known specialist in the field of document management M. V. Larin "Information Support of Management" (Moscow, RGGU, 2018) analyzes the author's contribution to studying evolution of document management software in the digital turn and formation of information society. The reviewer thinks that the textbook marks a new stage in the development of conception of the role of document specialist in the modern management, perception of document and office work changing, as document becomes a management resource that requires a systematic approach to collecting, storing, and using management information, for which, in fact, information and document support of management is responsible. M. V. Larin realizes a multi-level approach to analysis of the issue, covering theoretical, regulatory, technological, and historical aspects of the organization of data processing. He puts information business processes into the context of information society development. In addition to theoretical and methodological problems of information and document support of management, the textbook focuses on practical issues of organizing electronic document management, forming organization's information infrastructure, problems and prospects for development of e-government and information management. The reviewer believes that this topic remains little-studied and is thus of both scientific and practical interest. The textbook is an organic combination of theoretical and practical material supplied by the necessary didactic elements: questions for discussion and control, lists of sources and literature to organize teaching and learning activities.

Ключевые слова

Информационное общество, информационное обеспечение, управление, документационное обеспечение управления, информационные системы, электронный документ.

Keywords
Information society, information support, management, document support of management, information systems, e-document.

В условиях стремительной модернизации управленческой информационной среды как никогда возрастает роль обобщающих трудов, позволяющих комплексно взглянуть на происходящие изменения не только с технико-технологической точки зрения. М. В. Ларин – автор рецензируемого учебного пособия[1], доктор исторических наук, профессор – в течение многих лет занимается проблемами автоматизации документационного обеспечения управления, изучением влияния информатизации на управленческую среду и по праву считается ведущим экспертом в данной сфере. Имеющийся огромный научный и практический опыт (с 1993 по 2017 г. М. В. Ларин руководил Всероссийским НИИ документоведения и архивного дела – ВНИИДАД) способствовал формированию системного и максимально широкого взгляда на организацию информационного обеспечения управления (ИОУ) не только на внутриорганизационном, но шире – на государственном уровне.

В учебном пособии систематизированы результаты многолетних наблюдений автора, проанализированных и отшлифованных лекционной практикой. Труд предназначен для студентов, обучающихся по направлению «Документоведение и архивоведение», но имеет более широкую сферу применения и будет весьма полезным для смежных направлений профессиональной подготовки – менеджмента, государственного и муниципального управления, управления персоналом и проч. Почему? Ответ очевиден: управленческая деятельность опирается на такой ресурс, как информация, без которой невозможно принятие решений. Роль и значение информации стремительно возрастают в условиях активно меняющейся среды, технического и технологического переоснащения управленческих процессов. Для решения многочисленных проблем, возникающих в любой организации, сегодня уже мало хорошо наладить документооборот или установить СЭД, необходимо целенаправленно работать с информацией на профессио-

Обложка
учебного пособия
Cover of the study guide

нальном уровне. Наверное, поэтому вопросы информационного обеспечения управления сегодня все чаще относят к стратегическим, формируя соответствующий кадровый запрос.

Учебное пособие дидактически поддерживает дисциплину «Информационное обеспечение управления», которая неизменно сохраняется в учебных планах подготовки документоведов начиная с 1980-х гг. и вплоть до настоящего времени, т. е. является предметом, по умолчанию входящим в ядро профессиональной подготовки. В этой связи интересно проследить: как эволюционировало содержание учебного курса за последние 20 лет, собственно, как и профессии документоведа? В стандарте подготовки специалистов по специальности «Документоведение и ДОУ» данный предмет был ориентирован преимущественно на изучение Единой системы классификации и кодирования ТЭСИ и практических аспектов ее использования, а также вопросов унификации документов[2]. В настоящее время «Информационное обеспечение управления» рассматривается скорее как фундаментальная дисциплина, направленная на формирование информационной культуры управленца, которая предполагает владение такими базовыми понятиями, как «информация», «информационный ресурс», «информационная инфраструктура» и «информационная система», т. е. выводит рассматриваемый курс из категории прикладных на базовый уровень[3].

Расширенный подход к наполнению рассматриваемого учебного курса начал формироваться еще в конце 1990-х гг.[4] Но в условиях буксующей автоматизации управленческих процессов, как следствия системного кризиса постсоветского общества, он не получил широкой поддержки и становит-

ся востребованным к началу 2010-х гг., когда уровень компьютеризации и автоматизации управленческих процессов, включая документооборот, стал соответствовать требованиям информационного общества.

В новых условиях представления о необходимости управления информацией (информационном менеджменте) вышли на первый план в практике организаций и чуть позже – в образовательном процессе, связанном с подготовкой специалистов в информационной сфере. Здесь следует уточнить, что под соответствующими специалистами подразумеваются не IT-специалисты, а скорее аналитики, т. е. люди, профессионально работающие с внутренней и внешней управленческой информацией и обеспечивающие поддержку управленческих решений.

Изменение статуса учебной дисциплины получило отражение в действующем образовательном стандарте, где выделено больше десятка компетенций, на формирование которых она работает, в том числе: владение основами информационно-аналитической деятельности и способность применять их в профессиональной сфере (ПК-2); способность самостоятельно работать с различными источниками информации (ПК-4); владение тенденциями развития информационно-документационного и обеспечения управления архивным делом (ПК-5); способность анализировать ситуацию на рынке информационных продуктов и услуг, давать экспертную оценку современным системам электронного документооборота и ведения электронного архива (ПК-6); владение навыками использования компьютерной техники и информационных технологий в документационном обеспечении управления и архивном деле (ПК-14); способность совершенствовать технологии документационного обеспечения управления и архивного дела на базе использования средств автоматизации (ПК-15); владение современными системами информационного и технического обеспечения документационного обеспечения управления и управления архивами (ПК-18). А также – способность создавать и вести системы документационного обеспечения управления в организации на базе новейших технологий (ПК-29); разрабатывать

локальные нормативные акты и нормативно-методические документы по ведению информационно-документационного обеспечения управления и архивного дела (ПК-31); владеть законодательной и нормативно-методической базой информационно-документационного обеспечения управления и архивного дела, способность ориентироваться в правовой базе смежных областей (ПК-32); владеть принципами и методами упорядочения состава документов и информационных показателей (ПК-43) и др.

Сегодня очевидно, что информационное обеспечение управления представляет собой сложно структурированный вид деятельности, нацеленный на удовлетворение потребностей в информации специалистов и руководителей разных уровней управления – высшего (стратегического), среднего (оперативного), нижнего (тактического), что предполагает изучение их потребностей, организацию соответствующих информационных каналов, обеспечивающих релевантной информацией пользователей системы ИОУ.

С учетом характера управленческой информации (внутренняя, внешняя), используемых источников и носителей информации в структуре ИОУ выделяются две основные подсистемы – документационная и информационно-аналитическая, через которые проходит до 95% информации, необходимой для принятия управленческих решений. Они дополняются устными каналами информации, которые отвечают за оперативность принятия решений и мотивацию.

Основу системы ИОУ составляет документационное обеспечение управления (ДОУ), которое ориентировано преимущественно на обработку внутренней информации, основным источником и носителем которой выступает управленческий документ (см. гл. 1 пособия). Документ был и остается удобным, оперативным и, что немаловажно, надежным носителем управленческой информации. Положительным моментом является и то, что документационные системы унифицированы, стандартизированы приемы создания и хранения документов, основные маршруты движения в организациях. Развитие и совершенствование ДОУ осуществляются на основе ГОСТов, по мере необходимости учитывающих изменяю-

щуюся информационную и техническую среду функционирования управленческих структур. Эта подсистема в первую очередь подвержена технологической модернизации, выражением которой стали автоматизация и внедрение в практику управления систем электронного документооборота.

Не менее важной подсистемой ИОУ выступает информационно-аналитическое обеспечение управления (ИАОУ), ориентированное на обработку внешней управленческой информации и нацеленное на поддержку стратегических решений. Функционирование ИАОУ непосредственно связано с деятельностью аналитических служб и опирается на внешние источники информации, среди которых основное место сегодня занимают сетевые ресурсы, а также информационно-справочные системы, характеристике которых в пособии уделено особое внимание (см. гл. 4).

Во второй главе пособия автор рассматривает очень важные, концептуально оправданные, но не вполне традиционные для подготовки документоведов сюжеты – теоретические представления об информации и информационном обществе. Структура второй главы выстраивается в логической последовательности рассматриваемых категорий: «информация – информационные революции – информатизация – информационное общество», раскрывая все узловые понятия этого сложного явления во всем его многообразии. Данные понятия сегодня формируют профессиональный глоссарий специалиста. Поскольку в основе своей рассматриваемый понятийный аппарат находится в стадии становления и постоянного уточнения, представляется оправданным дискуссионный подход к изложению учебного материала с показом всего спектра оценочных суждений.

Особое внимание в главе уделено информатизации общества, которая рассматривается как «организованный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов» (с. 54). Эта глава формирует

базис знаний студентов в вопросах ИОУ, увязывая в единое целое теорию и практику информационной работы.

На стадии перехода от традиционной системы ИОУ к электронной наиболее актуальной проблемой является задача интеграции документационной и информационно-аналитической подсистем. Собственно, эти вопросы и составляют основное содержание рецензируемого учебного пособия.

Комплексный взгляд на объект исследования нашел отражение в формулировке «информационно-документационное обеспечение управление» (ИДОУ), предложенной М. В. Лариным. Он рассматривает вопросы эволюции ИДОУ в контексте государственной политики, подчеркивая значимость государственного регулирования данной сферой. Автор выделяет основные направления политики в имперский, советский и постсоветский периоды, прослеживает трансформацию делопроизводства в ДОУ и далее – в информационно-документационное обеспечение управления, характеризуя его как стратегически важное направление деятельности, нацеленное на формирование новой информационной среды, обеспечивающей не только поддержку основных функций управления (планирование, контроль, организация, мотивация), но и создание и использование информационных ресурсов, необходимых для эффективного принятия решений.

Переход к ИДОУ представлен в учебном пособии как закономерный этап, связанный с таким видом управленческой деятельности, как информационный менеджмент, теоретические аспекты которого рассмотрены в заключительной главе учебного пособия. Сразу следует отметить, что введение этого понятия в профессиональный документоведческий дискурс открывает новые перспективы в развитии направления подготовки «Документоведение и архивоведение».

Отмечая принципиально важную роль государства в формировании нормативно-методической базы ИДОУ, М. В. Ларин подчеркивает, что в современных условиях требуется не просто разработка некоторого пакета законов и нормативных документов, регламентирующих информационные и документационные процессы, а планомерная и целенаправленная работа по созданию новой технологической

среды, поддерживающей организационные, ведомственные и межведомственные связи. Эта задача связана с разработкой и реализацией государственной информационной политики, плодами которой стало принятие таких документов, как ФЦП «Электронная Россия» (2006) и «Информационное общество» (2011–2020), «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Наличие этих трех компонентов политики (законодательства, нормативной базы и стратегии) позволило М. В. Ларину сделать вывод о наличии необходимых предпосылок, обеспечивающих конкурентоспособность страны в мировой экономике (с. 41).

Вместе с тем наличие предпосылок и достижение реальной конкурентоспособности – это разные вещи. В учебном пособии рассматриваются и проблемные зоны информационной политики в области законодательства и нормативной базы. В частности, отмечено, что российское информационное законодательство регулирует лишь часть отношений, возникающих в сфере документирования информации, а также указано на отсутствие общей идеологии и иерархии нормативно-методического обеспечения управления документацией, что особо негативно сказывается на межведомственном документообороте. Такой критический взгляд на практику государственного регулирования очень ценен, т. к. позволяет увидеть системные сбои, тормозящие процессы информатизации управленческой среды.

Третья глава уточняет понятийный аппарат учебного курса с опорой на законодательство и нормативные документы (ГОСТы), которые в ряде случаев дают *свое определение* понятиям «информация», «информационный процесс», «информационная система». И здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой – несовпадения технического и гуманитарного подходов к пониманию и анализу информационных процессов, что требует более критического отношения к излагаемому материалу, иначе неизбежны противоречия.

Их можно обнаружить в рецензируемом учебнике. Так, раскрывая тему классификации информационных систем, автор сначала утверждает, что «идея создания информацион-

ных систем и некоторые принципы их организации возникли задолго до появления компьютеров (например, библиотеки, делопроизводство, архивы)...» (с. 72), а затем, следуя за разработчиками ГОСТов[5], сводящих понятие информационной системы к ее автоматизированному варианту, делает вывод: «Поскольку существующие определения информационной системы предписывают обязательное наличие в ее составе аппаратно-программных средств, “*ручные*” *информационные системы существовать не могут*» (с. 74). Тем самым вычеркивается из образовательного процесса целый этап развития информационных систем, охватывающий почти четыре тысячи лет[6] и непосредственно связанный с появлением библиотечных, архивных информационно-поисковых систем, без знания которых подготовка архивистов или документоведов будет недостаточной.

В архивах путеводители, описи дел и картотеки вплоть до настоящего времени остаются основными средствами информационного поиска. В административно-документационной среде аналогичную роль играет номенклатура дел. Пока существует бумажный документ, сохраняют свою актуальность ручные информационные системы и, соответственно, классификация ИС, в рамках которой выделяются ручные (традиционные), механизированные; автоматизированные информационные системы.

Инновационной можно считать четвертую главу пособия, в которой раскрывается понятие информационной инфраструктуры. Автор выделяет три уровня информационного обеспечения: рабочее место; организация; государственные ресурсы. Если ИОУ организации – достаточно хорошо разработанная в литературе тема, то рабочее место далеко не всегда выступает объектом анализа. В пособии ему посвящен отдельный параграф.

Особый интерес представляет характеристика структуры информационного обеспечения рабочего места, где в качестве основных компонентов выделяются: 1) личный информационный массив работника; 2) информация, полученная от источников внутри рабочей группы (общей функциональной зоны); 3) информация, полученная из других структурных

подразделений организации (других функциональных зон); 4) информация, полученная из других организаций; 5) информация, полученная из национальных информационных сетей; 6) информация, полученная из глобальных информационных сетей (с. 102).

В данной схеме выделены информационные потоки и источники информации, но требуется уточнение, какие из компонентов должны обеспечиваться системой ИОУ (т. е. предоставляться работнику), а какие – являются продуктом самостоятельной деятельности работника, целиком и полностью зависят от его компетентности и информационной грамотности. Это деление функций по обеспечению информацией на организационное и индивидуальное в настоящее время представляет собой центральный вопрос развития ИОУ как в традиционном, так и в автоматизированном варианте. Как правило, система ИОУ ориентирована на удовлетворение *типовых потребностей* в информации, что предполагает функциональный анализ и создание информационного профиля руководителей и специалистов – основных пользователей системы информационно-документационного обеспечения. Их информационные потребности зависят от уровня управления и конкретных решаемых задач. Так, например, нижний уровень управления нуждается преимущественно в распорядительной информации (сверху), а также нормативной и учетной информации «с рабочих мест»; средний уровень наиболее сложен с точки зрения информационного обеспечения, поскольку он находится на пересечении вертикальных и горизонтальных потоков и отвечает не только за принятие и реализацию оперативных решений, но и за их согласование; верхний уровень ориентирован на стратегическую внешнюю информацию (об окружающей среде), ему необходимы также отчетные данные, характеризующие итоги деятельности подразделений и организации в целом. Для всех уровней управления особое значение в современных условиях приобретают внешние информационные ресурсы – справочные, статистические, законодательные и нормативные, формируемые государственными и частными структурами, характеристика которых приведена в пособии.

Выявление и мониторинг этих потребностей находятся в компетенции аналитиков и опираются на использование различных методов – анализа документов, с которыми работает и которые получает пользователь; социологического опроса, позволяющего выявить не только реальные, но и действительные и абсолютные потребности, методы информационного моделирования. Информационные потребности, вернее их удовлетворение, являются целью системы ИОУ, определяют ее структуру и выступают критерием эффективности информационной работы. И здесь очень важно показать генетическую связь и зависимость различных уровней работы ИОУ – от индивидуального (рабочего места) до организационного и государственного.

По вполне понятным причинам (приближенность к сегодняшнему дню) в учебном пособии основное внимание уделено проблемам и процессам, связанным с использованием компьютерных технологий в управленческой среде. В частности, отдельная глава посвящена наиболее сложному и дискутируемому вопросу в современной управленческой среде – электронному документу, его определению, а также уточнению всех сопровождающих данное понятие атрибутов – метаданных, электронной подписи, форматов данных и проч.

Практическая реализация задач автоматизации информационного обеспечения управления рассматривается в учебном пособии дифференцированно, с учетом уровня принятия решений – электронное правительство; электронный документооборот в организации. В качестве важного компонента электронных систем на уровне правительства, межведомственного и межорганизационного взаимодействия, рассматриваются классификаторы технико-экономической и социальной информации и унифицированные системы документации (традиционный раздел рассматриваемого курса). Раскрывая эти вопросы, автор демонстрирует погруженность в проблемы автоматизации управления, высокий уровень систематизации материала и анализа имеющихся проблем.

Завершающая глава пособия, «Информационный менеджмент», раскрывает данное понятие в контексте специфического вида деятельности, включенного в стратегичес-

кий менеджмент. Автор учебного пособия последовательно сравнивает понятие информационного менеджмента с понятием управления документацией и ИДОУ, рассматривая его как перспективу эволюции информационно-документационного обеспечения управления.

Следует отметить наличие в учебном пособии необходимых для организации учебного процесса дидактических элементов – это список рекомендуемой литературы, составленный к каждой теме/главе, а также вопросы для контроля.

Таким образом, в рассматриваемом учебном пособии реализован комплексный подход к изучению предмета учебного курса «Информационное обеспечение управления». Оно содержит исторический, теоретический и практический материал. Первые два блока информации представлены преимущественно в 1–4 главах. Вторая часть пособия (главы 5–8) – в большей степени практико-ориентированная. Здесь систематизирована информация, актуальная на момент издания пособия. Прежде всего это касается глав по СЭД и концепции «электронного правительства». В этом, собственно, состоит проблема всех «актуальных» учебных курсов – писать для них учебники дело очень сложное и в определенной степени неблагодарное, поскольку быстро меняющаяся среда требует постоянного обновления учебного материала.

Однако требования образовательной среды диктуют обратное. Учебники являются обязательным элементом учебного процесса и должны содержать не только теоретические сведения, но и анализ практических результатов. Рецензируемое учебное пособие охватывает все наиболее важные направления развития информационной управленческой среды и связанные с ними вопросы, решать которые будет профессионал нового поколения, каким должен стать в обозримом будущем документовед. Иначе пророчества аналитиков Сколково окажутся правдой и специальности «документовед» и «архивист» попадут в число неперспективных и в условиях информационного общества быстро превратятся в анахронизм.

Примечания

[1] *Ларин, М. В.* Информационное обеспечение управления: Учеб. пособие. – М.: РГГУ, 2018. – 282 с. LARIN, M. V. *Informatsionnoe obespechenie upravleniya: ucheb. posobie* [Information Support of Management: A study guide. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2018, 282 p.

[2] 032001 Документоведение и документационное обеспечение управления. Государственный образовательный стандарт. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://eduscan.net/standart/032001 (дата обращения 01.05.2019). *Dokumentovedenie i dokumentatsionnoe obespechenie upravleniya. Gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart* [Document science and document support of management: State educational standard. In Russ.] [on-line]. Available at: https://eduscan.net/standart/032001 (accessed 01.05.2019).

[3] Приказ Минобрнауки России от 06.03.2015 № 176 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 46.03.02 Документоведение и архивоведение (уровень бакалавриата)». (Зарегистрировано в Минюсте России 27.03.2015 № 36613). Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/460302.pdf (дата обращения 10.04.2019). *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 06.03.2015 N 176 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 46.03.02 Dokumentovedenie i arkhivovedenie (uroven' bakalavriata)". (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 27.03.2015 № 36613)* [Order of the Ministry of Education and Science of Russia of 06.03.2015 no. 176 "On approval of the State education standard for higher education in 46.03.02 Document science and archiving (bachelor degree level)." (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 27.03.2015, no. 36613). In Russ.] [on-line]. Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/460302.pdf (accessed 10.04.2019).

[4] См.: *Мазур, Л. Н.* Информационное обеспечение управления: Основные тенденции развития: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Уральского госуниверситета, 1999. MAZUR, L. N. *Informatsionnoe obespechenie upravleniya: Osnovnye tendentsii razvitiya* [Information Support of Management: Major Development Trends: A Study Guide. In Russ.]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo gosuniversiteta publ., 1999.

[5] ГОСТ Р 53622-2009 Информационные технологии (ИТ). Информационно-вычислительные системы. Стадии и этапы жизненного цикла, виды и комплектность документов.

[6] См.: *Никитин, П. И.* Информационно-поисковые системы: теоретические основы информационного поиска. – М.: Изд-во Моск. гос. ист.-арх. ин-та, 1972. NIKITIN, P. I. *Informatsionno-poiskovye sistemy: teoreticheskie osnovy informatsionnogo poiska* [Information retrieval systems: Theoretical foundations of information retrieval]. Moscow, Izd-vo Mosk. gos. ist.-arh. in-ta publ., 1972.

Список литературы

Мазур, Л. Н. Информационное обеспечение управления: Основные тенденции развития: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Уральского госуниверситета, 1999. – 188 с.

Никитин, П. И. Информационно-поисковые системы: теоретические основы информационного поиска. – М.: Изд-во Моск. гос. ист.-арх. ин-та, 1972. – 232 с.

References

MAZUR, L. N. *Informatsionnoe obespechenie upravleniya: Osnovnye tendentsii razvitiya* [Information Support of Management: Major Development Trends: A Study Guide. In Russ.]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo gosuniversiteta publ., 1999, 188 p.

NIKITIN, P. I. *Informatsionno-poiskovye sistemy: teoreticheskie osnovy informatsionnogo poiska* [Information retrieval systems: Theoretical foundations of information retrieval]. Moscow, Izd-vo Mosk. gos. ist.-arh. in-ta publ., 1972, 232 p.

Сведения об авторах

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, Lmaz@mail.ru

About authors

Mazur Lyudmila Nikolaevna, PhD in History, associate professor, First President of Russia B.N. Yeltsin Ural Federal University, department of records management, archival studies, and history of public administration, head of the department, Ekaterinburg, Russian Federation, Lmaz@mail.ru

В редакцию статья поступила 7.04.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Мазур, Л. Н. Информация & управление в современном обществе: от теории к практике // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1265–1279. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1265-1279

Submitted 7.04.2019, published (for citation):

MAZUR, L. N. *Informatsiya & upravlenie v sovremennom obshchestve: ot teorii k praktike* [Information & Management in Modern Society: From Theory to Practice. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1265–1279. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1265-1279

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
This publication is funded by the Federal Agency for Print and Mass Media

РЕДАКЦИЯ медиагруппы: «Вестник архивиста» (печатная версия); сетевые журналы «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru) – на русском языке; «Вестник архивиста.com» (www.herald-of-an-archivist.com) – на английском языке; «Вестник архивиста.TV» (www.vestarchive.tv) – видеожурнал:

И. А. Анфертьев – кандидат исторических наук, доцент, главный редактор (г. Москва, Российская Федерация); В. В. Борисов – редактор и системный администратор сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); М. Е. Заболотникова – дизайн и верстка (г. Москва, Российская Федерация); З. П. Иноземцева – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора (г. Москва, Российская Федерация); М. С. Исакова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан); С. В. Кулинок – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь); К. И. Ляшенко – магистр истории, редактор сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); Е. Ю. Нуйкина – магистр истории, заместитель главного редактора (г. Москва, Российская Федерация); Д. И. Петин, кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Сибирском федеральном округе (г. Омск, Российская Федерация); С. В. Потапенко – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Украине (г. Киев, Украина); В. Б. Прозорова – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе (г. Париж, Франция); Д. В. Савин – ведущий научный редактор (г. Москва, Российская Федерация); М. А. Скляр – редактор-переводчик печатной версии журнала и сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); О. Н. Солдатова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Приволжском федеральном округе (г. Самара, Российская Федерация).

EDITORIAL STAFF of the magazines group: 'Herald of an Archivist', 'Herald of an Archivist.ru', 'Herald of an Archivist.com' and 'Herald of an Archivist.TV':

I. A. Anfertiev – PhD in History, associate professor, editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); V. V. Borisov – editor and system administrator of the supplements to print magazine – online magazines (Moscow, Russian Federation); M. E. Zabolotnikova – design and lead out (Moscow, Russian Federation); Z. P. Inozemtseva – PhD in History, deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); M. S. Isakova – PhD in History, director of the magazine branch in Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan); S. V. Kulinok – PhD in History, director of the magazine branch in Belarus (Minsk, Belarus); K. I. Lyashenko – Master of History, editor of the supplements to print magazine – online magazines (Moscow, Russian Federation); E. Yu. Nuykina – Master of History, deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); D. I. Petin, PhD in History, director of the magazine branch in the Siberian Federal District (Omsk, Russian Federation); S. V. Potapenko – PhD in History, director of the magazine branch in Ukraine (Kiev, Ukraine); V. B. Prozorova – PhD in History, director of the magazine branch in Europe (Paris, France); D. V. Savin – leading scientific editor (Moscow, Russian Federation); M. A. Sklyar – editor-translator of print magazine and online magazine (Moscow, Russian Federation); O. N. Soldatova – PhD in History, director of the magazine branch in the Volga Federal District (Samara, Russian Federation).

Допечатная подготовка выполнена в Издательском центре
Российского государственного гуманитарного университета (ИЦ РГГУ).
Подписано в печать 06.12.2019 г. Печать офсетная. Формат 60 × 84 1/16.
Уч.-изд. л. 19,5. Усл. печ. л. 18,6.
Тираж 1000 экз. Заказ № 678
Отпечатано: ИЦ РГГУ, 125993, ГСП-3, Москва,
Миусская площадь, д. 6. Тел.: 8-499-973-42-05; 8-499-973-42-00
Prepress by the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities.
Signed to print 15.11.2018. Offset print. Format 60x84 1/16. Volume of 20 printed sheets.
Printrun of 1000 copies.
Printed in the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities,
Miusskaya sq., 6, Moscow, GSP-3, 125993. Tel.: 8-499-973-42-05; 8-499-973-42-00